

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2016. № 5(89)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 07.00.00. Исторические науки и археология; 08.00.00. Экономические науки

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека)

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory"

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В.О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@szipa.ru, uk@szags.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2016
- © Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2016
- © Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2016
- © Все права защищены

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Шамахов В. А.** — директор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург) — председатель совета, главный редактор;
- Елисеева И. И.** — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Еремеев С. Г.** — доктор экономических наук, профессор, декан факультета политологии СПбГУ, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);
- Сморгунов Л. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Субетто А. И.** — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург);
- Комаровский В. С.** — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);
- Макаров В. Л.** — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Квинт В. Л.** — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, председатель совета (Москва);
- Крастиньш А. В.** — почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);
- Лезеан Э.** — PhD, доктор философии по политическим наукам (Франция);
- Хань Лихуа** — профессор, директор Института Конфуция при Российском гуманитарном университете (Москва), профессор Института международной экономики Университета международного бизнеса и экономики (Пекин, Китай);
- Вольман Х.** — PhD, доктор права, профессор (Германия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Косов Ю. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург), заместитель главного редактора;
1. *По политическим наукам:*
- Акопов С. В.** — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Волков В. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Вульфович Р. М.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Казанцев А. А.** — доктор политических наук (Москва);
- Колесников В. Н.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Малькевич А. А.** — кандидат политических наук, доцент (Омск);
- Полякова Т. М.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Теребнёв Л. В.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
2. *По истории*
- Аграшенков А. В.** — кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Вершель В. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ежова Г. В.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Исаев А. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Лушин А. И.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Морозов В. И.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Новикова И. Н.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Сергеев В. М.** — доктор исторических наук, профессор (Москва);
- Шумилов М. М.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
3. *По экономике*
- Балашов А. И.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Бодронов С. Д.** — доктор экономических наук, профессор (Москва);
- Запорожан А. Я.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Каранатова Л. Г.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Куклина Е. А.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Халин В. Г.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ходячек В. М.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Цыгалов Ю. М.** — доктор экономических наук, профессор (Москва)

EDITORIAL COUNCIL

- Shamakhov V. A.** — Director of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg) — Chairman of the board, Chief Editor;
- Eliseeva I. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
- Eremeev S. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Dean of the Faculty of Political Science of the Saint-Petersburg State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (Saint-Petersburg);
- Smorgunov L. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg);
- Subetto A. I.** — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg);
- Komarovsky V. S.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPa and regional academies of public administration (Moscow);
- Makarov V. L.** — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic-Mathematical Institute (Moscow)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Kvint V. L.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Board (Moscow);
- Krastins A. V.** — Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);
- Lezean E.** — PhD in Political Sciences (France);
- Han Lihua** — Professor, Director of Institute of Confucius at the Russian Humanities University (Moscow), Professor of Institute of the International Economy of University of the International Business and Economy (Beijing, China);
- Wolman H.** — PhD, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany)

EDITORIAL BOARD

- Kosov Yu. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg), Deputy Chief Editor;

1. *Political Sciences*

- Akopov S. V.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (St. Petersburg);
- Volkov V. A.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Vulfovich R. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Kazantsev A. A.** — Doctor of Science (History), Moscow;
- Kolesnikov V. N.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Malkevich A. A.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Omsk);
- Polyakova T. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Terebnev L. V.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

2. *History*

- Agrashenkov A. V.** — PhD in History, Associate Professor (St. Petersburg);
- Vershel V. P.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Ezhova G. V.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Isaev A. P.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Lushin A. I.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Morozov V. I.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Novikova I. N.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)
- Sergeev V. M.** — Doctor of Science (History), Professor (Moscow)
- Shumilov M. M.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg).

3. *Economics*

- Balashov A. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Bodrunov S. D.** — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
- Zaporozhan A. Ya.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Karanatova L. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Kuklina E. A.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Halin V. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Khodachek V. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Tsygalov Yu. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 8 ОСИНА В. А., ХОМУТОВА О. Ю.**
Сравнительный анализ профессионально-личностных компетенций муниципальных служащих разных видов муниципальных образований

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 19 АЛИБЕГИЛОВ Ш. А., ВОЛКОВ В. А.**
Цивилизационная идентичность России как вектор современной государственной политики
- 25 ПРОШИНА Е. М., ГУЩ В. В.**
К вопросу об эффективности региональной национальной политики в РФ (на примере Дагестана)
- 35 ЩЕРБО А. П., АВЕРЬЯНОВА В. В.**
Анализ государственной политики в сфере обеспечения качества и безопасности медицинской деятельности

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 42 КОГУТ В. Г.**
Актуальные вопросы международной безопасности в русле парламентской дипломатии ОДКБ как фактор интеграции

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 53 ЗАПОРОЖАН А. Я.**
Непрограммная классификация расходов программного бюджета
- 59 ШМАТКО А. Д., САМОДУРОВ А. А., ДОМАНСКИЙ Л. В.**
Движение финансовых потоков предприятия в системе антикризисного управления в туристической сфере
- 68 ДЕСЯТНИЧЕНКО Д. Ю., КУКЛИНА Е. А.**
Управление развитием туризма и рекреации в регионе: теоретические основы и практические направления деятельности
- 75 БАЛАШОВ А. И.**
Оценка перспектив развития туристической дестинации Санкт-Петербурга
- 81 НАУМОВ В. Н., ЗЕЛЕНКОВСКАЯ А. А., КОТОВ А. И.**
О планировании инвестиций в развитие города
- 93 КОЗЫРЕВ А. А., БОРИСОВ А. В.**
Бизнес-инкубатор как объект инфраструктуры государственной поддержки предпринимательства
- 102 ЛИПАТОВА Л. Н., ГРАДУСОВА В. Н., МОДИН Е. В.**
Региональная дифференциация социально-экономического развития как угроза экономической безопасности

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 112 КОВАЛЕВ А. П., ЛЕВКИН И. М., МОРОЗОВА Е. Ю.**
Пути совершенствования информационного обеспечения инновационной деятельности предприятия

- 120 КИСЕЛЕВ В. Н., СОСНОВСКАЯ А. М., СТАРЦЕВ А. А.**
Эффективная коммуникация в медиасфере: построение культурной идентичности
- 129 КУЗИНА Е. О., КОЛОСОВА Н. В., САНИНА А. Г.**
Реализация молодежных социальных программ в системе патриотического воспитания граждан Российской Федерации: опыт Санкт-Петербурга
- 141 КИМ М. Н., ПАК Е. М.**
Карьерное проектирование в журналистике
- 151 БУЛЬ О. А., КИСЕЛЕВА Ю. Е., МЕЩЕРЯКОВ Г. В.**
Повышение качества жизни в историческом центре Санкт-Петербурга (на примере Василеостровского района)
- 157 КРЫЛОВ П. А., ЧИРКОВСКАЯ Д. А.**
Проблемы формирования и хранения архивов электронных документов в Российской Федерации
- 164 ДЕМИДОВ А. А., ТРЕТЬЯКОВ А. Л.**
Петербургская модель этико-правового образования детей и молодежи: некоторые подходы к процессу формирования правовой культуры личности
- 173 ДЮМЕТЦ Ж.**
Университеты как самообучающиеся организации в кросс-культурном контексте

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 181 ГУРКИНА Н. К., ИСАЕВ А. П.**
Культурное наследие России в патриотическом воспитании накануне и в годы Великой Отечественной войны
- 192 КАРНАУХ В. К.**
Войны Средневековья
- 201 ЛЫТКИНА Л. В.**
История протожурналистики древних цивилизаций. Часть 1. Типы коммуникаций в древнегреческих полисах
- 212 ШИШКИНА Л. И.**
Эстетика смерти и этика возмездия: русский политический терроризм начала XX века в современном контексте

A LINEA

- 220 ПОЛЕНОВ А. В.**
Конкурентная политика: административно-территориальный аспект
- 226 КОМАРОВА М. С.**
Механизмы формирования и реализации общественно-политического потенциала российской молодежи: проблемы и интегративные условия

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 8 OSINA V. A., KHOMUTOVA O. Yu.**
The Comparative Analysis of Professional and Personal Competences of the Municipal Servants Different Types of Municipalities

POLICY AND LAWFUL STATE

- 19 ALYBEGILOV SH. A., VOLKOV V. A.**
Civilization Identity of Russia as Vector of a Modern State Policy
- 25 PROSHINA E. M., GUSHCH V. V.**
On the Question of the Effectiveness of Regional National Policy of the Russian Federation (on an Example of Dagestan)
- 35 SHCHERBO A. P., AVERYANOVA V. V.**
An Analysis of the State Policy in the Sphere of Medical Activity Quality and Safety

EURASIAN STUDIES

- 42 KOGUT V. G.**
Topical Issues of International Security in Line with the CSTO Parliamentary Diplomacy

POWER AND ECONOMY

- 53 ZAPOROZHAN A. Ya.**
Non-program Classification of Expenses of the Program Budget
- 59 SHMATKO A. D., SAMODUROV A. A., DOMANSKIY L. V.**
Movement of Financial Flows of the Entity in System of Crisis Management in the Tourist Sphere
- 68 DESYATNICHENKO D. Yu., KUKLINA E. A.**
Management of Development Tourism and Recreation in the Region: the Theoretical Basis and Practical Directions of Activity
- 75 BALASHOV A. I.**
The Estimation of Prospects of Development of the Tourist Destination of Saint-Petersburg
- 81 NAUMOV V. N., ZELENKOVSKAYA A. A., KOTOV A. I.**
On Planning of Investments into City Development
- 93 KOZYREV A. A., BORISOV A. V.**
Business Incubator as a Part of SME Support State Infrastructure
- 102 LIPATOVA L. N., GRADUSOVA V. N., MODIN E. V.**
Regional Differentiation of Social and Economic Development as Threat of Economic Security

SOCIETY AND REFORMS

- 112 KOVALEV A. P., LEVKIN I. M., MOROZOVA E. Yu.**
Ways of Information Support of Innovative Activity of the Enterprise Improvement

- 120 KISELEV V. N., SOSNOVSKAYA A. M., STARTSEV A. A.**
Effective Communication in the Media Sphere: Creation of Cultural Identity
- 129 KUZINA E. O., KOLOSOVA N. V., SANINA A. G.**
The Implementation of Youth Social Programs for Patriotic Education Citizens of Russian Federation: Experience of Saint-Petersburg
- 141 KIM M. N., PAK E. M.**
Career Design in Journalism
- 151 BUL' O.A., KISELEVA Yu.E., MESHCHERYAKOV G.V.**
Improving the Quality of Life in the Historical Center of Saint-Petersburg (in the Case of Vasileostrovsky District)
- 157 KRYLOV P. A., CHIRKOVSKAYA D. A.**
Interacting of the Organization Work with Citizen Appeals in Government Bodies of St. Petersburg
- 164 DEMIDOV A. A., TRETYAKOV A. L.**
Saint-Petersburg Model of Ethic and Legal Education of Children and Youth: Some Approaches to Process of Formation of Legal Culture of the Personality
- 173 DUMETZ J.**
Universities as Learning Organizations in a Cross-cultural Perspective

HISTORY AND CULTURE

- 181 GURKINA N. K., ISAEV A. P.**
Cultural Heritage of Russia in the Patriotic Education on the Eve and During the Great Patriotic War
- 192 KARNAUKH V. K.**
Wars of the Middle Ages
- 201 LYTKINA L. V.**
The History of the Protojournalism of Ancient Civilizations. Part 1. The Types of Communications in the Ancient Greek Policies
- 212 SHISHKINA L. I.**
Aesthetics of Death and Ethics of Retribution: Russian Political Terrorism of the Early XX Century in a Modern Context

A LINEA

- 220 POLENOV A. V.**
Competition Policy: Administrative-Territorial Aspect
- 226 KOMAROVA M. S.**
Mechanisms of Formation and Realization of Political Potential of the Russian Youth: Problems and Integrative Conditions

Осина В. А., Хомутова О. Ю.

Сравнительный анализ профессионально-личностных компетенций муниципальных служащих разных видов муниципальных образований

Осина Валерия Александровна

Высшая школа государственного управления Калужского филиала РАНХиГС (Калуга)
 Специалист-психолог
 kmc@klg.ranepa.ru

Хомутова Ольга Юрьевна

Высшая школа государственного управления Калужского филиала РАНХиГС (Калуга)
 Руководитель
 Кандидат исторических наук, доцент
 homutova@klg.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Актуальность исследования связана с внедрением компетентностного подхода на государственной и муниципальной службе. Формирование программ профессионального развития на основе оценки профессионально-личностных компетенций гарантирует рост качества кадрового состава с учетом индивидуальных особенностей личности и профессиональных потребностей. Цель исследования: на основе оценки профессионально-личностных компетенций муниципальных служащих при использовании универсальной методики определить модель компетенций современного муниципального служащего на примере муниципальных служащих Калужской области. Задачи исследования — выявить наиболее распространенные дефицитные компетенции у муниципальных служащих, провести сравнительный анализ моделей компетенций, характерных для разных видов муниципальных образований — городского округа и районов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

муниципальная служба, компетентностный подход, профессионально-личностные компетенции

Osina V. A., Khomutova O. Yu.

The Comparative Analysis of Professional and Personal Competences of the Municipal Servants Different Types of Municipalities

Osina Valeria Alexandrovna

Higher School of Public Administration of the Kaluga branch of the RANEPА (Kaluga, Russian Federation)
 Specialist psychologist
 kmc@klg.ranepa.ru

Homutova Olga Yurevna

Higher School of Public Administration of the Kaluga branch of the RANEPА (Kaluga, Russian Federation)
 Head
 PhD in History, Associate Professor
 homutova@klg.ranepa.ru

ABSTRACT

Relevance of research is connected with introduction of competence-based approach in the public and municipal service. Formation of programs of professional development on the basis of an assessment of professional and personal competences guarantees growth of quality of personnel structure taking into account specific features of the personality and professional requirements. The purpose of our research on the basis of an assessment of professional and personal competences of municipal employees when using a universal technique to define model of competences of the modern municipal employee on the example of mu-

municipal employees of the Kaluga region. Research problems — to reveal the most widespread scarce competences at municipal employees, to carry out the comparative analysis of models of competences of municipalities, characteristic for different types, — the city district and areas.

KEYWORDS

municipal service, competence-based approach, professional and personal competences

Внедрение новых кадровых технологий на государственной и муниципальной службе включает в себя применение компетентностного подхода к оценке государственных служащих [3, с. 38]. На сегодняшний день, при определении квалификационных характеристик служащего основной упор делается на соответствие требованиям, определенным законодателем — это уровень образования и стаж, а также знания и умения, необходимые для замещения конкретной должности. Именно эти требования прописываются в объявлении о конкурсе на вакантную должность. Компетенции, на формирование которых направлены программы высшего образования и дополнительного профессионального образования, никак не измеряются при поступлении на службу или при принятии кадровых решений. Таким образом, сохраняется определенный разрыв между параметрами, по которым оценивается студент (слушатель) в учебном заведении и критериями отбора работодателем [2, с. 312].

Отсутствие единой системы критериев оценки при подготовке, найме и последующем росте профессионалов мешает формированию понятного механизма отбора и продвижения специалистов на должностях государственной и муниципальной службы, приводит к формализации процесса аттестации и квалификационного экзамена [1, с. 6]. При этом требования к компетентности управленцев постоянно растут, что выражается, в том числе, в заинтересованности руководителей и кадровых служб в реалистичной оценке персонала, основанной на индивидуальном подходе и учете как профессиональных, так и личностных характеристик специалистов.

Компетентностный подход, активно применяемый как в высшей школе, так и в программах дополнительного профессионального образования, постепенно внедряется в систему государственной и муниципальной службы. Согласно Указу Президента № 601 от 7.05.2012 г. должен быть сформирован перечень квалификационных требований для замещения должностей государственной гражданской службы на основе компетентностного подхода — в зависимости от конкретных должностных обязанностей и функций, а также от принадлежности к определенным профессиональным группам¹.

В рамках выполнения Указа Президента № 601 от 7.05.2012 г. Министерством труда и социального развития был разработан «Методический инструментарий по планированию найма и организации отбора кадров для замещения должностей государственной гражданской службы», в котором дано определение понятию «компетенции» (профессиональные качества)². В рамках понятия компетенции инструментарий Министерства труда выделяет четыре группы качеств:

- личностные качества (потенциал) — индивидуальные особенности личности, включающие в себя способности, особенности характера, жизненные ценности и установки человека, тип темперамента, а также мотивацию;

¹Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // Российская газета, 09.05.2015.

²Методический инструментарий по планированию найма и организации отбора кадров для замещения должностей государственной гражданской службы. Версия 2.0 Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. М., 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosmintrud.ru/ministry/programs/gossluzhba/personal/5> (дата обращения: 28.04.2016).

- общие профессиональные качества (компетенции) — профессиональные качества, необходимые для эффективного и результативного исполнения должностных обязанностей по должностям гражданской службы всех категорий и групп;
- прикладные профессиональные качества (компетенции) — профессиональные качества, необходимые для эффективного и результативного исполнения должностных обязанностей в зависимости от функциональной специфики исполняемых должностных обязанностей по должностям гражданской службы;
- управленческие профессиональные качества (компетенции) — профессиональные качества, необходимые для эффективного и результативного исполнения должностных обязанностей по должностям гражданской службы категории «руководители», а также иным должностям, в должностные обязанности по которым входят организация и планирование собственной деятельности и деятельности гражданских служащих, структурного подразделения или проектной группы¹. Утверждению методики оценки компетенций предшествует определение и нормативное закрепление компетенций по группам должностей. В случае привязки к закрепленному перечню компетенций методика оценки компетенций не может быть универсальной для всех органов исполнительной власти и всех категорий должностей. Поэтому внедрение компетентностного подхода для оценки государственных и муниципальных служащих так трудоемко и ресурсозатратно. Применение такой методики будет экономически обоснованной и управленчески полезной только в том случае, если полученные в ходе оценки результаты будут эффективно использоваться в процессе управления персоналом.

Актуальность исследования объясняется необходимостью внедрения компетентностного подхода в кадровой работе на государственной и муниципальной службе. Актуальность связана с высокой потребностью повышения качества кадровых решений в сфере государственного и муниципального управления. Цель нашего исследования — на основе оценки профессионально-личностных компетенций муниципальных служащих муниципальных образований разных видов выявить наиболее распространенную модель компетенций современного муниципального служащего. Задачи исследования — выявить наиболее распространенные дефицитные компетенции у муниципальных служащих, провести сравнительный анализ моделей компетенций, характерных для разных видов муниципальных образований — городского округа и районов, сформулировать предложения по их развитию.

Выборка для исследования была составлена на основе оценки профессионально-личностных компетенций муниципальных служащих городского округа — Городской Управы г. Калуги (всего прошли оценку 655 человек) и сотрудников районных администраций Калужской области (прошли оценку 313 человек). Для анализа были отобраны 100 анкет сотрудников Городской Управы г. Калуги и 100 анкет сотрудников районных администраций Калужской области.

Особенности процесса формирования администрации в городском округе и в районах, которые выражаются в более высокой кадровой конкуренции при более высокой оплате труда в городском округе по сравнению с районами, позволяют нам предположить, что группы выявленных дефицитных компетенций будут различаться. Формирование предложений по развитию недостаточных компетенций необходимо выстраивать с учетом финансовых возможностей и кадрового потенциала муниципальных образований.

¹Методический инструментарий по планированию найма и организации отбора кадров для замещения должностей государственной гражданской службы. Верс. 2.0 Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Москва, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosmintrud.ru/ministry/programms/gosszluzhba/personal/5> (дата обращения: 28.04.2016).

Представим статистический портрет объектов исследования. Согласно статистическим данным Городской Управы города Калуги, общая численность муниципальных служащих муниципального образования «Город Калуга» на 1 января 2015 г. составила 682 человека, среди муниципальных служащих преобладают женщины — 75%, а мужчин всего 25%¹. Анализ муниципальных служащих по группам должностей показывает довольно сбалансированную картину. Служащие «высшей» и «главной» групп должностей составляют от общего числа примерно 20%, а служащие «ведущих», «старших» и «младших» групп — 80%.

Высокий процент женщин в органах местного самоуправления объясняется преобладанием женщин на должностях муниципальной службы, отнесенных к «младшей» и «старшей» группам должностей. Характерно, что по «высшей» группе должностей мужчин в несколько раз больше, чем женщин, тогда как среди руководителей структурных подразделений количество мужчин и женщин примерно одинаково.

Анализ образования муниципальных служащих Городской Управы показал хорошие результаты, из общего число служащих имеют среднее специальное образование 2% специалистов, а высшее образование имеют 98% служащих, из них 10% служащих имеют второе высшее образование. Девять муниципальных служащих (1,5%) имеют степень кандидата наук. Образовательный уровень кадров Городской Управы отвечает современным требованиям, предъявляемым к профессиональной квалификации муниципальных служащих России, но в связи с постоянными изменениями нуждается в дальнейшем повышении.

Анкетирование муниципальных служащих районных администраций было проведено в четырех районах Калужской области: Дзержинском, Износковском, Ферзиковском и Хвастовичском. Районы отличаются по численности населения и по социально-экономическим показателям, в Дзержинском и Ферзиковском районах средняя численность муниципальных служащих — 100 человек, в Износковском и Хвастовичском — около 50 человек. В районных администрациях численное преобладание женщин еще заметнее, соотношение 87% и 13%. Служащие «высшей» и «главной» групп должностей составляют от общего числа примерно 10%, а служащие «ведущих», «старших» и «младших» групп — 90%. Муниципальных служащих с высшим образованием в районных администрациях в процентном отношении меньше, чем в городском округе, и составляет 83% от общего числа сотрудников администраций.

При проведении оценки психолого-профессиональных качеств муниципальных служащих была использована методика ЛИК — 190 (разработчик — Собчик Л. Н.), которая представляет собой тест-опросник, содержащий в себе как основные личностные шкалы, так и шкалы достоверности. По итогам прохождения теста программа формирует отчет о личностных свойствах оцениваемого лица и подробный список компетенций, характеризующих профессионально важные свойства и деловые качества служащего. Кроме того, по результатам оценки можно судить о мотивационной направленности оцениваемого, его склонностях к определенному виду деятельности и способах повышения его трудовой эффективности.

Результаты диагностики могут быть использованы кадровыми службами для формирования программ профессионального развития муниципальных служащих, руководителями, при принятии кадровых решений. Дальнейшее использование результатов диагностики поможет осуществить мониторинг уровня готовности служащих к осуществляемой деятельности, выявить служащих, способных к решению специфических задач и владеющих методами и технологией работы с людьми, навыками организаторской и управленческой деятельности, обеспечит оптимальное планирование служебной карьеры как руководителей, так и служащих

¹Информация Городской Управы города Калуги о кадровой работе за 2014 г.

с учетом их индивидуальных особенностей личности и наиболее эффективного использования ее потенциала, а также обеспечит условия для оптимальной расстановки кадров.

Анализ результатов психологической диагностики муниципальных служащих Городской Управы г. Калуги и сотрудников районных администраций Калужской области позволил выделить личностные и профессионально-стилевые особенности каждой категории специалистов. Рассмотрим результаты диагностики муниципальных служащих Городской Управы г. Калуги. Шкалы методики «ЛИК — 190» объединены в группы: свойства личности, компетенции, межличностные взаимодействия. Среди свойств личности наиболее выражены: сензитивность, тревожность, общительность, рефлексивность (рис. 1).

Между выраженной у специалистов тревожностью и сензитивностью существует взаимосвязь, т. к. особенности эмоционального реагирования, впечатлительность, повышенная чувствительность в восприятии событий приводят к переживаниям, беспокойству, формированию чувства тревоги. Склонность к рефлексии характеризуется стремлением к самоанализу, обдумыванию, осмыслению происходящего, к диалогу с самим собой, что способствует саморазвитию и помогает в принятии управленческих решений. Высокий уровень общительности объясняется спецификой работы с людьми, активной включенностью в коммуникативный процесс.

Наряду с выраженными свойствами личности существуют характеристики, слабо выраженные. Одной из них является педантичность — склонность проявлять повышенную аккуратность и точность, скрупулезно соблюдать до мелочей правила и фор-

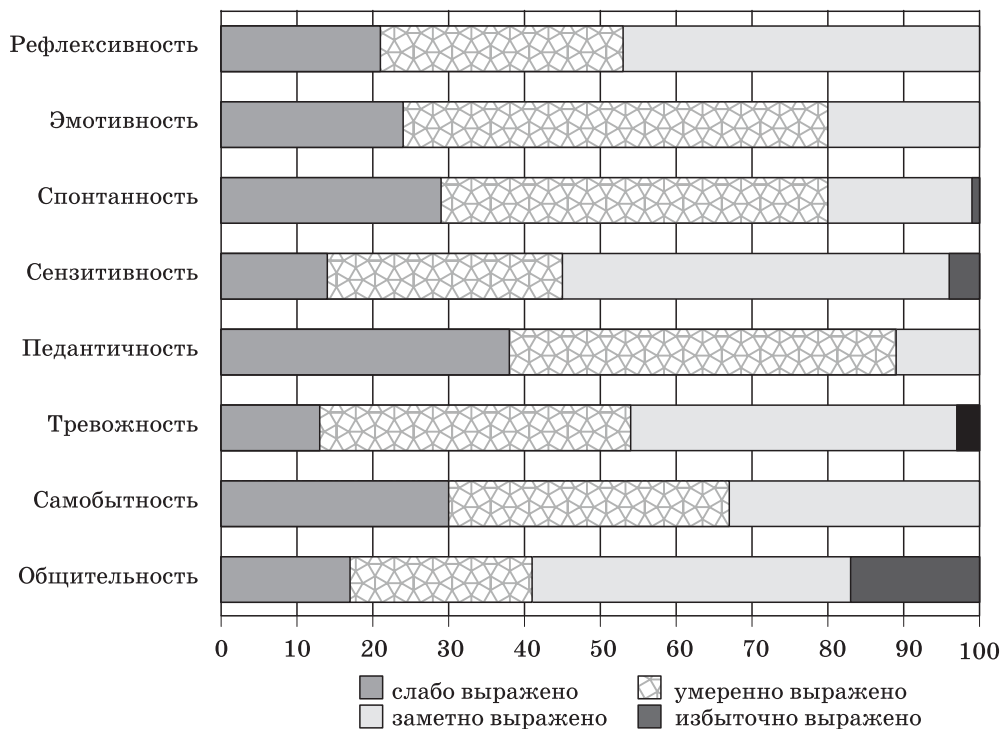

Рис. 1. Результаты диагностики компетенций муниципальных служащих Городской Управы г. Калуги

мальные требования, что может приводить к предпочтению форме перед содержанием в профессиональной деятельности. Слабо выражены также спонтанность — способность активно действовать под влиянием внутренних побуждений и эмотивность, характеризующаяся быстрым эмоциональным реагированием, довольно интенсивным и продолжительным.

Результаты диагностики компетенций муниципальных служащих Городской Управы г. Калуги позволяют сделать выводы о сформированности профессионально важных качеств у специалистов данной категории (рис. 2).

Полученные результаты свидетельствуют о высоком уровне выраженности ответственности, что, безусловно, благоприятно сказывается на профессиональной деятельности. Для мотивационной сферы характерна выраженность мотивации на избегание неудачи в сравнении с мотивацией достижения успеха, что свидетельствует о стремлении избежать неприятностей, ошибок, наказаний, максимально снизить риски, связанные с высокими, труднодостижимыми целями. Отмечается также высокий уровень социальной активности, что напрямую связано с управлен-

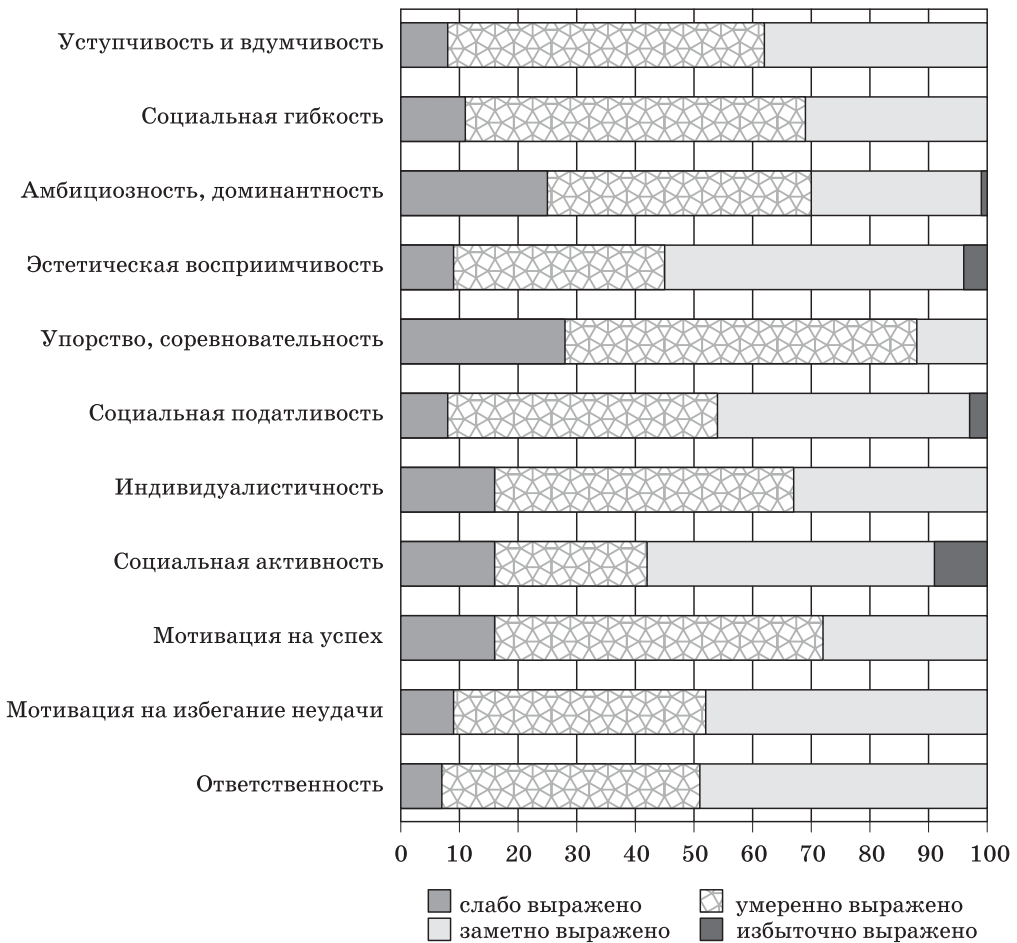

Рис. 2. Результаты диагностики компетенций муниципальных служащих Городской Управы г. Калуги

ческой деятельностью. Наряду с этим получены высокие результаты по шкале «эстетическая восприимчивость».

В меньшей степени у муниципальных служащих Городской Управы выражены: упорство и соревновательность, амбициозность и доминантность, социальная гибкость. Амбициозность и соревновательность — характеристики взаимосвязанные. Кроме этого, они тесно связаны с мотивацией на достижение успеха, так как амбициозная личность всегда ставит цели значительно выше средних, уверенно рассчитывая на успех. Для большинства участников данной группы характерны слабая и умеренная выраженность амбициозности и соревновательности и, как следствие, — более выраженная мотивация на избегание неудачи, чем на достижение успеха. Исходя из полученных результатов, можно судить об особенностях межличностных взаимодействий специалистов данной категории (рис. 3).

Наиболее выраженными качествами, проявляющимися в отношениях с окружающими, являются в данной выборке лидерство, деликатность и письменная коммуникативность. Лидерские качества, безусловно, необходимы в управлении, поскольку его основная задача состоит в организации деятельности людей. Преобладание письменной коммуникативности, очевидно, связано с интенсивным документооборотом в сфере муниципальной службы. Выраженная деликатность соответствует нормам этики делового общения.

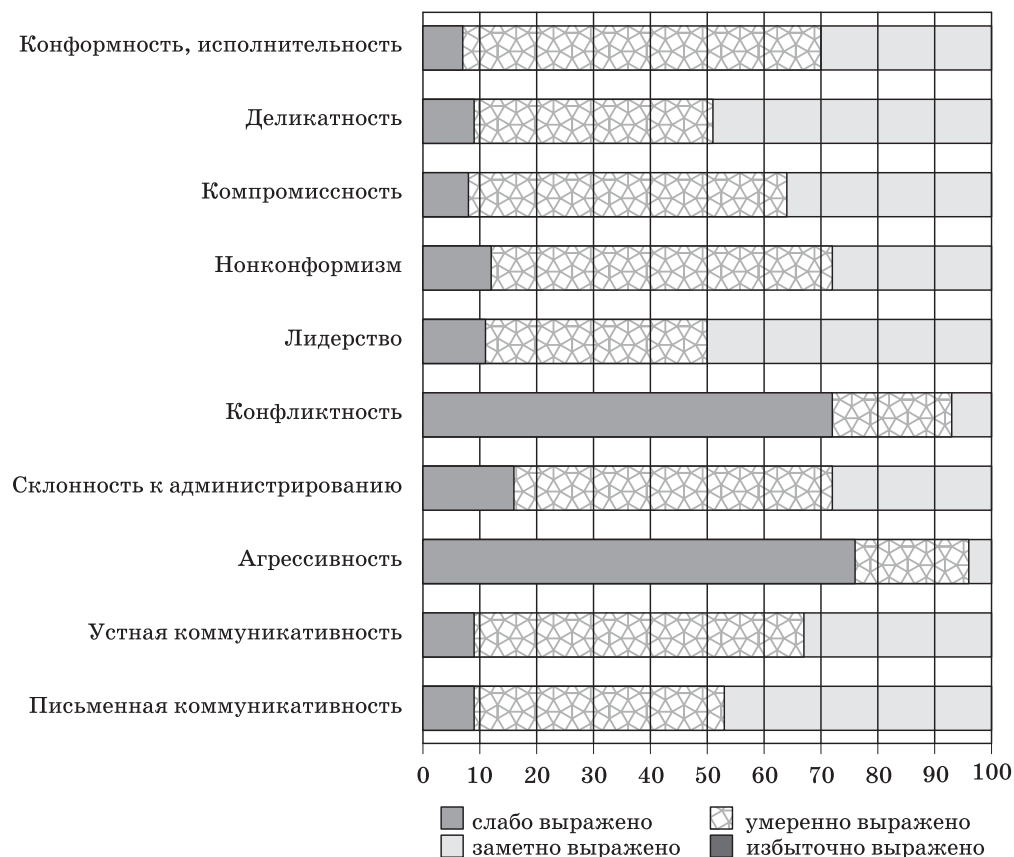

Рис. 3. Результаты межличностных взаимодействий муниципальных служащих Городской Управы г. Калуги

Особенностью стиля взаимоотношений с окружающими для данной категории специалистов является низкий уровень конфликтности и агрессивности, что является положительным моментом как в ситуации общения с населением, так и во взаимодействии внутри коллектива, в частности, способствует формированию благоприятного социально-психологического климата.

Обратимся к результатам, полученным в ходе психологической диагностики муниципальных служащих администраций муниципальных районов Калужской области. Рассмотрим результаты по шкалам, объединенным в свойства личности (рис. 4).

К наиболее выраженным относятся следующие свойства личности: тревожность, рефлексивность, сензитивность. Следует отметить, что в группе муниципальных служащих Городской Управы г. Калуги также отмечен высокий уровень по данным шкалам. В меньшей мере выражены такие свойства, как общительность и спонтанность. Исходя из представленных результатов по шкалам в разделе «Компетенции» (рис. 5), отмечается очень высокая степень ответственности, выраженное преобладание мотивации на избегание неудач над мотивацией на достижение успеха. В меньшей степени у муниципальных служащих области выражены социальная активность и амбициозность, доминантность.

Среди особенностей межличностного взаимодействия данной категории специалистов (рис. 6) отмечено преобладание конформности над неконформизмом, что выражается в склонности большинства специалистов менять свое мнение, поведение и т. д. в соответствии с теми, которые преобладают в их группе. Письменная коммуникативность развита немного выше, чем устная. В отношениях с окружающими также явно выражены деликатность и компромиссность. Наименее выраженным свойством является склонность к администрированию, вероятно обусловленная

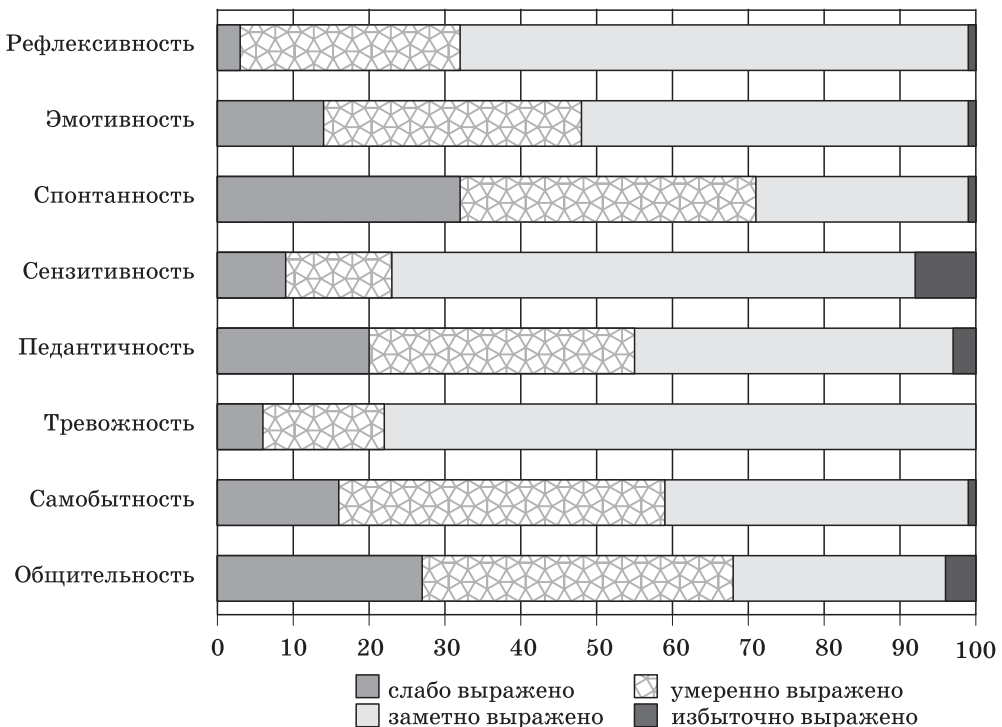

Рис. 4. Результаты диагностики свойств личности муниципальных служащих администраций муниципальных районов Калужской области

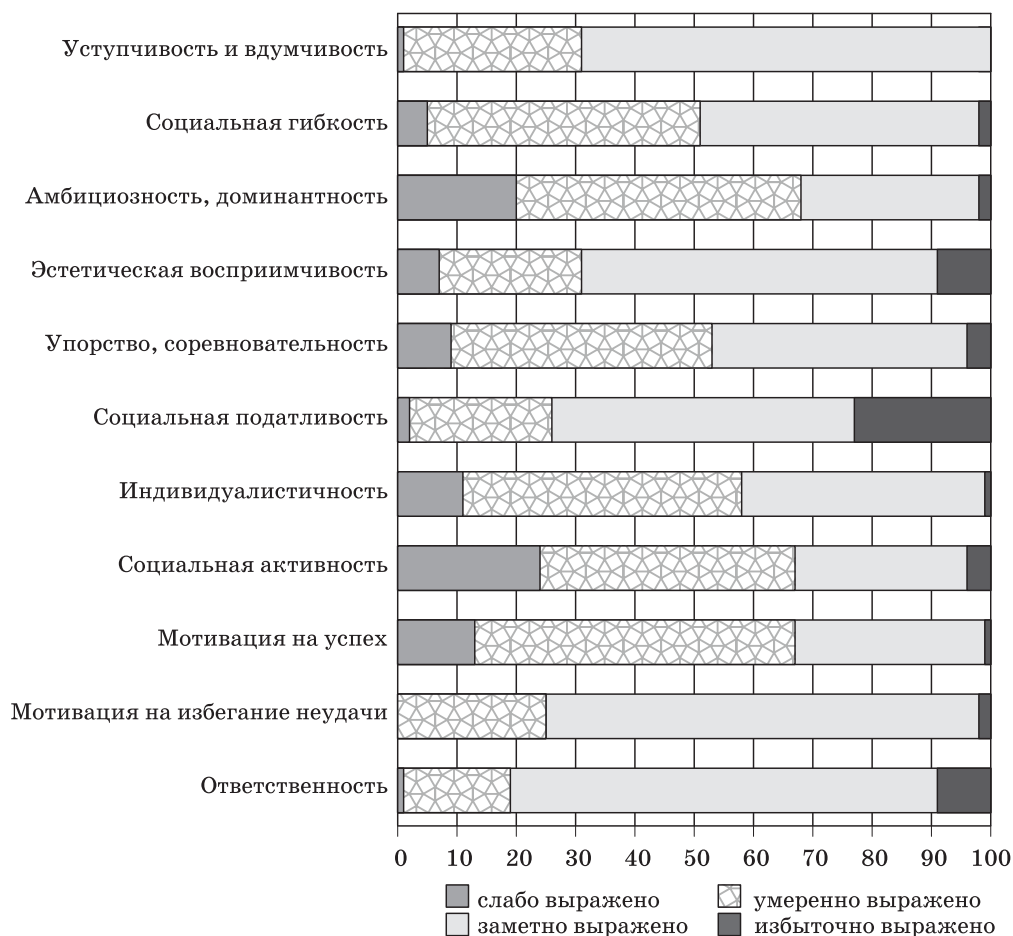

Рис. 5. Результаты диагностики компетенций муниципальных служащих администраций муниципальных районов Калужской области

строгим регламентированием профессиональной деятельности служащих органов местного самоуправления.

Полученные результаты позволяют сделать выводы как о сходствах, так и о различиях в лично-профессиональных свойствах муниципальных служащих двух разных видов муниципальных образований. В ходе сравнительного анализа были отмечены следующие сходства:

- 1) у специалистов Городской Управы и районных администраций повышен уровень тревожности и сензитивности;
- 2) высокий уровень ответственности;
- 3) мотивация на избегание неудачи преобладает над мотивацией на достижение успеха;
- 4) в отношениях с окружающими отмечается высокий уровень деликатности;
- 5) слабовыраженными характеристиками являются спонтанность, амбициозность, доминантность.

По итогам диагностики отмечены следующие различия в лично-профессиональных свойствах муниципальных служащих двух категорий:

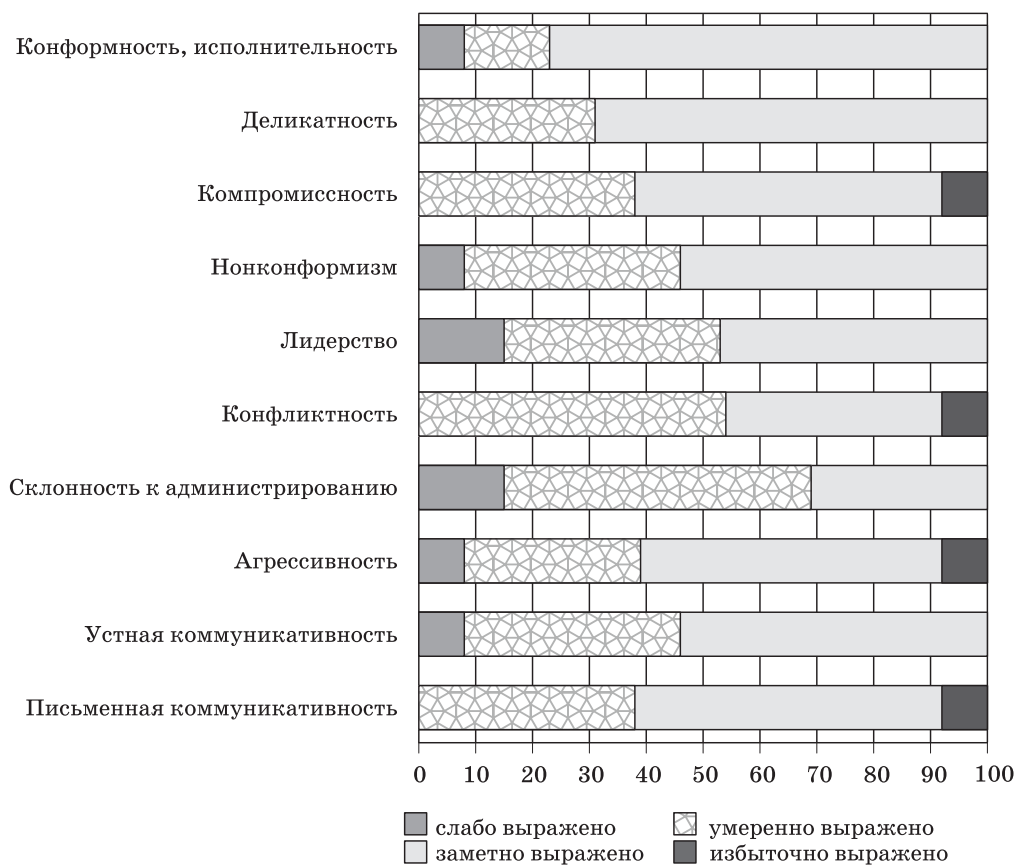

Рис. 6. Результаты межличностных взаимодействий муниципальных служащих администраций муниципальных районов Калужской области

- 1) у муниципальных служащих г. Калуги социальная активность является явно выраженным свойством, а у муниципальных служащих районов социальная активность выражена слабее;
- 2) в межличностном взаимодействии у муниципальных служащих г. Калуги конфликтность и агрессивность — слабо выраженные характеристики, а у муниципальных служащих районов результаты по этим шкалам значительно выше. Важно отметить при этом очень высокий уровень контроля над агрессивностью, что позволяет регулировать конфликтные ситуации, демонстрировать деликатность и компромиссность во взаимоотношениях с окружающими.

Анализ полученных результатов свидетельствует о необходимости дальнейшего профессионального развития муниципальных служащих с учетом их индивидуальных потребностей. Очевидно, что специалисты обеих категорий нуждаются в специальных знаниях и умениях, отсутствие которых негативно сказывается не только в профессиональной деятельности, но и в личной сфере. Исходя из этого, можно предложить ряд рекомендаций как для самих специалистов муниципальной службы, так и в адрес кадровых служб.

Результаты психодиагностики показали, что нужно развивать компетенции муниципальных служащих в следующих направлениях: снятие тревожности, повышение

ние стрессоустойчивости, формирование навыков эффективной коммуникации, умение регулировать конфликтные ситуации, знание способов повышения самооценки, владение навыками улучшения трудовой мотивации. Эти направления могут учитываться специалистами кадровых служб при распределении кадров, согласовании индивидуальных планов профессионального развития, формировании программ развития муниципальной службы своего муниципального образования. Полученные результаты могут быть использованы для научно-методического обеспечения профессиональной переподготовки и повышения квалификации муниципальных служащих учреждениями, предоставляющими образовательные услуги.

В образовательных программах Калужского филиала РАНХиГС реализуется задача развития профессионально-психологической компетентности муниципальных служащих согласно индивидуальным запросам. Эта задача решается путем привязки программ по развитию личной эффективности муниципальных служащих к результатам предварительной диагностики. Диагностика позволяет выявить «проблемные» компетенции, а модульное построение обучающей программы «Эффективный управленец» сформировать набор модулей, направленных на развитие этих компетенций, индивидуально для каждого слушателя. Таким образом, использование результатов диагностики в работе руководителей и кадровых служб повышает качество планирования и реализации программ развития муниципальной службы, позволяет коррелировать особенности кадрового состава разных видов муниципальных образований и выстраивать оптимальную модель психолого-профессиональных компетенций местных чиновников, соответствующую современным требованиям.

Литература

1. Горб В. Г. Компетентностный подход к аттестации и квалификационному экзамену государственных гражданских служащих // Государственная служба. 2008. № 1. С 6–12.
2. Самылов П. В. Формирование и развитие профессиональных компетенций муниципальных служащих // Модернизация: инновационные решения в экономике и управлении. СПб. : СЗАГС, 2010.
3. Смышляева Л., Пшеничникова Т. Компетентностный подход к формированию профессионализма муниципальных служащих // Государственная служба. 2009. № 2. С. 38–41.

References

1. Gorb V.G. *Competence-based approach to certification and qualification examination of the state civil servants* [Kompetentnostnyi podkhod k attestatsii i kvalifikatsionnomu ekzameni gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh] // Public administration [Gosudarstvennaya sluzhba]. 2008. N 1. P. 6–12. (rus)
2. Samylov P.V. *Formation and development of professional competences of municipal employees* [Formirovanie i razvitie professional'nykh kompetentsii munitsipal'nykh sluzhashchikh] // Modernization: innovative solutions in economy and management [Modernizatsiya: innovatsionnye resheniya v ekonomike i kpravlenii]. SPb. : SZAGS, 2010. (rus)
3. Smyshlyayeva L., Pshenichnikova T. *Competence-based approach to formation of professionalism of municipal employees* [Kompetentnostnyi podkhod k formirovaniyu professionalizma munitsipal'nykh sluzhashchikh] // Public administration [Gosudarstvennaya sluzhba]. 2009. N 2. P. 38–41. (rus)

Алибегиллов Ш. А., Волков В. А.

Цивилизационная идентичность России как вектор современной государственной политики

Алибегиллов Шамиль Абдулаевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Соискатель
Spolit@szags.ru

Волков Виталий Александрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры истории и политологии
Доктор политических наук, профессор
polit@szags.ru

РЕФЕРАТ

В статье обсуждается формирование политической цивилизационной идентичности России. Авторы раскрывают проблему политического единства Российской Федерации сквозь призму проблемы политической идентичности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

цивилизационная идентичность, национальная идентичность, Российская цивилизация, Евразийское пространство, государственная политика

Alybegilov Sh. A., Volkov V. A.

Civilization Identity of Russia as Vector of a Modern State Policy

Alybegilov Shamil Abdulaevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Competitor of the PhD degree
polit@szags.ru

Volkov Vitaly Aleksandrovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of History and Political Science
Doctor of Science (Political science), Professor
polit@szags.ru

ABSTRACT

In the article formation of political civilization identity of Russia is discussed. Authors open a problem of political unity of the Russian Federation through a prism of a problem of political identity

KEYWORDS

civilization identity, national identity, Russian civilization, Eurasian space, state policy

Начиная с девяностых годов XX столетия проблема политического единства Российского государства приобрела характер и фундаментального, и практического значения. Если в предшествующий период — эволюции Советского Союза — эта тема даже в теоретическом плане носила предельно абстрактный и формальный характер, то с его распадом значительно изменился взгляд на актуальность существующих угроз и многообразие их измерений. Устойчивость и стабильность государства, политической системы уже не кажутся самоочевидными. Необходимо серьезное обоснование и обеспечение устойчивости в развитии современной го-

сударственности. Современная Российская Федерация унаследовала от предшествовавших форм государственности не только богатейшую культуру, огромные ресурсы, но и ряд проблем, латентно сопровождающих государственное развитие на протяжении веков. Россия в своей истории формировалась и развивалась как государство, которое было домом для многих народов. И не всегда населяющие ее народы находились в положении, когда государство выстраивало взаимоотношения с ними и между ними удовлетворительным образом. Во многом это зависело и от позиционирования государства в окружающей среде, и понимания своей роли и назначения. Каждая идентификация государства сопровождалась политическим выбором, политическими решениями и острейшими политическими проблемами, требующими соответствующей интерпретации. В рамках исторических изменений от Киевской Руси до современной Российской Федерации, формировались различные образы политической идентичности государства и народа. Россия как наследница Византии, Московское царство, Россия как европейское государство, Россия как часть ансамбля европейских держав, Россия как империя, Россия как часть Союза Советских Социалистических Республик, Россия как федерация республик и областей. Каждая идентичность России являлась решением определенных проблем и противоречий, и в то же время каким-либо политическим проектом.

С XIX в. российскую политическую историю сопровождает проблема характера государственного единства, получившая свое выражение в национальном вопросе. Государственность России подвергается испытаниям, несмотря на сложный комплекс причин самого разного характера и происхождения, именно по линиям ее национально-территориального устройства. Двадцать первый век не изменил радикально проблемы. Национальная проблематика, доставшаяся нам в наследство, задает и соответствующий дискурс, в котором предпринимаются попытки решения политических проблем. В то же время, глобальные изменения во всем мире выявили фундаментальные различия, лежащие в основании формирующейся политической идентичности. Глобализация ставит под сомнение значение национальных государств в экономике и политике. Трудно отрицать процесс глобализации в мире. Даже антиглобалисты выступают скорее как альтерглобалисты. Спор идет о моделях и лидерстве в процессах глобализации. В этом контексте в мире обнаруживаются глубинные политические размежевания, формирующие реальные цивилизационные различия. Интеграционные процессы в Европе, демонстрация единства политики англосаксонского мира, конфликты на Ближнем Востоке указывают на реальность цивилизационных особенностей, определяющих линию поведения значимых субъектов политики. Пробуждение конфликтов по границам России также указывает на проблематичность ее статуса. В этом контексте Россия начинает позиционировать себя как цивилизацию. В научной литературе проблема цивилизации начинает разрабатываться с девяностых годов прошлого века. В двадцать первом веке она переходит в политическую плоскость. Еще в 2007 г. в партийных документах «Единой России» появляется тезис о необходимости сохранения уникальной российской цивилизации. Россия не только государство. Россия еще и цивилизация. Что ее характеризует? Где ее границы? Как может многонациональная, многоконфессиональная страна быть единой цивилизацией? В чем ее интересы? Может ли цивилизация быть региональной? Именно цивилизационная идентичность дает основания для решения проблемы единства и целостности России на современном этапе политического развития всего мира.

Такая постановка вопроса определена методологическим поворотом от этнонационального дискурса к цивилизационному. Политическое решение старых проблем требует нового угла зрения. Это не означает отбрасывания предыдущей проблематики. Она должна переформатироваться в свете новых установок. Конституция

Российской Федерации начинается словами: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле...» [3, с. 3]. Это положение получило интерпретацию во многих политологических, юридических, социологических исследованиях. Реальность этого суждения отражается в республиках и областях всей России. Пожалуй, нет ни одного субъекта Российской Федерации, к которым нельзя было бы отнести эти слова. Республики получают свои названия по имени той нации, которая исторически проживала и составляла большинство на этой территории. И все-таки есть особенные примеры, которые наиболее полно отражают ситуацию в Российской Федерации. В республике Дагестан, например, особенно ярко отражается ситуация всей Федерации. Республика Дагестан представляет собой «многонациональный народ» без «титульной» нации, подобно России. Проблема развития цивилизационной идентичности России на примере республики Дагестан может позволить выявить особенное и общее в целостном процессе формирования цивилизационной идентичности России. Современные вызовы, стоящие перед Россией, требуют не национальной политики, они требуют государственной политики в сфере развития цивилизационной идентичности России.

Методологический и когнитивный парадокс исследований заключается в том, что проблематика современной идентичности России растворяется между концептами глобализации современного мира и национальной особенности и специфики России. Первый концепт скрывает определенный проект глобального мира, возглавляемый мировым лидером — Соединенными Штатами Америки, в рамках которого государственность всех остальных субъектов политики подвергается редукции. Второй концепт возвращает исследовательскую мысль к тупикам и противоречиям имперского сознания. Концепт цивилизационной идентичности фиксирует тот факт, что мир не достиг тотальной однородности, к которой апеллируют адепты глобализации. Фундаментальные факторы, препятствующие превращению мира в однородное пространство, раскрывает политическая экология. «Политическая экология изучает разделение социальных сообществ на политические единства по поводу отношения к окружающей среде как жизненному миру» [1, 28]. С другой стороны, цивилизация не может быть империей, несмотря на то, что имеет сложную комплексную структуру.

Россия сопрягает в себе целый комплекс измерений, которые не могут быть односторонне проинтерпретированы. Россия не может быть православной, поскольку католичество, мусульманство, иудаизм, буддизм характерны для религиозного измерения России. Россия не может быть только русской, славянской, поскольку многие нации составляют измерение российского народа. «В процессе взаимовлияния глобальных и локальных изменений разного уровня — так называемые глокализации тесно переплетаются универсалистские и партикуляристские основания идентичности. „Ценой вопроса“ оказывается гражданская лояльность человека эпохи информационного общества. Публичная политика становится ристалищем „борьбы за идентичность“» [5, с. 11].

Через какие же идентичности определяют себя россияне? Из всего разнообразия идентичностей и их типологий можно выделить различения по двум основаниям. Первым основанием выступает уровень общности, по которому идентифицирует себя человек. Здесь выделяют несколько основных уровней: личный, национальный, цивилизационный, универсальный. По второму основанию идентичности разделяют на политические и не политические. Идентичности становятся политическими в результате определенных процессов. «Общим ракурсом анализа стала идентичность в ее политическом измерении: исследование опирается на расширительную трактовку политической идентичности как проекции национально-цивилизационных, этнонациональных, религиозных и конфессиональных, территориальных, возрастных, гендерных, культурных и иных составляющих социальной идентичности в политическую

сферу. Политическая идентичность формируется в процессе политизации этих идентичностей и вовлечения их носителей в отношения, связанные с реализацией политических интересов и конкретных практик, воплощающих понимание общественного блага» [4, с. 8]. Политическое понимается в духе К. Шмитта, и политическая идентификация составляет существо вопроса. Жители центральных областей России, Поволжья, Сибири, Северного Кавказа и т. д. являются носителями самых разных идентичностей, которые не становятся политическими. Как только одна из идентичностей приобретает политическую определенность, возникает политическое единство, противостоящее другим единствам.

Понятие идентичности предполагает различие. Политика идентичности возникает там, где есть потребность в утверждении единства в отличие от других. «Другой» выступает в разных степенях интенсивности различий. Это различие может проявляться как: мы — они; свои — чужие; друзья — враги. Последняя дихотомия при условии ее публичного проявления, по К. Шмитту, и является сущностной характеристикой и критерием «политического». Для государства, основу которого составляет «многонациональный народ», крайне опасно культивирование национальной идентичности как политической.

Национальная политика при всей ее возможной изоциренности неизбежно закладывает мины, взрывающие государственное единство и целостность. Если вспомнить историю Советского Союза и национальный вопрос с возможными альтернативами, при его создании, то возникает понимание трагичности распада СССР. Ленинский принцип о праве наций на самоопределение являлся источником союзного характера построения Советского Союза и в то же время возможностью формирования политической национальной идентичности, в которой друзья не всегда остаются друзьями. Принцип автономности при построении новой государственности Советского Союза был отвергнут как ошибочный, но нашел свою реализацию в государственной политической практике 30–50-х годов. Последующая политика «эпохи застоя» создала условия для разновекторных, кризисных экономических процессов в союзных республиках, ставших почвой расцвета этнополитических и национальных идентичностей. «Да, налоги с провинций собирали твердо — за этим следили и Минфин, и Госплан, а вот решать местные проблемы кремлевские старцы чаще всего предоставляли „краям, областям, автономным и союзным республикам. Стоит ли удивляться тому, что окраины, как только появилась возможность, захотели избавиться от такой опеки центра?“» [2, с. 186].

В противовес этим тенденциям в культуре и науке зарождается новый взгляд на пространство Советского Союза не только как на государственное наднациональное образование, но и как на единое цивилизационное евразийское пространство. Работы Л. Н. Гумилева стимулировали интерес к Евразии и возродили исследования по цивилизационной проблематике. Евразийское пространство является месторазвитием¹ цивилизации, имеющей свой особый социокультурный код. Само месторазвитие не является еще цивилизацией. Оно создает условия для рождения, развития и утверждения цивилизации. На этом месте развивается и утверждается российская цивилизация и постепенно обретает свое самосознание. По месторазвитию ее можно называть евразийской цивилизацией. При акценте на социокультурный код ее можно называть российской цивилизацией. Цивилизации представляют собой мозаичные целостности и не совпадают с границами одного государства. Цивилизации, в широком смысле, представляют собой процессы адаптации, в рамках которых народы и нации вырабатывают сходные стереотипы поведения, обладают общей историей и ценностями. Цивилизационная идентичность проявляется во времена повышенной мобильности, контактах и конфликтах как внутри,

¹ Термин П. Савицкого.

так и вне границ цивилизаций. Когда под угрозой оказывается само существование цивилизации, цивилизационная идентичность становится политической. Именно конец XX — начало XXI вв. стали временем цивилизационных угроз Евразийскому пространству. Политическая цивилизационная идентичность становится предметом государственной политики. Значимость политической российской цивилизационной идентичности состоит не столько в фиксации различий и отличий российской цивилизации от других цивилизаций, сколько в деполитизации других идентичностей. В рамках современной политической борьбы пространство идентичностей человека оказывается ареной противоборств. Прежде всего, в информационной войне происходят попытки политизировать альтернативные идентичности. Наиболее активно политизируется религиозная идентичность, противопоставляющая ислам — христианству. Политизируется национальная идентичность, региональная идентичность, противопоставляющие русских украинцам, чеченцам, грузинам, узбекам, и т. п. Политизируется культурная, языковая идентичность, противопоставляющая традиции мусульманской и православной культур. Российская цивилизационная идентичность подвергается попыткам расчленить ее на составляющие, которые в отдельности не являются самодовлеющими.

Поскольку цивилизационная идентичность имеет высокую степень абстрактности, связанную с особенностями ее природы, она должна с неизбежностью становиться предметом государственной политики. На бытовом уровне могут формироваться только зачатки такой идентичности. Это не значит, что каждый член общества должен становиться субъектом политической борьбы. Вместе с тем в информационном культурном пространстве России должны выстраиваться смысловые структуры и маркеры, которые позволили бы любому человеку ясно видеть координаты и ориентиры государственной политики. Государственная политика России направлена на реализацию Евразийского цивилизационного потенциала в проектах создания Евразийского Союза и других политических структур в рамках Евразийского пространства. Развитие цивилизационной идентичности предполагает выстраивание интересубъективных отношений — связей с научным сообществом, партийно-политическими, сетевыми структурами, обеспечивающими процесс самосознания современного политического мышления.

Литература

1. Борисов Н. А., Волков В. А. Понятие экологического государства в контексте формирования политической экологии // Управленческое консультирование. 2014. № 2.
2. Гумилев Л. Н., Ермолаев В. Ю. Горе от иллюзий // Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М. : Экспресс, 1993.
3. Конституция Российской Федерации. М., 2014. С. 3.
4. Политическая идентичность и политика идентичности: в 2-х тт.; отв. ред. И. С. Семенов. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. М. : РОССПЭН, 2012.
5. Попова О. В. Развитие теории политической идентичности в зарубежной и отечественной политической науке // Идентичность как предмет политического анализа: отв. ред. И. С. Семенов. М. : ИМЭМО РАН, 2011.

References

1. Borisov N. A., Volkov V. A. *Concept of the Ecological State in a Context of Political Ecology Formation* [Ponyatie ekologicheskogo gosudarstva v kontekste formirovaniya politicheskoi ekologii] // *Administrative consulting* [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. N 2. (rus)
2. Gumilev L. N., Yermolaev V. Yu. *Woe from illusions* [Gore ot illyuzii] // *Rhythms of Eurasia: eras and civilizations* [Ritmy Evrazii: epokhi i tsivilizatsii]. M.: Ecopros, 1993. (rus)
3. Constitution of the Russian Federation [Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii]. M., 2014. P. 3. (rus)

4. *Political identity and policy of identity* [Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti]: in 2 v.: executive editor I. S. Semenenko. V. 2. Identity and social and political changes in the XXI century [Identichnost' i sotsial'no-politicheskie izmeneniya v XXI veke]. M. : ROSSPEN, 2012. (rus)
5. Popova O. V. *Development of the theory of political identity in foreign and domestic political science* [Razvitie teorii politicheskoi identichnosti v zarubezhnoi i otechestvennoi politicheskoi nauke] // Identity as a subject of the political analysis [Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza]: executive editor I. S. Semenenko. M. : IMEMO RAS [IMEMO RAN], 2011. (rus)

Прошина Е. М., Гушч В. В.

К вопросу об эффективности региональной национальной политики в РФ (на примере Дагестана)

Прошина Елена Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры истории и политологии
Кандидат философских наук, профессор
elena_proshina@mail.ru

Гушч Владимир Владимирович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант кафедры истории и политологии
guschvl07@rambler.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются факторы, с помощью которых можно оценивать эффективность реализации Стратегии государственной национальной политики в национальных республиках и полиэтнических регионах Российской Федерации. Предложенные факторы разработаны с учетом специфических особенностей республики Дагестан.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Государственная национальная политика Российской Федерации, факторы оценки эффективности национальной политики, республика Дагестан

Proshina E. M., Gushch V. V.

On the Question of the Effectiveness of Regional National Policy of the Russian Federation (on an Example of Dagestan)

Proshina Elena Mikhaylovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of History and Political Science
PhD in Philosophy, Professor
elena_proshina@mail.ru

Gushch Vladimir Vladimirovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate student of the Chair of History and Political Sciences
guschvl07@rambler.ru

ABSTRACT

The article discusses the factors that can help evaluate the effectiveness of implementation of the Strategy of the state national policy in the national republics and multiethnic regions of the Russian Federation. The proposed factors designed to meet the specific features of the Republic of Dagestan.

KEYWORDS

the state national policy of the Russian Federation, the factors evaluating the effectiveness of national policies, the republic of Dagestan

В начале XXI в. актуализировался этнический, внутриконфессиональный кризис, свойственный ряду ближневосточных стран, где столкнулись представители разных

внутриисламских религиозных течений (Ирак, Ливия, Египет, Сирия, Афганистан). Это сопровождалось изменением баланса сил, государственных границ, появлением новых государственных образований, таких как ИГИЛ (Исламское Государство), военными конфликтами, разрывом интеграционных связей и ослаблением экономического потенциала вовлеченных в этот процесс государств.

На фоне распада и дезинтеграции государств и государственных союзов (СЭВ) наблюдается другой процесс — объединения и интеграции западноевропейских государств, расширение Евросоюза, разрастание НАТО, постепенно впитывающих в себя «обломки» прежних государств. По-существу, идет новый скрытый передел мира, использующий межэтнический и религиозный протестный потенциал государств.

В связи с этим одной из приоритетных задач национальной безопасности России является выработка системного вектора развития национальной политики, устойчивого к динамичным изменениям внешней и внутренней среды и учитывающего культурные, этнические и религиозные особенности субъектов, входящих в РФ.

Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных, «полиэтнических» государств мира. На ее территории проживают представители 193 национальностей¹. В состав РФ входит 21 национальная республика², а с 2014 г. (после присоединения Крыма) — 22.

Российское государство никогда не ставило перед собой задачи насильственной культурно-языковой ассимиляции, «обезличивания» народов, входящих в его состав. Об этом свидетельствует преемственность курса национальной политики Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. В настоящее время в РФ используются 277 языков и диалектов, а в государственной системе образования — 89 языков, из них 30 — в качестве языка обучения, 59 — в качестве предмета изучения³, в то время как во всем мире идет языковая ассимиляция, и «число малых языков стремительно сокращается» [5, с. 19]. На Северном Кавказе этот курс был определен в имперский период трудами генерал-майора, лингвиста-кавказоведа барона Петра Карловича Услара. Он являлся создателем алфавитов многих северокавказских языков, в том числе дагестанских (табасаранского, лакского, лезгинского, аварского, даргинского и пр.) [2].

На современном этапе преемственность в сохранении культурного многообразия народов РФ нашла свое отражение в российской государственной национальной политике, основной курс которой сформулирован в следующих нормативно-правовых актах: Конституция РФ от 1993 г.; Федеративный договор 1992 г.; Закон «О языках народов Российской Федерации» № 1807/1 от 25 октября 1991 г.; Закон «О национально-культурной автономии» № 74-ФЗ от 17 июня 1996 г.; Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» № 82-ФЗ от 30 апреля 1999 г.

Принципиально важный характер имеет Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г., определяющая основной вектор развития национальной политики на федеральном уровне. Именно на основе этого Документа ведется разработка целевых программ с учетом специфических особенностей субъектов РФ, переданная на региональный уровень. Однако региональные чиновники, компетентность которых не всегда соответствует сложности решаемых ими проблем, часто не способны справиться с этими задачами.

¹ Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.minnac.ru/res_ru/0_hfile_1118_1.pdf (дата обращения: 12.01.2015).

² Конституция РФ. Глава 3. Федеративное устройство. Ст. 65. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/1993/12/25/konstituciya.html> (дата обращения: 13.01.2015).

³ Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.minnac.ru/res_ru/0_hfile_1118_1.pdf (дата обращения: 12.01.2015).

На наш взгляд, разработку таких важных программ нельзя принимать исключительно на региональном уровне, особенно в национальных республиках, где русское население является национальным меньшинством — менее 20%. Это *критически низкий процент* присутствия русского населения в мононациональных республиках. Дальнейшее снижение его приводит к ряду негативных явлений, таких как: ослабление федеральной вертикали власти; замкнутости информационного поля внутри субъекта федерации; рассеивание управленческого импульса, исходящего из «центра»; разрушение паритетного баланса в органах региональной власти; отсутствие управленческой прогнозируемости региональных властных элит.

Совокупность этих факторов в мононациональных республиках свидетельствует об образовании национально-территориального анклава, угрожающего территориальной целостности РФ. Любой дезинтеграционный процесс на территории РФ начинался именно с «вытеснения» русского населения.

По данным, приведенным в табл. 1, можно наблюдать динамику убывания русского населения в северокавказских республиках с 1989 по 2010 гг.

По данным табл. 1 можно выделить два сформировавшихся на территории РФ «анклава» (выделены нами красным цветовым индикатором) — это Ингушетия и Чечня, две мононациональные республики с высочайшим уровнем бытового национализма, где процент русского населения за 12 лет сократился в 28,9 и 13,1 раза, соответственно. Желтым цветовым индикатором выделены северокавказские республики (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия), где процент коренного населения приблизительно соизмерим с процентом русского населения (последствия Кавказской войны 1829–1864 гг.). В этих республиках, в результате образовавшегося этнического баланса, сложился социально-экономический и национально-политический паритет.

Зеленым индикатором выделены республики с самым благоприятным этнонациональным климатом и с низким уровнем (по меркам Северного Кавказа) бытового национализма, где коренное население представлено в полном объеме, согласно их историческому ареалу расселения. Отдельно стоит выделить Дагестан, как полиэтническую республику, где 3,6% русского населения в этнополитической раскладке сопоставимы по значимости с 20% в мононациональной республике, поскольку в Дагестане некоторые коренные государственообразующие народы, например лезгины, представлены 13,3% от общей численности населения¹. Следует отметить тот немаловажный факт в области межнациональных отношений, что народы этой республики не подвергались в XX в. массовым репрессиям и депортациям по национальному признаку в отличие, например, от чеченцев и ингушей.

В связи с этим разрабатываемые целевые программы, национальные стратегии и другие действия в вопросах национальной политики на территории Северного Кавказа должны учитывать следующие факторы: исторический опыт взаимодействия национальной периферии и центра; ментальные особенности народов, сложившиеся на основе адатов и некоторых норм шариата, советско-коммунистической идеологии и стихийного культа потребления; религиозный исламский фактор (суфизм с его тарикатами, нарастающий конфликт между суфиями и салафитами); этнополитический баланс во властных региональных структурах и многие другие специфические особенности Северокавказского региона.

Важным аспектом реализации Стратегии ГНП является выработка факторов и критериев, на основании которых будет оцениваться эффективность принятых мер и реализованных программ.

¹ Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 14.01.2015).

**Процент русского населения в северокавказских республиках
(по данным Всесоюзной и Всероссийской переписей населения
1989, 2002, 2010 гг.)**

Республики СКФО	Процент русского населения в северокавказских национальных республиках		
	1989	2002	2010
Ингушетия	23,1	1,2	0,8
Чечня	24,8	3,7	1,9
Карачаево-Черкесия	42,4	33,6	31,6
Кабардино-Балкария	32,0	25,1	22,5
Северная Осетия (Алания)	29,9	24,1	20,8
Дагестан	9,7	4,8	3,6

Примечание: Таблицы, содержащиеся в статье, разработаны В. В. Гущем для текста диссертации.

Данные за 1989 г. включают районы ЧИ АССР, ныне относящиеся к Чеченской и Ингушской республикам.

Работ по теме эффективности ГНП в общедоступном научном информационном поле явно недостаточно, не выделены критерии (в том числе и в самой «Стратегии»), по которым эффективность будет оцениваться, нет и общепринятого определения понятия «*эффективность национальной политики*». Факторы и критерии для оценки эффективности программ и стратегий, проводимых в области национальной политики, находятся на стадии разработки и, как правило, носят обобщенный характер, не всегда учитывающий специфику региона [1, 3, 6, 7]. Согласимся с утверждением С. В. Устинкина, что «доктрина национальной политики, действовавшая с 1996 г. по декабрь 2012 г., в сущности, являлась формальным концептом, ибо за 16 лет не была выбрана системная оценка эффективности реализации национальной политики» [6, с. 10].

Среди определений эффективности государственной национальной политики (ГНП), можно выделить определение, предложенное Н. М. Морозовой, которая понимает под эффективностью ГНП «результативность действий власти по изменению характера межэтнических отношений в соответствии с нормативно-правовыми документами, регулирующими эту сферу общественной жизни» [3, с. 7].

В коллективном исследовании «Эффективность реализации этнонациональной политики» авторами предложены общие критерии оценки эффективности ГНП, как способы или методика, с помощью которой будет оцениваться эффективность программ ГНП на разных стадиях реализации ее программ (от разработки нормативно-правовой базы до принятия решений и подведения итогов) [6].

Однако в работах авторов, занимающихся этими проблемами, не проанализированы факторы, влияющие на развитие национального процесса в регионах, которые нельзя не учитывать и при анализе эффективности государственной национальной политики в целом. Речь идет о следующих факторах: отток населения, наличие анклавов, количество терактов и пр. Указанные факторы разделены нами на ОБЩИЕ (характерные для всех субъектов РФ, но рассмотренные нами в рамках дагестанской и религиозно-мусульманской специфики) и СПЕЦИФИЧЕСКИЕ (в нашем случае для Дагестана).

Дагестан выбран нами как специфический субъект РФ. По справедливому утверждению В. А. Тишкова, Дагестан — это «не просто многонациональная республика, он представляет собой синтез множества этносов. История их геополити-

ческого и социокультурного единства уходит в историческое прошлое»¹. Дагестан находится на стыке двух политических культур — восточной и западной, что повлияло на создание уникальной северокавказской полиэтнической культуры с адатами и нормами жизни традиционного горского общества. Дагестану, как стыковому региону, свойственен ряд конфликтов ближневосточных стран: например, внутриконфессиональный конфликт между традиционным и нетрадиционным исламом (суфиями и салафитами). Как полиэтничному региону, ему свойственен конфликт между этническими группами за представительство в региональных органах власти.

Являясь пограничным регионом, Дагестан находится в эпицентре идеологического влияния ряда стран и сил извне: международных террористических и религиозно-миссионерских организаций, иностранных разведок, агентов и систем. Эти силы заинтересованы в экономической, политической, религиозной и идеологической дестабилизации Дагестана как субъекта РФ, формирующего политический климат в Северокавказском регионе. Это выражается в экспансии радикального ислама, «арабизации»² дагестанского культурного пространства, получившей широкое распространение в молодежной среде. Проблема усугубляется высочайшим уровнем коррумпированности региональных чиновников, террористической угрозой, исходящей со стороны вооруженных бандформирований. Но самой опасной, на наш взгляд, тенденцией является постоянный отток русского населения, который влечет за собой разрыв целостности общекультурного духовно-идеологического российского пространства и свидетельствует о недоверии как региональным, так и федеральным властям.

Основанием для недоверия служит пример русского населения, оставшегося за пределами РФ после распада Советского Союза во вновь образовавшихся независимых государствах Закавказья и Средней Азии и подвергающегося всевозможным гонениям и притеснениям по национальному признаку³.

С учетом всего вышесказанного и на основании анализа проблем республики Дагестан мы предлагаем оценивать эффективность федеральной национальной политики по ряду общих и специфических факторов, *разработанных нами* и представленных в виде сводной табл. 2.

Рассмотрим общие факторы.

1. *Отток населения из субъекта федерации.* В полиэтничном регионе, каким является Дагестан, массовый отток представителей одного из многочисленных этносов косвенным образом может свидетельствовать о проблемах в области национальной политики, выраженных в религиозно-конфессиональных конфликтах; экономических, социальных и террористических угрозах; в проявлении бытового национализма.

Особое внимание следует уделять оттоку русского населения из национальных республик, в которых русские по факту являются национальным меньшинством, но осуществляют исключительно важную функцию культурно-идеологической, духовной связи национальной периферии с центром. Как отмечалось выше,

¹ Тишков В.А. Республика Дагестан. [Электронный ресурс]. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/na_puti_k_/respublika2.html (дата обращения 14.01.2015).

² Амелина Я. Намерения исламистов в России серьезны как никогда // Российский институт стратегических исследований. 30.09.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.riss.ru/index.php/my-v-smi/2103-yana-amelina-namereniya-islamistov-v-rossii-serjozny-kak-nikогда>. VLFnd3sjHGg (дата обращения: 10.01.2015).

³ Родионов К. Между империей и национальным государством // Независимая газета. 24.06.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2013-06-24/9_democracy.html (дата обращения: 20.02.2016).

Факторы, влияющие на оценку эффективности федеральной национальной политики

Общие факторы (для всех регионов)	Специфические факторы (для республики Дагестан)
1. Отток населения из субъекта федерации	1. Арабизация дагестанского культурного пространства
2. Наличие обособленных этнических и религиозных анклавов, общин, диаспор и джамаатов на территории РФ	2. Уровень вовлеченности молодежи в радикально-религиозные течения
	3. Наличие этнонациональных конфликтов, как в самой республике, так и за ее пределами с участием дагестанцев
	4. Кланово-тухумный коррупционный фактор

в Дагестане русские составляют 3,6%¹ от общей численности населения республики, это экстремально низкий процент, угрожающий территориальной целостности РФ. Русские представлены в основном тремя социальными группами: казачеством, исторически проживающим в двух районах — Кизлярском (12,33%) и Тарумовском (19,56%)²; семьями квалифицированных специалистов, оставшихся там с советских времен и проживающих в крупных городах (Махачкала, Каспийск и т. д.), и семьями военнослужащих. С 1989–2010 г. русское население в республике сократилось на 45,04 тыс. человек³. В 1989 г. оно составляло 9,7% от общей численности населения, т. е. фактически сократилось в 2,7 раза, причем, осталось в основном пожилое население, неспособное к самовоспроизводству⁴.

Следует отметить тот факт, что после распада Советского Союза в Дагестане более всего пострадали две этнические группы: русские и лезгины. Русские — в большей степени из-за экономического спада, приведшего к закрытию наукоемких предприятий и производств ВПК, а лезгины стали народом, разделенным между Россией и Азербайджаном (385,2 тыс.⁵ — проживают в РФ и 180,3 тыс.⁶ — в Азербайджане).

С помощью предложенной нами методики можно отслеживать отток населения по национальностям, возрастным группам из полиэтничных районов республики.

¹ Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 14.01.2015).

² Постановление Правительства республики Дагестан № 56 от 13 декабря 2013 г. «Об утверждении государственной программы Республики Дагестан «Поддержка проживающего и возвращающегося в Республику Дагестан русского населения на 2014–2017 годы».

³ Постановление Правительства республики Дагестан № 56 от 13 декабря 2013 г. «Об утверждении государственной программы Республики Дагестан «Поддержка проживающего и возвращающегося в Республику Дагестан русского населения на 2014–2017 годы».

⁴ Там же.

⁵ Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 14.01.2015).

⁶ По данным переписи населения Азербайджана 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://pop-stat.mashke.org/azerbaijan-ethnic2009.htm> (дата обращения: 14.01.2015).

Одним из источников сбора информации могут служить идентификационные данные пользователей социальных сетей.

Табл. 3 актуальна для многонациональных городов и районов республики Дагестан. Выделены три группы — две возрастные и отдельно выделен выезд всей семьи. Первая группа (до 35 лет) в большей степени связана с естественными миграционными потоками, которые, как правило, обусловлены экономическими причинами (проблемами трудоустройства, низким уровнем зарплат и т. д.), а также фактором привлекательности больших городов (двух столиц). В первую очередь отток людей этой возрастной группы свидетельствует об экономических проблемах внутри субъекта федерации и требует внимания в случае его устойчивого роста в течение нескольких лет.

Граница двух возрастных групп (35 лет) обусловлена особой чертой психосоциальной ментальности народов Дагестана (переход от «джигита» к «аксакалу»). Увеличение оттока граждан второй возрастной группы (после 35 лет) требует повышенного внимания (особенно среди русского населения) и может свидетельствовать о существенных проблемах в области межнациональных отношений, нарушениях баланса сил в местных органах власти, связанных с «кланово-тухумными» традициями дагестанского общества. Эта группа требует особого внимания региональных властей.

Группа «семья» означает «выезд всей семьи», что свидетельствует о серьезных проблемах в области национальной политики, и каждый такой случай требует рассмотрения в индивидуальном порядке, а массовый отток семей требует незамедлительного вмешательства федеральных властей. Если выезжает вся семья, то должна указываться причина отъезда, которую следует фиксировать по месту новой регистрации после завершения всех юридических процедур, связанных с продажей жилья, перерегистрацией собственности и т. д. Сюда могут быть включены миграционные движения внутри самой республики. Например, переселение аварских семей из горных районов в Кизлярский и Тарумовский, которое,

Таблица 3

**Отток населения из республики Дагестан
по национальностям и возрастным группам**

Общее число граждан, выехавших из республики за год													
Национальность	русские			лезгины			кумыки			аварцы			Примечание
	до 35	после 35	семья	до 35	после 35	семья	до 35	после 35	семья	до 35	после 35	семья	
По районам и городам													
Кизлярский	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	
Тарумовский	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	
Махачкала	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	
Каспийск	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	
Хасавюрт	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	
Дербент	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	
и т. д.	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	

Примечание: Данная таблица должна составляться ежегодно.

по нашему мнению, напрямую связано с политическим давлением на русское население в этих районах.

В 90-х годах XX в. русское население этих районов, посредством референдума, планировало выйти из состава республики Дагестан и перейти под юрисдикцию Ставропольского края [4, с. 97–98]. На наш взгляд, это является главной причиной высокого уровня этнической напряженности в этих районах, и косвенным образом влияет на отток из них русского населения.

2. Наличие обособленных этнических и религиозных анклавов, общин, диаспор и джамаатов на территории РФ.

Этот фактор свидетельствует о существовании замкнутых национально-религиозных систем в российском социальном пространстве, и косвенным образом указывает на присутствие этнокультурных и религиозных противоречий и проблем в области социокультурного взаимодействия между представителями разных национальностей. Каждое такое сообщество, обособленное по этническому или религиозному признаку, должно находиться под бдительным контролем силовых структур и спецслужб, так как является благодатной почвой для распространения экстремистских идеологий, особенно в молодежной среде, прикрываясь этнической и духовно-религиозной ширмой.

Для анализа эффективности федеральной национальной политики в республике Дагестан нами разработаны и предложены к рассмотрению следующие *специфические факторы*:

1. Уровень арабизации дагестанского культурного пространства.

Фактор, отражающий вытеснение народов республики из общероссийского культурного пространства и влекущий за собой утрату этнокультурной идентичности самих народов Дагестана. Эта тенденция наметилась в начале 2000-х годов, когда дестабилизирующие силы извне переключили свое внимание с Чечни на Дагестан.

Одним из методов учета этого фактора является мониторинг социальных сетей, поскольку основная идеологическая война протекает в виртуальном пространстве. Этот фактор должен отслеживаться и находиться в сфере особого внимания федеральных властей, так как для сохранения «единой политической нации при сохранении и развитии этнокультурного разнообразия народов России»¹ необходимо построение *общекультурного наднационального пространства*, которого в настоящий момент в республике Дагестан не существует, оно исчезло вместе с распадом Советского Союза.

2. Уровень вовлеченности молодежи в радикально-религиозные течения. Это фактор, являющийся следствием радикально-исламского миссионерства, плодотворной почвой для развития которого служит масштабная внутриреспубликанская коррупция. В определенном смысле возникновение и развитие этого фактора можно рассматривать как социальный протест, основанный на отсутствии профессионально-карьерного роста в молодежной среде, снижении общекультурного и образовательного уровня и отсутствии общенациональных «духовных скреп»².

Фактор 2 можно оценивать по увеличению числа радикальных исламских проповедников (ваххабитов) на территории Дагестана и по выезду молодежи из республики для участия в вооруженных ближневосточных конфликтах на стороне ИГИЛ. Этот фактор напрямую связан с уровнем внутриконфессиональной конфликтности в республике, выражающейся в противостоянии между традиционным и нетрадиционным исламом.

¹ Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Московские новости. 2012. 23 января. С. 1.

² Путин В.В. Послание к Федеральному Собранию 12.12.2012 [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/news/17118> (дата обращения: 14.01.2015).

3. *Наличие этнонациональных конфликтов, как в самой республике, так и за ее пределами с участием дагестанцев.* На наш взгляд, учет этого фактора позволит выявить истинное положение вещей в области этноконфликтогенности и развеять миф об исключительной агрессивности дагестанцев среди других кавказских и закавказских народов.

4. *Кланово-тухумный¹ коррупционный фактор.* Он включен нами в общий список специфических факторов на основании авторских социологических исследований, проведенных в масштабных полевых научно-исследовательских экспедициях в 2012, 2013, 2014, 2015 годах в Курахском, Сулеман-стальском, Ахтынском, Дербентском, Докузпаринском, Табасаранском, Хунзахском, Шамильском, Гунибском, Акушинском районах Дагестана и крупных городах: Дербент, Дагестанские Огни, Каспийск, Махачкала, Буйнакск (Темирхан-Шура), Кизляр, Хасавюрт (*Материал этих исследований, дополненный данными 2015 г., будет основой следующей статьи*).

В подтверждение важности учета этого фактора приведем итоги социологического опроса на тему: «Представителей какого этноса вы хотели бы видеть в органах местной и региональной власти?». Выборка респондентов проводилась в нескольких полиэтничных районах Дагестана и городах (Махачкале, Каспийске, Дербенте и Кизляре) из числа представителей мужского населения разных возрастов и четырех этнических групп — аварцев, лезгин, даргинцев, кумыков. Результаты опроса свидетельствуют о том, что 83% респондентов на первое место поставили представителя своего этноса, а на второе (85% из числа опрошенных) — представителя русской национальности, аргументируя это тем, что «при нем (русском) будет больше порядка, меньше коррупции и засилья тухумных родственников в местных и региональных органах власти».

Изложенные выше предложения разрабатывались для конкретного субъекта Российской Федерации — республики Дагестан, с учетом тенденций ее развития на современном этапе. Выделенные нами факторы отражают специфические особенности республики, такие как полиэтничность, ментальную связь с Россией через язык и русскую культуру, которую многочисленные этносы Дагестана впитали посредством русского языка, как языка межнационального общения, а также учитывают политико-идеологическую и культурно-религиозную нагрузку, свойственную пограничным регионам, находящимся на стыке культур — западной и восточной.

Конечно, предложенные нами факторы не являются исчерпывающими, но без их учета невозможны ни объективная оценка эффективности современной региональной и государственной национальной политики Российской Федерации, ни определение перспектив их дальнейшего развития.

Литература

1. Адиев А. З. Методология оценки эффективности государственной национальной политики // Вестник российской нации. 2013. № 3–4. С. 107–120.
2. *Дагестанские языки* // Литературная энциклопедия: в 11 т. М., 1929–1939. Т. 3. 634 с.
3. Морозова Н. М. Эффективность реализации государственной национальной политики Российской Федерации. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Н. Новгород, 2013.
4. Новицкий И. Я. Управление этнополитикой Северного Кавказа. Краснодар : Здравствуйте, 2011.
5. Плунгян В. А. Лингвистика катастроф // Итоги. 2007. № 30 (216).
6. Устинкин С. В., Рудакова Е. К., Морозова Н. М. Эффективность реализации этнонациональной политики // Власть. 2013. № 9. С. 10–15.

¹ Тухум — родственная группа у народов Кавказа (этнографический словарь; академик.ру <http://dic.academic.ru/dic.nsf/etno/634>).

7. Устинкин С. В., Рудакова Е. К., Морозова Н. М. Национальный вопрос в РФ: подходы к решению // Власть. 2013. № 10. С. 87–91.

References

1. Adiev A. Z. *Methodology to assess the effectiveness of the state national policy* [Metodologiya otsenki effektivnosti gosudarstvennoi natsional'noi politiki] // Bulletin of the Russian nation [Vestnik rossiiskoi natsii]. 2013. № 3–4. P. 107–120. (rus)
2. *Dagestan languages* [Dagestanskii yazyki] // Literary Encyclopedia [Literaturnaya entsiklopediya]: in 11 volumes. M., 1929–1939. V. 3. 634 p. (rus)
3. Morozova N. M. *The effectiveness of the implementation of the state national policy of the Russian Federation* [Effektivnost' realizatsii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii]. Abstract. diss. ... Cand. Polit. Sciences. N. Novgorod, 2013. (rus)
4. Novitsky I. J. *Management ethnopoltitics North Caucasus* [Upravlenie etnopolitikoi Severnogo Kavkaza]. Krasnodar: Hello [Zdravstvuite], 2011. 270 p. (rus)
5. Plungian V. A. *Linguistics disasters* [Lingvistika katastrof] // Results [Itogi]. 2007. № 30 (216). (rus)
6. Ustinkin S. V., Rudakov E. K., Morozova N. M. *The effectiveness of the implementation of ethnic policy* [Effektivnost' realizatsii etnonatsional'noi politiki] // Power [Vlast']. 2013. № 9. P. 10–15. (rus)
7. Ustinkin S. V., Rudakov E. K., Morozova N. M. *The national question in Russia: approaches to solving* [Natsional'nyi vopros v RF. podkhody k resheniyu] // Power [Vlast']. 2013. № 10. P. 87–91. (rus)

Щербо А. П., Аверьянова В. В.

Анализ государственной политики в сфере обеспечения качества и безопасности медицинской деятельности

Щербо Александр Павлович

Заместитель генерального директора по научной работе ОАО «Косметологическая поликлиника» (Санкт-Петербург)

Член-корреспондент РАН, доктор медицинских наук, профессор

Заслуженный работник высшей школы РФ

ashcherbo@yandex.ru.

Аверьянова Виолетта Вячеславовна

Старший администратор ОАО «Косметологическая поликлиника» (Санкт-Петербург)

Бакалавр по направлению «Государственное и муниципальное управление»

(СЗИУ РАНХиГС, выпуск 2016 г.)

violetta2906@mail.ru.

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается государственная политика РФ в сфере обеспечения качества и безопасности медицинской деятельности, системы стандартизации медицинской помощи, анализируется практика применения и характер применяемых в России стандартов оказания медицинской помощи. Методологией исследования выступает сравнительный анализ действующей нормативной и методической базы в сфере российского здравоохранения. Авторами констатируется, что в настоящее время в России не разработано единой методологии управления качеством медицинской помощи, которая в полной мере охватывала бы все его аспекты и могла бы быть применима на всех уровнях ее оказания. По результатам проведенного исследования прогнозируется возможный рост легального сегмента российского рынка медицинских услуг за счет совершенствования системы государственного управления и принятия новых, более эффективных регулирующих документов в сфере здравоохранения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

контроль качества в медицине, законодательство, стандарты, государственный, ведомственный, внутренний контроль

Shcherbo A. P., Averyanova V. V.

An Analysis of the State Policy in the Sphere of Medical Activity Quality and Safety

Shcherbo Aleksandr Pavlovich

Deputy General Director of «Cosmetology Clinic» for scientific work (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Corresponding member Russian Academy of Sciences, Doctor of Medical Sciences, Professor Honored Worker of Higher School of the Russian Federation

ashcherbo@yandex.ru.

Averyanova Violetta Vyacheslavovna

Senior manager of «Cosmetology Clinic» (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Bachelor of educational direction «Public Administration»

(North-Western Institute of Management — branch of the Russian President Academy of National Economy and Public Administration, graduate at 2016)

violetta2906@mail.ru.

ABSTRACT

The article deals with the Russian state policy in the sphere of ensuring the quality and safety of medical activity, medical care standardization system, analyzes the practice of application and the nature of Russia's health care standards. Methodology of research supports the comparative analysis of the current regulatory and methodological base in the Russian healthcare. The authors stated that currently in Russia is not developed a unified methodology of health care quality man-

agement, which would fully cover all of its aspects and would be applicable at all levels of care. According to the results of the study predicted a possible increase in the legal segment of the Russian market of medical services by improving public administration and the adoption of new, more effective regulatory documents in the field of public health.

KEYWORDS

quality control in medicine, legislation, standards, state, departmental, internal control.

Профессиональная подготовка персонала, включающая в себя ряд важных проблем управления, была и остается одной из важнейших позиций сферы ответственности руководителей медицинских учреждений любой организационно-правовой формы. Одной из таких позиций является проблема контроля качества и безопасности медицинской деятельности и связанная с ней обязательность аттестации рабочих мест по условиям труда, которые в существенной мере могут влиять на качественные показатели работы медицинского персонала.

Организация этой деятельности в медицинском учреждении базируется на законодательстве Российской Федерации и системе подзаконных актов (указы Президента, постановления и распоряжения Правительства, приказы министерств, местные законодательные и ведомственные документы и т. д.). Требования многочисленных директив непросто реализовать в практике работы медицинского учреждения; это, тем более, нелегко, поскольку в действующей нормативной базе немало противоречий, недостаточно проработанных позиций, незавершенных рекомендаций. Существенно и то, что учреждения медицинского предпринимательства работают в несколько иных условиях, нежели организации государственного сектора. Иногда эти условия создают преимущества для негосударственного учреждения, но нередко — и дополнительные проблемы. Во всяком случае, в негосударственном секторе работать приходится, следуя девизу: «Чтобы быть равным, надо быть лучшим».

Для реализации этой задачи и была подготовлена настоящая статья, которая анализирует нормативно-методическую базу в заявленной сфере государственной политики в сфере здравоохранения и предлагает, исходя из собственного опыта рассмотренного медицинского учреждения, подходы для ее корректного применения на практике.

Современные тенденции государственной политики развития отечественной медицины обозначены в двух фундаментальных документах:

1. Государственная программа «Развитие здравоохранения» Российской Федерации до 2020 г., утвержденная Постановлением Правительства № 294 от 15 апреля 2014 г.¹

2. «Стратегия развития медицинской науки в РФ на период до 2025 года», разработанная Минздравом и утвержденная Правительством 28 декабря 2012 г., распоряжение № 2580-р².

Подчеркнем, что «Стратегия...», согласно распоряжению Правительства, стала частью «Государственной программы...», обозначенной в п. 1. В развитие этих документов Министерство здравоохранения РФ издало приказ № 281 от 30 апреля 2013 г. «Об утверждении научных платформ медицинской науки»³.

¹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 294 // «Собрание законодательства РФ» от 28.04.2014 г. № 17. Ст. 2057.

² Об утверждении Стратегии развития медицинской науки в Российской Федерации на период до 2015 г.: распоряжение Правительства РФ от 28.12.2012 г. № 2580-р // «Собрание законодательства РФ» от 14.01.2013 г. № 2. Ст. 111.

³ Об утверждении научных платформ медицинской науки: приказ Министерства здравоохранения РФ от 30.04.2013 г. № 281 (ред. от 23.09.2015) // <http://base.consultant.ru>

Названные документы включили в отраслевой оборот новые термины и понятия, смысл которых целесообразно здесь прояснить.

Например, упомянутое выше выражение «научные платформы»; «Стратегия...» разъясняет: «Важным элементом стратегического развития медицинской науки явилось решение о переходе к управлению медицинскими исследованиями посредством механизма научных платформ. Медицинская платформа — это комплекс методологических, экспертных, информационных инструментов, позволяющих обеспечить:

- понимание — всестороннее понимание и расширение базы знаний в выбранной области; учет точек зрения всех заинтересованных сторон: государства, промышленности, научного сообщества, контролирурующих органов, пользователей и потребителей;
- приоритеты — выработку стратегий и приоритетов исследований и мобилизацию общественных и частных источников финансирования для их достижения;
- оценку — анализ и оценку рыночного потенциала разрабатываемых технологий;
- внедрение — комплексное управление, координацию и обратную связь при решении отдельных задач».

Одной из задач формирования научных платформ является выявление отстающих технологий (из четырех медицинских технологий, реализуемых сегодня за рубежом, трех в России, увы, нет). Изменению этой неприемлемой для развитой страны ситуации, при мобилизации всех ресурсов, включая потенциал международных проектов и иных форм активного взаимодействия, и призваны служить научные платформы.

«Стратегией...» определены 14 приоритетных направлений научных исследований в области инновационного развития здравоохранения, т. е. 14 этих самых научных платформ: «профилактическая среда», «онкология», «микробиология», «сердечно-сосудистые заболевания», «эндокринология», «неврология и нейронаука», «педиатрия», «репродуктивное здоровье», «психиатрия и зависимости», «регенеративная медицина», «иммунология», «инвазивные технологии», «фармакология», «критические технологии в медицине».

Международный опыт свидетельствует о том, что для создания системы управления качеством медицинской помощи (КМП) необходима ее стандартизация, внедрение таких Порядков и Стандартов, которые позволили бы каждому гражданину страны, независимо от его места жительства и работы, получить гарантированный объем медицинской помощи, идентичной при одном и том же патологическом состоянии. О том же говорит и п. 1 ст. 37 Закона 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹: «Медицинская помощь организуется и оказывается в соответствии с порядками оказания медицинской помощи, обязательными для исполнения на территории Российской Федерации всеми медицинскими организациями, а также на основе стандартов медицинской помощи».

Порядки оказания медицинской помощи — это, по существу, алгоритмы ее оказания, прописывающие, как сказано в ст. 37 Закона, ее этапность, необходимые уровни оснащения медицинской организации и компетенции медицинских работников. По данным Минздрава РФ на конец 2012 г. было выпущено пятьдесят Порядков по различным патологическим состояниям, разрабатывались еще несколько десятков. Отметим кстати, что такой «Порядок...» по профилю «Косметология» утвержден приказом МЗ СР Российской Федерации № 381н от 18 апреля 2012 г.²

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2015) // «Российская газета» от 23.11.2011 г. № 263.

² Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи населению по профилю «Косметология»: приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 18.04.2012 г. № 381н (Зарегистрирован в Минюсте РФ 17.05.2012 г. № 24196) // «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти», № 38, 17.09.2012.

Стандарты (иногда их называют клинико-экономическими протоколами) — это медико-экономические документы, которые, как отмечала министр здравоохранения В.И. Скворцова на I Национальном съезде врачей 5 октября 2012 г.: «...предназначены в первую очередь для организаторов здравоохранения, они необходимы для выравнивания организационных, материально-технических и кадровых условий оказания медицинской помощи в каждом регионе страны». К сожалению, термин «стандарты» используется сейчас даже медицинскими работниками слишком вольно, что позволяет усомниться в знании некоторыми из них основных нормативных документов.

По данным Минздрава РФ, в настоящее время издано 158 стандартов, завершается разработка еще 55, в достаточно высокой степени готовности еще 456, при этом подчеркивается, что «лечение должно осуществляться не по стандартам, а по клиническим рекомендациям (протоколам лечения)».

Как видим, в официальном тексте понятие «протоколы» подается как эквивалент понятия «клинические рекомендации». Зададимся вопросом: корректно ли это? Согласно наиболее распространенному определению, клинические рекомендации — это систематически разработанные и периодически обновляемые документы, описывающие действия врача по диагностике, лечению и профилактике заболеваний и помогающие ему принимать правильные клинические решения. Использование клинических рекомендаций позволяет внедрять во врачебную практику наиболее эффективные и безопасные медицинские технологии и лекарственные средства, отказываться от необоснованных медицинских вмешательств и повышать качество медицинской помощи.

Как отмечает академик РАМН Р.Г. Оганов [3] в предисловии к Национальным клиническим рекомендациям Всероссийского научного общества кардиологов, клинические рекомендации не имеют формальной юридической силы, они утверждаются профессиональными медицинскими обществами, помогают врачам сделать оптимальный лечебный выбор, однако, по мнению академика, могут использоваться при решении вопросов о правильности лечения, в том числе и в суде. «К сожалению, — отмечает академик, — во всем мире, Россия не является исключением, существует большой разрыв между существующими рекомендациями и реальной клинической практикой. На то имеются различные причины:

- врачи не знают об их существовании, или не верят им;
- врачи считают, что они перегружены рекомендациями;
- врачи полагаются на личный опыт и на впечатления, что выбранный ими терапевтический подход является наилучшим;
- на решения врачей влияют экономические и социальные факторы» [3].

Таким образом, клинические рекомендации могут быть полезны и для создания в конкретных лечебных учреждениях клинических путей, или планов ведения больных; индикаторов качества медицинской помощи, предназначенных для оценки качества; упоминавшихся уже клинико-экономических стандартов.

И наконец, клинические протоколы — документы, конечно, отличные от клинических рекомендаций, хотя и тесно с ними связанные. По определению профессора П.А. Воробьева и его соавторов [1], «клинический протокол медицинской организации — это нормативный документ, определяющий требования к выполнению медицинской помощи больному при определенном заболевании, с определенным синдромом или при определенной клинической ситуации в медицинской организации». И далее: «клинический протокол базируется на федеральном протоколе в части описания требований к оказанию медицинской помощи, но в отличие от него, содержит описание стандартных операций и процедур медицинской организации, обеспечивающих выполнение требований федерального протокола». При этом подчеркивается, что медицинская организация может провести разра-

ботку клинического протокола по теме, по которой федеральный протокол отсутствует.

К сожалению, понятия «порядки», «стандарты», «клинические рекомендации», «протоколы ведения больных» в литературе и в практике не вполне четко дифференцированы, часто употребляются некорректно, что вызвало необходимость вышеприведенной попытки внести сюда посильную ясность.

Анализируя правовые основы контроля качества и безопасности медицинской деятельности, следует начать с Федерального закона № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», где в ст. 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» дано такое определение: «контроль качества медицинской помощи — совокупность характеристик, отражающих своевременность оказания медицинской помощи, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи, степень достижения запланированного результата».

Все выступления на эту тему лидеров страны последних десятилетий и руководителей отечественной отрасли здравоохранения в частности свидетельствуют о том, что проблема качества медицинской помощи имеет в отечественном здравоохранении приоритетное значение. За это время в стране сформулировано множество подходов к решению проблемы управления качеством медицинской помощи, его экспертизе, формированию стандартов, оценке затрат на улучшение качества и определению его эффективности. При этом нужно с сожалением констатировать, что, «пока не разработано единой методологии управления КМП, которая в полной мере охватывала бы все его аспекты и могла бы быть применима на всех уровнях оказания медицинской помощи» [2].

Одной из важнейших предпосылок построения национальной системы управления КМП является уровень подготовки российских врачей. В выступлении 11 июля 2012 г. В. И. Скворцова назвала его «бесстыдно низким», отметив при этом, что подготовка ведется по устаревшим программам при серьезном дефиците «перспективных кадров в профессорско-преподавательском составе».

Другой важной предпосылкой формирования системы управления КМП, как отметил министр В. И. Скворцова в другом своем выступлении — 5 октября 2012 г. на Национальном съезде врачей, является стандартизация. В этой связи обратимся к ст. 64 Федерального закона 323-ФЗ, озаглавленной «Экспертиза качества медицинской помощи», п. 2 которой гласит: «Критерии оценки качества медицинской помощи формируются по группам заболеваний или состояний *на основе соответствующих порядков оказания медицинской помощи и стандартов* (курсив авторов) медицинской помощи и утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти».

Следует обратить внимание также на ст. 74 «Ограничения, налагаемые на медицинских работников и фармацевтических работников при осуществлении ими профессиональной деятельности». Отметим, что текст статьи имеет 10 подпунктов, каждый из которых сопровождается формулировкой «не вправе»; в переводе с канцелярского — не вправе принимать подарки, которые могут быть представлены в самых «ухищренных» формах (например, участие в «чужих» корпоративных праздниках), противоправно «сотрудничать» с заинтересованными фармкомпаниями, злоупотреблять доверием пациентов, искажая или скрывая информацию, значимую для их лечения и т. д.; здесь отмечено также, что нарушения требований этой статьи влекут ответственность, предусмотренную законодательством РФ.

Подчеркнем далее, что контроль качества и безопасности медицинской деятельности является первым из четырех пунктов ст. 85 Закона — «Контроль в сфере охраны здоровья»; другие пункты касаются таких составляющих, как государственный контроль в сфере обращения лекарственных средств, госконтроль при обра-

щении медицинских изделий и государственный санитарно-эпидемиологический надзор.

И наконец, статьи Закона № 323-ФЗ, рассматривающие регламент собственно контроля качества и безопасности медицинской деятельности — это ст. 87–90. Одноименная ст. 87 сообщает, что контроль качества и безопасности медицинской деятельности подразделяется на государственный, ведомственный и внутренний и формулирует общие средства обеспечения такого контроля, некоторые из которых еще только предстоит разработать.

Статья 88 «Государственный контроль качества и безопасности медицинской деятельности» говорит о том, что такой контроль осуществляется органами государственного контроля в соответствии с их полномочиями путем лицензирования и проведения различного рода проверок — соблюдения порядков оказания помощи, порядков проведения экспертиз, осмотров и освидетельствований, проверок безопасности условий труда, проверок соблюдения медработниками различного рода ограничений (о которых — в ст. 74, упомянутой выше), проверок реализации ведомственного и внутреннего контроля качества, о чем речь дальше. Детально характер государственного контроля представлен в «Положении о государственном контроле качества и безопасности медицинской деятельности», утвержденном постановлением Правительства РФ от 12.11.2012 г. № 1152¹.

Статья 89 «Ведомственный контроль качества и безопасности медицинской деятельности» содержит лишь два пункта. Первый определяет основные векторы содержания такого контроля: проверки соблюдения подведомственными организациями порядков и стандартов медицинской помощи, требований по условиям труда и использованию медицинских изделий, а также проверки соблюдения медицинскими работниками уже упомянутых неоднократно ограничений.

Второй пункт статьи говорит о том, что регламент ведомственного контроля устанавливается уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. Если в случае с государственным контролем (ст. 88) таким органом является Правительство, которым и утверждено названное выше «Положение о государственном контроле...», то в случае ведомственного контроля этим органом является Министерство здравоохранения РФ. Во исполнение этой своей обязанности Минздрав издал приказ от 21 декабря 2012 г. № 1340н «Об утверждении порядка организации и проведения ведомственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности»².

И наконец, ст. 90 «Внутренний контроль качества и безопасности медицинской деятельности», содержащая всего один пункт: «Органами, организациями государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения осуществляется внутренний контроль качества и безопасности медицинской деятельности *в порядке, установленном руководителями указанных органов, организаций*» (курсив авторов).

В тексте статьи нами подчеркнута распространение приведенной нормы и на частные учреждения здравоохранения. В этой связи небесполезны и даже поучительны следующие данные. На протяжении последнего десятилетия в стране наблюдается постоянный рост рынка платных медицинских услуг — рынок вырос за это время в 4 раза; в последние годы этот темп составлял 20% в год. Объем

¹ Об утверждении Положения о государственном контроле качества и безопасности медицинской деятельности: постановление Правительства РФ от 12.11.2012 г. № 1152 // «Российская газета» от 16.11.2012 г. № 265.

² Об утверждении порядка организации и проведения ведомственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности: приказ Минздрава РФ от 21.12.2012 г. № 1340н (Зарегистрирован в Минюсте РФ 03.06.2013 г. № 28631) // «Российская газета» от 26.06.2013 г. № 136.

рынка платных медицинских услуг достиг 500–540 млрд руб.¹ В процитированном выше исследовании РБК представлены три составляющие, на которые условно делят рынок платных медицинских услуг в России: легальный рынок, т. е. кассовые платежи учреждениям коммерческой медицины, рынок добровольного медицинского страхования (ДМС) и теневой сектор.

Российский рынок платных медицинских услуг пока еще не считается достаточно цивилизованным вследствие неразвитости системы ДМС, а также значительного объема теневого сектора, который по оценкам исследователей составляет 15–20% (около 100 млрд руб.). По данным аналитиков, теневой сектор тем не менее сокращается (еще в 2005 г. он составлял 30% объема платных услуг), наметилась и позитивная динамика в сегменте ДМС, который до 2015 г. рос темпами, превышающими 10% в год и составил к 2015 г. более 20% рынка частной медицины.

Подчеркнем, что «легальный» сегмент частной медицины увеличивается как за счет роста количества и качества предоставляемых населению услуг, так и за счет сокращения теневого сегмента. Доля «легального» рынка с 2005 г. увеличилась с 48,9% до 60,6%, т. е. более чем на 10%. Прогнозируется и дальнейший рост «легального» сегмента за счет сокращения теневых платежей путем совершенствования системы государственного управления и принятия новых, более совершенных регулирующих документов для частной медицины. При этом главным драйвером роста рынка платных услуг, как и ранее, все-таки остается недостаточное качество бесплатной медицинской помощи в стране.

Литература

1. Воробьев П. А., Сура М. В., Авксентьева М. В. и др. Технология разработки клинических протоколов медицинской организации // Проблемы стандартизации в здравоохранении. 2005. № 7.
2. Карачевцева М. А. Качество берет под управление // Медицинский вестник. 2007. № 26–27.
3. Оганов Р. Г., Мамедов М. Н. Национальные клинические рекомендации Всероссийского научного общества кардиологов. М., 2009.

References

1. Vorobyev P. A., Sura M. V., Avksentyev M. V. and others. *The technology development of clinical protocols of medical organization* [Technologia rasrabotki klinicheskikh protokolov medicinskoy organizacii] // Problems of standardization in healthcare [Problemi standartizacii v zdravooxranenii]. 2005. N 7.
2. Karachevtseva M. A. *Quality is taken under control* [Kachestvo берет под управление] // Medical Bulletin [Medikal buleten]. 2007. N 26–27.
3. Oganov R. G., Mamedov M. N., *National clinical guidelines All-Russian Scientific Society of Cardiology* [Nacionalnie klinicheskie rekomendacii vserossiyskogo obshstva kardiologov]. M., 2009.

¹ Источник данных: «Российский рынок частной медицины 2015», РБК.research.

Актуальные вопросы международной безопасности в русле парламентской дипломатии ОДКБ

Когут Виктор Григорьевич

Заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ — представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ и ПА ОДКБ (Санкт-Петербург)
kvg@iacis.ru

РЕФЕРАТ

В статье подчеркивается, что в современных условиях Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) рассматривается в качестве главного межгосударственного инструмента, призванного противостоять региональным вызовам и угрозам военно-политического и военно-стратегического характера. Указывается, что участие членов ОДКБ, включая и Республику Беларусь, в этом интеграционном объединении отвечает их национальным интересам, способствует повышению авторитета на международной арене. Отмечается, что в рамках противодействия невоенным угрозам ОДКБ парламентский диалог можно рассматривать как важнейший инструмент и как эффективный механизм для достижения намеченной цели. В этой обстановке заметно возрастает роль как самой Организации, так и ее Парламентской Ассамблеи, как действенного инструмента «мягкой силы» ОДКБ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), международный терроризм и экстремизм, национальная безопасность, геополитические интересы, парламентская дипломатия, «мягкая сила»

Kogut V. G.

Topical Issues of International Security in Line with the CSTO Parliamentary Diplomacy

Kogut Victor Grigorievich

Deputy Secretary General of the Council of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States — representative of the National Assembly of the Republic of Belarus in the CIS IPA and CSTO PA (Saint-Petersburg, Russian Federation)
kvg@iacis.ru

ABSTRACT

The article emphasizes that at the present stage of the Collective Security Treaty Organization (CSTO) is considered as the main interstate instrument to confront regional challenges and threats of military-political and military-strategic nature. It is stated that the participation of the CSTO member states, including the Republic of Belarus, in this integration association is in their national interests, promotes credibility in the international arena. It is noted that in the framework of countering non-military threats to the CSTO parliamentary dialogue may be regarded as the most important instrument and at the same time as an efficient mechanism to achieve the intended purpose. In this situation, the role of increases markedly as the Organization itself and its Parliamentary Assembly, as an effective instrument of “soft power” of the CSTO.

KEYWORDS

Of the Treaty on Collective Security Organization (CSTO), international terrorism and extremism, national security, geopolitical interests, parliamentary diplomacy, «soft power»

После распада Советского Союза и изменения геополитической ситуации, как на Евразийском континенте, так и в мире в целом перед бывшими советскими республиками остро встал вопрос обеспечения своей национальной безопасности.

Поэтому как для Республики Беларусь, так и для некоторых других стран СНГ является важным заключение 15 мая 1992 г. в г. Ташкенте Договора о коллективной безопасности (ДКБ).

Договор о коллективной безопасности оправдал свое предназначение для стран-участниц в деле обеспечения национальной безопасности. На этапе становления национальной государственности Договор способствовал обеспечению оборонной безопасности, гарантировал внешние условия для становления на путь независимого государственного строительства, защиты суверенитета и территориальной целостности, содействовал развитию многостороннего и двустороннего сотрудничества, в том числе в вопросах создания национальных Вооруженных Сил.

С целью противодействия новым вызовам и угрозам со стороны международного терроризма и экстремизма встал вопрос необходимости создания механизма согласования внешнеполитических позиций по вопросам международной и региональной безопасности государств-участников ДКБ не только внутри Договора, но и с третьими странами и международными организациями. С этой целью на Московской сессии Совета коллективной безопасности (СКБ) 14 мая 2002 г. главами шести государств (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация и Республика Таджикистан) принято решение о придании Договору о коллективной безопасности статуса международной региональной организации. Данным решением главы государств-участников подтвердили политическое стремление к созданию реального механизма укрепления региональной безопасности, противодействия новым вызовам и угрозам.

На современном этапе Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) рассматривается в качестве главного межгосударственного инструмента, призванного противостоять региональным вызовам и угрозам военно-политического и военно-стратегического характера. Основными целями ОДКБ согласно ее Уставу «являются укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств — членов организации, при этом приоритет в достижении целей отдается политическим средствам»¹.

В случае возникновения угрозы безопасности, территориальной целостности и суверенитету одного или нескольких государств-участников либо угрозы международному миру и безопасности, государства-участники организации проводят совместные консультации с целью координации своих позиций и принятия мер для устранения возникшей угрозы. Несмотря на то, что в уставе ОДКБ предусмотрены военные меры реагирования на внешние угрозы, в настоящее время она, по мнению экспертов, является в большей степени политической организацией.

Участие Республики Беларусь в интеграционном объединении, прежде всего, отвечает национальным интересам страны, способствует повышению ее авторитета на международной арене и развитию сотрудничества в военной и военно-технической сферах с государствами — членами ОДКБ, преследуя главную цель: укрепление национальной безопасности республики. В этой связи важно отметить, что со 2 февраля 2015 г. в Беларуси вступила в силу новая редакция Закона «О военном положении». Согласно ст. 4 Закона основанием для введения военного положения на территории Республики Беларусь является «акт вооруженной агрессии со стороны какого-либо государства или группы государств, совершенный против государства —

¹ Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г. с изменениями, внесенными Протоколом о внесении изменений в Устав ОДКБ от 10 декабря 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: http://odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=124 (дата обращения: 16.03.2016).

участника Организации Договора о коллективной безопасности»¹. Данный факт наглядно показывает приверженность Республики Беларусь уставным принципам и целям коллективной безопасности.

В настоящее время продолжается процесс трансформации ОДКБ в многофункциональную структуру безопасности. Организация обрела адекватный потенциал сдерживания военных угроз, противодействия современным вызовам безопасности и стабильности государств — членов. Отдавая приоритет политическим средствам в достижении поставленных перед ней целей, ОДКБ стала уникальным инструментом, способным взять на себя ответственность за обеспечение стабильности и безопасности государств — членов и в мирное время, и при отражении возможной агрессии.

Согласно стратегии ОДКБ, организация реагирует исключительно на внешние угрозы безопасности и суверенитету стран-участников, не вмешиваясь при этом во внутренние политические процессы и политическую жизнь государств. Однако в последнее время едва ли не большую угрозу для безопасности государств представляет не открытая военная агрессия, а организация так называемых цветных революций, которые провоцируются комплексом политических, информационных, коммуникационных и морально-психологических методов воздействия, применяемых геополитическими противниками России и ее союзников. По оценкам экспертов государств — членов ОДКБ, опасность цветных революций выдвигается на первый план в ряду нетрадиционных вызовов, угроз и рисков для коллективной безопасности.

По этому поводу, выступая на параде войск 3 июля 2011 г. в честь Дня Независимости Республики Беларусь, Президент А. Г. Лукашенко заявил, что сценарии цветных революций в Беларуси бесперспективны. По его мнению, стране усиленно и целенаправленно навязывают такие сценарии, написанные под копирку в столицах отдельных стран. «Мы понимаем, что цель этих атак — посеять неуверенность и тревогу, разрушить общественное согласие, — сказал глава государства. — В конечном итоге — поставить нас на колени и свести к нулю все завоевания независимости. Этому не бывать!»².

Наглядным примером является политический кризис на Украине. Хотя Украина и не является членом ОДКБ, но текущая ситуация в стране не может не создавать угроз безопасности государств — членов организации. И в первую очередь это касается Республики Беларусь, у которой общая протяженность границ с Украиной составляет около 1084 км³. Договор о государственной границе между Республикой Беларусь и Украиной был подписан еще в 1997 г., однако процедура демаркации началась лишь в ноябре 2013 г. Только 1 сентября 2014 г. Президент Республики Беларусь подписал соответствующий Указ «О демаркации Государственной границы Республики Беларусь с Украиной», чему предшествовали долгие переговоры между дипломатическими ведомствами двух стран.

По мнению специалистов, в частности министра иностранных дел Беларуси В. В. Макея, процесс демаркации белорусско-украинской границы займет от 5 до

¹ Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 22.01.2015, 2/2242. Закон Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам военного положения» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=1661> (дата обращения: 18.03.2016).

² Александр Лукашенко: сценарии «цветных революций» у нас бесперспективны. [Электронный ресурс]. URL: http://www.stoletie.ru/na_pervuiu_polosu/aleksandr_lukashenko_scenarii_cvetnyh_revolyucij_u_nas_besperspektivny_2011-07-04.htm (дата обращения: 26.03.2016).

³ Беларусь начала работы по демаркации границы с Украиной. [Электронный ресурс]. URL: <http://news.bigmir.net/ukraine/936544-Belarus--nachala-raboty-po-demarkacii-granicy-s-Ukrainoi> (дата обращения: 17.03.2016).

7 лет при стоимости работ около 100 млн евро¹. Принимая во внимание это обстоятельство и отсутствие на границе двух государств эффективных элементов системы безопасности, таких как контрольно-следовая полоса и современные технические средства защиты, понятна серьезная обеспокоенность белорусского руководства. И нам надо признать, что объективная картина сегодня такова: на внешних границах ОДКБ создаются реальные предпосылки для нелегальной миграции, незаконного оборота оружия и боеприпасов, усиления наркотрафика и проникновения бандформирований, что может привести к нестабильности на всем евразийском пространстве.

С учетом складывающейся ситуации белорусская сторона принимает форсированные меры к усилению охраны государственной границы. С апреля 2014 г. усилен контроль пограничной зоны, в том числе с привлечением Внутренних войск МВД, в ноябре 2014 г. главой государства было принято решение о формировании нового территориального органа пограничной службы — Мозырского пограничного отряда с местом дислокации в п. Прудок Мозырского района. Уже с 5 января 2015 г. новый отряд в составе двух пограничных постов, четырех пограничных застав и одной мобильной заставы приступили к охране белорусско-украинского участка границы протяженностью 377 км (из них около 48 км — водный участок)².

Тем не менее предпринятые шаги не позволят обеспечить полноценную безопасность государственной границы между Беларусью и Украиной в соответствии с принятыми современными стандартами и, как следствие, не создадут надежных гарантий по обеспечению безопасности остальным участникам интеграционного объединения. Однако, по мнению генсека ОДКБ Николая Бордюжи, высказанному на круглом столе 10 апреля 2014 г. в Минске, ОДКБ и НАТО не следует вмешиваться в текущую ситуацию, он напомнил, что Украина не является членом ОДКБ. «Мы не распространяем на нее свое влияние и не можем воздействовать на то, что происходит там. Но мы отслеживаем тенденции. Они нежелательные и ведут к еще большему обострению ситуации», — сказал Н.Н. Бордюжа. При этом он подчеркнул, что «все решать должен сам народ Украины, это единственное, что нужно для того, чтобы там наступил мир и покой»³.

Перед ОДКБ в настоящее время стоит задача сформировать позитивный имидж организации на национальном и международном уровне, используя систему публичной дипломатии. В этой связи необходимо отметить, что основные геополитические противники России и ОДКБ — США и НАТО — активно внедряют новые подходы к реагированию на невоенные вызовы, в том числе и за счет привлечения технологий «мягкой силы». Так, в 1990-х годах для подготовки общественного мнения стран НАТО и восточноевропейских государств к расширению блока на восток была выбрана активная публичная дипломатия. В тот период в сферу интересов дипломатии альянса было включено и постсоветское пространство, которое до настоящего времени продолжает рассматриваться представителями НАТО как основной полигон информационно-агитационной работы с использованием механизмов public diplomasy.

¹ Украинский кризис как угроза национальной безопасности Республики Беларусь. Российский институт стратегических исследований. [Электронный ресурс]. URL: <http://riss.ru/analytics/11098> (дата обращения: 23.03.2016).

² Мозырский пограничный отряд приступил к охране государственной границы. ЕКО-PRESS — информационное агентство. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecopress.by/ru/news/19/detail/189729/back.html> (дата обращения: 24.03.2016).

³ Генеральный секретарь ОДКБ Николай Бордюжа выступил 10 апреля на круглом столе в Минске по вопросам противодействия внешнего вмешательства и «цветных революций». [Электронный ресурс]. URL: http://www.odkbcsto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=3330&SECTION_ID=91&sphrase_id=16945 (дата обращения: 21.03.2016).

Стратегия действий альянса в странах, входящих в ОДКБ, выстраивается в основном по методу «элитоцентризма», ориентированного на работу с властными кругами для создания позитивного образа НАТО и формирования механизмов влияния. Опираясь на этот подход, НАТО продолжает активно действовать на Кавказе и в Центральной Азии, не просто игнорируя сам факт существования ОДКБ, но и нередко переигрывая Россию и политические элиты стран — участниц ОДКБ по отдельности, как в стратегическом, так и в технологическом плане. Широко используются дипломатические (а нередко и весьма далекие от дипломатических, как, например, в Украине) методы работы. Запад пытается настраивать друг против друга тех, кто формально декларирует свое единство и стремится расширить контроль за военно-политической ситуацией в представляющих интерес регионах ответственности ОДКБ.

В рамках противодействия невоенным угрозам ОДКБ еще предстоит создать собственную систему публичной дипломатии. При этом разъяснение национальной политики в сфере обороны и безопасности, а также роли, которая принадлежит каждой стране в ОДКБ, должно являться прерогативой правительств соответствующих государств. Каждая страна самостоятельно выбирает методы информирования и выделяет необходимые ресурсы. Задача — обеспечить понимание общественностью политики своей страны, ее роли и места в ОДКБ. Роль же самой Организации, как интеграционного объединения, должна сводиться к координации национальных усилий в сфере публичной дипломатии и дополнению деятельности по информированию общественности стран-союзниц. Для этого политическому руководству ОДКБ необходимо серьезно задуматься о целесообразности создания некоего специального органа. Очевидно, что этот вопрос уже назрел, и можно предположить: перспектива его решения не столь отдаленна.

На наш взгляд, важное место в выстраиваемой системе функционирования публичной дипломатии в рамках деятельности ОДКБ принадлежит ее парламентской составляющей. В таком ключе площадку Парламентской Ассамблеи (ПА) ОДКБ, а особенно ее стержень — парламентский диалог — можно рассматривать как важнейший инструмент и одновременно, как действенный механизм в достижении намеченной цели. В ст. 1 Временного Положения о Парламентской Ассамблее ОДКБ закреплены организационно-правовые нормы деятельности данной организации. В этом же документе определены и основные направления деятельности интеграционного объединения. В частности в ст. 3 Временного Положения записано: «Парламентская Ассамблея: обсуждает вопросы сотрудничества государств — членов ОДКБ в международной, военно-политической, правовой и иных областях..., осуществляет взаимодействие и сотрудничество с международными парламентскими и другими организациями в соответствии с целями своей деятельности»¹.

Период, прошедший после ноябрьского 2015 г. пленарного заседания ПА ОДКБ в Санкт-Петербурге выдался, сообразно ситуации в мире, насыщенным и напряженным. Прежде всего следует упомянуть очередную — декабрьскую — сессию Совета коллективной безопасности ОДКБ, лейтмотивом которой стало наращивание усилий государств-членов в противодействии современному международному терроризму. По итогам сессии главами государств Организации принято совместное Заявление². В этом документе зафиксирован факт многократно возросшей угрозы терроризма в мире, содержится призыв ко всем государствам неукосни-

¹ Приложение к Постановлению парламентских делегаций государств — участников МПА СНГ — членов ОДКБ от 30 марта 2007 г. СПб. : МПА СНГ, 2007. № 2.

² Заявление глав государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности о противодействии международному терроризму (21 декабря 2015 г.) // Материалы Совета коллективной безопасности ОДКБ. М., 2015.

тельно выполнять требования антитеррористических резолюций Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН и решительно пресекать деятельность террористической группировки ИГИЛ (организация запрещена в России) и подобных ей организаций. Отмечено, что важнейшим условием поддержания стабильности на Евразийском пространстве и в мире в целом является дальнейшее развитие сотрудничества в рамках существующих региональных интеграционных структур, наращивание усилий по противодействию идеологии международного терроризма и экстремизма, мобилизация институтов гражданского общества, СМИ и религиозных конфессий. Особо подчеркнута значение усилий по надежному перекрытию источников финансирования терроризма и экстремизма, на основе профильных резолюций Совбеза ООН и международных стандартов ФАТФ. Подтверждена, закрепленная в Резолюции Совета Безопасности ООН № 2254 от 18 декабря 2015 г., решимость наращивать усилия в борьбе с терроризмом в Сирии при продвижении процесса мирного политического урегулирования.

Следует отметить, что практически все перечисленные в Заявлении меры и озабоченности глав государств-членов ОДКБ на контртеррористическом треке не только коррелируются, но и детально подтвердили содержание документов, в том числе и законодательных приоритетов, принятых Советом и восьмым пленарным заседанием ПА ОДКБ 26 ноября 2015 г. в Санкт-Петербурге. Заявление дает карт-бланш парламентской дипломатии в рамках Организации для наращивания дальнейших усилий, направленных на укрепление единства и согласованности действий государств — членов ОДКБ.

На декабрьской сессии 2015 г. СКБ дана коллективная и однозначная оценка инциденту со сбитым Турцией российским Су-24. Россия не рассматривает отношения Анкары с Москвой как альтернативу отношениям с другими государствами и с пониманием воспринимает стратегическое партнерство отдельных государств-членов с Турцией, усматривая в этих отношениях эталон доверительности. Однако молчание отдельных государств-членов по поводу предательски сбитого российского Су-24, выполнявшего боевую задачу по пресечению деятельности ИГИЛ (организация запрещена в России) в общих интересах мирового сообщества, не ускользнуло от СМИ и, как следствие, показало о существующей проблеме в подходах к обеспечению коллективной безопасности в рамках ОДКБ.

Это опасный путь и хотелось бы, чтоб впредь подобных поводов усомниться в искренности добрых намерений интеграции государств-членов в рамках ОДКБ не было. Особенно в условиях спровоцированного Западом крайнего обострения ситуации в Сирии. Начавшиеся 13–14 февраля 2016 г. и продолжающиеся обстрелы Турцией позиций сирийских курдов, которые активизировали наступление на населенные пункты, удерживаемые джихадистами, а также заявления Турции и Саудовской Аравии о возможных наземных операциях в Сирии, значительно усложняли ситуацию, грозящую перерасти в прямое военное столкновение государств региона. На фоне действий Турции на второй план отступали главные задачи — борьба с международным терроризмом и содействие мирному внутрисирийскому урегулированию. Эти факторы вели к открытому нарушению соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН и нивелировали усилия действующей под эгидой ООН Международной группы поддержки Сирии.

Дальнейшее разжигание очага войны на территории Сирии в непосредственной близости от зоны ответственности ОДКБ представляло собой реальную угрозу безопасности государств — членов Организации. Российская сторона, которая инициировала рассмотрение вопроса обстрелов турецкой артиллерией позиций сирийских курдов на заседании Совбеза ООН, состоявшемся в ночь с 16 на 17 февраля сего года, рассчитывала на более весомую поддержку ее усилий со стороны государств — членов ОДКБ. При этом действия Турции осудили многие страны,

в частности США и Франция, призвавшие Анкару прекратить обстрелы. Резолюция была согласована РФ и США и принята Советом Безопасности ООН 26 февраля 2016 г. Несомненно, что в подобных вопросах история с пассивной реакцией государств — членов ОДКБ на «удар в спину России» не должна повторяться.

«Главная цель России, — как отметил в своем интервью заместитель министра иностранных дел России Г. М. Гатиллов, — установление мира в Сирии и начало переговорного процесса, в результате которого сами сирийцы определяют будущее своей страны»¹. РФ заинтересована в стабильности в регионе и исходит из того, что урегулирование в Сирии окажет позитивное воздействие на соседние государства: Палестину, Ливию, Ирак с его нестабильностью, север африканского континента. В этом заинтересована не только Россия, но и США, и переполненные беженцами страны Евросоюза.

Прошедшая в феврале 2016 г. Мюнхенская конференция, как и зимняя Венская сессия Парламентской Ассамблеи ОБСЕ, свидетельствовали о том, что западные партнеры хоть и избавляются от придуманных ими же фобий, но происходит это очень медленно. В наши дни осознание общей беды, грозящей как Европе, так и Евразии, диктует принятие совместных, скоординированных усилий по ее предотвращению. Это и есть самая актуальная задача, стоящая перед всеми странами ОБСЕ. Увы, понимание исключительной важности этой проблемы мы также не ощутили в дни саммита глав МИД государств-членов ОБСЕ, который состоялся в декабре 2015 г. в Белграде. Бездействие в этом вопросе чревато развязыванием войны на всем пространстве от Лиссабона до Владивостока. И это, к сожалению, не есть преувеличение.

Итоги этих событий подтверждают избирательный, политизированный и дифференцированный подход стран Запада к урегулированию животрепещущих проблем мировой безопасности, создателями которых является отнюдь не Россия. Сегодняшний период реальных действий стран Запада можно охарактеризовать крылатой ленинской фразой «шаг вперед и два назад». После начала операции российских ВКС в Сирии в адрес России со стороны Запада регулярно звучат голословные обвинения в том, что удары якобы наносятся не по боевикам ИГИЛ (организация запрещена в России), а по умеренной оппозиции и гражданским объектам. Вопреки фактам, убедительно доказывающим, что цели ВКС России в Сирии — исключительно террористические группировки, а не объекты гражданской инфраструктуры.

Вместо решительных действий по созданию реальной широкой международной антитеррористической коалиции, мы наблюдаем политику демагогической обусловленности, меркантильности и дешевого торга, за которыми — дележка террористов на хороших и плохих, двойные стандарты в оценке событий по всему спектру актуальных вопросов международной безопасности, как, например, действия Турции на Ближнем Востоке.

Касательно украинской проблематики, США и отдельные страны Запада продолжают дальнейшую координацию действий по «давлению на Россию» в целях имплементации Минских соглашений, тем самым упорно не желая замечать, что «шар» в урегулировании украинского кризиса находится отнюдь не «на стороне» России, которая не является стороной конфликта, а именно в самой Украине. Предпринимаемые Украиной попытки дискредитировать «Комплекс мер», разрушить или изменить переговорный формат и надзорный механизм приведут к дальнейшей дестабилизации ситуации, которая не отвечает интересам ни народа Украины, ни

¹ Интервью заместителя министра иностранных дел России Г. М. Гатилова германскому журналу «Дер Шпигель», опубликованное 14 февраля 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2094238 (дата обращения: 22.03.2016).

ее соседей. Эти и другие свидетельства, включая расползание НАТО к западным границам ОДКБ, позволяют с уверенностью констатировать, что Западом против России развернут новый виток холодной войны, который невольно ставит каждое государство — член ОДКБ перед выбором: как и с кем быть?

Уверен, что истина лежит на поверхности. Нам не нужен новый виток гонки вооружений и холодной войны, мы не поощряем террористов, мы не развязывали оголтелые информационные кампании на грани гибридных войн в отношении близких и дальних партнеров, мы не продвигали и не разворачивали у границ НАТО свои вооружения, в том числе в ядерном оснащении, в обход международных договоренностей. Это еще раз подтвердил в ходе январских и февральских визитов в государства — члены ОДКБ Генеральный секретарь Организации Н. Н. Бордюжа. Главные выводы, которые напрашиваются по итогам событий этого периода, сводятся к следующему:

- нужно укреплять единство, механизмы и институты сотрудничества в рамках ОДКБ;
- нужно быть готовым к решительному отражению любой агрессии и, прежде всего, международного терроризма;
- нейтралитет и многовекторность независимой внешней политики отдельных государств-членов не должны идти вразрез интересам национальной безопасности, важнейшей компонентой которой является именно коллективная, требующая самой пристальной заботы. Следует понимать, что как прошлые, так и сегодняшние нападки на вынужденно укрепляющую свою мощь Россию есть не что иное, как реакция, спровоцированная действиями Запада не только против нее, но и ее ближайших союзников;
- необходимо укреплять союзнический потенциал Организации, развивать наблюдательное сотрудничество, перед системой современных угроз превратить вчерашних пассивных противников в своих активных союзников и партнеров. Здесь следует отметить, что принятые ПА ОДКБ в ноябре прошлого года постановление «Об объединении усилий парламентариев государств — членов ОДКБ и ШОС в противодействии терроризму и иным формам насильственного экстремизма на современном этапе»¹ и соответствующее Обращение² к парламентам государств мира и международным парламентским организациям, работают.

Как известно, у медали две стороны: в условиях мирного урегулирования сирийского конфликта террористы ИГИЛ и его сторонники неизбежно будут искать для себя «территорию существования». У них есть плацдарм в Афганистане, а это уже непосредственно у границ ответственности ОДКБ. Часть боевиков вернется на родину, что неизбежно повысит уровень опасности для государств — членов Организации. Это потребует повышенных и четко скоординированных действий для пресечения и нейтрализации террористической угрозы. В такой обстановке заметно возрастает роль как самой Организации, так и ее Парламентской Ассамблеи, как действенного инструмента «мягкой силы» ОДКБ. И сфера применения парламентской дипломатии может быть достаточно широкой — «от налаживания и поддержания связей по линии сотрудничества с парламентами иностранных государств и на международных парламентских площадках до расширения гуманитарного присутствия в других странах и привлечения к сотрудничеству организаций соотечественников за рубежом»³.

¹ Постановление Совета Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности от 26 ноября 2015 г. СПб. : ПА ОДКБ, 2015. № 22.

² Приложение к Постановлению Совета Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности от 26 ноября 2015 г. СПб. : ПА ОДКБ, 2015. № 22.

³ Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 3 июня 2015 г. № 211-СФ «Об актуальных вопросах внешней политики Российской Федерации» 3 июня 2015 г. М. : СФ РФ, 2015.

Одним из важных направлений в деятельности ПА ОДКБ на современном этапе являются шаги по расширению количества наблюдателей из числа парламентов других государств. Наряду с получившими не так давно статус наблюдателя в ПА ОДКБ парламентами Сербии и Афганистана, официальную заявку на его получение в начале 2016 г. направил парламент Пакистана. Интерес к этой теме на уровне консультаций проявляют парламенты и некоторых других стран Центрально-Азиатского региона, которые являются членами организации ШОС. Данный факт говорит о возрастающем имидже и укрепляющемся потенциале ОДКБ на международной арене, что, несомненно, важно как для перспективного развития его парламентского измерения, так и Организации в целом.

В последнее время одной из позитивных форм сотрудничества среди национальных делегаций в ПА ОДКБ стало проведение рабочих встреч руководителей парламентских делегаций государств-членов ОДКБ и, в частности, в ПА ОБСЕ, накануне очередных сессий Ассамблеи. Цель таких встреч — выработка общей конструктивной позиции по тому или иному вопросу. Практика проведения совместных встреч руководителей парламентских делегаций государств-членов ОДКБ в ПА ОБСЕ сложилась в 2009 г. За 6 лет совместной работы выработаны подходы по принятию совместных заявлений, одобрению проектов резолюций ПА ОБСЕ и внесению собственных инициатив по их разработке.

Так, по итогам заседания в Вене в феврале 2009 г. было принято совместное заявление глав парламентских делегаций государств-членов ОДКБ в ПА ОБСЕ в поддержку российской инициативы о подготовке Договора о европейской безопасности. В мае 2010 г. в Ереване по инициативе парламентской делегации Республики Армения был внесен проект резолюции «Об ответственности государств-участников ОБСЕ в обеспечении глобальной энергобезопасности», парламентской делегацией России — проект резолюции «О недопустимости проявления ксенофобии, героизации нацизма и попыток пересмотра итогов и истории Второй мировой войны». В мае 2011 г. в Минске получила одобрение инициатива делегации Национального собрания Республики Беларусь по внесению проекта резолюции «Осуществление Глобального плана действий ООН по борьбе с торговлей людьми». В мае 2012 г. в Москве участники рабочей встречи выработали общую позицию по вопросам реформирования ОБСЕ.

В июне 2014 г. было поддержано предложение Российской Федерации о создании Межпарламентской группы связи по Украине, в которую вошли представители 12 делегаций, возглавляемые спикерами парламентов Беларуси, Казахстана и Сербии. Также была одобрена инициатива о включении в итоговую декларацию призыва расследовать трагедию в Одессе, в ходе которой национал-радикалами было заживо сожжено несколько десятков мирных граждан. В апреле 2015 г. в Санкт-Петербурге парламентарии ОДКБ поддержали предложение депутата Государственной Думы РФ Н. Ковалева о дополнении повестки дня предстоящей сессии ПА ОБСЕ проектами резолюций «О недопустимости международных санкций в отношении членов парламентов» и «О необходимости создания механизмов предупреждения незаконного свержения (смены) государственной власти». По итогам последней рабочей встречи, проходившей в марте 2016 г. в Ереване, выработана согласованная позиция стран-партнеров ПА ОДКБ по вносимым на обсуждение вопросам повестки дня летней сессии ПА ОБСЕ (1–5 июля 2016 г., Тбилиси).

Хорошо известно, к каким страшным последствиям привела недостаточно солидарная позиция мировых держав по отношению к гитлеровскому режиму накануне Второй мировой войны. Очень не хотелось бы, как говорят в России, снова «наступить на те же грабли». Война, которую развязал международный терроризм, требует от нас и наших правительств сплочения, консолидации усилий и солидарных действий. Что касается парламентской составляющей, то депутатам всех стран

необходимо, в первую очередь, используя парламентские поля МПС, ПАСЕ, ОБСЕ, привлечь общее внимание к ряду ключевых факторов текущей международной обстановки, способствующих разрастанию террористической угрозы. К ним можно отнести следующие:

- отсутствие единого международно-признанного определения терроризма;
- использование борьбы с международным терроризмом в качестве предлога для достижения сиюминутных внутри- или внешнеполитических целей;
- применение в борьбе с международным терроризмом т. н. «двойных стандартов» (деление террористов на «плохих» и «хороших», «своих» и «чужих»);
- игнорирование некоторыми государствами законных геополитических и экономических интересов друг друга;
- насильственная смена в некоторых странах законно избранной власти.

С учетом приведенного массива информации, как мне видится, важно обозначить и некоторые международно-правовые аспекты, которые в краткосрочной перспективе вполне могли бы стать предметом парламентского диалога на законодательных площадках Евразии, да, пожалуй, и в целом мирового сообщества.

Во-первых, в условиях обострившейся террористической угрозы было бы крайне своевременным принять совместное обращение к парламентам стран мира, в котором дать объективную оценку этому уродливому явлению. Основное содержание этого документа было бы нацелено на призыв к незамедлительному формированию максимально широкой антитеррористической коалиции государств-участников.

Во-вторых, одной из форм консолидации усилий на антитеррористическом направлении могли бы стать внутри- и межгосударственные парламентские консультации по предварительному изучению вопроса о создании специализированной международной антитеррористической организации с наделением ее полномочиями по поиску, выявлению, задержанию и изобличению участников любой террористической деятельности, вне зависимости от ее политических целей. Например, по аналогу Интерпола.

В-третьих, ситуация диктует необходимость срочно вернуться к рассмотрению таких не утративших своей актуальности вопросов, как унификация национальных антитеррористических законодательств и выработка мер, направленных на скорейшее перекрытие каналов финансирования террористических организаций.

В-четвертых, возникает настоятельная потребность в усилении взаимодействия спецслужб наших стран, в первую очередь их антитеррористических подразделений. Особую остроту данный вопрос приобретает на фоне растущей массы беженцев из стран Ближнего Востока, Центральной Азии и Северной Африки, в которые террористические группировки внедряют своих членов. Недавние события в Бельгии тому подтверждение.

Таким образом, можно сделать вывод, что современная международная обстановка в мире очень напряженная и тревожная. Международный терроризм в лице ИГИЛ (организация запрещена в России) бросил мировому сообществу свой вызов. США и их союзники по блоку НАТО, вместо того, чтобы сообща бороться с мировым злом, продолжают наращивать эскалацию военных конфликтов в странах Ближнего Востока и на севере Африки. Не способствуют мирному урегулированию внутривосточного конфликта на Украине, а, наоборот, все более подогревая его изнутри, абсурдно обвиняют во всех грехах Россию. В выгодной плоскости «некоторыми оппонентами» рассматривается тот факт, что очаг войны находится у самых границ РФ и стран ОДКБ.

Поэтому вполне оправданы сегодняшние действия российских ВКС в Сирии, а особенно последние усилия внешнеполитического ведомства РФ по реальному достижению перемирия между участниками сирийского конфликта. Недавнее реше-

ние Президента РФ В.В. Путина о выводе основной группировки ВКС России из зоны боевых действий в Сирии было таким неожиданным, что поставило наших заокеанских и европейских партнеров в недоумение и показало еще раз всему мировому сообществу истинность намерений Москвы. Лучше хрупкий мир, чем реальная война, и каждый здравомыслящий человек понимает, что мирному диалогу нет альтернативы в разрешении военных конфликтов.

Мне, как очевидцу событий прошедшей недавно зимней сессии ПА ОБСЕ в Вене, хочется привести слова Председателя Государственной Думы РФ, Председателя ПА ОДКБ С.Е. Нарышкина, произнесенные им в своем выступлении 25 февраля 2016 г.: «Две недели назад в Гаване состоялась поистине историческая встреча Святейшего Патриарха и Папы Римского. Эта готовность пойти навстречу друг другу, несмотря на очень серьезные, многовековые, разногласия, может и должна стать для нас примером. Речь идет о диалоге по вопросам, имеющим огромное значение для всей нашей цивилизации. А Европа несет за это особую ответственность»¹. Безусловно, эти слова были адресованы нашим европейским коллегам, но мы ведь прекрасно понимаем, что в первую очередь они относятся к США и НАТО, которые должны усвоить сегодняшнюю аксиому — однополярный мир остался в прошлом.

¹ Выступление Председателя Государственной Думы Сергея Нарышкина на сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ (Вена, 25 февраля 2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://so-l.ru/news/show/vistuplenie_predsedatelya_gosudarstvennoy_dumi_serg_56 (дата обращения: 26.03.2016).

Непрограммная классификация расходов программного бюджета

Запорожан Анатолий Яковлевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Профессор кафедры макроэкономического регулирования
 Доктор экономических наук, профессор
 Rakov1960@rambler.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена рассмотрению проблем становления в России программного бюджетирования, в развитии которого наметилась негативная тенденция абсолютизации программного финансирования, когда бюджетные расходы «втискиваются» в программные расходы, а бюджеты страны, регионов, муниципальных образований могут превратиться в совокупность бюджетов, соответственно, государственных, региональных и муниципальных программ. В результате может быть дискредитирована сама идея программного бюджета. Чтобы не допустить этого, необходимо четко разделять программные и текущие расходы, дифференцировать бюджетные расходы на финансирование текущей деятельности и на финансирование программ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственная программа, программный бюджет, бюджетная классификация расходов, программная классификация расходов, программные и текущие расходы бюджета

Zaporozhan A.Ya.

Non-program Classification of Expenses of the Program Budget

Zaporozhan Anatoly Yakovlevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Professor of the Chair of Macroeconomic Regulation
 Doctor of Science (Economics), Professor
 Rakov1960@rambler.ru

ABSTRACT

The article is devoted to consideration of problems of formation in Russia of program budgeting in which development the negative tendency of absolutization of program financing when the budgetary expenses «squeeze» into program expenses was outlined, and budgets of the country, regions, municipalities can turn into set of budgets, respectively, the state, regional and municipal programs. The idea of the program budget can be as a result discredited. Not to allow it, it is necessary to divide accurately program and operating costs, to differentiate the budgetary expenses on financing of the current activity and on financing of programs.

KEYWORDS

state program, program budget, budgetary classification of expenses, program classification of expenses, program and operating costs of the budget

Начиная с 2014 г. федеральный бюджет формируется и исполняется в «программном» формате с классификацией расходов по государственным программам и подпрограммам, в том числе утвержденным федеральным целевым программам. Однако программный бюджет требует качественной перестройки основ бюджетного планирования и новой классификации расходов. В настоящее же время классификация расходов бюджета не является программной. Отсюда возникает задача (проблема), как вложить программный бюджет в непрограммную классификацию расходов бюджета.

На первый взгляд, эта задача решается достаточно просто вследствие соответствия иерархической структуры государственной программы (программа — подпрограмма — основные мероприятия — мероприятия) и классификации расходов бюджета (раздел — подраздел — целевая статья расходов — вид расходов). Поэтому напрашивается следующая логика: финансовое обеспечение государственных программ фиксируется в разделах, подпрограмм — в подразделах, основных мероприятий — в целевых статьях расходов, мероприятий — в видах расходов. Однако эта логика на практике не работает.

Бюджетная классификация расходов включает в себя 14 разделов, в которые должны укладываться соответствующие программы. И уже здесь возникают если не проблемы, то трудности, связанные с вложением государственных программ в бюджетную классификацию расходов. Некоторые государственные программы напрямую вписываются в разделы классификации расходов бюджета:

- программа «Развитие образования на 2013–2020 годы» — раздел «Образование»;
- программа «Развитие здравоохранения» — в раздел «Здравоохранение»;
- программа «Охрана окружающей среды на 2012–2020 годы» — в раздел «Охрана окружающей среды»;
- программа «Развитие физической культуры и спорта» — в раздел «Физическая культура и спорт»;
- программа «Обеспечение обороноспособности страны» — в раздел «Национальная оборона».

В то же время восемнадцать государственных программ направления «Инновационное развитие и модернизация экономики» формально замыкаются на один раздел бюджетной классификации расходов — «Национальная экономика»; все шесть программ направления «Сбалансированное региональное развитие» напрямую не имеют соответствующего раздела классификации расходов бюджета; некоторые государственные программы нужно распределять по нескольким разделам, например программы «Доступная среда на 2011–2015 годы» или «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации».

Объектами бюджетного планирования являются программы, подпрограммы, основные мероприятия, мероприятия. Если программы должны укладываться в соответствующие разделы, то подпрограммы по логике должны укладываться в подразделы. И здесь опять возникают проблемы, ибо перечень и наименования подразделов зафиксированы в Бюджетном кодексе, и они не очень сочетаются с перечнем и наименованиями подпрограмм. Для иллюстрации сравним подпрограммы программы «Развитие здравоохранения» и подразделы раздела «Здравоохранение» классификации расходов бюджета (см. табл. 1).

Основные мероприятия легче уложить в целевые статьи и виды расходов классификации расходов бюджета, ибо последние жестко не фиксируются в бюджетном кодексе. «Основные мероприятия необходимо формировать с учетом возможности отражения их наименований в целевых статьях расходов федерального бюджета»¹.

Итак, финансовое обеспечение государственных программ напрямую не вписывается в бюджетную классификацию расходов. Поэтому на практике вложение государственных программ в бюджетную классификацию расходов происходит иначе. Распределение бюджетных ассигнований на реализацию государственных программ утверждается федеральным законом о федеральном бюджете и федеральными законами о бюджетах государственных внебюджетных фондов Российской Федерации».

¹ Государственные программы // Постановление Правительства РФ от 02.08.2010 № 588 (ред. от 21.07.2014) «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации».

**Сравнение подпрограмм программы «Развитие здравоохранения»
и подразделов раздела «Здравоохранение» классификации расходов бюджета**

Подпрограммы программы «Развитие здравоохранения»	Подразделы раздела «Здравоохранение»
1. Профилактика заболеваний и формирование здорового образа жизни. Развитие первичной медико-санитарной помощи	Стационарная медицинская помощь
2. Совершенствование оказания специализированной, включая высокотехнологичную, медицинской помощи, скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи, медицинской эвакуации	Амбулаторная помощь
3. Развитие и внедрение инновационных методов диагностики, профилактики и лечения, а также основ персонализированной медицины	Медицинская помощь в дневных стационарах всех типов
4. Охрана здоровья матери и ребенка	Скорая медицинская помощь
5. Развитие медицинской реабилитации и санаторно-курортного лечения, в том числе детям	Санаторно-оздоровительная помощь
6. Оказание паллиативной помощи, в том числе детям	Заготовка, переработка, хранение и обеспечение безопасности донорской крови и ее компонентов
7. Кадровое обеспечение системы здравоохранения	Санитарно-эпидемиологическое благополучие
8. Развитие международных отношений в сфере охраны здоровья	Другие вопросы в области здравоохранения
9. Экспертиза и контрольно-надзорные функции в сфере охраны здоровья	—
10. Медико-санитарное обеспечение отдельных категорий граждан	—
11. Управление развитием отрасли	—

Федерации на очередной финансовый год и плановый период. Информация о расходах федерального бюджета на реализацию государственной программы указывается в целом, а также:

- с распределением по подпрограммам государственной программы. При этом программа и подпрограммы расписываются по разделам и подразделам расходов классификации расходов бюджета. Поэтому на основе, в том числе, этой информация формируется классификация расходов Федерального бюджета;
- с распределением по ответственным исполнителям, исполнителям и участникам исполнения государственной программы. Поэтому на основе, в том числе этой, информации формируется ведомственная классификации расходов Федерального бюджета;
- по федеральным целевым программам (в целом и по каждой федеральной целевой программе в отдельности);

- детализируются по ведомственным целевым программам и основным мероприятиям подпрограмм.

Механизм финансового вложения государственных программ в бюджетную классификацию расходов неудобен и трудоемок. Поэтому естественно возникает желание перейти к полностью программному бюджету и к программной классификации расходов. «Программный бюджет требует качественной перестройки основ бюджетного планирования и классификации расходных статей, т. е. новой классификации расходов. По мнению некоторых отечественных авторов, это должна быть программная классификация, структура которой определяется целями и задачами социально-экономической политики» [2, с. 32]. Эта же мысль проводится в статьях зарубежных авторов. «Во многих развивающихся странах программная классификация не является всеохватывающей; значительные пробелы вроде непрограммных расходов на содержание государственного аппарата подрывают доверие к программному бюджетированию» [4, р. 6].

Однако программная классификация расходов бюджета невозможна в силу объективного наличия в бюджетных расходах непрограммных расходов, что можно объяснить двумя причинами:

1. Существуют изначально непрограммные расходы бюджета. Например, затраты на обслуживание государственного долга.

2. Государственные программы, подпрограммы, основные мероприятия направлены на достижение определенных результатов в будущем, т. е. на повышение числовых показателей индикаторов исполнения программы. Например, одним из индикаторов реализации государственной программы «Развитие здравоохранения» является снижение смертности от всех причин от 13,3 в 2012 г. до 11,4 в 2020 г. Чтобы достичь этого показателя, нужно создать новые медицинские учреждения, купить или разработать и производить новое медицинское оборудование, купить или разработать и производить новые медицинские препараты и т. д. Вот на эти дополнительные затраты и должны идти деньги в рамках государственной программы «Развитие здравоохранения». Но ведь еще нужно финансировать действующие медицинские учреждения, содержать действующее медицинское оборудование, приобретать используемые медицинские препараты и т. д. Это как раз и есть непрограммные (текущие) расходы системы здравоохранения.

Поэтому учреждения должны получать бюджетные деньги по двум каналам: бюджетные субсидии на выполнение государственного задания в рамках текущей (обычной деятельности) и бюджетные средства на выполнение определенных мероприятий государственной программы (подпрограммы, основного мероприятия). Аналогично расходы бюджета должны формироваться по двум самостоятельным направлениям: на финансирование текущей деятельности в разрезе классификации расходов бюджета и на финансирование государственных программ.

Отсутствие дифференциации двух каналов финансирования учреждений может привести на практике к сбоям их бюджетного финансирования. Уже сейчас практики жалуются — чтобы получить бюджетное финансирование текущей деятельности, надо «внедриться» в какие-либо программы (подпрограммы, основные мероприятия). Это создает трудности не только в деятельности учреждений, но и создает дополнительные трудности в планировании и исполнении государственных программ (подпрограмм, основных мероприятий).

В качестве иллюстрации к вышесказанному можно привести пример искусственно создаваемой проблемы в сфере межбюджетных отношений. Как известно, бюджетные трансферты, в первую очередь в форме дотаций, направлены на выравнивание бюджетной обеспеченности регионов и территорий. С другой стороны, субъекты РФ и муниципальные образования могут получать финансирование из федерального бюджета в форме субсидий и субвенций как участники исполнения государственных

программ. Уже сейчас специалисты бьют тревогу. В последние годы изменилась структура бюджетных трансфертов: уменьшилась доля средств, выделяемых на межбюджетное выравнивание, и увеличилась доля средств, выделяемая в рамках целевых государственных программ; уменьшилась доля дотаций в бюджетных трансфертах с 54,3% в 2007 г. до 32,2% в 2012 г. [1, с. 26].

С переходом к программному бюджету с течением времени эта тенденция может и, по всей видимости, будет нарастать. Экономически развитые регионы и территории будут в большей степени включены в реализацию государственных программ в силу именно более высокого уровня их экономического развития, а значит, в большей степени будут получать бюджетные трансферты.

А это будет вести к усугублению проблемы диспропорциональности развития регионов и территорий, т. е. увеличения разрыва уровня экономического развития экономически развитых и менее развитых регионов и территорий. Чтобы предотвратить это, необходимо разделить два потока межбюджетных трансфертов: межбюджетные трансферты на бюджетное выравнивание преимущественно в форме дотаций; межбюджетные трансферты на исполнение государственных программ.

Итак, непрограммные расходы объективно присутствуют в бюджетных расходах. В федеральном бюджете на 2015 г. их доля составляет 44,35%. При этом планируется увеличение доли непрограммных расходов в 2017 г. по сравнению с 2014 г. Программные расходы за этот период времени должны вырасти на 2,3%, в то время как непрограммные расходы — на 32,2%.

На уровне субъектов РФ наблюдается другая тенденция — рост программных расходов в бюджетных расходах. «Согласно исследованию качества управления финансами в субъектах РФ, проведенному Минфином России по итогам 2013 г., у 38 регионов доля программных расходов бюджета составляла 50% и выше (в среднем по РФ данный показатель равен 46,9%). В то же время в ряде субъектов федерации доля программных расходов по-прежнему оставалась на низком уровне — около 5%. Лидерами по отношению программных расходов к общей сумме расходов регионального бюджета стали Республика Карелия (99,3%), Тверская область (97,7%), Ленинградская область — 90%, Пензенская область (81,3%) [3, с. 16].

Пять процентов программных расходов — это, конечно, ничтожно мало; но 99,3% Республики Карелия, 97,7% Тверской области, 90% в Ленинградской области и даже 81,3% Пензенской области — это «перебор» со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. В сложившейся ситуации настораживает оценка роста программных расходов в расходах региональных бюджетов. Их рост рассматривается как положительная тенденция. «По формальным показателям внедрение программно-целевого метода в бюджетный процесс в Новосибирской области проходит достаточно успешно, об этом свидетельствует динамика доли программных расходов в областных бюджетах. Так, например, в целом по областному бюджету в 2014 г. доля данных расходов составляет около 70%, она увеличилась более чем в два раза в сравнении с 2012 г.» [2, с. 34].

Таким образом, в развитии в России программного бюджетирования наметилась негативная тенденция абсолютизации программного финансирования, когда бюджетные расходы «втискиваются» в программные расходы, а бюджеты страны, регионов, муниципальных образований могут превратиться в совокупность бюджетов соответственно государственных, региональных и муниципальных программ. В результате может быть дискредитирована сама идея программного бюджета.

Чтобы не допустить этого, необходимо четко разделять программные и текущие расходы, а именно: расходы бюджета должны формироваться по двум самостоятельным направлениям — на финансирование текущей деятельности в разрезе классификации расходов бюджета и на финансирование государственных программ. А учреждения должны получать бюджетные деньги по двум каналам: бюджетные

субсидии на выполнение государственного задания в рамках текущей (обычной) деятельности и бюджетные средства на выполнение определенных мероприятий государственной программы (подпрограммы, основного мероприятия). Межбюджетные трансферты должны формироваться по двум самостоятельным направлениям: межбюджетные трансферты на бюджетное выравнивание преимущественно в форме дотаций и межбюджетные трансферты на исполнение государственных программ.

Литература

1. *Малкина М. Ю.* Анализ оценки эффективности выравнивающего эффекта межбюджетных трансфертов в Российской Федерации в 2000–2012 годах // Финансы и кредит. 2014. № 22. С. 23–34.
2. *Федотова Г. В.* Программный бюджет в региональном стратегическом планировании // Дайджест-Финансы. 2013. № 12. С. 29–34.
3. *Чулков А. С.* Программный бюджет: проблемы и перспективы развития на региональном и местном уровнях // Финансы и кредит. 2014. № 39. С. 11–20.
4. *Robinson M., Last D.* A Basic Model of Performance-Based Budgeting. International Monetary Fund, Technical Notes and Manuals. September 2009.

References

1. *Malkina M.Yu.* *The analysis of an assessment of efficiency of the leveling effect of the inter-budgetary transfers in the Russian Federation in 2000–2012* [Analiz otsenki effektivnosti vyravnivayushchego effekta mezhbyudzhetykh transfertov v Rossiiskoi federatsii v 2000–2012 godakh] // Finance and the credit [Finansy i kredit]. 2014. N 22. P. 23–34. (rus)
2. *Fedotova G.V.* *The program budget in regional strategic planning* [Programmnyi byudzhет v regional'nom strategicheskom planirovanii] // Digest-Finance [Daidzhest-Finansy], 2013. N 12. P. 29–34. (rus)
3. *Chulkov A.S.* *Program budget: problems and prospects of development at the regional and local levels* [Programmnyi byudzhет: problemy i perspektivy razvitiya na regional'nom i mestnom urovnyakh] // Finance and the credit [Finansy i kredit]. 2014. N 39. P. 11–20. (rus)
4. *Robinson M., Last D.* *A Basic Model of Performance-Based Budgeting*. International Monetary Fund, Technical Notes and Manuals, September 2009.

Шматко А. Д., Самодуров А. А., Доманский Л. В.

Движение финансовых потоков предприятия в системе антикризисного управления в туристической сфере

Шматко Алексей Дмитриевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой финансового менеджмента, профессор
Доктор экономических наук, доцент
shmat200@yandex.ru

Самодуров Александр Александрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры финансового менеджмента
Кандидат технических наук, доцент
alexanders-2000@mail.ru

Доманский Леонид Валерьевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант
Генеральный директор медиа-агентства «Аккорд» (Санкт-Петербург)
akkordspb@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье представлены ресурсы управления финансовыми потоками предприятия в системе антикризисного управления. Рассматривается структура управления финансовыми потоками организации относительно центра движения финансовых средств. Данный подход ориентирован на анализ антикризисного управления предприятий, работающих в туристической сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

центр движения финансовых средств, финансовые потоки, материальные и нематериальные активы, риск-менеджмент организации, маржинальный анализ, SWOT-анализ, туристическая сфера

Shmatko A. D., Samodurov A. A., Domanskiy L. V.

Movement of Financial Flows of the Entity in System of Crisis Management in the Tourist Sphere

Shmatko Alexey Dmitrievich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of Financial Management, Professor
Doctor of Science (Economics), Associate Professor
shmat200@yandex.ru

Samodurov Alexander Aleksandrovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Financial Management
PhD in Technical Sciences, Associate Professor
alexanders-2000@mail.ru

Domanskiy Leonid Valeryevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Graduate Student,
CEO of media agency "Accord" (Saint-Petersburg, Russian Federation)
akkordspb@yandex.ru

ABSTRACT

In the article, resources of management of financial flows of the entity in system of crisis management are provided. The structure of management of the financial flows of the organization concerning the center of movement of financial resources is considered. This approach is oriented to the analysis of crisis management of the entities working in the tourist sphere.

KEYWORDS

center of the movement of financial means, financial streams, material and intangible assets, risk management of the organization, marginal analysis, SWOT-analysis, tourist sphere

Актуальной задачей движения финансовых потоков является изучение возможностей экономической безопасности организации и, в частности, выхода из финансового кризиса, при условии устранения причин его появления в организации. Для этого необходимо провести тщательный анализ внешней и внутренней сред, влияющих на развитие кризис-факторов организации.

Все эти основные разделы комплексной диагностики связаны с идентификацией финансовых потоков в динамике (рис. 1).

В хозяйственной деятельности организации существуют различные подходы к управлению финансовыми потоками предприятий [3]. С точки зрения практической ценности интерес представляет сбалансированное управление промышленными предприятиями [4].

Получая прибыль, предприятие всегда наращивает капитал и, следовательно, способно выполнять свои финансовые обязательства. При этом организация размещает свои финансы таким образом, чтобы их можно было быстро мобилизовать для выполнения обязательств (рис. 2).

Чистая прибыль предприятия (ЧПП) означает возможность прироста собственного капитала и является частью выручки предприятия. В результате размещения капитала его финансовое состояние можно зафиксировать на определенную дату (табл. 1).

Динамика движения финансовых потоков предприятия отражается в главном финансовом индикаторе — ЦДФС (рис. 3). ЦДФС — центр движения финансовых средств [5].

На этом рисунке показано распределение основных источников динамики финансовых средств предприятия, включая производственную деятельность и реализацию товаров (услуг). Фактически ЦДФС является главным показателем движения финансовых средств, включая налоги (т. е. обязательства, прежде всего, перед государством) и структуру партнерских отношений.

В хозяйственной деятельности предприятия ЦДФС отражает финансовый результат в конечной денежной форме. При этом часть финансовых средств пополняет ресурсы ЦДФС, другая часть — потребляет ресурсы ЦДФС.

В дальнейшем необходимо произвести акценты на терминологические определения, которые существуют в экономической литературе:

Налоги, прежде всего, являются отражением обязанностей предприятия перед государством.

Уставный капитал — необходимый финансовый источник для пополнения ЦДФС. Особое требование к уставному капиталу предъявляется при открытии предприятия.

Дивиденды — средства, финансирование деятельности собственников (акционеров), которое осуществляется при успешной деятельности организации.

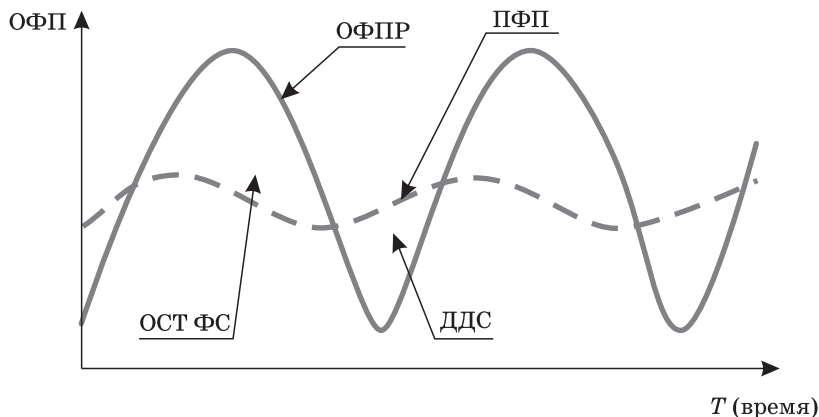

Рис. 1. Динамика финансовых средств в организации

где ОФП — объем финансовых потоков, ДФС — дефицит финансовых средств, ОСТ ФС — остаток финансовых средств, ПФП — плановые финансовые потоки, РФП — реальные финансовые потоки.

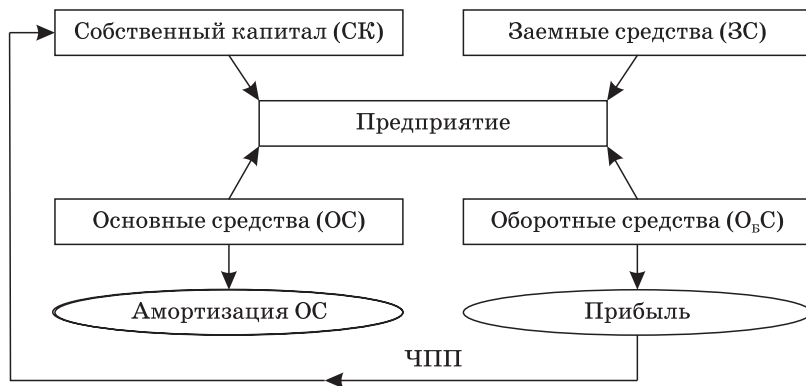

Рис. 2. Структура капитала предприятия

где СК — первоначальный собственный капитал, ЗС — банковский заем или кредит в денежной форме или в натуральной форме с денежным эквивалентом, ОС — здания, оборудование, сооружения, долгосрочные ценные бумаги, ОБС — а) средства в производстве, т. е. капитал, размещенный в производственном процессе; б) средства в расчетах (вложение вне производства).

Внешние кредиторы пополняют центр движения финансовых средств в случае необходимой деятельности предприятия, например, при ликвидных продажах, требующих дополнительного финансирования. Но дефицит пополнения необходимо возвращать внешним кредиторам с процентами.

Финансовые активы — средства, вложения ресурсов в ЦДФС в хозяйственной деятельности организации.

Основные активы — перевод части средств в хозяйствовании имуществом и с учетом амортизации, перерасчет стоимости этого имущества.

Контрагенты — лица, учреждения, организации, связанные обязательствами по общему договору, сотрудничающие в процессе его выполнения.

Структура бухгалтерского баланса

Вложения капитала (Актив)	Источники капитала (Пассив)
1. ОС	1. СК
2. О _Б С	2. ЗС
3. Убытки	

Примечание:

- Выручка, с точки зрения приоритета, распределяется:
 На возмещение ранее понесенных затрат на производство (в том числе, на погашение обязательств).
 На платежи в бюджет и внебюджетные фонды.
 На затраты из прибыли предприятия, которая включает в себе чистую прибыль предприятия (ЧПП).
- Чистая прибыль может расходоваться на нужды потребления и накопления.
- В целом ресурсы предприятия, распределенные на активы и пассивы, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Распределение ресурсов предприятия

Активы	Пассивы
1. Основные материальные и нематериальные активы	1. Капиталы
2. Товары и товарные запасы	2. Кредиты
3. Финансы (акции, ценные бумаги)	

Амортизация — в данном случае влияет на накопительную часть ЦДФС. С помощью механизма амортизационных отчислений накапливается сумма средств, необходимая для покупки нового оборудования взамен изношенного.

Трудовые ресурсы предприятия — при его хозяйственной деятельности являются одним из трех главных направлений движения денежных потоков, обеспечивающих производство.

Товар и товарные запасы определяют качество производимой продукции и, следовательно, ценовые показатели в формировании финансового потока предприятия.

Материальные и нематериальные активы формируют производственные ресурсы предприятия и предопределяют будущую стоимость продукции.

Производственные издержки могут участвовать в выпуске непрофильной продукции и влиять на рост совокупной прибыли предприятия.

Производство — часть предприятия, определяющая производство товарных запасов (бизнес-продукты).

Внутренние кредиторы — перераспределяют часть финансовых средств по трем основным направлениям: 1) контрагенты, 2) материальные и нематериальные активы, 3) трудовые ресурсы.

Внутренние дебиторы — предполагают движение денежных средств после реализации товара в ЦДФС.

Основные риски в хозяйственной деятельности предприятия связаны с недостаточностью финансирования кредиторских обязательств предприятия, которые перераспределяются между контрагентами, материальными и нематериальными ресурсами и трудом персонала.

Наиболее рискованным является отсутствие финансирования материальных

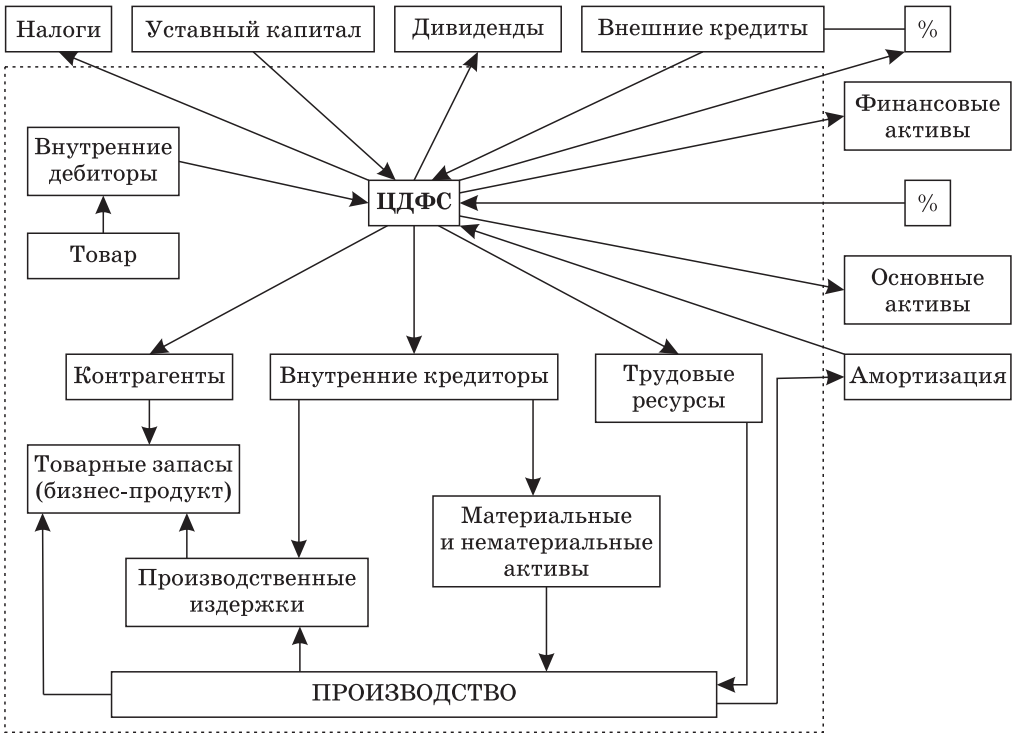

Рис. 3. Модель движения финансовых средств предприятия

и нематериальных ресурсов, что фактически останавливает деятельность производства, а следовательно, выпуск товарных запасов. В конечном счете при недостаточном финансировании производства контрагенты переходят к конкурентам и создают рыночную напряженность при реализации товаров. Трудовые ресурсы чаще всего уходят из предприятия из-за недостаточности финансовых средств (зарплаты), получая пособие по безработице. Это пособие позволяет им определить рабочее место в краткосрочной перспективе в соответствии с российским законодательством.

Чтобы оценить ресурсы предпринимательской выгоды, следует воспользоваться рекомендациями по методике определения финансовой устойчивости [2]

$$K_1 = \frac{A1 + A2 + A3}{\Pi1 + \Pi2} \text{ — коэффициент текущей ликвидности.}$$

K_1 характеризует общую обеспеченность предприятия оборотными средствами для ведения хозяйственной деятельности и своевременного погашения срочных обязательств. ($K_1 \geq 2$ — нормативное значение на конец текущего периода.)

Если это условие не выполнено, его необходимо дополнить расчетом K_2 .

$$K_2 = \frac{\Pi4 - A4}{A1 + A2 + A3} \text{ — коэффициент обеспеченности собственными средствами.}$$

K_2 характеризует наличие собственных средств, необходимых для его финансовой устойчивости ($K_2 \geq 0,1$).

На практике возможны варианты различного соотношения K_1 и K_2 :

1. $K_1 \geq 2$, $K_2 \geq 0,1$ — предприятие платежеспособно.
2. $K_1 < 2$, $K_2 < 0,1$ — предприятие характеризуется как неплатежеспособное, что приближает его к состоянию неплатежеспособности (банкротству).
3. $K_1 < 2$, $K_2 > 0,1$ или $K_1 > 2$, $K_2 < 0,1$ — предприятие характеризуется как условно неплатежеспособное, при этом, чтобы доказать абсолютную неплатежеспособность, можно привлечь коэффициент восстановительной платежеспособности (K_3)

$$K_3 = \frac{K_{1ф} + n/T(K_{1ф} - K_{1н})}{2},$$

где $K_{1ф}$ — фактическое значение K_1 на конец отчетного периода; $K_{1н}$ — фактическое значение K_1 на начало отчетного периода; n — рассматриваемый текущий период (в месяцах); T — отчетный период (в месяцах).

Возможны следующие варианты анализа:

1) Если $K_3 (n = 6) > 1$, то предприятие имеет реальный шанс восстановить платежеспособность.

Если $K_3 (n = 6) < 1$, предприятие не имеет реального шанса восстановить платежеспособность.

2) Если $K_3 (n = 3) > 1$, то предприятие имеет реальный шанс не утратить платежеспособность.

Если $K_3 (n = 3) < 1$, предприятие утрачивает платежеспособность.

Маржинальный анализ хозяйствующего субъекта выглядит следующим образом (рис. 4). На этом рисунке предложена схема динамического характера в финансово-хозяйственной деятельности компании. При этом диапазон активных продаж товаров (услуг) включает анализ себестоимости и анализ выручки. В первом случае максимальной точкой затрат может быть состояние снижения затрат при переходе от розничной продажи к серийному производству и соответствующему виду продаж. Во втором случае максимальной точкой выручки в реализации товаров (услуг) следует считать состояние насыщения рынка данным видом продукции. Характерным показателем рыночной ситуации в этих случаях может быть диапазон продаж от точки безубыточности к точке убыточности. Расширение этого диапазона может быть рассмотрено как результат временного снижения точки безубыточности и (или) увеличения точки убыточности.

Основной характеристикой риск-менеджмента компании и управления ее ресурсами экономической безопасности является характеристика инвестиционной доходности [1]:

$$ИД(T) = ИД_0 + VB \times T,$$

где $ИД(T)$ — инвестиционная доходность; $ИД_0$ — начальное значение инвестиционной доходности; V_B — скорость бизнес-процесса.

Для анализа финансово-экономического состояния предприятия (инвестиционной привлекательности) соответствующую оценку в динамике выгодно проводить в форме SWOT-анализа бизнес-процессов этих предприятий. Подобный вид самооценки финансового состояния характерен для современного инструментария большинства зарубежных и российских предприятий.

Базисной формулой, определяющей стратегическую структуру инвестиционной модели, может быть следующая:

$$ИД(T) = ИД_0 + \int_0^T \left(V_{БИ} + T \frac{\partial V_{БИ}}{\partial T} \right) \partial T,$$

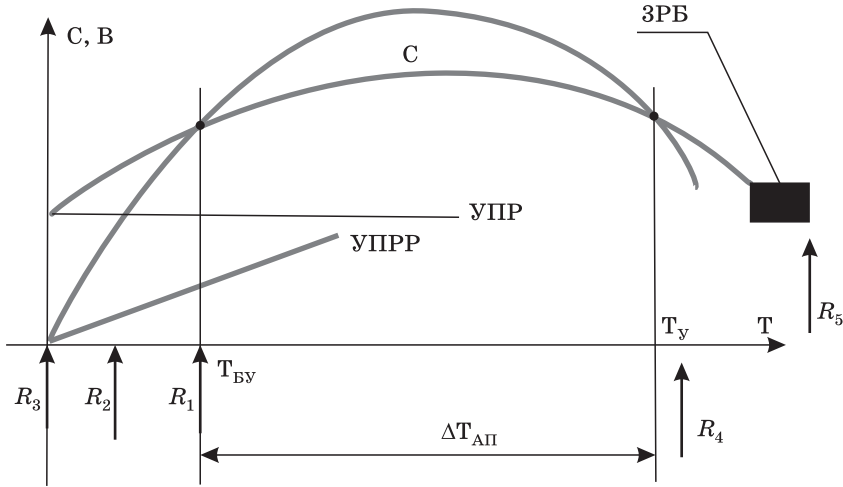

Рис. 4. Динамические характеристики риск-менеджмента продаж товаров (услуг)

где C — себестоимость продукции; B — выручка в хозяйственной деятельности предприятия; УПР — условно-постоянные ресурсы; УППР — условно-переменные ресурсы; $T_{БУ}$ — точка безубыточности; T_y — точка убыточности; R_1 — допустимый риск; R_2 — критический риск; R_3 — катастрофический риск; R_4 — риск несостоятельности; R_5 — риск банкротства; ЗРБ — зона риска банкротства; T — время хозяйственной деятельности.

где $ID(T)$ — инвестиционные доходы компании; $V_{БП}$ — скорость движения инвестиционных бизнес-потоков; ID_0 — начальное значение инвестиционной доходности предприятия.

Соответствующая матрица SWOT-анализа состояния инвестиционных ресурсов региональных предприятий изображена ниже. На этом рисунке в качестве индикаторов инвестиционной доходности компаний $ID(T)$ следует считать $V_{БП}$ и ID_0 .

Для удобства анализа следует разбить матрицу по секторам, каждый из которых отражает собственную стратегию (рис. 5).

«SO». С точки зрения инвестиционной доходности эта стратегия возможна, ес-

	О (возможности)	Т (угрозы)
С (сильные стороны)	SO $V_{БП} > 0$ $ID_0 > 0$	ST $V_{БП} < 0$ $ID_0 > 0$
W (слабые стороны)	WO $V_{БП} > 0$ $ID_0 < 0$	WT $V_{БП} < 0$ $ID_0 < 0$

Рис. 5. Матрица SWOT-анализа

ли компания располагает конкурентными преимуществами (фирма-лидер). Соответственно, финансовые ресурсы компании позволяют ей сохранять лидерские позиции в динамике.

С точки зрения рисков наиболее значимым является риск потери конкурентного преимущества.

«*ST*». С точки зрения инвестиционной доходности компания позиционирует свой ресурс в соответствии с планом риск-менеджмента, т. е., имея собственные финансовые ресурсы, эта стратегия обязывает компанию изменить динамику бизнеса. Следовательно, реализовывать стратегию инвестиционной доходности возможно лишь при условии нового бизнес-процесса (например, используя реинжиниринг).

Основной риск данной стратегии — возможность бизнеса стать несостоятельным.

«*WO*». В этой стратегии компания вкладывает финансы в качестве инновационно-инвестиционного капитала. Подобные компании, располагая собственным инновационным ресурсом, формируют инвестиционный доход на базе заемных средств. То есть инвестиционное развитие компании производится с привлечением венчурного капитала. В результате его капитализации организация может достигнуть уровня развития, соответствующего стратегии «*SO*».

Основной риск данной стратегии — потеря финансовой устойчивости.

«*WT*». Основой этой стратегии являются остаточные ресурсы, поскольку, ввиду потери конкурентоспособности бизнеса и начального значения инвестиционной доходности, компания снижает рыночные позиции и становится несостоятельной (банкротом).

В динамике финансовое состояние компании становится бесперспективным, и она вынуждена рассчитываться с кредиторами только имуществом.

Основной риск данной стратегии — риск потерять имущество (банкротный риск).

Отмеченные финансовые потоки в хозяйственной деятельности турфирмы в рамках антикризисного управления можно свести к четырем основным стратегиям. Каждая из этих стратегий определяется сочетанием скоростей бизнес-процесса V_B начальной инвестиционной доходности (ID_0). Соответствующий SWOT-анализ, изображенный на рис. 5, характеризует стратегические ресурсы управления финансовыми потоками риск-менеджмента компании.

Литература

1. Алушкин Ю. А., Самодуров А. А. Реструктуризация как эффективное средство финансового оздоровления предприятий и отраслей: метод. пособие. СПб. : Компьютербург, 2008. 120 с.
2. Бобылева А. З. Финансовое оздоровление фирмы: Теория и практика: учеб. пособие. 2-е изд., испр. М. : Дело, 2004. 256 с.
3. Каплан Р., Нортон Д. Сбалансированная система показателей от стратегии к действию. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004.
4. Коновалова Т. И. Практический подход к сбалансированному управлению промышленным предприятием // Менеджмент в России и за рубежом. 2009. № 3. С. 91–96.
5. Путков К. А., Шматко А. Д. Экономика предпринимательства ресурсного обеспечения инновационных процессов // Экономика и предпринимательство. 2015. № 2. С. 921–923.

References

1. Alushkin Yu. A., Samodurov A. A. *Restructuring as effective remedy of financial improvement of the entities and industries: tutorial* [Restrukturizatsiya kak effektivnoe sredstvo finansovogo ozdorovleniya predpriyatii i otraslei: metodicheskoe posobie]. SPb.: Computerburg, 2008. 120 p. (rus)
2. Bobylova A. Z. *Financial improvement of firm: Theory and practice* [Finansovoe ozdorovlenie

- firmy: Teoriya i praktika]: tutorial. 2nd edition. M. : Delo, 2004. 256 p. (rus)
3. Kaplan R., Norton D. *The Balanced Scorecard: Translating Strategy into Action* [Sbalansirovannaya sistema pokazatelei ot strategii k deistviyu]. M.: CJSC "Olymp-business", 2004. (rus)
 4. Konovalova T.I. *Practical approach to the balanced management of industrial enterprise* [Prakticheskii podkhod k sbalansirovannomu upravleniyu promyshlennym predpriyatiem] // Management in Russia and abroad [Menedzhment v Rossii i za rubezhom]. 2009. N 3. P. 91–96. (rus)
 5. Putkov K. A., Shmatko A. D. *Economy of entrepreneurship of resource ensuring of innovative processes* [Ekonomika predprinimatel'stva resursnogo obespecheniya innovatsionnykh protsessov] // Economy and entrepreneurship [Ekonomika i predprinimatel'stvo]. 2015. N 2. P. 921–923. (rus)

Управление развитием туризма и рекреации в регионе: теоретические основы и практические направления деятельности

Десятниченко Дмитрий Юрьевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры экономической теории и прикладной экономики
Кандидат экономических наук, доцент
rabotaemail@mail.ru

Куклина Евгения Анатольевна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры макроэкономического регулирования
Доктор экономических наук, доцент
kuklina-ea@sziu.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются теоретические подходы к управлению развитием туристско-рекреационными зонами, а также практические примеры такого управления в России, как лучшие управленческие практики в данной сфере. В статье показана глубокая интегрированность индустрии туризма и рекреации в социально-экономическую систему региона и обоснована принципиальная невозможность управления развитием туризма и рекреации отдельно от общей стратегии и программы управления социально-экономическим развитием территории. Понятие туристско-рекреационного потенциала региона формулируется с позиции системного подхода. Рассматриваются кластерный подход и особенности реализации кластерной политики в сфере туризма и рекреации. Авторы обращают внимание на необходимость учета в управлении развитием туризма и рекреации и формировании соответствующих административно-управленческих структур, общих принципов теории управления сложными системами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

туризм, рекреация, управление развитием, туристско-рекреационная зона, рекреационно-туристический кластер.

Desyatnichenko D.Yu., Kuklina E. A.

Management of Development Tourism and Recreation in the Region: the Theoretical Basis and Practical Directions of Activity

Desyatnichenko Dmitriy Yurevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of the Economic Theory and Applied Economy
PhD in Economy, Associate Professor
rabotaemail@mail.ru

Kuklina Evgenia Anatolievna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Macroeconomic Regulation
Doctor of Science (Economy), Associate Professor
kuklina-ea@sziu.ru

ABSTRACT

The article deals with theoretical approaches management of the development of tourist and recreational areas as well as practical examples of management in Russia as the best management

practices in this area. The article shows the profound integration of the industry of tourism and recreation in the socio-economic system of the region and proved the impossibility of managing the development of tourism and recreation separately from the overall strategy and management of socio-economic development of the territory. The concept of tourist-recreational potential of a region is formulated within the framework of system approach. A cluster approach and peculiarities of cluster policy in tourism and recreation are considered. The authors pay attention to the need to integrate the management of the development of tourism and recreation, and the formation of appropriate administrative and management structures, the general principles of managing complex systems theory. In addition, it analyzes the experiences of several Russian regions, demonstrating experience of effective implementation of their tourism potential.

KEYWORDS

tourism, recreation, development, management, region, regional policy, tourist-recreational area, tourist-recreational potential, tourist-recreational cluster

Формирование туристско-рекреационной зоны (ТРЗ) в регионе происходит при одновременном соблюдении двух ключевых условий: наличии зоны, примечательной по своим историческим или географическим характеристикам — объекта рекреации и туризма, и наличии благоприятных условий для деятельности предприятий, готовых развивать туристический бизнес — потенциальных и реальных субъектов туристической индустрии. Именно предприятие или ассоциация вертикально интегрированных и горизонтально кооперированных предприятий (туристических компаний) являются структурной единицей ТРЗ.

Управление ТРЗ следует рассматривать как реализацию комплекса мер и мероприятий, направленных на обеспечение условий для организации устойчивого эффективного производства конечного туристического продукта, в процессе взаимодействия ключевых элементов и субъектов региональной экономической системы, вступающих в экономические и социальные отношения. Управление ТРЗ, осуществляемое органами государственной власти, должно учитывать, что стандарты оказания туристских услуг, механизмы взаимодействия фирм внутри ТРЗ друг с другом и с клиентами разрабатываются внутри ТРЗ самими субъектами данной деятельности. Государство, закрепляя данные стандарты и принципы законодательно, должно лишь обеспечить баланс частных интересов внутри самой отрасли и на уровне межотраслевых и социальных интересов. Государственное управление и регулирование следует осуществлять в контексте использования индикативных, но не директивных методов, с основным акцентом на обеспечение соблюдения всеми участниками туристской деятельности единых отраслевых стандартов оказания услуг и общих принципов хозяйственной деятельности в стране.

Специфика подхода к управлению ТРЗ связана с межотраслевым характером туристической деятельности. Прежде всего необходимо учитывать тот факт, что туристические компании часто зависят от мелких и средних фирм смежных секторов экономики, конечный продукт которых выступает в качестве необходимого промежуточного продукта для индустрии туризма. В числе этих смежников предприятия сферы общественного питания, культурно-развлекательные и досуговые центры, лечебно-оздоровительные учреждения, транспортные предприятия, предприятия розничной торговли и пр.

Все они, с одной стороны, являются факторами роста туризма в регионе своей дислокации, а с другой — получают дополнительный импульс к росту и развитию за счет действия положительных мультипликативных эффектов, генерируемых развивающейся в регионе сферой туризма. Это означает, что управление развитием ТРЗ может быть эффективным лишь в контексте реализации общей Стратегии социально-экономического развития территории, обязательным элементом которой должен являться раздел, связанный с управлением развитием туризма и рекреации.

Более того, в контексте данной логики управление большей частью объектов социальной и производственной инфраструктуры следует рассматривать лишь как косвенное управление уровнем развития туризма и рекреации в регионе.

Отдельно следует остановиться на специфике подходов к управлению территориями с высоким уровнем туристско-рекреационного потенциала и в данном контексте необходимо отметить следующее. Туристско-рекреационный потенциал региона, среди прочих показателей, является признаком уровня развитости региональной социально-экономической системы. По туристско-рекреационному потенциалу Россия занимает пятое место в мире по уникальным природным объектам и девятое по объектам историко-культурного наследия [4, с. 384].

С позиции системного подхода, которой придерживаются авторы, туристско-рекреационный потенциал представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом потенциалов региона, которые используются в туристско-рекреационной деятельности. При этом многие авторы [1, с. 81; 5, с. 102] рассматривают управленческий потенциал в качестве ключевого элемента потенциала региона.

Невзирая на кажущуюся очевидной необходимость всемерного развития реализации туристско-рекреационного потенциала территории, необходимость уделять основное внимание развитию ТРЗ, абсолютизировать приоритетность лишь одной сферы не следует, т. к. это приведет к формированию моноотраслевой структуры экономики региона, рост которой будет носить сугубо конъюнктурный характер. При этом заметно возрастает ее уязвимость и подверженность рискам стагнации. В долгосрочной перспективе такая экономическая система будет стремиться к деградации и депрессивному состоянию ввиду существенного ослабления действия конкурентных сил. Между тем именно конкуренция является фундаментальным основополагающим принципом организации отношений в экономике рыночного типа, обуславливающим непрерывную нацеленность организаций на повышение эффективности функционирования на основе поиска, разработки и внедрения инновационных технологий в производство конечных товаров и услуг.

Моноотраслевая структура экономики, ядром которой являются кооперированные ТРЗ, замещающие слабо развитые универсальные ключевые сегменты, может признаваться эффективной лишь в исключительных случаях, когда факт невозможности либо экономической нецелесообразности (ввиду высоких альтернативных издержек) восстановления полифункциональной структуры региональной экономики и сбалансированного развития всех отраслей производственной и социальной инфраструктуры в средне- и долгосрочной перспективе не вызывает сомнений. Но наблюдается такое нечасто. В целом же моноотраслевая структура приводит к существенному повышению рисков потери устойчивости экономического развития, так как анализ с позиций принципов общей теории систем показывает, что число степеней свободы региональной экономической системы при этом резко сокращается (практически до нуля), и в случае любого негативного внешнего воздействия система не сможет вернуться в свое исходное благоприятное состояние.

Управление развитием ТРЗ необходимо рассматривать как элемент комплексного управления пространственным развитием территории. В этой связи возможно использование всего инструментария государственного регулирования территориального развития. Управление развитием ТРЗ при этом может подразумевать осуществление прямого государственного финансирования развития туристических дестинаций и их отельных объектов, как посредством трансфертного финансирования, так и в рамках возвратного финансирования через механизм целевого кредитования; предоставление субъектам хозяйственной деятельности ТРЗ льгот, преференций, государственных гарантий; приоритетную административную, финансовую, кадровую, методическую и организационную поддержку процессов ре-

структуризации и санации существующих низкоэффективных ТРЗ; использование возможностей механизма государственно-частного партнерства. Реализация указанных мероприятий предполагает следование принципам конкуренции за право доступа к ограниченным ресурсам государственной поддержки, адресности, целевого характера, экономической и финансовой эффективности и инвестиционной направленности реализуемых мероприятий.

Высокий туристско-рекреационный потенциал — характерная особенность большинства регионов России, однако уровень его развития и эффективность реализации различается весьма существенно. Чаще всего уровень развития ТРЗ в регионах соответствует общему уровню социально-экономического развития территории, что не удивительно и соответствует выводам, полученным нами ранее. Поэтому регулирование, изначально призванное сглаживать имеющиеся существенные дисбалансы между потенциальным и реальным уровнем развития туризма и рекреации в регионах, на практике часто осуществляется по аналогии с выравниванием уровней социально-экономического развития — аналогично практике выравнивания уровней бюджетной обеспеченности.

Существенным и хорошо известным недостатком подобного подхода является возвращение и постоянная подпитка иждивенческих настроений у получателей бюджетных дотаций. Дотации очень быстро превращаются в регулярно получаемую финансовую «пилюлю», одновременно снимающую агонию региональных и местных финансов, но не стимулирующую запуску механизмов оздоровления их структуры. С другой стороны, необходимо признать, что любое развитие всегда требует ресурсного обеспечения, поэтому говорить о дотациях как о заведомо неэффективном и недейственном механизме, тем не менее, было бы неверно [2, с. 86].

Исследуя пути и механизмы повышения эффективности управления развитием столь сложной системы, как ТРЗ, необходимо обратить внимание на безусловную уместность и необходимость учета в практике государственного управления фундаментальных принципов построения систем управления любого типа, разработанных в рамках кибернетики — науки об управлении сложными динамическими системами. Ее принципы универсальны и чрезвычайно полезны при построении и оптимизации систем управления, как в технических, так и в социально-экономических системах.

Анализируя существующую в Российской Федерации систему управления развитием ТРЗ, выстроенную по традиционному отраслевому принципу, представляется целесообразным, прежде всего, проанализировать ее на предмет соответствия первому фундаментальному закону кибернетики — закону необходимого разнообразия, сформулированному У. Р. Эшби¹. Закон гласит, что разнообразие сложной системы требует управления, которое само обладает некоторым разнообразием. Рассматривая управление как процесс ограничения разнообразия возможных состояний объекта управления, субъект управления должен обладать структурой, способной вырабатывать определенный минимум команд и сигналов. Если это условие не обеспечивается, то невозможно говорить о полном управлении объектом.

Это означает, что чем сложнее управляемая система, тем сложнее должен быть сам блок управления. В этой связи управление сложными системами обычно приводит к усложнению структуры управляющих органов на основе принципа иерархии и разумной децентрализации принимаемых решений. Без этого управляющий центр не сможет обеспечить учета всех возможных вариантов разнообразия состояний

¹ Законы и принципы кибернетики, применяемые в управлении организациями. [Электронный ресурс]. URL: http://de.ifmo.ru/bk_netra/page.php?index=16&tutindex=3 (дата обращения: 27.03.2016).

объектов управления и даже теоретически будет неспособен обеспечить необходимый уровень управляемости и тем более эффективности управления сложными процессами.

Сфера туризма и рекреации, будучи весьма динамичной и высоко социально-интегрированной, отличается ярко выраженной ориентацией на инновационность, позволяющую ей преодолевать существующие ограничения природного, социального, организационного, финансового, технологического, технического и пр. характера, расширяя тем самым существующие и разрабатывая новые ниши своей деятельности. Часто уровень инновационности субъектов ТРЗ напрямую определяет уровень их финансового благополучия, чего нельзя сказать о субъектах системы государственного регулирования развития ТРЗ. В этой связи можно говорить о непрерывном росте разнообразия внутриотраслевых процессов и состояний структурных элементов ТРЗ. Система же государственного управления подобной инновационностью разнообразием механизмов и инструментов взаимодействия не отличается, что и обуславливает систематический характер отставания в уровне разнообразия механизмов управления ТРЗ от уровня разнообразия потенциально подконтрольных процессов, протекающих в ТРЗ. Преодолеть такое отставание полностью едва ли удастся, но необходимость сокращения разрыва является вполне актуальной и решаемой задачей.

Говоря о необходимости оптимизации системы управления ТРЗ, следует упомянуть и второй принцип, предложенный У. Э. Эшби — принцип эмерджентности¹. Применительно к сфере туризма в этой связи следует учитывать, что локальные цели управления могут не совпадать с глобальной, в связи с чем эффективное управление развитием ТРЗ в рамках отдельных территориальных образований необходимо осуществлять с использованием как метода анализа, так и синтеза. Это позволит упорядочить иерархию целей и согласовать их по уровням посредством построения дерева целей развития на федеральном и региональном уровнях.

Безусловно, существующий механизм управления развитием ТРЗ характеризуется определенной эффективностью. Опыт реализации удачных и эффективных проектов создания этнотуристических комплексов («Атамань» в Краснодарском крае, «Великий Устюг» в Вологодской области) подтверждает принципиальную возможность создания в России конкурентоспособных рекреационно-туристических кластеров. Но при этом причинами невысокой эффективности целого ряда реализуемых проектов в сфере развития ТРЗ в регионах является преимущественно формальный подход к поиску новых направлений и механизмов развития туризма и рекреации в регионе, нежелание учитывать и выгодно продвигать на рынке нередко уникальные местные конкурентные преимущества, недостаточная координация и даже асинхронность планируемых мероприятий, недостаточная ориентация на создание ТРЗ, нацеленных на комплексное и устойчивое развитие территории.

Безусловно, эффективная реализация грамотно выстроенной кластерной политики оказывает значительное влияние на инновационные преобразования в регионе, в том числе в системе их управления [3]. В туристско-рекреационной сфере кластер — это группа географически локализованных взаимосвязанных конкурентоспособных предпринимательских структур, объединенных в технологическую цепочку производства и реализации рекреационного продукта на базе эффективного использования регионального рекреационного потенциала, тесно взаимодействующих с органами управления, общественными организациями, образовательными, научными учреждениями и т. д.

¹ Там же. Суть принципа: чем больше система и чем больше различия в размерах между частью и целым, тем выше вероятность того, что свойства целого могут сильно отличаться от свойств частей.

Рекреационно-туристический кластер проходит несколько этапов развития: от возникновения инициативы государственных органов, бизнеса, местных жителей до определения направления стратегического развития и разработки программы развития туризма в регионе, формирования управляющей организации и осуществления текущего управления, мониторинга и последующего развития. Обычно управляющая организация представляет собой самостоятельное юридическое лицо, в которой одновременно представлены органы власти региона, бизнес, общественные организации и т. д. Подобная модель обеспечивает устойчивое социально-экономическое развитие региона, одновременно учитывая интересы всех участников кластера.

Особенность кластерного подхода к развитию региона состоит в том, что на основе данных исследований о принципах организации производственного взаимодействия и ресурсного потенциала региона разрабатываются и реализуются отраслевые концепции управления. При этом основной целью таких концепций является обеспечение обмена информацией, сотрудничества между всеми предприятиями отрасли в рамках конкретной туристско-рекреационной зоны для повышения экономической эффективности. Так, предприятия, объединенные в кластеры, способны существенно ускорить темпы своего развития, обмениваясь бизнес-идеями и взаимно обеспечивая необходимые средства для внедрения новых концепций своего развития.

Главное отличие рекреационно-туристического кластера от прочих (производственных, агропромышленных, сервисных и др.) — в его территориальной организации. Так, например, Ассоциация малых гостиниц Петербурга объединяет предприятия региона, превращая их из конкурирующих во взаимодействующие элементы системы. При этом важным условием является реализация механизма управления региональной туриндустрией по принципу государственно-частного партнерства, в котором представлены как местная администрация, общественные организации, так и частные компании.

Необходимо отметить, что в России кластерный подход к организации туризма и рекреации только начинает развиваться. Примерами территорий, которые обладают ресурсами и возможностями для формирования и развития рекреационно-туристических кластеров, являются культурно-исторические центры Европейской части России (Москва, Санкт-Петербург, «Золотое кольцо»), рекреационные зоны на побережье Черного моря (курорты Краснодарского края и Крыма) и озеро Байкал; а также территория регионов Западной Сибири (Новосибирская, Кемеровская, Томская области, Алтайский край, республика Алтай).

Говоря о Санкт-Петербурге, как уникальном объекте туризма и рекреации, следует отметить, что традиционно наиболее востребованным в целом здесь является образовательный туризм. Среди его разновидностей прежде всего *историко-познавательный туризм*, объектом которого являются памятники социально-экономической и военной культуры, *туризм исторический и архитектурный*, связанный с выдающимися архитектурными ансамблями, дворцовыми комплексами, культовыми сооружениями и храмами, *парковый туризм, музейный туризм*. Вместе с тем дальнейшей активизации и большего развития в Санкт-Петербурге требует *туризм городской среды и культурный туризм*. Его развитие требует обязательного активного вовлечения местных сообществ в культурные мероприятия международного, федерального, регионального и местного значения.

Управление развитием ТРЗ требует непосредственного участия всех уровней государственной и муниципальной власти. При этом ключевая роль в повышении эффективности управления ТРЗ принадлежит региональному уровню. Именно на этом уровне принятия решений существует возможность ожидать наиболее мотивированную активность управленческих структур. Потенциальная конструктивность их подхода связана со многими факторами, среди которых необходимость раз-

вития реального сектора экономики как устойчивой базы доходов региональных бюджетов, изменение структуры экономики и повышение уровня ее инновационности, рост занятости и доходов населения, обеспечение приемлемого уровня антропогенной нагрузки на экологию региона и пр.

Литература

1. Боголюбов В. С., Севастьянова С. А. Факторы и условия устойчивого развития системы туризма: региональный аспект. СПб : Изд-во «Инфо-да», 2005.
2. Десятниченко Д. Ю. Федерализм и местное самоуправление в РФ (мониторинг и регулирование социально-экономического развития в регионе: на материалах Ленинградской области): дис. ... канд. эконом. наук. СПб. : Северо-Западная академия государственной службы, 2001.
3. Куклина Е. А. Функционирование региональных экономических систем в контексте инновационного развития экономики России / Современные проблемы экономики и организации промышленных предприятий: сб. науч. тр.; отв. ред. Г. А. Краюхин. СПб. : СПГИЭУ, 2011. Вып. 7. С. 25–30.
4. Рубаник А. Н. Технологии въездного туризма. 2-е изд., исп. Ростов-на-Дону : Изд. центр «МарТ»; Феникс, 2010.
5. Севастьянова С. А. Методологические основы развития и системного управления туризмом в регионе. СПб. : СПБГИЭУ, 2005.

References

1. Bogolyubov V. S., Sevastyanova S. A. *Factors and conditions of a sustainable development of system of tourism: regional aspect* [Faktory i usloviya ustoichivogo razvitiya sistemy turizma: regional'ni aspect]. SPb. : publishing house «Info-da», 2005. (rus)
2. Desyatnichenko D. Yu. *Federalism and local government in the Russian Federation (monitoring and regulation of social and economic development in the region; on materials of the Leningrad region)* [Federalizm i mestnoe samoupravlenie v RF (monitoring i regulirovanie sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya v regione; na materialakh Leningradskoi oblasti)]: dissertation. SPb. : 2001. (rus)
3. Kuklina E. A. *Functioning of regional economic systems in the context of innovative development of economy of Russia* [Federalizm i mestnoe samoupravlenie v RF (monitoring i regulirovanie sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya v regione; na materialakh Leningradskoi oblasti)] / Modern problems of economy and the organization of the industrial enterprises [Sovremennye problemy ekonomiki i organizatsii promyshlennykh predpriyatii]: collection of scientific articles: executive edition G. A. Krayukhin. SPb. : SPbSEEU, 2011. Is. 7. P. 25–30. (rus)
4. Rubanik A. N. *Technologies of entrance tourism* [Tekhnologii v"ezdnoho turizma]. 2nd edition. Rostov-on-Don : Publishing center «March»; Phoenix [Izd. tsentr «MarT»; Feniks], 2010. (rus)
5. Sevastyanova S. A. [Methodological bases of development and system management of tourism in the region Metodologicheskie osnovy razvitiya i sistemnogo upravleniya turizmom v regione]. SPb. : SPbSEEU [SPbGIEU], 2005. (rus)

Оценка перспектив развития туристической дестинации Санкт-Петербурга

Балашов Алексей Игоревич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Руководитель образовательного направления «Государственное и муниципальное управление»
 Профессор кафедры стратегии, территориального развития и качества жизни
 Доктор экономических наук, доцент
 aleksey.i.balashov@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье проведена оценка перспектив развития современной туристической дестинации Санкт-Петербурга. Методологией оценки послужил широко известный в стратегическом менеджменте инструмент SWOT-анализа. По результатам анализа были определены сильные и слабые стороны туристической дестинации Санкт-Петербурга, ее возможности и угрозы. К сильным сторонам относится выгодное географическое положение и уникальная культурно-историческая идентичность Санкт-Петербурга. Слабыми сторонами являются сложность визовых процедур, несоответствие потенциалу туристической дестинации Санкт-Петербурга степени развития инфраструктуры, ориентированной на прием туристов, завышенная по критерию «цена — качество» стоимость туристских услуг, слабое продвижение туристского бренда Санкт-Петербурга в странах Европы, Америки и Азии, низкий уровень гостиничного сервиса. Продолжающееся санкционное давление на Россию со стороны западных стран, постепенная деформация историко-культурного облика города в результате разрушения и сноса памятников истории и культуры, уплотнительной застройки, реализации крупных проектов, меняющих виды «небесной линии» и исторического центра Санкт-Петербурга и концентрация в городе в высокий сезон административных и конгрессных мероприятий, создающих дискомфорт для туристов, формируют угрозы развития туристической дестинации Санкт-Петербурга. В свою очередь, девальвация рубля и связанное с этим снижение себестоимости туристического продукта в иностранной валюте и переориентация части выездного туризма россиян во внутренний формируют возможности развития туристической дестинации Санкт-Петербурга. По итогам проведенного в статье SWOT-анализа были сформулированы управленческие рекомендации, ориентированные на субъект управления туристическим комплексом Санкт-Петербурга — уполномоченные органы исполнительной власти Санкт-Петербурга.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

туризм, дестинация, культурный потенциал, Санкт-Петербург, туристическая инфраструктура

Balashov A. I.

The Estimation of Prospects of Development of the Tourist Destination of Saint-Petersburg

Balashov Aleksei Igorevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Head of the Educational School "State and Municipal Management"
 Professor of the Chair of Strategy, Territorial Development and Quality of Life
 Doctor of Science (Economy), Associate Professor
 aleksey.i.balashov@gmail.com

ABSTRACT

The paper estimates the prospects of the development of modern tourist destination in St. Petersburg. Methodology assessment served as a well-known tool in strategic management the SWOT-analysis. The analysis identified the strengths and weaknesses of the tourist destination of St. Petersburg, its opportunities and threats. The strong points include a unique

cultural authenticity of St. Petersburg related to the high concentration of objects of the world cultural heritage, as well as the creation of new cultural and entertainment facilities and events. The weak sides of St. Petersburg as a tourist center is — complicated visa procedures, underdeveloped tourist infrastructure of the city, the high cost of tourism services, poor promotion of the tourism brand of Saint-Petersburg in Europe, America and Asia, the low level of hotel service, the deficit and high cost locations tourist accommodation. The continued sanctions pressure on Russia from Western countries, reducing the value of the architectural appearance of the city as a result of the loss of the monuments, the sealing of building, implementing major projects, changing views of the historic center and the concentration in St Petersburg in the high season of administrative and conventions created for tourists uncomfortable conditions form a threat to the development of the tourist destination of St. Petersburg. In turn, the devaluation of the ruble and the associated reduction in the cost of the tourist product in foreign currency and the reorientation of the Russian outbound travel to the inner form of the possibility of a tourist destination of St. Petersburg. Following an article in the SWOT-analysis were formulated management recommendations focused on the subject of management of St. Petersburg tourist complex — the authorized bodies of executive power of St. Petersburg.

KEYWORDS

tourism, destination, cultural potential, St. Petersburg, tourism infrastructure

Туризм является одной из наиболее высокодоходных отраслей экономики, формирующей мультипликативный эффект по развитию других отраслей народного хозяйства (строительства, торговли и общественного питания, индустрии развлечений и т. д.) [2]. Также туристический бизнес выступает одним из факторов гуманитарного и культурного развития, способствующего «диалогу между культурами», формированию представления внешнего мира о России как о великой евразийской (впитавшей в себя элементы европейского и азиатского культурных типов) цивилизации. Возможностями по формированию представления иностранных граждан о «европейскости» российской цивилизации в наибольшей степени обладает туристическая дестинация Санкт-Петербурга, выступающая объектом нашего исследования.

Туристическую дестинацию можно определить как совокупность ресурсов, предназначенных для удовлетворения потребностей туристов, или набор субъективных впечатлений, вызванных совершаемым путешествием в определенном месте и в определенное время. В последнем случае понятие туристической дестинации сближается с понятием имиджа туристического центра. Действительно, имидж дестинации, сложившийся в представлении туриста до совершения путешествия, является одним из основополагающих факторов, предопределяющих ее выбор туристом [6]. Также туристическую дестинацию можно рассматривать как территорию, на которой сконцентрировано производство и потребление туристических продуктов, создаваемых на базе туристических ресурсов и инфраструктуры данного региона. Дестинация объединяет туристические ресурсы, туристическую инфраструктуру и туристические предприятия, расположенные в территориальных пределах дестинации [7].

Для оценки перспектив развития туристической дестинации Санкт-Петербурга воспользуемся широко известным в стратегическом менеджменте инструментом SWOT-анализа. Методология SWOT-анализа впервые была озвучена в 1963 г. в Гарвардском университете (США) профессором К. Эндрюсом. В основе методологии SWOT-анализа лежит структурирование знаний о текущей ситуации (статичном состоянии объекта изучения) и тенденциях ее развития (динамике изменения объекта). После адаптации учеными Гарвардского университета методология SWOT-анализа со второй половины 1960-х гг. стала широко применяться для разработки стратегии развития и анализа рыночного поведения фирм. Универсальность SWOT-анализа позднее позволила применять его также к неприбыльным (некоммерческим)

и публичным (основанным на государственной и муниципальной собственности) организациям, отраслям, странам и регионам для построения стратегий в самых различных областях деятельности. Заложенный в SWOT-анализ принцип разделения факторов внешней и внутренней среды организации на четыре категории: сильные стороны (Strengths), слабые стороны (Weaknesses), возможности (Opportunities) и угрозы (Threats) [1, с. 56] позволяет использовать данную методологию для экспресс-оценки текущего положения и перспектив развития объекта нашего исследования — туристической дестинации Санкт-Петербурга.

К сильным сторонам туристической дестинации Санкт-Петербурга, формирующим ее туристскую привлекательность, относится удобное географическое положение региона (близость к странам Северной Европы и Прибалтики, наличие достаточно крупного морского порта, узла железных дорог и авиационного сообщения со значительной частью европейских, азиатских и внутрироссийских центров), высокая концентрация музейно-исторических и культурно-зрелищных объектов, а также вхождение исторического центра города в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

В Санкт-Петербурге, который является культурным и туристическим центром мирового значения, расположены тысячи объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), составляющих значительную часть всех памятников, охраняемых государством на территории РФ. Уникальная культурно-историческая идентичность Северной столицы России производна от нескольких факторов. Во-первых, это великое культурно-историческое прошлое Санкт-Петербурга, задуманного своим создателем царем Петром I как европейская столица, канал для модернизации всей России («Окно в Европу»). Во-вторых, это уже отмечавшаяся высочайшая концентрация в центре Санкт-Петербурга объектов мирового культурного наследия эпохи классицизма, барокко, рококо, ампира (Эрмитаж, Русский музей, Мариинский театр, загородные резиденции русских царей — Пушкин, Павловск, Петродворец, Стрельна и др.). В-третьих, это создание в 2000-е гг. новых культурно-зрелищных объектов (таких, как Ледовый дворец, вторая сцена Мариинского театра, достраиваемый к Чемпионату мира по футболу 2018 г. новый футбольный стадион «Зенит-арена» и др.), появление (возрождение) в эти годы в городе мировых событийных туристических брендов (музыкального фестиваля «Звезды Белых ночей», всероссийского праздника выпускников школ «Алые паруса» и др.). Все элементы сложной мозаики культурно-исторического наследия Санкт-Петербурга формируют безусловные сильные стороны его туристической дестинации, позволяя обеспечивать миллионам гостей города доступ к богатейшему культурному достоянию города [3, с. 48]. В 2015 г. Санкт-Петербург посетили порядка 6,5 млн туристов. В мировом рейтинге туристической привлекательности Санкт-Петербург занимает 14-е место (среди российских туристических дестинаций — первое). Вес туристической индустрии Санкт-Петербурга в общероссийском масштабе достигает 25% от суммарного объема выездного туризма¹.

Слабыми сторонами, сдерживающими развитие Санкт-Петербурга как туристического центра мирового класса, являются:

- сложность визовых процедур (которая особенно очевидна на фоне находящегося рядом шенгенского пространства);
- несоответствие степени развития городской инфраструктуры, предназначенной для приема туристов, потенциалу туристической дестинации Санкт-Петербурга;
- завышенная по критерию «цена — качество» стоимость туристских услуг, предлагаемых гостям города;

¹ Петербург стал четырнадцатым в мире по туристической привлекательности // «Деловой Петербург» от 08.04.2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dp.ru/a/2016/04/08/Peterburg_stal_14_v_mire/.

- слабое продвижение туристского бренда Санкт-Петербурга в странах Европы, Америки и Азии;
- низкий уровень гостиничного сервиса;
- дефицит и высокая стоимость мест размещения туристов.

В результате, несмотря на огромный потенциал развития, вес туристической дестинации Санкт-Петербурга в мировой туристической индустрии составляет всего 0,6% по количеству посещений и 0,3% по доходам¹.

К угрозам развития туристической дестинации Санкт-Петербурга можно отнести:

- продолжающееся санкционное давление на Россию со стороны западных стран;
- постепенная деформация историко-культурного облика города в результате разрушения и сноса памятников истории и культуры (например, Дом Рогова на Загородном проспекте), уплотнительной застройки, реализации крупных проектов, меняющих виды «небесной линии» и исторического центра Санкт-Петербурга;
- концентрация в Санкт-Петербурге в высокий сезон административных и конгрессных мероприятий (например, Петербургский международный экономический форум), создающих дискомфортные для сезонного туризма условия.

К возможностям развития туристической дестинации Санкт-Петербурга стоит отнести девальвацию рубля и связанное с этим существенное снижение себестоимости туристического продукта в пересчете на иностранную валюту, а также переориентацию части выездного туризма россиян на внутренний.

Результаты проведенного нами SWOT-анализа туристической дестинации Санкт-Петербурга представлены в таблице.

В связи с тем, что параметры внешней среды туристической дестинации Санкт-Петербурга в меньшей степени поддаются воздействию со стороны субъекта управления туристическим комплексом города — уполномоченных органов исполнительной власти Санкт-Петербурга — наши управленческие рекомендации в большей степени будут нацелены на нивелирование негативного воздействия выявленных в ходе SWOT-анализа слабых сторон туристической дестинации города. К их числу мы отнесем следующие:

- инициирование Правительством Санкт-Петербурга на федеральном уровне законодательных инициатив по упрощению визовых процедур выезда на территорию Санкт-Петербурга иностранных граждан с туристическими целями на короткий (до 7 календарных дней) период, временного ввоза в город оборудования и экспонатов для выставок и конференций, перемещения в Россию транспортных средств, включая некоммерческие морские и речные суда, по улучшению системы администрирования пограничного и таможенного контроля при пересечении иностранными туристами Государственной границы России (особенно на финском и эстонском направлениях);
- модернизация городского законодательства в части отнесения объектов туристической инфраструктуры к числу объектов, для которых возможно применение схем государственно-частного партнерства, стимулирующего приток частных инвестиций в отрасль;
- формирование градостроительной документации, зонирование и закрепление статуса территорий в центре города в качестве объектов туристической инфраструктуры;
- экономическое стимулирование развития туристической инфраструктуры Санкт-Петербурга путем снижения платы за подключение к инженерным сетям, раз-

¹ Государственная программа Санкт-Петербурга «Развитие сферы культуры и туризма в Санкт-Петербурге на 2015-2020 годы» (ред. 03.02.2016 г.): утверждена постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 17.06.2014 г. № 488 // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gov.spb.ru>, 08.07.2014.

SWOT-анализ туристической дестинации Санкт-Петербурга

Факторы	Положительное влияние	Отрицательное влияние
Внутренняя среда	Сильные стороны (Strengths) уникальная культурно-историческая идентичность Санкт-Петербурга, производная от великого культурного прошлого столицы Российской империи, высочайшей в Европе концентрации объектов мирового культурного наследия эпохи классицизма, барокко, рококо, ампира, появления в 2000-е гг. новых культурно-зрелищных объектов и мировых событийных туристических брендов	Слабые стороны (Weaknesses) • сложность визовых процедур; • не соответствующая потенциалу туристической дестинации Санкт-Петербурга степень развития инфраструктуры, ориентированной на прием туристов; • завышенная по критерию «цена – качество» стоимость туристских услуг, предлагаемых гостям города; • слабое продвижение туристского бренда Санкт-Петербурга в странах Европы, Америки и Азии; • низкий уровень гостиничного сервиса; • дефицит и высокая стоимость мест размещения туристов
Внешняя среда	Возможности (Opportunities) девальвация рубля, снижающая для иностранных туристов себестоимость производимого в России туристического продукта и ведущая к переориентации значительной части россиян на внутренний туризм, в частности — Санкт-Петербург	Угрозы (Threats) • продолжающееся санкционное давление на Россию со стороны западных стран; • постепенная деформация историко-культурного облика города в результате разрушения и сноса памятников истории и культуры, уплотнительной застройки, реализации крупных проектов, меняющих виды «небесной линии» и исторического центра Санкт-Петербурга; • концентрация в Санкт-Петербурге в высокий сезон административных и конгрессных мероприятий, создающих дискомфортные условия для сезонного туризма

мера земельных платежей, субсидирование процентных ставок по кредитам и др. [6];

- участие города в финансировании программ модернизации пунктов прибытия иностранных и внутренних туристов;
- лоббирование на федеральном уровне пересмотра сроков проведения общероссийских конгрессных мероприятий с целью выравнивания сезонной загрузки отелей и повышения доходности туристической отрасли города.

Понятно, что часть из сформулированных автором рекомендаций являются бюджетоемкими и в текущий период вряд ли смогут быть реализованы. Другие рекомендации требуют повышения качественного состава исполнительных органов государственной власти и депутатского корпуса Санкт-Петербурга, а также более широкого привлечения экспертного сообщества к выработке законодательных инициатив. В ко-

нечном счете перспективы развития туристической дестинации Санкт-Петербурга будут зависеть от способности субъекта управления туристическим комплексом города создать привлекательный инвестиционный климат для инвесторов, а также улучшить продвижение туристического бренда Санкт-Петербурга внутри страны и за рубежом.

Литература

1. Бабкина Л. Н., Соколов Е. А. Концептуальный плюрализм в теории стратегического управления // Экономика и управление. 2010. № 3(53). С. 55–58.
2. Багирян В. А. Международный туризм в системе мировой экономики // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2014. № 1(45). С. 83–90.
3. Балашов А. И., Козырев А. А. Форсайт как технология стратегического планирования // Управленческое консультирование. 2015. № 7. С. 45–56.
4. Нестеров А. В., Горенбургов М. А. Методические аспекты сбалансированной политики государственного регулирования внутреннего и выездного туризма в России // Вестник Национальной академии туризма. 2015. № 2(34). С. 12–16.
5. Шамахов В. А., Балашов А. И. Новая геополитическая реальность и ее влияние на стратегию экономического и социального развития России // Управленческое консультирование. 2016. № 1. С. 22–30.
6. Шарафанова Е. Е. О развитии Санкт-Петербурга как туристской дестинации // Журнал правовых и экономических исследований. 2014. № 4. С. 194–196.
7. Экономика туризма: учебник / М. А. Морозов, Н. С. Морозова, Г. А. Карпова, Л. В. Хорева. М. : Федеральное агентство по туризму, 2014. 320 с.

References

1. Babkina L. N. Sokolov E. A. *Conceptual pluralism in Strategic Management Theory* [Kontseptual'nyi pluralizm v teorii strategicheskogo upravleniia] // Economy and Management [Ekonomika i upravlenie]. 2010. N 3(53). P. 55–58. (rus)
2. Baghiryan V. A. *International tourism in the global economic system* [Mezhdunarodnyi turizm v sisteme mirovoi ekonomiki] // Bulletin of the Rostov State University of Economics [Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2014. N 1(45). P. 83–90. (rus)
3. Balashov A. I., Kozyrev A. A. *Forsythe as a strategic technology planning* [Forsait kak tekhnologiya strategicheskogo planirovaniia] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 7. P. 45–56. (rus)
4. Nesterov A. V., Gorenburg M. A. *Methodical aspects of a balanced policy of state regulation of domestic and outbound tourism in Russia* [Metodicheskie aspekty sbalansirovannoi politiki gosudarstvennogo regulirovaniia vnutrennego i vyezdnoego turizma v Rossii] // Bulletin of the National Academy of Tourism [Vestnik Natsional'noi akademii turizma]. 2015. N 2(34). P. 12–16. (rus)
5. Shamakhov V. A., Balashov A. I. *The new geopolitical reality and its influence on the strategy of economic and social development of Russia* [Novaya geopoliticheskaiia real'nost' i ee vliianie na strategiiu ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiia Rossii] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 1. P. 22–30. (rus)
6. Sharafanova E. E. *About development of St. Petersburg as a tourist destination* [O razvitiia Sankt-Peterburga kak turistskoi destinatsii] // Journal of Legal and Economic Studies [Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniia]. 2014. N 4. P. 194–196. (rus)
7. *Tourism Economy: Textbook* / M. A. Morozov, N. S. Morozov, G. A. Karpov, L. V. Horev. Moscow: Federal Agency for Tourism, 2014. 320 p. (rus) ccc

Наумов В. Н., Зеленковская А. А., Котов А. И.

О планировании инвестиций в развитие города

Наумов Владимир Николаевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Руководитель научно-образовательного направления «Бизнес-информатика»
Доктор военных наук, профессор
naumov122@list.ru

Зеленковская Анастасия Александровна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант
nzcontrol@mail.ru

Котов Анатолий Иванович

Специальный представитель Губернатора Санкт-Петербурга по вопросам экономического развития
Кандидат экономических наук
a.kotov@cedipt.spb.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены предложения по планированию распределения ограниченных ресурсов, выделяемых на развитие Санкт-Петербурга, основанные на решении задачи оптимизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

стратегия, оптимизация распределения ресурсов, линейное программирование, сфера образования, сфера здравоохранения, метод анализа иерархий

Naumov V. N., Zelenkovskaya A. A., Kotov A. I.

On Planning of Investments into City Development

Naumov Vladimir Nikolaevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the scientific and educational direction "Business informatics"
Doctor of Science (Military Science), Professor
naumov122@list.ru

Zelenkovskaya Anastasiya Aleksandrovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate Student
nzcontrol@mail.ru

Kotov Anatoly Ivanovich

Special representative of the Governor of Saint-Petersburg on Economic Development (Russian Federation)
PhD in Economics
a.kotov@cedipt.spb.ru

ABSTRACT

The article deals with questions of planning the allocation of scarce resources in the development of St. Petersburg based on solving the optimization problem

KEYWORDS

strategy, resource allocation optimization, linear programming, education sector, health sector, the analytic hierarchy process

Будущее развитие Санкт-Петербурга определено Стратегией экономического и социального развития до 2030 г., которая была принята 13 мая 2014 г. Она содержит цели и ключевые приоритеты социально-экономического развития города и направлена на обеспечение стабильного улучшения качества жизни горожан и повышение его глобальной конкурентоспособности на основе реализации национальных приоритетов развития, обеспечения устойчивого экономического роста и использования результатов инновационно-технологической деятельности¹.

Стратегия содержит систему целей, которые станут ориентиром долгосрочного развития города и рационального использования городских ресурсов. По образному выражению известного современного экономиста, иностранного члена Российской академии наук Владимира Квинта, «стратегия — это путеводитель к выверенным приоритетам и целям через хаос будущего и неизвестного. Это мудрость, умноженная на точно выбранный вектор атаки с оценкой ресурсной ограниченности» [2]. В соответствии со Стратегией, цели социально-экономического развития Санкт-Петербурга структурированы по четырем уровням, включая генеральную цель (первый уровень), стратегические приоритеты (второй уровень), стратегические цели (третий уровень) и программно-целевые установки (четвертый уровень).

Каждой цели (кроме генеральной) соответствуют показатели, значения которых характеризуют степень ее достижения. Такой подход позволяет построить систему сбалансированных целей и показателей, определить ключевые индикаторы эффективности и обеспечить мониторинг их достижения [1]. Для достижения генеральной цели определены 4 стратегические приоритета: обеспечение устойчивого экономического роста, развитие человеческого капитала, повышение качества городской среды, обеспечение эффективности управления и развитие гражданского общества.

Реализация Стратегии, обеспечение данных стратегических приоритетов осуществляются в условиях изменения демографической ситуации в городе. Переломным в демографической сфере стал 2012 г., когда коэффициент естественного прироста принял положительное значение. К началу 2013 г. численность населения Санкт-Петербурга достигла того максимального значения, которое было зафиксировано в 1990 г., и составила 5028 тыс. чел. Второй раз в истории Санкт-Петербурга 22 сентября 2012 г. родился пятимиллионный житель. В последние годы в городе наметились устойчивые тенденции роста рождаемости и снижения смертности. Общий коэффициент рождаемости увеличился к началу 2015 г. до 13,0 промилле; общий коэффициент смертности снизился до 11,7 промилле. Это лучшие значения показателей за последние 30 лет².

На рис. 1 приведена диаграмма прогноза численности населения в городе до 2030 г. В городе наблюдается устойчивый рост численности населения. При этом наблюдается рост рождаемости, миграционный рост, рост средней продолжительности жизни и др., что изменяет текущую демографическую ситуацию в городе. Из-за повышения уровня рождаемости резко встал вопрос о дефиците детских садов, школ, учителей. В частности, в 2013 г. на 109 детей приходилось 100 мест в детском саду, а на 148 учеников — 10 учителей. Непринятие соответствующих мер не только не позволит выполнить поставленные стратегические цели Стратегии, но и ухудшит текущую ситуацию в городе.

¹ Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года: Выбор основных направлений и целей социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.ec-group.ru/upload/projects/Strategia_socialno-ekonomicheskogo_razvitiya_Sant-Peterburga_do_2030_goda_Vybor_osnovnyh_napravleniy_celej.Ver.2.pdf (дата обращения: 15.04.2016).

² Концепция демографической политики Санкт-Петербурга: официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга, URL: <http://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/demogr> (дата обращения: 15.04.2016).

Таким образом, в Санкт-Петербурге обостряется проблема распределения ограниченных ресурсов на различные сферы развития городской инфраструктуры в условиях изменения демографической ситуации. Рассмотрим частную задачу, относящуюся к данной проблеме, задачу распределения ресурсов в сфере образования с целью обеспечения стратегического приоритета — «развитие человеческого капитала». Для ее решения необходимо определить требуемые затраты на создание новых образовательных учреждений в условиях ограниченных ресурсов.

Сформулируем данную задачу как задачу оптимизации. Предположим, что при расчете значений показателей в сфере образования на период до 2030 г. демографическая модель известна и по ней можно определить абсолютный прирост населения города (групп населения) к каждой временной вехе, например к 2020, 2025 и 2030 гг. Пусть известны значения абсолютного прироста населения ΔN на эти годы (см. рис. 1).

С учетом требуемых значений базовых показателей развития города необходимо решить задачу распределения ограниченных ресурсов между различными элементами инфраструктуры, реализующими компоненты стратегии в сфере образования. Аналогично можно рассматривать задачи и в других сферах, например, в сфере здравоохранения, в социальной сфере, в сфере культуры и др.

Такая задача является задачей прогнозирования [3]. Особенность ее решения связана с наличием динамики анализируемых целевых показателей. Поэтому задачу распределения ресурсов следует рассматривать как динамическую задачу. Возможны два варианта ее решения, многошаговое решение задачи методами динамического программирования или статическое решение задачи, например, методами линейного программирования для каждого сечения, например, для 2020, 2025, 2030 гг. Рассмотрим второй вариант решения задачи в предположении, что на каждом сечении результаты решения независимы. В этом случае задача становится сепарабельной и декомпозируется на несколько задач, например, связанных с временными вехами, контрольными этапами выполнения Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга.

Задачу распределения можно представить как классическую задачу условной оптимизации при ограничении на выделенные ресурсы. Рассмотрим один из вариантов математической постановки такой задачи, связанной с максимизацией функции полезности. Под полезностью в данной задаче будем понимать эффект от создания новых элементов инфраструктуры города в сфере образования в допущении, что полезность является аддитивной функцией числа объектов инфраструктуры города. Тогда функция полезности вычисляется взвешенным суммированием числа вновь вводимых элементов инфраструктуры. Целевая функция для решения такой задачи будет иметь вид:

$$\begin{aligned} \sum_{i=1}^n w_i x_i &\rightarrow \max_i; \\ \sum_{i=1}^n w_i &= 1; \\ w_i &> 0, \end{aligned} \quad (1)$$

где x_i — количество вновь создаваемых элементов инфраструктуры i -го типа; n — число типов элементов; w_i — вес элемента инфраструктуры i -го типа.

В качестве веса элемента инфраструктуры могут выступать величины, обратно пропорциональные требуемым затратам, величины, определяемые нормативами, величины, определяемые распределением населения города по возрастам, и др.

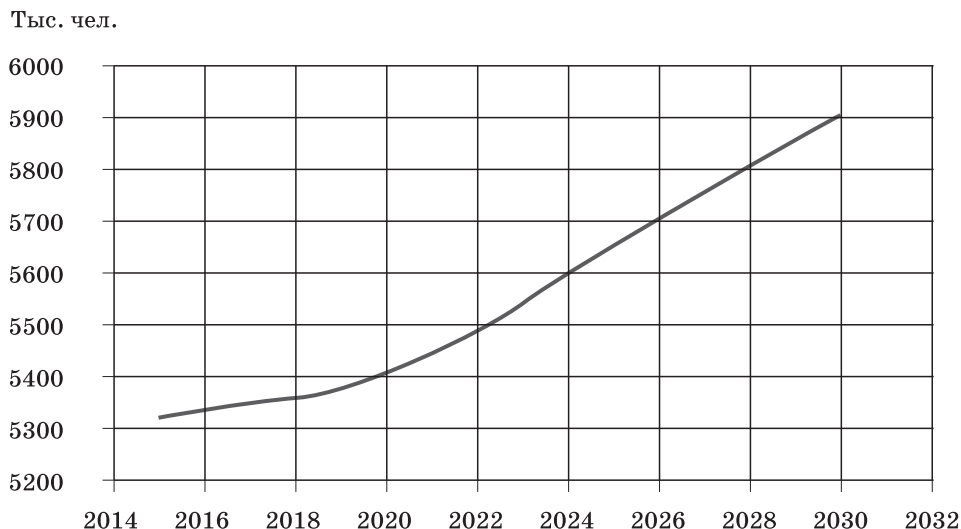

Рис. 1. Динамика роста численности населения в Санкт-Петербурге

Задача определения весов требует самостоятельного исследования. Один из возможных путей ее решения рассмотрен ниже. При одинаковых значениях весов задача оптимизации вырождается в задачу равномерного распределения.

Ограничения задачи могут иметь вид равенств или неравенств, например:

$$\begin{aligned}
 \sum_{i=1}^n p_i x_i &= B; \\
 \forall i \quad x_i &\geq x_{i_{\min}}; \\
 a_i x_i \Delta N &\geq b_i; \\
 x_i &- \text{целое},
 \end{aligned}
 \tag{2}$$

где p_i — стоимость создания одного элемента инфраструктуры i -го типа; B — объем инвестиций. В ограничении предполагается, что все инвестиции реализуются на создание элементов инфраструктуры. Данное ограничение может быть ослаблено и быть нестрогим, так как при создании плана распределения ресурсов следует учесть возможную корректуру их объема. В этом случае ограничение будет иметь вид неравенства. При распределении инвестиций на несколько лет данный объем следует скорректировать с учетом инфляции; $x_{i_{\min}}$ — минимальное значение элемента инфраструктуры i -го типа; a_i — показатель, характеризующий возможности элемента инфраструктуры. Для сферы образования такими показателями могут быть среднее число мест в дошкольном образовательном учреждении, в общеобразовательном учреждении и др. Использование только средних значений показателей без учета рассеивания ухудшает качество решения задачи, однако упрощает ее постановку. Такое ограничение допустимо, так как задача распределения решается в условиях большой неопределенности; b_i — контрольное значение показателя, определяющее уровень текущей обеспеченности (развития) элемента инфраструктуры i -го типа. Ограничения, содержащие данные значения, исходят из того, что при любых ситуациях, связанных с инвестициями в реализацию Стратегии, значения показателей территориального развития города не ухудшались, несмотря на воз-

никающие новые нагрузки, например, рост населения города. Социальная ситуация в городе не должна ухудшаться. Ограничение, в которое входит этот показатель, зависит от емкости инфраструктурного элемента, его предназначения, а также реальных значений показателей за анализируемый период. Показатель приводится к расчету на одного, тысячу, десять тысяч человек населения (следовательно, абсолютный прирост населения ΔN также должен быть приведен к этому диапазону). Так, если в качестве контрольного значения показателя используется посещаемость детских дошкольных учреждений, то для текущей ситуации контрольное значение показателя рассчитывается из фактической численности детей, посещавших детские дошкольные учреждения. За 2014 г. она составила 230 871 детей. С учетом численности населения Санкт-Петербурга, равной 5191,7 тыс. жителей, при расчете значения показателя, приведенного к тысяче жителей, получим значение, равное 44,5.

Такая постановка задачи относится к классу задач целочисленного линейного программирования. Существуют алгоритмы и средства ее решения, которые могут быть использованы для решения данной задачи. В дальнейшем при проверке работоспособности и адекватности модели использовалась надстройка «Поиск решения» офисного приложения Excel.

Предложенная математическая постановка задачи позволяет получить вариант распределения инвестиций для обеспечения требуемых значений показателей. С учетом необходимости решения задач устойчивости можно задать интервальную оценку значений показателей, определить критические значения показателей, реализовав, таким образом, принятый в последние годы механизм контроля и мониторинга основных процессов. Наличие средств автоматизации обоснования плана позволяет решать задачи оперативного планирования и корректуры значений базовых показателей с учетом складывающейся ситуации в городе, изменения положений выполняемой Стратегии, изменения объема инвестиций и др.

Рассмотрим частный случай решения задачи для прогнозирования распределения затрат на период до 2020 г. Пусть необходимо распределить инвестиции на образовательные учреждения. Рассмотрим образовательные учреждения четырех типов: дошкольные, общеобразовательные, учреждения профессионального и учреждения дополнительного образования. В табл. 1 приведены исходные данные для решения задачи оптимизации. Веса переменных заданы с учетом реальных потребностей по результатам исследования проектных и реальных значений.

В табл. 1 приведен показатель числа посещений на 1000 чел. населения (текущая обеспеченность на 1000 чел. населения). Данный показатель вычислен с помощью соотношения count_i/N , где count_i — число посещений образовательного учреждения i -го типа в текущем году.

Следует отметить, что проектная численность числа посещений образовательных учреждений в ряде случаев не совпадает с фактическими данными. Так, например, фактическая численность детей, посещающих дошкольные образовательные учреждения в 2014 г., выше проектной более чем на 12 000 чел., а фактическая численность детей, посещавших школы в этом же году, наоборот, меньше проектной почти на 24 000. Поэтому при решении задачи распределения инвестиций, во-первых, следует различать проектные и фактические значения, а во-вторых, некоторые ограничения могут быть отрицательными. Исходя из данного обстоятельства, в состав системы ограничений следует дополнительно внести ограничение на неотрицательность переменных $\forall x_i (x_i \geq 0)$.

Зададим ограничения таким образом, чтобы не ухудшить текущую обеспеченность населения образовательными учреждениями. В этом случае ограничения будут иметь вид: $x_i \geq \Delta N(\text{count}_i/N)$, где ΔN — прирост населения к анализируемому году. С учетом заданных в табл. 1 исходных данных задача оптимизации

Исходные данные для решения задачи оптимизации

Тип образовательного учреждения	Число образовательных учреждений	Текущая обеспеченность на 1000 чел. населения	Вес w_i — элемента инфраструктуры i -го типа
Детские дошкольные учреждения	1065	44,5	0,4
Общеобразовательные учреждения	694	78,1	0,3
Учреждения дополнительного профессионального образования	58	40,1	0,1
Учреждения проф. образования	48	6,2	0,2

принимает вид:

$$\begin{aligned}
 &0,4x_1 + 0,3x_2 + 0,1x_3 + 0,2x_4 \rightarrow \max_i; \\
 &\sum_{i=1}^4 p_i x_i \leq B; \\
 &x_1 \geq 128; \\
 &x_2 \geq 0; \\
 &x_3 \geq 2; \\
 &x_4 \geq 2; \\
 &\forall i x_i - \text{целое.}
 \end{aligned} \tag{3}$$

При заданных значениях стоимостных показателей и объеме инвестиций за период до 2020 г. в ценах текущего года более 13,5 млрд руб., задача оптимизации имеет решение. Если объем инвестиций будет меньше, то область допустимых решений становится пустой. Задача не будет иметь решения. В результате решения задачи распределения ресурсов получен оптимальный вектор числа образовательных учреждений, которые следует построить к 2020 г.: $X = (129 \ 0 \ 2 \ 2)$. На рис. 2 приведен сценарий вариантов решения задачи при увеличении ресурсов, а также при изменении весов переменных.

Данный сценарий показывает, что в основном распределение инвестиций должно быть направлено на строительство дошкольных образовательных учреждений. Отметим, что результаты моделирования совпадают с основными положениями Стратегии, согласно которой для успешного развития сферы общего образования Санкт-Петербурга необходима реализация комплекса мер по двум направлениям, к первому направлению относится обеспечение 100% потребности населения в местах в учреждениях дошкольного образования¹.

Структура решения задачи устойчива и не меняется при увеличении объема инвестиций, если существенно не изменять веса, определяющие важность строительства образовательных учреждений. Последний рассмотренный сценарий (последний

¹ Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года: Выбор основных направлений и целей социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.ec-group.ru/upload/projects/Strategia_socialno-ekonomicheskogo_razvitiya_Sant-Peterburga_do_2030_goda._Vybor_osnovnyh_napravleniy_celoi.Ver.2.pdf (дата обращения: 15.04.2016).

Структура сценария						
	Текущие значения: Минимальные инвестиции		Инвестиции 20000	Минимальные инвестиции. Веса 0,2; 0,4; 0,2; 0,2		Инвестиции 20000. Веса 0,2; 0,6; 0,1; 0,1
Изменяемые:						
\$A\$2	129	129	194	129	128	
\$B\$2	0	0	0	0	33	
\$C\$2	2	2	2	2	2	
\$D\$2	2	2	2	2	2	
Результат:						
\$F\$24	26,2	26,2	39,2	26,2	45,8	

Примечания: столбец "Текущие значения" представляет значения изменяемых ячеек в момент создания Итогового отчета по Сценарию. Изменяемые ячейки для каждого сценария выделены серым цветом.

Рис. 2. Сценарий с результатами решения задачи оптимизации

столбец таблицы, приведенной на рис. 2) предполагает, что инвестиции не являются минимальными для решения задачи (объем инвестиций равен 20 млрд руб.), а вес общеобразовательных учреждений существенно больше, чем вес других образовательных учреждений (вектор весов имеет вид: $w = (0,2 \ 0,60 \ 0,1 \ 0,1)$). Для такого варианта исходных данных оптимальное решение предполагает обеспечение минимально необходимого числа дошкольных образовательных учреждений (128) и строительство 33 общеобразовательных школ.

Приведенный пример показывает, что значение веса элементов инфраструктуры влияет на вариант возможного решения. Для определения веса при этом следует учитывать иерархический характер целей и ключевых показателей. Задача обоснования решения по распределению ресурсов становится иерархической. Для ее решения могут быть использованы методы системного анализа, в частности метод анализа иерархий Т. Саати, основанный на синтезе иерархии целей, участников, показателей и затем исследовании полученной структуры [5]. Первые два уровня такой иерархии для решения задачи исследования приоритета «развитие человеческого капитала» приведены на рис. 3.

Анализ такой иерархии основан на композиции эмпирических и аналитических методов исследования, формировании системы локальных и глобальных приоритетов, которые можно рассматривать как веса элементов инфраструктуры территории. При определении локальных приоритетов может быть использован язык бинарных отношений, основанный на процедуре попарных сравнений, выполняемых экспертами, что позволяет построить матрицы попарных сравнений.

Попарные сравнения производятся в терминах доминирования одного элемента над другим по отношению к вышестоящей — родительской вершине иерархии с использованием субъективных суждений «равная важность», «несущественное доминирование», «существенное доминирование» и др., которые выражаются численно по специальной шкале относительной важности Т. Саати. Использование такой лингвистической шкалы, а также эмпирического метода оценки определяют необходимость выполнения проверки и обеспечения согласованности полученных матриц.

Значения локальных приоритетов вычисляются с помощью нормализации среднего геометрического по строкам полученных матриц попарных сравнений [5]. После нахождения векторов локальных приоритетов последовательно, начиная с нижнего уровня иерархии, для каждой ветви дерева осуществляется свертка, которая приводит к формированию вектора весов отдельных элементов инфраструктуры, $w = (w_1, \dots, w_n)$, где n — число вершин нижнего уровня иерархии. За-

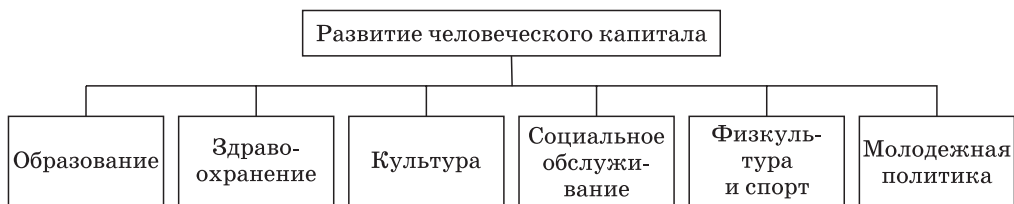

Рис. 3. Иерархия целей приоритета «развитие человеческого капитала»

дача оптимизации принимает вид:

$$\begin{aligned}
 & \sum_{j=1}^k \sum_{i=1}^{n_j} w_i x_i \rightarrow \max_i; \\
 & \sum_{j=1}^k \sum_{i=1}^{n_j} w_i = 1; \\
 & \sum_{j=1}^k n_j = n; \\
 & w_i > 0,
 \end{aligned} \tag{4}$$

где $k = 6$ определяет число сфер в приоритете «развитие человеческого капитала» (см. рис. 3); $n = 30$ — общее число переменных (элементов инфраструктуры) в задаче оптимизации.

С учетом того, что в методе анализа иерархий использована аддитивная свертка приоритетов в предположении об их попарной линейной независимости, ограничения могут быть представлены в виде:

$$\sum_{i=1}^n p_i x_i = \sum_{j=1}^k \sum_{i=1}^{n_j} p_i x_i \leq B. \tag{5}$$

Следовательно, $\sum_{i=1}^{n_j} p_i x_i \leq B_j$; $\sum_{j=1}^k B_j \leq B$; $B_j \leq v_j B$; $v_j \in (0,1)$, где v_j — доля затрат в j -сферу. Данное ограничение определяет возможность задания отдельных инвестиций в различные рассматриваемые сферы, выделения фиксированных значений.

С целью проверки адекватности разработанной математической модели и для упрощения задачи предположим, что рассматривается распределение затрат только в двух сферах: сфере образования и сфере здравоохранения, а также то, что задача решается только для одного года. Исходные данные для решения задачи приведены в табл. 1 и табл. 2.

В данной таблице приведен показатель числа посещений учреждений здравоохранения на 1000 чел. населения. Для задания ограничений задачи оптимизации следует вычислить выражения $\text{count}_i / (N | n)$, где n_i — текущее значение числа учреждений здравоохранения i -го типа. Тогда получим: $x_i \geq \Delta N (\text{count}_i / (N | n))$, где ΔN прирост населения к анализируемому году.

В табл. 3 и табл. 4 приведены матрицы попарных сравнений отдельных элементов инфраструктуры для сфер образования и здравоохранения.

В последних столбцах матриц приведены полученные оценки векторов локальных

Исходные данные для сферы здравоохранения

Тип объекта здравоохранения	Число объектов здравоохранения	Текущая обеспеченность на 1000 чел. населения
Амбулаторно-поликлинические учреждения (АПУЗ)	130	547,5
Учреждения здравоохранения стационарного типа (УЗСТ)	62	11,3
Диспансеры (ДСП)	45	802,9
Родильные дома (РД)	19	8,0
Санатории и пансионаты с лечением для взрослых (СПЛВ)	1	13,1
Детские оздоровительные учреждения здравоохранения (ДОУЗ)	1	0,6
Детские санатории (ДС)	12	2,2
Автомобили скорой медицинской помощи (СПМ)	686	113,3

приоритетов V_1, V_2 . Вектор весов вычисляется умножением элементов этих векторов на локальные приоритеты сферы образования и здравоохранения. Такие приоритеты также могут быть оценены с помощью матриц попарных сравнений. При допущении, что данный вектор для примера двух сфер имеет вид $(0,33 \ 0,67)$, в табл. 5 приведены значения весов элементов анализируемой инфраструктуры для рассматриваемого фрагмента.

С учетом рассмотренного фрагмента, а также с учетом существующей инфраструктуры города и динамики роста населения для 2020 г. математическая постановка задачи будет иметь следующий вид:

$$\begin{aligned}
 & \sum_{i=1}^{12} w_i x_i \rightarrow \max; \\
 & \sum_{i=1}^{12} w_i = 1; \\
 & w_i > 0; \\
 & \sum_{i=1}^{12} p_i x_i \leq B; \\
 & x_1 \geq 128; x_2 \geq 0; x_3 \geq 2; x_4 \geq 2; \\
 & x_5 \geq 4; x_6 \geq 2; x_7 \geq 1; x_8 \geq 1; x_9 \geq 0; x_{10} \geq 0; x_{11} \geq 0; x_{12} \geq 20; \\
 & x_i \text{ целое.}
 \end{aligned} \tag{6}$$

При заданных значениях стоимостных показателей и объеме инвестиций в ценах текущего года более 14,5 млрд руб., задача оптимизации имеет решение. Вектор решения приведен в табл. 5. При этом в силу того, что в качестве одного из показателей выбран показатель числа машин скорой помощи x_{12} , с затратами на одну машину, значительно меньшими, чем затраты на различные учреждения об-

Матрица попарных сравнений для сферы образования

Образование	Дошкольное	Общее	Проф.	Дополн.	Среднее геометрическое	Локальные приоритеты, V_1
Дошкольное	1,00	2,00	3,00	5,00	2,34	0,48
Общее	0,50	1,00	2,00	3,00	1,32	0,27
Проф.	0,33	0,50	1,00	2,00	0,76	0,16
Дополн.	0,20	0,33	0,50	1,00	0,43	0,09

Таблица 4

Матрица попарных сравнений для сферы здравоохранения

Здравоохранение	АПУЗ	УЗСТ	ДСП	РД	СПЛВ	ДОУЗ	ДС	СМП	Среднее геометрическое	Локальные приоритеты, V_2
АПУЗ	1,00	2,00	3,00	3,00	5,00	3,00	5,00	7,00	3,14	0,30
УЗСТ	0,50	1,00	2,00	2,00	3,00	2,00	3,00	5,00	1,91	0,18
ДСП	0,33	0,50	1,00	1,00	3,00	1,00	2,00	5,00	1,22	0,12
РД	0,33	2,00	1,00	1,00	3,00	1,00	3,00	7,00	1,60	0,15
СПЛВ	0,20	0,33	0,33	0,33	1,00	0,33	1,00	5,00	0,58	0,05
ДОУЗ	0,33	0,50	1,00	1,00	3,00	1,00	3,00	5,00	1,29	0,12
ДС	0,20	0,33	0,50	0,33	1,00	0,33	1,00	5,00	0,61	0,06
СМП	0,14	0,20	0,20	0,14	0,20	0,20	0,20	1,00	0,22	0,02

разования и здравоохранения, то получено значение переменной $x_{12} = 450$. Следовательно, при решении задачи оптимизации целесообразно задавать диапазон возможных значений, а не только минимально требуемое значение.

Если объем инвестиций будет меньше чем 14,5 млрд руб., то область допустимых решений становится пустой. Задача не будет иметь решения. В этом случае целесообразно предусмотреть механизм управления ограничениями на ключевые показатели эффективности. В качестве такого механизма можно использовать «светофор», предполагающий задание минимального x_{\min_i} и максимального значения x_{\max_i} , а также нижнего допустимого Δx_{\min_i} и верхнего допустимого Δx_{\max_i} отклонений. Тогда ограничение на переменную будет иметь вид двойного неравенства:

$$x_{\min_i} + \Delta x_{\min_i} \leq x_j \leq x_{\max_i} - \Delta x_{\max_i}$$

В случае нехватки ресурсов для изменения ограничений на переменную можно ранжировать элементы инфраструктуры по возможности сокращения выделяемых средств. При этом следует учитывать глобальный приоритет переменной (см. метод анализа иерархий) или ее вес w_i а также расходы, требуемые для создания соответствующего инфраструктурного элемента. Поэтому ранг переменных x_i можно определить по значениям w_i/p_i . В табл. 3 приведены ранги переменных, определенные по значению данного показателя. Чем меньше значение ранга, тем более

**Исходные данные и результаты решения задачи оптимизации
для сфер образования и здравоохранения**

<i>i</i>	Число объектов сферы образования и здравоохранения	Вес элементов инфраструктуры	Оптимальное решение	Ранг
1	Детские дошкольные учреждения	0,16	128	10
2	Общеобразовательные учреждения	0,09	0	8
3	Учреждения дополнительного профессионального образования	0,05	2	3
4	Учреждения проф. образования	0,03	2	4
5	Амбулаторно-поликлинические учреждения	0,20	4	11
6	Учреждения здравоохранения стационарного типа	0,12	2	6
7	Диспансеры	0,08	1	9
8	Родильные дома	0,10	1	7
9	Санатории и пансионаты с лечением для взрослых	0,04	0	1
10	Детские оздоровительные учреждения здравоохранения	0,08	0	5
11	Детские санатории	0,04	0	2
12	Автомобили скорой медицинской помощи	0,01	450	12

вероятно уменьшение минимально допустимого значения соответствующей переменной.

Примеры решения задачи распределения инвестиций показывают, что при формировании Генерального плана развития Санкт-Петербурга в рамках реализации Стратегии необходимо использовать количественные методы его обоснования, в том числе и математические методы оптимизации. Результаты решения таких задач чувствительны к исходным данным, в том числе и к демографической ситуации в городе.

Таким образом, деятельность специалиста по формированию плана становится информационно-аналитической, на основе использования специальных инструментальных средств. На рис. 4 приведен пример графического окна, разработанного авторами, в котором приведены результаты решения задачи распределения ресурсов в сферу образования. В данном окне в графической форме отображаются диаграммы значений отдельных показателей, используемых при решении задачи планирования.

Отметим, что для реализации задач информационно-аналитической деятельности в настоящее время существуют специальные средства бизнес-аналитики [4]. Данные средства позволяют использовать методы многомерной математической статистики, анализа данных, методы интеллектуальной обработки, работать с большими данными, использовать хранилища данных и др. Эффект их использования достигается за счет ускорения подготовки отчетов, улучшения качества принимаемых решений, повышения удовлетворенности клиентов и др.

Рис. 4. Графическое окно с результатами решения задачи планирования

Литература

1. Каплан Р., Нортон Д. Сбалансированная система показателей. М. : Олимп-бизнес, 2006.
2. Квинт В. Л. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. М. : Издательский дом «Бюджет», 2012.
3. Курзнев В. А., Клебанова Т. С., Наумов В. Н., Гурьянова Л. С. Методы и модели прогнозирования социально-экономических процессов. СПб. : Изд. СЗИУ РАНХиГС, 2012.
4. Наумов В. Н. Средства бизнес-аналитики. СПб. : Изд. СЗИУ РАНХиГС, 2016.
5. Саати Т. Принятие решений при зависимостях и обратных связях: Аналитические сети. М. : Изд. ЛКИ, 2008.

References

1. Kaplan R., Norton D. *Linking the Balanced Scorecard to Strategy* [Sbalansirovannaya sistema pokazatelei]. M. : Olympus-business, 2006. (rus)
2. Kvint V. L. *Strategic management and economy on a global emerging market* [Strategicheskoe upravlenie i ekonomika na global'nom formiruyushchemsya rynke]. M. : Publishing house «Budjet», 2012. (rus)
3. Kurznev V. A., Klebanova T. S., Naumov V. N., Guryanova L. S. *Methods and models of forecasting of social and economic processes* [Metody i modeli prognozirovaniya sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov]. SPb. : Publishing house of the NWIM of the RANEPА [Izd. SZIU RANKhiGS], 2012. (rus)
4. Naumov V. N. *Methods of the business-analythics* [Sredstva biznes-analitiki]. SPb. : Publishing house of the NWIM of the RANEPА [Izd. SZIU RANKhiGS], 2016. (rus)
5. Saati T. *Decision-making at dependences and feedback: Analytical networks* [Prinyatie reshenii pri zavisimostyakh i obratnykh svyazyakh: Analiticheskie seti]. M. : Publishing house of the LKI [Izd. LKI], 2008. (rus)

Козырев А. А., Борисов А. В.

Бизнес-инкубатор как объект инфраструктуры государственной поддержки предпринимательства*

Козырев Александр Александрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры стратегии, территориального развития и качества жизни
Кандидат экономических наук, доцент
kosyrew@mail.ru

Борисов Александр Владимирович

АО «РЭО Сервис» (Санкт-Петербург)
Заместитель генерального директора, управляющий менеджер Первого городского бизнес-инкубатора
Магистрант 2 года обучения факультета Государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург)
borisov@start-business.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается практика функционирования технологического бизнес-инкубатора, задачи и особенности технологического бизнес-инкубирования. Особое внимание уделяется спектру услуг, который должен оказываться резидентам технологического бизнес-инкубатора в Санкт-Петербурге. Затрагивается проблема отбора субъектов малого предпринимательства для инкубирования.

Методологией исследования выступает сравнительный анализ соответствия действующей нормативной и методической базы сложившейся практике деятельности бизнес-инкубатора.

По результатам проведенного исследования сделан вывод об эффективности деятельности Первого городского бизнес-инкубатора как объекта инфраструктуры государственной поддержки предпринимательства.

В целях повышения качества и точности оценки эффективности работы управляющей бизнес-инкубатором организации, разработаны рекомендации, направленные на совершенствование его деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

бизнес-инкубатор, конкурентоспособность, наукоемкий бизнес, оценка эффективности, совершенствование системы управления, технологический бизнес-инкубатор

Kozyrev A. A., Borisov A. V.

Business Incubator as a Part of SME Support State Infrastructure

Kozyrev Aleksandr Aleksandrovich

North-Western Institute of Management — branch of the Russian President Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Strategy, Territorial Development and Quality of Life
PhD in Economy, Associate Professor
kosyrew@mail.ru

Borisov Aleksandr Vladimirovich

JSC «REO Service» (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Deputy General Director, the operating manager of the First city business incubator

* Статья публикуется на основе результатов научно-исследовательской работы на тему: «Проведение оценки эффективности деятельности Первого городского бизнес-инкубатора Санкт-Петербурга», выполненной на основе договора от 05.10.2015 № 03-15 между СЗИУ РАНХиГС и Управляющей компанией Первого городского бизнес-инкубатора Санкт-Петербурга «РЭО „Сервис“».

Master's student of the 2nd year of faculty of the Public and municipal management of North-Western Institute of Management — branch of the Russian President Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
borisov@start-business.ru

ABSTRACT

This article describes technological business incubator's function and activity, goals and objectives. Specially noted are various services that providing to the residents of St. Petersburg technological business-incubator.

In addition, this article reports about the case of selecting small enterprises for incubation.

The methodology of the research is a comparative analysis of compliance of the current normative and methodical base the culture of a business incubator.

According to the results of the conducted research the conclusion about the effectiveness of the First city business incubator as object of infrastructure of state support of entrepreneurship.

As a conclusion, developed series of recommendations aimed to improve business incubator effectiveness. These recommendations will lead to improving performance assessment of the business incubator managing company.

KEYWORDS

business incubator, competitiveness, knowledge-intensive business, assessment of efficiency, improvement of the management system, technological business incubator

Оценка эффективности функционирования субъектов наукоемких и высокотехнологичных секторов экономики является важной задачей обеспечения, на основе экономики знаний, устойчивого экономического роста¹. В Санкт-Петербурге формируется технологическая инфраструктура, основной целью функционирования которой является поддержка инновационной деятельности за счет развития существующих и создания новых технопарков, бизнес-инкубаторов, центров трансфера технологий, инжиниринговых центров и центров коллективного пользования, технополисов, отраслевой и универсальной специализации. Экономической базой является госпрограмма «Развитие предпринимательства и потребительского рынка Санкт-Петербурга»².

Бизнес-инкубатор — «организация, решающая задачи, ограниченные проблемами поддержки малых, вновь созданных предприятий и начинающих предпринимателей, которые хотят, но не имеют возможности начать свое дело, связанные с оказанием им помощи в создании жизнеспособных коммерчески выгодных продуктов и эффективных производств на базе их идей»³. Бизнес-инкубатор, без сомнения, может стать центром структуры и связующим звеном, которое способно обеспечить инновационный рост субъекта малого предпринимательства, в последующем интегрируемого в региональную экономику. На программу «Бизнес-инкубатор» из городского бюджета в 2015 г. выделено 70 млн руб., которые планируется увеличить к 2020 г. до 84,1 млн руб.

Хотелось бы выделить специализированный класс бизнес-инкубаторов — технологические бизнес-инкубаторы. Основная их специализация — развитие инновационных технологий. Задача таких структур состоит в содействии коммерциализа-

¹ Стратегия экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года. [Электронный ресурс] URL: <http://spbstrategy2030.ru/> (дата обращения: 26.11.2015 г.).

² Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 30 июня 2014 г. № 554 «О государственной программе Санкт-Петербурга „Развитие предпринимательства и потребительского рынка в Санкт-Петербурге“ на 2015–2020 годы» [Электронный ресурс] Система ГАРАНТ URL: <http://base.garant.ru/22914139/> (дата обращения: 26.11.2015).

³ Постановление Росстата № 104 от 20.12.2007 «Об утверждении статистического инструментария для организации Минобрнауки России статистического наблюдения за организациями научно-технического комплекса» [Электронный ресурс] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=74748> (дата обращения: 26.11.2015).

ции научных разработок, создании и внедрении технологий, повышении конкурентоспособности региональной промышленности. Появление технологических бизнес-инкубаторов способствует развитию наукоемкого бизнеса, который имеет существенное значение для развития региональной экономики.

Цель инкубации — стимулирование развития фирм, занимающихся передовыми технологиями. Структура технологического бизнес-инкубатора способна предоставить компаниям не только низкую арендную ставку, но и спектр услуг по развитию и внедрению технологий, выпуску произведенной продукции. Специфика предоставляемых технологическим бизнес-инкубатором услуг может различаться вследствие многообразия организаций важными услугами являются следующие:

- предоставление помещений (офисов, мастерских, лабораторий и учебных залов);
- услуги общих служб, включающих работу секретариата, городской телефон и факс, доступ в сеть Интернет и локальную сеть, услуги службы охраны, помощь в почтовой рассылке, общий доступ к офисной технике, комнате для проведения переговоров, предоставление конференц-зала и выставочной площадки;
- поддержка в разработке и реализации бизнес-плана, сопровождение бухгалтерии, предоставление консультаций маркетолога, юриста, помощь в лицензировании деятельности, обмен финансовым опытом;
- предоставление доступа к финансовым ресурсам, включая финансирование на раннем этапе формирования организации, помощь в получении грантов и льготное кредитование;
- консультирование по технологическим вопросам, помощь в доступе к результатам исследований и организации контактов со специалистами, представителями исследовательских центров и университетов;
- налаживание деловых отношений среди инкубируемых компаний технологического бизнес-инкубатора, обмен информацией о произведенных резидентами товарах на международных и национальных рынках [2, с. 76–77].

Государственная политика большинства динамично развивающихся экономик нацелена на формирование и развитие инновационной составляющей экономики. Поддерживается устойчивое взаимодействие малых, средних и крупных предприятий, их контакты с образовательными и научными учреждениями. Развиваются сообщества малых и средних предприятий, формирующихся на основе производственно-технических, научно-технических и коммерческих связей вокруг крупных компаний региона. Консолидация усилий фирм позволяет им интенсивно развиваться и повышать свою конкурентоспособность.

Конкуренция — сложное, многогранное экономическое явление [1, с. 34]. Формирование научно-технологических связей между предприятиями и научными институтами, несмотря на свою очевидную стратегическую эффективность, в России пока является скорее исключением, чем правилом.

В Санкт-Петербурге «Первый городской бизнес-инкубатор» представляет собой бизнес-инкубатор технологического типа. В 2012 г. при нем был создан «Открытый R&D центр» — коммуникационная площадка для объединения опыта, результатов научно-технической деятельности и научно-технологической базы малых и средних инновационных предприятий, вузов и НИИ для удовлетворения потребностей в развитии технологий. Была создана технологическая база партнеров.

Существенное место при формировании технологического бизнес-инкубатора в Санкт-Петербурге занимает проблема выбора субъекта малого предпринимательства для дальнейшего инкубирования. Выделим следующие критерии отбора:

- точность следования правилам оформления документов на конкурс;
- компания работает не более года;

- соответствие вида деятельности компании профилю технологического бизнес-инкубатора;
- представлен бизнес-план компании, в котором подтверждается целесообразность ее инкубирования.

Острым вопросом также является разработка разумных и гибких условий оплаты и срока аренды площадей. Срок размещения резидентов технологического бизнес-инкубатора ограничен тремя годами, существует возможность продлить договор по результатам экспертного заключения комиссии «Центра отбора и контроля проектов» до пяти лет. Арендная ставка в трехлетний период инкубации оплачивается в размере: 1-й год — 25%, 2-й год — 40%, 3-й год — 80%. Если договор продлевается, то 4-й год — 80%, 5-й год — 100% [2, с. 77–78].

Важная задача функционирующего бизнес-инкубатора состоит в создании базы помещений для офисов и производства, а также мест общего пользования технологического бизнес-инкубатора. Все площади технологического бизнес-инкубатора состоят из четырех категорий: офисы; производство (включая мастерские и лаборатории); места общего пользования (конференц-залы и презентационный зал, переговорные, копировальный центр и др.); коллективный центр прототипирования, который представляет собой производственную площадку с высокотехнологичным оборудованием, для выпуска прототипов.

Существенная проблема также состоит в формировании эффективной программы предоставления услуг, максимально способствующих инкубированию резидентов. Резидентам «Первого городского бизнес-инкубатора» предоставляется [2, с. 79]: оборудованные офисные помещения (офисная мебель, оргтехника, телефонная связь, интернет); доступ к местам коллективного пользования (конференц-залы, переговорные, копировально-множительный центр, презентационно-выставочный зал); оснащенные лабораторные и сборочные мастерские (оборудованные специализированной мебелью, освещением, вентиляцией); доступ к электронным справочно-правовым базам; участие в централизованных выставках, конференциях и прочих тематических мероприятиях, организуемых в рамках программы; учебные мероприятия, организуемые в рамках программы (учебные мероприятия направлены на обучение руководителя (руководителей) резидентов самостоятельному ведению бизнеса, совершенствование управленческих навыков, законодательства в объеме, установленном учебной программой); коммуникации с профильными организациями и структурами; внешнее бухгалтерское сопровождение и консультирование; юридическая поддержка (консультирование); доступ к партнерской сети (сеть производственных партнеров программы, поставщиков компонентов, база заказов).

«Первый городской бизнес-инкубатор» в обязательном порядке проводит контроль деятельности компаний резидентов, что способствует развитию резидентов и самого бизнес-инкубатора. Промежуточный контроль развития проекта производится «Центром отбора и контроля проектов» не позднее шести месяцев с момента размещения компании. Резидент обязан предъявить показатели развития своей организации.

По результатам промежуточного контроля «Центром отбора и контроля проектов» может быть сформировано ходатайство в адрес Комитета экономического развития, промышленной политики и торговли о возможности выделения целевого гранта. В процессе проведения промежуточных контрольных мероприятий «Центром отбора и контроля проектов» могут быть привлечены представители инвестиционных структур: венчурные фонды, потенциальные заказчики, иные представители и потенциальные резиденты технологического бизнес-инкубатора. Контрольные проверки производятся решением «Центра отбора и контроля проектов» не менее одного раза в год.

Непосредственное развитие созданного бизнес-инкубатора тесно связано с поиском новых субъектов малого предпринимательства. Их поставщиками могут стать фонды развития, вузы, НИИ, частные инициативы.

Технологический бизнес-инкубатор ориентирован на привлечение и отбор резидентов, занимающихся инновационными разработками. Непосредственные партнерские взаимоотношения с вузами и НИИ являются стратегическим направлением развития инновационного бизнеса и дают возможность [2, с. 80]:

- научным работникам открывать свои компании для производства продукции, основанной на их исследованиях;
- прогрессивным молодым специалистам вовлекаться в область инновационной промышленности и коммерциализировать свои идеи;
- обеспечивать доступ предпринимателей к вузовской инфраструктуре, источникам информации, возможностям научно-технической базы;
- обеспечивать консультации и обмен идеями;
- поднять статус технологического бизнес-инкубатора.

Доля инновационной продукции в общем объеме выпуска товаров, работ и услуг в Санкт-Петербурге возрастет к 2030 г. до 30%¹. Для достижения этого целевого показателя необходимо поддерживать и развивать сеть инновационных кластеров и необходимой для их деятельности инновационной инфраструктуры. Одной из подобных структур является технологический бизнес-инкубатор, который создается с целью реализации и коммерциализации начинающих субъектами малого предпринимательства наукоемких проектов в области электроники и приборостроения, а также поддерживает и развивает эту отрасль в целом.

Для повышения эффективности деятельности бизнес-инкубатора ежегодно проводится регулярный мониторинг со стороны авторитетных представителей экспертного сообщества. Научно-исследовательскую работу (НИР) на тему «Проведение оценки эффективности деятельности “Первого городского бизнес-инкубатора Санкт-Петербурга”» за 2014 г. проводил Северо-Западный институт управления РАНХиГС.

Целью данной НИР являлось проведение работ по оценке эффективности деятельности Первого городского бизнес-инкубатора Санкт-Петербурга на предмет соответствия деятельности организации стандартам, установленным Конкурсной документацией для проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2014 г. предоставлялись субсидии для финансирования мероприятий, осуществляемых в рамках оказания государственной поддержки малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации (утверждена приказами Министерства экономического развития Российской Федерации от 24 апреля 2013 г. № 220 и от 01 июля 2014 г. № 411), качества менеджмента и действующих в бизнес-инкубаторе технологий и бизнес-процессов.

Первый городской бизнес-инкубатор, расположенный по адресу: Санкт-Петербург, ул. Седова, д. 37, лит. А, является объектом инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства Санкт-Петербурга. Первый городской бизнес-инкубатор создан Правительством Санкт-Петербурга Постановлением № 1425 от 22. 11. 2006 «О мерах по созданию бизнес-инкубатора по адресу: ул. Седова, д. 37» совместно с Министерством экономического развития Российской Федерации и является проектом по поддержке и развитию малого инновационного наукоемкого бизнеса в Санкт-Петербурге путем предоставления субъектам малого предпри-

¹ Постановление Правительства Санкт-Петербурга № 496 от 23.06.2014 «О государственной программе Санкт-Петербурга „Экономическое развитие и экономика знаний в Санкт-Петербурге“ на 2015–2020 годы» [Электронный ресурс] URL: <http://cedipt.spb.ru/upload/Экономическое%20развитие%20и%20экономика%20знаний.pdf> (дата обращения: 26.11.2015 г.).

нимательства на льготных условиях нежилых помещений бизнес-инкубатора и комплекса услуг на безвозмездной основе.

Деятельность бизнес-инкубатора регламентируется Положением о деятельности бизнес-инкубатора, расположенного по адресу: Санкт-Петербург, ул. Седова, д. 37, лит. А, утвержденным Распоряжением Комитета по развитию предпринимательства и потребительского рынка от 09. 12. 2013 г. № 3262-р «О бизнес-инкубаторе, расположенном по адресу: Санкт-Петербург, ул. Седова, д. 37, лит. А» (далее — Распоряжение Комитета от 09. 12. 2013 г. № 3262-р).

Общество с ограниченной ответственностью «Ремонтно-эксплуатационная организация «Сервис» является управляющей организацией бизнес-инкубатора на основании Распоряжения Комитета по развитию предпринимательства и потребительского рынка Санкт-Петербурга от 01. 11. 2013 г. № 2560-р «О признании результатов конкурсного отбора на право оказания услуг по управлению бизнес-инкубатором».

Бизнес-инкубатор является объектом инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства Санкт-Петербурга и не является юридическим лицом, в связи с этим не имеет Устава. Помещения бизнес-инкубатора, предназначенные для размещения субъектов малого предпринимательства, материально-техническое и программное оснащение бизнес-инкубатора должны отвечать требованиям специальной программы «Бизнес-инкубатор», утвержденной распоряжением Комитета по развитию предпринимательства и потребительского рынка Санкт-Петербурга от 28. 08. 2013 г. № 1610-р (далее — Распоряжение Комитета от 28. 08. 2013 г. № 1610-р).

Бизнес-инкубатор, по характеру услуг, оказываемых размещенным в нем субъектам малого предпринимательства, является общим (офисным). Основной специализацией бизнес-инкубатора является сфера инноваций, информационных и высоких технологий, научно-технической и внедренческой деятельности.

Оценка эффективности деятельности проводилась путем осуществления:

- проверки и анализа учредительных, регистрационных, регламентирующих, плановых, отчетных, бухгалтерских и других документов по форме и содержанию в целях установления законности, правильности и эффективности осуществляемых бизнес-инкубатором действий и процессов;
- сличения предоставленных бизнес-инкубатором документов и данных с соответствующими документами и данными, находящимися в иных открытых источниках информации.

Градации уровня эффективности, качества и обоснованности, как отдельных финансово-хозяйственных операций, так и отдельных процессов (процедур), устанавливалась Исполнителем путем формальной, арифметической, логической, экономической, нормативно-правовой и встречной проверок документов, контрольного сличения, обратного счета, аналитической проверки отчетности, сравнения и др.

В процессе проведенного исследования было выяснено, что деятельность бизнес-инкубатора осуществляется в четком соответствии с Положением, утвержденным Распоряжением Комитета по развитию предпринимательства и потребительского рынка Санкт-Петербурга от 09. 12. 2013 г. № 3262-р. Согласно п. 11 данного Положения субъектам малого предпринимательства, размещенным в бизнес-инкубаторе, оказывается весь спектр предусмотренных услуг.

Анализ деятельности бизнес-инкубатора свидетельствует о том, что он выступает организатором и принимает участие в мероприятиях, посвященных работе с молодежью.

Выявлены также направления взаимодействия бизнес-инкубатора с вузами Санкт-Петербурга. К ним можно отнести следующие направления.

Во-первых, работа непосредственно со студентами. Знакомство с Первым городским бизнес-инкубатором, его резидентами, с программами поддержки пред-

принимательства в Санкт-Петербурге в целом — это получение информации в миниатюре о предпринимательской деятельности. Здесь у студентов есть возможность не просто узнать о бизнес-инкубаторе, но увидеть работу предпринимателя «изнутри», попробовать себя в качестве его помощника, понять задачи, которые перед ним стоят, проблемы, которые ему приходится решать, изучить новые продукты и услуги, которые он предлагает рынку. Такое знакомство с предпринимательской деятельностью дает возможность будущему специалисту «найти себя», опробовать профессию еще в студенческие годы, даже открыть свое дело или прийти к этому в своей жизни позже.

Во-вторых, взаимодействие с вузами, представляющее собой хороший способ решения вопроса кадрового обеспечения, как непосредственно бизнес-инкубатора, так и его компаний. Талантливые, активные студенты вовлекаются в работу, могут предложить новый, свежий взгляд на проблему, взять на себя решение части задач.

В-третьих, это возможность объединить базу научной школы и теоретических знаний с реальной практикой создания новых, высокотехнологичных продуктов, товаров и услуг. Это воспитание не только предпринимательской культуры молодежи, но и формирование вовлеченности молодых специалистов в инновационную среду.

Первый городской бизнес-инкубатор взаимодействует с четырнадцатью вузами Санкт-Петербурга. В течение 2014 г. в перечень партнеров бизнес-инкубатора вошли Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Кроме того, в течение года проводятся:

- экскурсии в Первый городской бизнес-инкубатор для студентов вузов (группами по 15–30 студентов в сопровождении преподавателя с посещением компаний-резидентов). В 2014 г. Первый городской бизнес-инкубатор с экскурсиями посетили около 200 студентов;
- прохождение в Первом городском бизнес-инкубаторе производственной практики и стажировки. Как правило, в течение года практику проходят до 100 студентов из крупнейших вузов Санкт-Петербурга;
- участие студентов в мероприятиях Первого городского бизнес-инкубатора как в рамках прохождения практики, так и вне ее. Основной формой такого участия является работа студентов на выставочном стенде бизнес-инкубатора в рамках крупнейших российских и международных форумов (в 2014 г. студенты привлекались к участию в VII Петербургском Международном инновационном форуме, проходившем с 1 по 3 октября, и в XII Форуме субъектов малого и среднего предпринимательства, проходившем 10 и 11 декабря), а также участие в мероприятиях — выставках, форумах, конференциях, где бизнес-инкубатор выступает в качестве партнера и размещает стенд;
- конкурс бизнес-кейсов «Web-decision» — в 2014 г. Первый городской бизнес-инкубатор совместно с агентством цифровых коммуникаций Molinos проводили конкурс бизнес-кейсов «Web-decision» и другие мероприятия.

Анализ процессов оценки перспективности проектов бизнес-инкубатора в рамках конкурсов на предоставление нежилых помещений для начинающих предпринимателей показал, что оценка осуществляется в соответствии с приказом ФАС России от 10. 02. 2010 г. № 67 и Положением о деятельности бизнес-инкубатора. Конкурсная комиссия состоит из представителей руководства бизнес-инкубатора и Комитета по развитию предпринимательства и потребительского рынка Санкт-Петербурга. Победители конкурса становятся резидентами бизнес-инкубатора. По завершению периода инкубирования (3 года) работа с предпринимателями не прекращается.

Успешные предприниматели-выпускники делятся своим опытом с существующими резидентами бизнес-инкубатора в рамках различных семинаров и бизнес-встреч, участвуют в выставках, организованных бизнес-инкубатором.

В целом организационную эффективность, а также процессы и технологии, применяемые организацией, управляющей деятельностью бизнес-инкубатора, можно считать соответствующими требованиям Приказа Минэкономразвития России от 01. 07. 2014 г. № 411.

Проанализировав предоставленные данные о кадровом потенциале бизнес-инкубатора, можно констатировать, что квалификация руководящего состава и сотрудников в целом соответствует требованиям приказа МЭР РФ № 411 от 01. 07. 2014 г., равно как и сами сотрудники соответствуют требованиям к занимаемым должностям.

Исследование финансово-экономических показателей эффективности деятельности бизнес-инкубатора и его резидентов показало следующее:

- годовой оборот субъектов малого и среднего предпринимательства, размещенных в бизнес-инкубаторе, за 2014 г. составил 231 280 500 руб. (для сравнения, в 2013 г. — 223 147 690 руб.);
- размер налоговых платежей, уплаченных резидентами бизнес-инкубатора, за 2014 г., составил 14 776 140 руб. (для сравнения, в 2013 г. — 20 772 375 руб.);
- размер налоговых платежей, уплаченных управляющей компанией за 2014 г., составил 10 517 760,72 руб. (для сравнения, в 2013 г. — 10 077 330 руб., в 2012 г. — 7 586 090,93 руб.).

Таким образом, в целом продолжает наблюдаться положительный тренд роста финансово-экономических показателей деятельности как бизнес-инкубатора, так и оборотов его резидентов. По данному показателю бизнес-инкубатор можно считать эффективным.

Активно ведется работа бизнес-инкубатора по выстраиванию партнерской сети, популяризации предпринимательства и повышению бизнес-активности населения в регионе, работе с молодежью, разработке и проведению обучающих программ, как для потенциальных, так и для существующих предпринимателей, а также для сотрудников инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства. Таким образом, по показателям бизнес-инкубатора как объекта инфраструктуры государственной поддержки предпринимательства его можно считать эффективным.

В целях повышения качества и точности оценки эффективности работы организации, управляющей деятельностью Первого городского бизнес-инкубатора, а также разработки аналитических инструментов поддержки принимаемых ею управленческих решений, целесообразно в дальнейшем [3, с. 55–56]:

- 1) для повышения качества отбора резидентов Первого городского бизнес-инкубатора — провести детальный анализ содержания заявок и результатов деятельности резидентов бизнес-инкубатора с 2007 г. с целью выявления факторных зависимостей и методических рекомендаций по отбору резидентов;
- 2) для оценки экономической эффективности работы Первого городского бизнес-инкубатора — провести детальный анализ состава затрат организации, управляющей деятельностью Первого городского бизнес-инкубатора (с 2007 г.), с выявлением экономической зависимости между проведенными бизнес-инкубатором затратами и полученными резидентами бизнес-инкубатора и бюджетами всех уровней результатами (капитализация патентов и изобретений, зарегистрированных резидентами бизнес-инкубатора на этапе инкубирования, динамика выручки компании-резидента бизнес-инкубатора, объем налоговых поступлений в бюджеты всех уровней, уплаченных компаниями-резидентами бизнес-инкубатора);
- 3) для оценки организационной эффективности работы организации — разработать детальную маршрутную схему бизнес-процессов, осуществляемых организацией,

управляющей деятельностью Первого городского бизнес-инкубатора, с привязкой реализуемых бизнес-процессов к рабочему месту конкретного исполнителя и обоснованием временных нормативов на осуществление каждого бизнес-процесса;

- 4) для оценки кадровой эффективности работы организации — уточнить содержание должностных инструкций работников организации, управляющей деятельностью Первого городского бизнес-инкубатора, с выработкой KPI, «привязанных» к результатам деятельности обслуживаемых компаний-резидентов бизнес-инкубатора, и разработкой предложений по созданию системы материального стимулирования.

Литература

1. *Козырев А. А.* Конкуренция как экономический феномен: основные направления исследований // Управленческое консультирование. 2014. № 10. С. 29–35.
2. *Козырев А. А., Борисов А. В.* Научно-интенсивный бизнес как конкурентное преимущество региона // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. Т. 5. Вып. 2(14). С. 75–82.
3. *Отчет о выполнении научно-исследовательской работы на тему: «Проведение оценки эффективности деятельности Первого городского бизнес-инкубатора Санкт-Петербурга».* СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2015. 56 с.

References

1. *Kosyrew A. A.* Competition as an economic phenomenon: the main directions of research [Konkurentsia kak ekonomicheskii fenomen: osnovnye napravleniya issledovani] // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. N 10. P. 29–35.
2. *Kosyrew A. A., Borisov A. V.* Knowledge-intensive business as competitive advantage of the region [Naukoemkii biznes kak konkurentnoe preimushchestvo regiona] // Scientific works of North-West Institute of Management of the RANEPА [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS]. V. 5. Issue 2(14). P. 75–82.
3. The report on research work : “Assessment of the efficiency of activities of the First city business incubator of St. Petersburg” [Otchet o vypolnenii nauchno-issledovatel'skoi raboty na temu: «Provedenie otsenki effektivnosti deyatel'nosti Pervogo gorodskogo biznes-inkubatora Sankt-Peterburga»]. SPb. : NWIM of the RANEPА [SZIU RANKhiGS], 2015. 56 p.

Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Модин Е. В.

Региональная дифференциация социально-экономического развития как угроза экономической безопасности

Липатова Людмила Николаевна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры финансового менеджмента
Доктор социологических наук, кандидат экономических наук
ln.lipatova@yandex.ru

Градусова Валентина Николаевна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры финансового менеджмента
Кандидат экономических наук
vgradusova@gmail.com

Модин Евгений Витальевич

ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Республике Мордовия» (Саранск)
Экономист
jekki88@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье характеризуется ситуация в сфере экономической безопасности в российских регионах. Для сравнения по группе социально-экономических индикаторов выбраны крупнейшие города и наиболее проблемные регионы России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

уровень жизни, продолжительность жизни, среднедушевые доходы, дифференциация населения, уровень безработицы, уровень преступности

Lipatova L. N., Gradusova V. N., Modin E. V.

Regional Differentiation of Social and Economic Development as Threat of Economic Security

Lipatova Ludmila Nikolaevna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of the Financial Management
Doctor of Science (Sociology), PhD in Economy
ln.lipatova@yandex.ru

Gradusova Valentina Nikolaevna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of the Financial Management
PhD in Economy
vgradusova@gmail.com

Modin Evgeny Vitalyevich

Federal Budgetary Institution of Healthcare "Center of Hygiene and Epidemiology in the Republic of Mordovia" (Saransk, Russian Federation)
Economist
jekki88@mail.ru

ABSTRACT

In the article the situation in the sphere of economic security in the Russian regions is characterized. For comparison on group of social and economic indicators, the largest cities and the most problem regions of Russia are chosen.

KEYWORDS

standard of living, life expectancy, average per capita income, differentiation of the population, unemployment rate, crime rate

Современная экономическая динамика в России значительно обострила вопросы экономической безопасности. Многие показатели, используемые для ее оценки, ухудшились. ВВП страны (в ценах 2008 г.) сокращается с III квартала 2014 г. Индекс физического объема ВВП страны сокращался весь 2015 г.: 1 квартал — 97,8%, 2 кв. — 95,4%, 3 кв. — 95,9% к соответствующему кварталу предыдущего года¹. Доля машиностроения в выпуске обрабатывающих производств уменьшилась с 22,3% в 2013 г. до 20,8% в 2014 г.².

Динамика инвестиций в основной капитал в сопоставимых ценах в 2014 г. была отрицательной — 97,3%. Это третий случай с 1998 г., в котором темп роста инвестиций в экономику России составил 88%. Сокращение объема инвестиций в постсоветской России отмечалось еще в кризисном 2009 г. Объем инвестиций в основной капитал уменьшился с 20,3% ВВП в 2013 г. до 19% ВВП в 2014 г.³.

Финансирование науки из средств федерального бюджета сократилось с 3,19% к расходам бюджета РФ в 2013 г. до 2,95% в 2014 г. По отношению к ВВП расходы федерального бюджета на науку тоже уменьшились и составили 0,61% в 2014 г. против 0,64% в 2013 г. Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг в российской экономике сократился с 9,2% в 2013 г. до 8,7% в 2014 г. Еще более сильное падение отмечается в промышленном производстве: с 8,9% в 2013 г. до 8,2% в 2014 г.⁴.

Инфляция в стране выросла и исчисляется двузначными числами, чего не было с кризисного 2008 г.: 2014 г. — 11,36%, 2015 г. — 12,91%⁵. Эксперты ООН оценили инфляцию в России в 2015 г. на уровне 15,9%⁶. Курс рубля в январе 2016 г. обновил исторический минимум.

С 2013 г. федеральный бюджет имеет дефицит: 2013 г. — 1,3% ВВП, 2014 г. — 1,2% ВВП⁷, 2015 г. — около 3% ВВП⁸. Дефицит российского бюджета в 2016 г. при среднегодовой цене на нефть на уровне 30 долл. за баррель достигнет 6% ВВП,

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/ (дата обращения: 15.04.2016).

² Там же. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/ (дата обращения: 15.04.2016).

³ Там же. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/ (дата обращения: 15.04.2016).

⁴ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/ (дата обращения: 15.04.2016).

⁵ Уровень инфляции в Российской Федерации в 2016 году // СтатБюро [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statbureau.org/ru/russia/inflation> (дата обращения: 15.04.2016).

⁶ В ООН спрогнозировали уровень инфляции в России в 2016 году // LENTA.RU [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2016/01/21/inflation/> (дата обращения: 15.04.2016).

⁷ Российский статистический ежегодник / Росстат. М., 2015. С. 537.

⁸ Дефицит бюджета РФ в 2015 г. снижен с 3,7% до 3% // Вести. Экономика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/62810> (дата обращения: 15.04.2016).

считает бывший министр финансов РФ А. Кудрин¹. Внешний долг РФ к началу 2015 г. увеличился до 47,2% ВВП (в начале 2014 г. было 36%)².

В 2015 г., по оценкам Росстата, ВВП России упал на 3,7%. В 2016 г., по прогнозам Минэкономразвития, при цене на нефть 25 долл. за баррель спад не превысит уровень 2015 г.³. В прошедшем году объемы промышленного производства в России снизились на 3,4% к уровню 2014 г. Если в сегменте добычи полезных ископаемых наблюдался небольшой рост (на 0,3%), то в секторе обрабатывающих производств отмечается существенное падение (на 5,4%), производство и распределение электроэнергии, газа и воды тоже снизилось на 1,6%⁴.

Основными факторами, вызвавшими обострение экономической ситуации в стране, эксперты называют резкое падение цен на сырье на мировых рынках, укрепление доллара США вследствие ужесточения монетарной политики ФРС, а также введение экономических санкций в отношении России со стороны отдельных государств. Особую обеспокоенность вызывает падение уровня жизни россиян, вызванное спадом экономики и девальвацией рубля.

Из числа показателей экономической безопасности, наиболее часто используемых специалистами, можно выделить блок индикаторов, прямо или косвенно характеризующих жизненный уровень населения: объем валового внутреннего продукта на душу населения, удельный вес населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, ожидаемая продолжительность жизни, соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами, уровень преступности, уровень безработицы.

Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения в 2014–2015 гг. заметно ухудшились. Доходы россиян в реальном исчислении сократились. Показатель численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, уменьшившийся в 2012 г. до 10,7% его общей численности, в 2014 г. вновь возрос до 11,2%. Ухудшилось соотношение с величиной прожиточного минимума всех составляющих денежных доходов (табл. 1).

Реальные располагаемые денежные доходы населения РФ в 2015 г., по предварительным данным Росстата, упали на 4% по сравнению с 2014 г., а реальная начисленная зарплата — на 9,5%. Причем, только в декабре 2015 г. зарплата в реальном исчислении уменьшилась по сравнению с декабрем предыдущего года на 10%⁵.

Численность безработных в России в 2015 г., по данным Росстата, составила 4,264 млн человек, что на 7,4% больше, чем в 2014 г. В декабре 2015 г. численность безработных граждан составила 4,426 млн человек (или 5,8% экономически активного населения)⁶. По сравнению с соответствующим периодом предыдущего года показатель увеличился на 9,5%, но не превысил порогового значения.

¹ Кудрин. При цене на нефть в 30 долл. за баррель возможен дефицит в 6% ВВП // Росбалт. RU [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/business/2016/01/20/1481740.html> (дата обращения: 15.04.2016).

² Российский статистический ежегодник / Росстат. М., 2015. С. 545.

³ Росстат оценил падение экономики РФ в 2015 году в 3,7% // INTERFAX.RU [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/business/491311> (дата обращения: 15.04.2016).

⁴ Росстат сообщил о снижении промпроизводства в 2015 году на 3,4% // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/news/2016/01/25/625309-rosstat-snizhenii-promproizvodstva> (дата обращения: 15.04.2016).

⁵ Реальная начисленная зарплата россиян в 2015 году снизилась на 9,5% // FINANZ.RU [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finanz.ru/novosti/lichnyye-finansy/realnaya-nachislennaya-zarplata-rossiyan-v-2015-godu-snizilas-na-9-5percent-1001013110> (дата обращения: 15.04.2016).

⁶ Число безработных в России выросло в 2015 году на 7,4% // FINANZ.RU [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finanz.ru/novosti/aktsii/chislo-bezrabotnykh-v-rossii-vyroslo-v-2015-godu-na-7-4percent-rosstat-1001012175> (дата обращения: 15.04.2016).

Таблица 1

Основные социально-экономические показатели уровня жизни населения РФ

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014
Реальные располагаемые денежные доходы населения, в процентах к предыдущему году	105,9	100,5	104,6	104,0	99,3
Реальная начисленная заработная плата, в процентах к предыдущему году	105,2	102,8	108,4	104,8	101,2
Реальный размер назначенных пенсий, в процентах к предыдущему году	134,8	101,2	104,9	102,8	100,9
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума:					
млн. человек	17,7	17,9	15,4	15,5	16,1
в процентах от общей численности населения	12,5	12,7	10,7	10,8	11,2
в процентах к предыдущему году	96,2	101,1	86,0	92,3	103,9
Соотношение с величиной прожиточного минимума, процентов:					
среднедушевых денежных доходов	333	326	357	355	345
среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций	341	340	378	379	374
среднего размера назначенных пенсий	165	163	177	165	163

Источник: Российский статистический ежегодник. М. : Росстат, 2015. С. 139.

Специалисты отмечают огромную региональную дифференциацию по социально-экономическому положению и уровню жизни в России, что может представлять угрозу экономической безопасности страны и социальной стабильности [см.: 2–10]. Основываясь на данных статистики и используя для оценки пороговые значения, предложенные известным российским экономистом С. Глазьевым [1], охарактеризуем экономическую безопасность крупнейших российских мегаполисов и наиболее проблемных регионов по выделенному блоку критериев.

ВВП на душу населения (по ППС) РФ в 2012 г. составлял 14461 долл. США. Это 55-е место в мире. Учитывая то обстоятельство, что самые густонаселенные страны, в которых проживает почти половина населения мира, в рейтинге по этому показателю находятся на гораздо более низких, чем РФ, позициях (Китай, более 19% населения мира — 90-е место; Индия, более 17% населения мира — 133-е место; Индонезия, 3,5% мирового населения — 124-е место; Бразилия, около 3% мирового населения — 77-е место; Пакистан, 2,5% населения мира — 137-е место; Мексика, около 2% населения мира — 65-е место)¹, можно предположить, что по этому критерию пороговое значение в РФ достигнуто.

ВРП на душу населения (по ППС в долл. США) в г. Москве почти в 2 раза выше, чем в среднем в РФ, в г. Санкт-Петербурге показатель больше среднероссийского значения на 27,7%. Но в двух других рассматриваемых регионах этот показатель гораздо ниже и не достигает и половины порогового значения (табл. 2).

¹ Россия и страны мира: стат. сб. М. : Росстат, 2014. С. 29–31; ПРООН. Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире. М., 2013. С. 144–147.

**Показатели уровня жизни населения, влияющие на экономическую безопасность,
по отдельным регионам РФ**

Показатели	Пороговое значение	РФ	Москва	Санкт-Петербург	Республика Тыва	Чеченская Республика
Объем ВВП на душу населения, в % от среднемирового уровня (2012 г.)	100	100	200	128	41	23
Удельный вес численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в процентах от общей численности населения (2014 г.)	7	11,2	9,0	8,3	34,7	14,2
Ожидаемая продолжительность жизни населения, лет (2014 г.)	70	70,9	76,7	74,6	61,8	73,1
Соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами, раз (2014 г.)	8	16,0	20,9	18,7	12,1	15,1
Число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения (2014 г.)	5000	1525	1505	1094	2106	258
Уровень безработицы (безработные к численности экономически активного населения в возрасте 15–72 года), % (2014 г.)	7	5,2	1,5	1,4	19,1	21,5

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. М. : Росстат, 2015. С. 55, 226–227, 455–456.

Другие показатели доходов также говорят о значительной дифференциации российских регионов. Так, среднедушевые денежные доходы и среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в г. Москве в 2 раза, а в г. Санкт-Петербурге — на 25% выше среднероссийского показателя. Средний размер назначенных пенсий москвичей более чем на 8% превышает аналогичный показатель по РФ, у петербуржцев средняя пенсия на 14,4% больше среднероссийского уровня. Однако следует обратить внимание на то, что реальные денежные доходы москвичей в 2014 г. заметно сократились (на 7,2% к предыдущему году).

В Республике Тыва среднедушевые денежные доходы населения почти в 2 раза меньше среднероссийского показателя и на 35% ниже среднего уровня этого индикатора по Сибирскому федеральному округу (ФО). В Чеченской Республике разрыв меньше: 71% от среднего по РФ значения и 96% от среднего по Северо-Кавказскому федеральному округу (табл. 3).

**Денежные доходы населения по отдельным субъектам Российской Федерации
в 2014 г.**

Регион	Среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб.	Реальные денежные доходы, в процентах к предыдущему году	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб.	Реальная начисленная заработная плата, в процентах к предыдущему году	Средний размер назначенных пенсий, руб.	Реальный размер назначенных пенсий, в процентах к предыдущему году
Российская Федерация	27 766	99,5	32 495	101,2	10 030	103,3
Центральный федеральный округ	34 970	96,8	39 945	101,8	10 095	103,1
Москва	54 504	92,8	61 208	102,2	10 851	104,0
Северо-Западный федеральный округ	28 572	101,4	35 468	100,8	11 331	103,0
Санкт-Петербург	34 724	103,7	40 697	101,9	11 470	102,2
Сибирский федеральный округ	21 490	98,2	28 347	100,2	9942	103,7
Республика Тыва	14 083	99,5	27 507	103,8	9513	104,0
Северо-Кавказский федеральный округ	20 692	103,6	20 930	101,6	8482	104,5
Чеченская Республика	19 788	110,5	21 452	97,0	8509	107,2

Источник: Российский статистический ежегодник. М. : Росстат, 2015. С. 142, 147, 153.

Сохраняется огромный разрыв в доходах населения внутри регионов. В РФ в 2014 г. соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами составляло 16 раз. В столицах подоходная дифференциация населения более сильная. Так, в г. Москве в 2010 г. соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами составляло 28,2 раза, снизившись с 44 раз в 2004 г.¹ К 2014 г. этот коэффициент уменьшился до 20,9 раза. В г. Санкт-Петербурге коэффициент фондов тоже заметно выше, чем в среднем по РФ и более чем в 2 раза превышает пороговое значение — 18,7 раза (2014 г.). В Чеченской Республике и Республике Тыва подоходное расслоение населения менее сильно выражено, но соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами тоже существенно выше порогового значения — 15,1 и 12,1 раза соответственно.

Другой показатель дифференциации доходов — коэффициент Джини. В Санкт-Петербурге в 2014 г. он был равен 0,437. (Максимальное значение этого показателя — 0,446 — пришлось на 2010 г.)². Для сравнения коэффициент Джини в РФ

¹ Московский стат. ежегодник: стат. сб. М. : Мосгорстат, 2011. С. 51.

² Санкт-Петербург в 2014 г.: стат. сб. СПб. : Петростат, 2015. С. 56.

в 2014 г. составлял 0,416 (максимум 0,421 пришелся на 2010 г.)¹, в г. Москве в 2014 г. он был равен 0,452, в 2004 г. достигал 0,578². В Чеченской Республике коэффициент Джини в 2014 г. был равен 0,408, в Республике Тыва — 0,377.

Удельный вес численности населения РФ с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума — как следствие глобального экономического кризиса — увеличился. В обеих столицах России он был и остается ниже среднероссийского показателя, но заметно выше порогового значения. В двух других регионах ситуация существенно хуже. Особенно сложное положение в Республике Тыва, где к этой категории населения относятся более 1/3 жителей региона.

Другой важнейший индикатор экономической безопасности — продолжительность жизни людей. В РФ он превысил пороговое значение в 2012 г., к 2014 г. увеличился до 70,9 года. Женщины живут в среднем дольше мужчин — показатели составляют 76,5 года и 65,3 года соответственно³. Несмотря на экологические проблемы, вызванные концентрацией в мегаполисах населения и хозяйствующих субъектов, продолжительность жизни в г. Москве и г. Санкт-Петербурге выше. Так, в г. Москве 70-летний рубеж был преодолен еще в 2003 г.⁴. В г. Санкт-Петербурге ожидаемая продолжительность жизни при рождении превысила 70 лет в 2007 г.⁵. В Чеченской Республике, как и в других национальных республиках Северного Кавказа, рассматриваемый показатель традиционно выше среднего по стране значения — 73,1 года (2014 г.). Но в Республике Тыва продолжительность жизни ниже порогового значения на 8,2 года.

Экономическая безопасность зависит и от криминогенной ситуации, которая в России в последние годы существенно улучшилась. Число зарегистрированных преступлений за 2005–2014 гг. сократилось в 1,6 раза до 2190,6 тыс. случаев. Во всех российских регионах число зарегистрированных преступлений в расчете на 100 тыс. чел. меньше порогового значения. Наиболее сложная криминогенная ситуация в Забайкальском крае, где в 2014 г. этот показатель приблизился к 3000. В выделенных регионах ситуация в этой сфере относительно благополучная. Хуже всего обстоят дела в Республике Тыва. Однако следует обратить внимание на рост рассматриваемого показателя в 2014 г. почти во всех изучаемых регионах за исключением Чеченской Республики (табл. 4).

Угрозу экономической безопасности может представлять высокий уровень безработицы. Безработица в России ниже порогового значения. Ситуация на рынке труда столичных мегаполисов традиционно лучше, чем в среднем по стране. Чего не скажешь об экономически более слабых регионах (табл. 5).

Уровень безработицы в Чеченской Республике и Республике Тыва в 3 раза превышает пороговое значение.

Таким образом, в последние годы вопросы экономической безопасности в РФ обострились. К относительно благополучным регионам относятся г. Москва и г. Санкт-Петербург, где все социально-экономические индикаторы экономической безопасности, за исключением показателей подоходной дифференциации, лучше, чем в других регионах, но некоторые превышают пороговые значения.

Угрозу экономической безопасности и социальной стабильности представляет дифференциация российских регионов по экономическому развитию и уровню жизни. Различия по показателю ВРП на душу населения достигают 46 раз. В 5,4 раза оценивается разрыв в среднедушевых доходах населения разных регионов. Доля

¹ Российский статистический ежегодник. М. : Росстат, 2015. С. 158.

² Московский стат. ежегодник: стат. сб. М. : Мосгорстат, 2011. С. 51.

³ Российский статистический ежегодник. М. : Росстат, 2015. С. 69.

⁴ Московский стат. ежегодник: стат. сб. М. : Росстат, 2011. С. 21.

⁵ Санкт-Петербург в 2014 г.: стат. сб. СПб. : Петростат, 2015.

Таблица 4

Число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения

Регион	2005	2010	2011	2012	2013	2014	Место, занимаемое в РФ в 2014 г.
Российская Федерация	2477	1840	1682	1608	1537	1499	—
Центральный федеральный округ	2048	1566	1465	1420	1358	1332	6
Москва	2014	1622	1469	1512	1453	1505	40
Северо-Западный федеральный округ	2371	1713	1607	1502	1458	1474	4
Санкт-Петербург	2135	1323	1204	1131	1085	1094	68
Северо-Кавказский федеральный округ	1028	798	764	774	748	724	9
Чеченская Республика	595	363	330	298	272	258	85
Сибирский федеральный округ	2914	2376	2176	2116	2091	2038	2
Республика Тыва	3394	1947	1799	1911	1973	2106	13

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. М.: Росстат, 2015. С. 455–456.

Таблица 5

Уровень безработицы (%) в отдельных субъектах Российской Федерации

Регион	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Российская Федерация	7,1	7,3	6,5	5,5	5,5	5,2
Центральный федеральный округ	4,3	4,6	4,1	3,1	3,3	3,1
Москва	0,8	1,8	1,4	0,8	1,7	1,5
Северо-Западный федеральный округ	5,4	5,9	5,1	4,0	4,3	4,1
Санкт-Петербург	2,2	2,6	2,0	1,1	1,5	1,4
Северо-Кавказский федеральный округ	17,1	16,5	14,5	13,1	13,0	11,2
Чеченская Республика	—	43,3	37,3	29,8	26,9	21,5
Сибирский федеральный округ	9,3	8,7	8,1	7,1	7,2	7,0
Республика Тыва	21,9	21,7	17,3	18,4	19,3	19,1

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 161–162.

лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума превышает 8% почти во всех российских регионах. Показатель дифференциации доходов тоже значительно выше порогового значения.

Продолжительность жизни россиян превысила 70-летний рубеж. Но в некоторых регионах этот показатель существенно ниже порогового значения.

Уровень безработицы в РФ в целом удовлетворяет требованиям экономической безопасности, но в ряде регионов этот показатель в 3 и более раз их превышает.

Во всех субъектах РФ криминогенная ситуация не вызывает серьезного беспокойства. Хотя с обострением экономического кризиса число преступлений во многих регионах возросло.

Литература

1. Глазьев С. Ю. Геноцид. Россия и новый мировой порядок. Стратегия экономического роста на пороге XXI века. М., 1997. С. 164–165.
2. Игнатьева М. В., Липатова Л. Н. Человеческий потенциал экономического развития: федеральный и региональный аспекты // Регионоведение. 2014. № 3 (88). С. 127–134.
3. Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Абелова Л. А. Народонаселение Республики Мордовия в трансформационный период // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 2 (14). С. 41–47.
4. Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Фадеев В. Ю. Развитие народонаселения России в 1990–2000 годы: федеральный и региональный аспекты // Вестник НИИГН при Правительстве РМ. 2013. № 2 (26). С. 7–17.
5. Липатова Л. Н., Еремкина Т. В. Занятость населения региона в условиях экономических реформ // Регионоведение. 2011. № 4. С. 234–241.
6. Липатова Л. Н., Еремкина Т. В. Занятость населения России в 1990-е гг.: федеральный и региональный аспекты // Вестник НИИГН при Правительстве РМ. 2012. № 1 (21). С. 7–21.
7. Липатова Л. Н., Еремкина Т. В., Градусова В. Н. Трансформация социально-трудовой сферы России в 1990-е гг.: федеральный и региональный аспекты // Вестник НИИГН при Правительстве РМ. 2011. № 3. С. 7–20.
8. Липатова Л. Н., Тиньгаева М. В. Сравнительный анализ уровня бедности в России и Мордовии // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2009. № 1 (11). С. 41–53.
9. Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Модин Е. В. Характеристика жизненного уровня населения в контексте вопросов экономической безопасности // Экономика и управление: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 5 (2). С. 26–37.
10. Липатова Л. Н., Модин Е. В. Социально-демографические факторы экономической безопасности // XV Макаркинские научные чтения «Международное сотрудничество: социально-экономические и правовые аспекты». Саранск, 28 марта 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23722549> (дата обращения: 15.04.2016).

References

1. Glazyev S.Yu. *Genocide. Russia and new world order. Strategy of economic growth on the dawn of the 21st century* [Genotsid. Rossiya i novyi mirovoi poryadok. Strategiya ekonomicheskogo rosta na poroge XXI veka]. M.: 1997. P. 164–165. (rus)
2. Ignatyeva M.V., Lipatova L.N. *Human potential of economic development: federal and regional aspects* [Chelovecheskii potentsial ekonomicheskogo razvitiya: federal'nyi i regional'nyi aspekty] // Regionology [Regionologiya]. 2014. N 3 (88). P. 127–134. (rus)
3. Lipatova L. N., Gradusova V. N., Abelova L. A. *The population of the Republic of Mordovia during the transformational period* [Narodonaselenie Respubliki Mordoviya v transformatsionnyi period] // Messenger of Scientific Research Institute of the Humanities at the Government of the Republic of Mordovia [Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya]. 2010. N 2 (14). P. 41–47. (rus)
4. Lipatova L. N., Gradusova V. N., Fadeev V. Yu. *Development of the population of Russia in 1990–2000: federal and regional aspects* [Razvitie narodonaseleniya Rossii v 1990–2000 gody: federal'nyi i regional'nyi aspekty] // Messenger of Scientific Research Institute of the Humanities at the Government of the Republic of Mordovia [Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya]. 2013. N 2 (26). P. 7–17. (rus)
5. Lipatova L. N., Eremkina T. V. *Employment of the population of the region in the conditions of economic reforms* [Zanyatost' naseleniya regiona v usloviyakh ekonomicheskikh reform] // Regionology [Regionologiya]. 2011. N 4. P. 234–241. (rus)
6. Lipatova L. N., Eremkina T. V. *Employment of the population of Russia in the 1990th: federal and regional aspects* [Zanyatost' naseleniya Rossii v 1990-e gg.: federal'nyi i regional'nyi aspekty] // Messenger of Scientific Research Institute of the Humanities at the Government of

- the Republic of Mordovia [Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya]. 2012. N 1 (21). P. 7–21. (rus)
7. Lipatova L. N., Eremkina T. V., Gradusova V. N. *Transformation of the social and labor sphere of Russia in the 1990th: federal and regional aspects* [Transformatsiya sotsial'no-trudovoi sfery Rossii v 1990-e gg.: federal'nyi i regional'nyi aspekty] // Messenger of Scientific Research Institute of the Humanities at the Government of the Republic of Mordovia [Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya]. 2011. N 3. P. 7–20. (rus)
 8. Lipatova L. N., Tingayeva M. V. *The comparative analysis of level of poverty in Russia and Mordovia* [Sravnitel'nyi analiz urovnya bednosti v Rossii i Mordovii] // Messenger of Scientific Research Institute of the Humanities at the Government of the Republic of Mordovia [Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya]. 2009. N 1 (11). P. 41–53. (rus)
 9. Lipatova L. N., Gradusova V. N., Modin E. V. *The characteristic of a standard of living of the population in the context of questions of economic security* [Kharakteristika zhiznennogo urovnya naseleniya v kontekste voprosov ekonomicheskoi bezopasnosti] // Economy and management: yesterday, today, tomorrow [Ekonomika i upravlenie: vchera, segodnya, zavtra]. 2015. N 5 (2). P. 26–37. (rus)
 10. Lipatova L. N., Modin E. V. *Social demographic factors of economic security* [Sotsial'no-demograficheskie faktory ekonomicheskoi bezopasnosti] // XV Makarkin scientific readings «International cooperation: social, economic and legal aspects» [XV Makarkinskie nauchnye chteniya «Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo: sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye aspekty»]. Saransk, on March 28, 2015 [Electronic resource]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23722549> (дата обращения: 15.04.2016). (rus)

Ковалев А. П., Левкин И. М., Морозова Е. Ю.

Пути совершенствования информационного обеспечения инновационной деятельности предприятия

Ковалев Александр Павлович

Генеральный директор ФГУП «КБ „Арсенал“ имени М. В. Фрунзе» (Санкт-Петербург)
Доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
kbarsenal@kbarsenal.ru

Левкин Игорь Михайлович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры международной и национальной безопасности
Доктор военных наук, профессор
lev.kin@yandex.ru

Морозова Елена Юрьевна

Заместитель генерального директора ФГУП «КБ „Арсенал“ имени М. В. Фрунзе» (Санкт-Петербург)
elena.morozova@acmen.spb.ru

РЕФЕРАТ

В статье обоснованы новые подходы к информационному обеспечению инновационной деятельности предприятия в вопросах формирования и актуализации баз данных технической информации, добытия информации, конкурентной борьбы и оценки востребованности собственных научных результатов. Даны рекомендации по использованию методов деловой разведки; использованию современных характеристик научной активности специалистов, включая российский индекс научного цитирования и индекс Хирша; применению методов SWOT-анализа, SPACE-анализа, PEST-анализа, анализа конкурентов по Портеру и расчета интегрального индекса востребованности всех результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ сторонним предприятием.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

информационное обеспечение, инновационная деятельность, деловая разведка, конкуренция, квалификация научных работников, методы оценки, интегральный индекс востребованности

Kovalev A. P., Levkin I. M., Morozova E. Yu.

Ways of Information Support of Innovative Activity of the Enterprise Improvement

Kovalev Alexander Pavlovich

CEO of Federal State Unitary Enterprise CB Arsenal Named by M. B. Frunze (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Doctor of Science (Engineering), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation
kbarsenal@kbarsenal.ru

Levkin Igor Mikhaylovich

North-West institute of management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of the international and national security
Doctor of Science (Military Sciences), Professor
lev.kin@yandex.ru

Morozova Elena Yurevna

Deputy CEO of Federal State Unitary Enterprise CB Arsenal Named by M. B. Frunze (Saint-Petersburg, Russian Federation)
elena.morozova@acmen.spb.ru

ABSTRACT

In the article new approaches to information support of innovative activity of the enterprise in questions of formation and updating of databases of technical information, getting of information, competitive fight and an assessment of a demand of own scientific results are proved. Recommendations about use of methods of business investigation; to use of modern characteristics of scientific activity of experts, including the Russian index of scientific citing and Hirsh's index; application of methods of SWOT analysis, SPACE analysis, PEST analysis, the analysis of competitors according to Porter and calculation of an integrated index of a demand of all results of research and developmental works with the third-party enterprise are made.

KEYWORDS

information support, innovative activity, business investigation, competition, qualification of scientists, assessment methods, integrated index of a demand

Под информационным обеспечением в целом понимают совокупность информационных ресурсов и услуг, предоставляемых для решения управленческих и научно-технических задач в соответствии с этапами их выполнения¹. Перечень требуемых информационных ресурсов и услуг может быть различным и зависит от характера обеспечиваемого процесса.

Инновационная деятельность предприятия в самом общем виде представляет собой деятельность, направленную на поиск и реализацию инноваций в целях расширения ассортимента и повышения качества продукции, совершенствования технологии и организации производства [2]. Важнейшими этапами инновационной деятельности являются [3]:

- маркетинговые исследования рынков сбыта и поиск новых потребителей;
- оценка возможной конкурентной среды и потребительских свойств товаров конкурирующих фирм;
- поиски новаторских идей, решений и партнера по внедрению и финансированию инновационного проекта.

Успешная реализация перечисленных этапов невозможна без качественного информационного обеспечения. Необходимые для этой цели информационные ресурсы и услуги представляют собой:

- данные об имеющихся инновационных решениях в соответствующей сфере практической деятельности и описывающих их информационных источниках;
- результаты оценки конкурентной среды;
- результаты оценки конкурентоспособности собственной продукции и ее востребованности на внутреннем рынке и за рубежом.

Получение перечисленной информации требует решения ряда организационно-практических проблем, к числу наиболее важных из которых следует отнести:

1. Формирование и актуализация базы инновационных решений.
2. Формирование и актуализация базы ведущих отечественных и зарубежных специалистов, работающих по тематике предприятия (и ведущих предприятий).
3. Выработка предложений по добыванию информации.
4. Оценка конкурентной обстановки внутри страны и за рубежом (в том числе оценка конкурентов).
5. Оценка конкурентоспособности собственной продукции.
6. Оценка востребованности результатов НИОКР предприятия на внутреннем и зарубежном рынке.

¹ ГОСТ 7.0-99 СИБИД. Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gosthelp.ru/text/GOST7099SIBIDInformacionn.html>. (дата обращения: 30.11.2015).

Формирование и актуализация базы инновационных решений предполагает широкомасштабное применение методов деловой разведки с целью добывания и оценки информации о перспективных технических решениях. Это связано с тем, что:

- во-первых, данная информация не всегда находится в явной части (на поверхности) информационного пространства;
- во-вторых, информация об инновационных решениях может быть доступной из-за небрежного обращения с ней обладателя;
- в-третьих, важная информация рассматриваемого типа может сознательно искажаться с целью введения в заблуждение конкурентов.

Лица, решающие данную задачу, должны быть подготовлены к поиску документальной информации (в том числе в электронной среде), работе с одушевленными источниками и поиску информации в предметно-вещевой среде.

К основным методам добывания документальной информации относятся адресный, семантический, документальный и фактографический поиск. Особым видом документального информационного поиска является электронный поиск [5].

Адресный поиск представляет собой процесс поиска документов по чисто формальным признакам, указанным в запросе. Адресами документов могут выступать адреса веб-серверов и веб-страниц и элементы библиографической записи, и адреса хранения документов в хранилище.

Семантический поиск представляет собой процесс поиска документов по их содержанию. Принципиальная разница между адресным и семантическим поисками состоит в том, что при адресном поиске документ рассматривается как объект с точки зрения формы, а при семантическом поиске — с точки зрения содержания. При семантическом поиске находится множество документов без указания адресов.

Документальный поиск представляет собой процесс поиска в хранилище информационно-поисковой системы первичных документов или в базе данных вторичных документов, соответствующих запросу пользователя.

Фактографический поиск представляет собой процесс поиска фактов (информационных признаков), соответствующих информационному запросу. К фактографическим данным относятся сведения, извлеченные из документов, как первичных, так и вторичных и получаемые непосредственно из источников их возникновения.

При осуществлении поиска в сети интернет следует учитывать, что одной из особенностей построения сети является то, что она состоит из двух частей: видимой и невидимой.

Видимый интернет — это та часть ресурсов, содержимое которой может быть обнаружено с помощью поисковых машин. По мнению разных авторов, к видимому интернету относится порядка 20–30% содержимого Сети.

К невидимому (глубинному, скрытому) интернету относятся ресурсы, которые существуют в Глобальной Сети, и к которым можно получить доступ, если знать, где эти ресурсы находятся. Однако с помощью обычных поисковых машин найти содержимое ресурсов невидимого интернета нельзя.

Основой добывания сведений от одушевленных источников является вхождение в контакт сотрудника деловой разведки с носителями информации. К основным из них относятся лица:

- непосредственно работающие на предприятиях (организациях) конкурентах (собственные сотрудники);
- работающие во взаимодействующих (взаимосвязанных) с предприятиями (организациями) конкурентов структурах;
- работающие в общих компаниях (своих и конкурирующих), например, поставщики товара или сырья, потребители, поставщики услуг и т. п.;
- работающие в государственных учреждениях (контролирующие органы, силовые и т. п.);

- специалисты (эксперты как частные, так и объединенные в организации, сотрудники частных компаний, у которых в силу работы скапливается информация по интересующей тематике);
- стажеры, в том числе студенты вузов, проходящие производственную или преддипломную практику в конкурирующих компаниях;
- связанные с сотрудниками предприятий (организаций) конкурентов неформальными (дружественными, родственными и т. п.) отношениями;
- проживающие в непосредственной близости от предприятий (организаций) конкурентов.

Основными методами добывания информации из одушевленных источников является метод оперативного опроса и наблюдение за носителем информации.

Добывание информации в предметно-вещественной среде осуществляется путем установления (поиска) и удержания (наблюдения) энергетического контакта сотрудниками деловой разведки с предметно-вещевыми объектами (образцами продукции, технологическими процессами и т. п.) и определения характеристик принятых излучений соответствующей природы (электромагнитных, акустических, химических и т. д.) сопутствующих процессам производства.

Формирование и актуализация базы ведущих отечественных и зарубежных специалистов, работающих по тематике предприятия (и ведущих предприятий), предполагают поиск, оценку компетентности и мониторинг деятельности высококвалифицированных научных работников, организаторов науки и производства, успешных менеджеров и других специалистов. Это необходимо:

- во-первых, для изучения возможности привлечения этих специалистов для непосредственной работы на предприятии;
- во-вторых, для изучения опыта их работы с целью использования в своей деятельности;
- в-третьих, оценки перспектив развития конкурентной обстановки.

Основным методом сбора информации по данным лицам является документальный метод. Сущность этого метода заключается в изучении документов, подтверждающих квалификацию интересующих лиц (дипломов, подтверждающих ученую степень; аттестатов, подтверждающих ученое звание, научных трудов, публичных выступлений и т. п.).

Одним из важных элементов, характеризующих квалификацию научных работников, является значение их российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и индекса Хирша¹.

РИНЦ — это основная информационно-аналитическая система оценки публикационной активности и цитируемости российских авторов, организаций, журналов, в которой аккумулируется и обрабатывается полная библиографическая информация о журнальных статьях, аннотации и пристатейные списки цитируемой в статьях литературы.

Наиболее обобщенным показателем, получаемым из библиографических баз систем цитирования, является общее число публикаций. Количественные данные о цитировании публикаций отражают их полезность для других ученых, сами по себе эти данные не измеряют качество публикации, поэтому их следует рассматривать как индикаторы, показывающие, что данная работа с той или иной степенью вероятности может оказаться весьма значимой.

Основным показателем является индекс цитирования (индекс цитируемости), который обозначает полное количество ссылок на работы, где данный исследователь фигурирует в качестве автора или соавтора, в других источниках, распреде-

¹ Индексы результативности научной работы. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.pro/rinc-i-indeksy.html> (дата обращения: 5.12.2015).

ленное по годам. Индекс цитирования — широко принятый в научном мире показатель «значимости» трудов конкретного ученого.

Индекс Хирша (*h*-индекс) является количественной характеристикой продуктивности ученого, группы ученых, научной организации или страны в целом, основанной на количестве публикаций и количестве цитирований этих публикаций. Ученый имеет индекс *h*, если *h* из его N_p статей цитируются как минимум *h* раз каждая, в то время как оставшиеся ($N_p - h$) статей цитируются не более чем *h* раз каждая.

Выработка предложений по добыванию информации предполагает:

- во-первых, наличие у соответствующих специалистов знаний об устройстве, принципах действия и потенциальных возможностях существующих и перспективных средств добывания информации;
- во-вторых, наличие у этих сотрудников юридической подготовки, позволяющей определить границы законного применения имеющихся средств;
- в-третьих, умение построить эффективную систему добывания информации сформированным комплектом соответствующих средств.

Оценка конкурентной обстановки внутри страны и за рубежом (в том числе оценка конкурентов) предполагает изучение следующих ключевых сил, которые могут воздействовать на шансы организации на успех или неудачу в данной области. К этим силам относятся [6]:

- риск входа потенциальных конкурентов (угроза проникновения);
- возможности «торговаться» покупателей (власть покупателей);
- возможности «торговаться» поставщиков (власть поставщиков);
- угрозы заменяющих продуктов (угроза заменителей);
- соперничество среди существующих фирм (продавцов), определяющее уровень конкурентной борьбы.

При оценке конкурентов целесообразно использовать такие методы, как [1]: SWOT-анализ, SPACE-анализ, PEST-анализ, анализ конкурентов по Портеру и другие.

Эффективным методическим аппаратом, используемым при оценке конкурентной обстановки, является аппарат построения и использования информационно-признаковых моделей информационно-экономических угроз [5].

Оценка конкурентоспособности собственной продукции предполагает использование таких показателей (атрибутов) качества, как:

- назначение продукта (функциональные возможности, соответствие последним достижениям науки и техники, запросам потребителей, моде и т. п.), т. е. совокупность свойств реализованного объекта, удовлетворяющих ту или иную потребность человека в данный период времени в условиях конкуренции на свободном рынке;
- способность продукции быть привлекательной для покупателя по сравнению с другими изделиями аналогичного вида и назначения, благодаря лучшему соответствию ее качественных и стоимостных характеристик требованиям данного рынка и потребительским оценкам;
- относительная и обобщенная характеристики товара, отражающие его выгодные отличия от товара конкурента по степени удовлетворения потребности и по затратам на ее удовлетворение;
- такой уровень его экономическо-технических, эксплуатационных параметров, который позволяет выдержать соперничество (конкуренцию) с другими аналогичными товарами на рынке;
- сравнительная характеристика товара, содержащая комплексную оценку всей совокупности производственных, коммерческих, организационных и экономических показателей относительно выявленных требований рынка или свойств другого товара и определяемая совокупностью потребительских свойств данного

товара-конкурента по степени соответствия общественным потребностям с учетом затрат на их удовлетворение, условий поставки и эксплуатации в процессе производственного и (или) личного потребления;

- проявление качества продукции в условиях рыночных отношений, определяемое способностью продукции быть проданной на конкретном рынке, в максимально возможном объеме и без убытков для изготовителя;
- оцененное потребителем свойство объекта превосходить в определенный момент времени без ущерба производителю по качественным и ценовым характеристикам аналогов в конкретном сегменте рынка;
- надежность;
- экономное использование материальных, энергетических и людских ресурсов;
- эргономичность (удобство и простота в эксплуатации);
- эстетичность;
- экологичность;
- безопасность;
- патентная чистота и защита (патентно-правовые);
- стандартизация и унификация;
- технологичность ремонта;
- транспортабельность;
- вторичное использование или утилизацию (уничтожение);
- послепродажное обслуживание.

Оценка востребованности результатов НИОКР предприятия на внутреннем и зарубежном рынке предполагает изучение возможности применения этих результатов в продукции других предприятий. В качестве обобщенного показателя использования i -го результата НИОКР сторонним предприятием в j -м образце продукции может быть использован аддитивный показатель вида [4]:

$$W_i^j = \frac{I_i^j(v_i^j)}{V} \left[\sum_{k=1}^K N_{i_k}^j(\alpha_k^j) + \sum_{i=1}^9 N_i^j(v_i^j) + N_i^j \right],$$

где $I_i^j(v_i^j)$ — индикатор применимости v_i -го результата в j -м образце продукции стороннего предприятия.

$$\left(I_i^j(v_i^j) = \begin{cases} 1, & \text{если результат используется} \\ 0, & \text{в противном случае} \end{cases} \right),$$

если результаты НИОКР только предполагаются к использованию, индикатор $I_i^j(v_i^j)$ примет форму вероятности предполагаемого использования v_i -го результата в j -м образце продукции. При этом следует иметь в виду то, что индикатор применимости может принимать нулевое значение не только в том случае, когда результат научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ не приносит конкретного положительного эффекта, но и тогда, когда этот результат просто неизвестен. Последнее обстоятельство может быть обусловлено следующими причинами: во-первых, низкой эффективностью работы информационных структур стороннего предприятия, не способных своевременно обнаружить необходимые инновации в информационном пространстве; во-вторых, низкой эффективностью маркетинговой деятельности научно-исследовательских учреждений, слабо продвигающих свои результаты на рынок.

V — общее число образцов продукции, выпускаемой на стороннем предприятии;
 v_i — вид результата НИОКР;

- открытия ($i = 1$);
- ноу-хау ($i = 2$);
- изобретения ($i = 3$);
- лицензии ($i = 4$);
- полезная модель ($i = 5$);
- промышленные образцы ($i = 6$);
- информационные технологии ($i = 8$);
- предложения и рекомендации в области социально-экономической деятельности ($i = 9$);

$\mathbb{N}_i^j(\cdot)$ — коэффициент важности i -го результата для j -го, зависящий от следующих параметров:

- α_k^j — вид отрасли промышленности, к которому относится стороннее предприятие (ракетостроение, авиационная промышленность, радиопромышленность, судостроительная промышленность и т. п.);
- \mathbb{N}_i^j — важность j -го образца продукции, в которой внедряется i -й результат (определяется путем экспертного опроса);
- $\mathbb{N}_i^j(v_i^j)$ — важность v_i^j -го результата для j -го образца продукции (определяется путем экспертного опроса).

Тогда интегральный индекс востребованности (ИИВ) всех результатов НИОКР сторонним предприятием по всем видам выпускаемой продукции будет иметь следующий вид:

$$\text{ИИВ} = \frac{1}{\text{И}} \sum_j \sum_i n_j W_i^j,$$

где n_j — численность производимой объектом ОПК продукции j -го типа за год; И — общее число результатов НИОКР, которые могут быть использованы на стороннем предприятии.

Таким образом, повышение эффективности информационного обеспечения инновационной деятельности предприятия предполагает необходимость решения ряда наукоемких задач в области сбора и обработки информации о конкурентной среде, инновационных разработках сторонних организаций (отечественных и зарубежных), ведущих специалистов в рассматриваемой и смежных областях деятельности и т. п. Решение рассмотренной совокупности задач невозможно без создания специализированной группы сотрудников в рамках существующих на предприятии информационно-аналитической структуры и подразделений безопасности, которые должны функционировать в одном информационно-управляющем контуре предприятия.

Литература

1. Арутюнова Д. В. Стратегический менеджмент: учеб. пособие. Таганрог : Изд-во ТТИ ЮФУ, 2010.
2. Грибов В., Грузинов В. Инновационная деятельность предприятия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inventech.ru/lib/predpr/predpr0053/> (дата обращения: 03.12.2015).
3. Инновационная деятельность организации. Менеджмент // Учебные материалы для студентов и аспирантов // Институт управления и оценки бизнеса. [Электронный ресурс]. URL: <http://investobserver.info/innovacionnaya-deyatelnost-organizacii/>. (дата обращения: 03.12.2015).
4. Левкин И. М. Методика оценивания востребованности организациями оборонно-промышленного комплекса результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ // Труды XVIII Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы защиты и безопасности» 1–3 апреля 2015. СПб. : РАРАН.
5. Левкин И. М., Микадзе С. Ю. Добывание и обработка информации в деловой разведке. СПб. : НИУ ИТМО, 2015.

6. *Портер Майкл Е.* Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов: пер. с англ. М. : Альпина Бизнес Букс, 2006.

References

1. Arutyunova D. V. *Strategic management* [Strategicheskii menedzhment]. Manual. Taganrog : TTI SFU publishing house [Izd-vo TTI YuFU], 2010. (rus)
2. Gribov V., Grusinov V. *Innovative activity of the enterprise* [Innovatsionnaya deyatel'nost' predpriyatiya] [Electronic resource]. URL: <http://www.inventech.ru/lib/predpr/predpr0053/> (date of the address: 03.12.2015). (rus)
3. *Innovative activity of the organization. Management* [Innovatsionnaya deyatel'nost' organizatsii. Menedzhment] // Training materials for students and graduate students [Uchebnye materialy dlya studentov i aspirantov]. Institute of management and an assessment of business [Institut upravleniya i otsenki biznesa] [Electronic resource]. URL: <http://investobserver.info/innovacionnaya-deyatelnost-organizacii/> (date of the address: 03.12.2015). (rus)
4. Levkin I. M. *Technique of estimation of a demand by the organizations of defense industry complex of results of research and developmental works* [Metodika otsenivaniya vostrebovaniya organizatsiyami oboronno-promyshlennogo kompleksa rezul'tatov nauchno-issledovatel'skikh i opytно-konstruktorskikh rabot] // Works of the XVIII Russian scientific and practical conference «Topical Issues of Protection and Safety» [Trudy XVIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye voprosy zashchity i bezopasnosti»] on April 1–3, 2015. SPb. : RARWA. (rus)
5. Levkin I. M., Mikadze S. Yu. *Getting and information processing in business investigation* [Dobывanie i obrabotka informatsii v delovoi razvedke]. SPb. : NRU IFMO [NIU ITMO], 2015. (rus)
6. Porter Michael E. *Competitive strategy: Technique of the analysis of branches and Competitors* [Konkurentnaya strategiya: Metodika analiza otraslei i konkurentov]; translation from English. М. : Alpina Business books, 2006. (rus)

Киселев В. Н., Сосновская А. М., Старцев А. А.

Эффективная коммуникация в медиасфере: построение культурной идентичности

Киселев Владимир Николаевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры связей с общественностью
Заслуженный работник культуры РФ
kiselev-vn@szags.ru

Сосновская Анна Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры связей с общественностью
Кандидат филологических наук
anna12012007@yandex.ru

Старцев Александр Алексеевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Преподаватель кафедры филологии и журналистики
Аспирант
startsev-aa@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются условия эффективной коммуникации, ключевого социального и культурного процесса жизни общества. На основании социологического опроса среди молодежи, проведенного в социальных сетях, авторы показывают современные тренды коммуникации. Исследование опирается на теории идентичности, культурные исследования, теории потребления, мотивации, а также на психоанализ. Авторы приходят к выводу, что апелляция к перманентному процессу построения идентичности аудиторией является условием действенности и эффективности коммуникации. Описанные структуры, схемы, стратегии коммуникации позволяют оптимизировать общение, приходиться к удовлетворительным и желанным результатам как для коммуникатора, так и для реципиента.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

идентичность, коммуникация, медиа, культура, конструктивизм, семиотика, имплицитный читатель, хэштег, симулякр, менеджмент, опрос

Kiselev V. N., Sosnovskaya A. M., Startsev A. A.

Effective Communication in the Media Sphere: Creation of Cultural Identity

Kiselev Vladimir Nikolaevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Public Relations
Honored Worker of the Culture of the Russian Federation
kiselev-vn@szags.ru

Sosnovskaya Anna Mikhailovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Public Relations
PhD in Philology
anna12012007@yandex.ru

Startsev Aleksandr Alekseevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)

ABSTRACT

The article discusses the conditions of effective communication, the key social and cultural process of society. On the basis of sociological survey among youth made in the social networks, the authors show modern trends of communication. The study draws on identity theory, cultural study, theory of consumption and motivation, as well as on psychoanalysis. The authors come to the conclusion that the appeal to a permanent process of identity-building by audiences is a prerequisite for the effectiveness of communication. Described structures, schemas, communication strategies allow to optimize communication, to come to a satisfactory and desirable results for both the communicator and the recipient.

KEYWORDS

identity, communication, media, culture, constructivism, semiotics, implied reader, hash tag, simulacrum, management, survey

Типичная проблема современного специалиста в области коммуникации — вопрос эффективности, действенности послания. Как управлять коммуникацией так, чтобы аудитория составила правильное мнение, предприняла нужные коммуникатору действия? Наша гипотеза заключается в том, что необходимо понимать глубинные потребности современной аудитории, лежащие за процессом постоянной, непрерывной коммуникации молодежи в соцсетях. А важной потребностью является поиск идентичности молодыми людьми — как на уровне сообществ, так и общества в целом.

Помочь в решении этой проблемы может знание некоторых фундаментальных основ психологии и социологии поведения. Вопросами идентичности занимались классики психоанализа (З. Фрейд, К. Юнг, Э. Эриксон, Ж. Лакан), теоретики социального конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукман) и феноменологии (А. Шюц, Э. Гидденс, И. Гоффман, П. Бурдьё) которые, каждый под своим углом, описывали его как постоянный процесс, поддерживаемый коммуникациями и интеракциями в социуме [3, с. 12–72].

В данном материале мы рассмотрим структуры и схемы, которые помогут увидеть разнообразные потребности, стоящие за практикой коммуникации. Такое понимание позволит оптимизировать коммуникацию, прийти к удовлетворительным и желанным результатам как для коммуникатора, так и для реципиента.

Для наших исследовательских целей мы разработали опросник, основываясь на классических коммуникативных мотивах, а именно — удовлетворение потребности в контроле, достижениях, связи с другими людьми и саморазвитии.

В медиасфере работают коммуникаторы разного рода. Это журналисты, специалисты в области PR и рекламы. У каждого из данных специалистов своя аудитория.

Если представить континуум, то на полюсах будут журналист и рекламщик, а PR-специалист — посередине.

Журналист освещает событие со всех сторон, предлагает альтернативные точки зрения, рекламщик формирует явное сообщение, стимулирующее к действию. А PR-специалист создает событие, освещает его с позитивной стороны, обеспечивает прирост популярности, публицитного капитала.

Знание базовых мотивов коммуникации, а также коммуникативных трендов позволит оптимизировать работу специалистов.

В самом общем виде коммуникация — это передача информации (мысли, идеи, эмоции). Люди коммуницируют вербально, невербально, с помощью символов. Иногда для коммуникации используют посредничество медиа. В широком смысле, медиопосредники в общении — это в том числе и руки, глаза, мимика, голос, же-

сты тела. Для общения используются и технические медиа (телефон, газета, интернет). Эти медиа употребляются для массовой коммуникации.

Зачем люди обмениваются информацией? Люди — социальные животные (по Аристотелю), они создают культуру, чтобы было комфортно жить друг с другом. Существует много определений культуры. Например: культура — это принимаемые и разделяемые, усвоенные всеми договоренности поведения, чтобы не обсуждать их; способности и привычки человека, требуемые от него как от члена общества; культура — это коллективная программа идентичности группы, принадлежности к своим. По Стюарту Холлу, культура — это набор разделяемых когнитивных карт, которые усваиваются в процессе социализации. В процессе коммуникации люди разделяют и передают друг другу культуру. Именно этот обмен (шеринг¹) делает людей принадлежащими обществу. Это сильнейшая потребность человека — быть одобряемым и принятым другими. Первобытный страх — быть исключенным из общества — означал смерть в одиночестве — записан в теле, в психике, в генах.

Метод и результаты опроса

Наш опрос длился в течение месяца. Пилотный вариант опроса был обсужден независимой случайной аудиторией в социальных сетях. На финальный опросник ответило 113 человек. 29 человек младше 18 лет. Из России 102 и 11 человек из стран СНГ и Украины. 33 человека — мужчины — это менее 40%. 30% — самый большой результат, который мы получили на ответ — «получение удовольствия от общения», на втором месте — 14,2% — «установление связи с окружающими» (рис. 1).

Стремление людей коммуницировать между собой обусловлено множеством факторов, которые в большинстве своем сводятся к одному общему знаменателю — обмену информацией. Повод для этого обмена, как правило, не столь важен, в отличие от самого процесса коммуникации, т. е. постоянного реконструирования и подтверждения картины мира в диалоге.

Современному поколению людей сложно представить свою жизнь без постоянного обмена информацией и ее поглощения. Это одна из базовых потребностей современного человека — потребление информации.

Опираясь на результаты опроса, можно сделать простой вывод о целях коммуникации и потребления информации — получение удовольствия.

Что скрывается за феноменом удовольствия? Если тезисом последних лет была необходимость человека в обмене информацией для поддержания картины мира и манипулирования в нем с помощью информации, то теперь можно смело говорить о приоритетном стремлении человека в социализации, объединении и признании сообществом, что доставляет большое удовлетворение и удовольствие от ощущения принадлежности. Можно предположить, что неустойчивая идентичность «постсоветского человека» так и не трансформировалась за 25 лет в более определенную идентичность. Полагаем, что именно в этом кроется секрет ориентированности современной молодежи на постоянный диалог и коммуникацию в социальных сетях.

Социальные сети — комфортная площадка для социализации и вследствие этого приобретения разделяемых сообществом и обществом когнитивных карт, схем восприятия реальности.

Самый популярный ответ: получение удовольствия, в том числе и от «установления связи с окружающими», на наш взгляд, говорит об этих процессах идентификации и социализации. Среда Веб 2.0 показала себя динамичной и стремительно развивающейся — всем известные социальные сети «ВКонтакте» и «Facebook»,

¹ To share — англ., разделять.

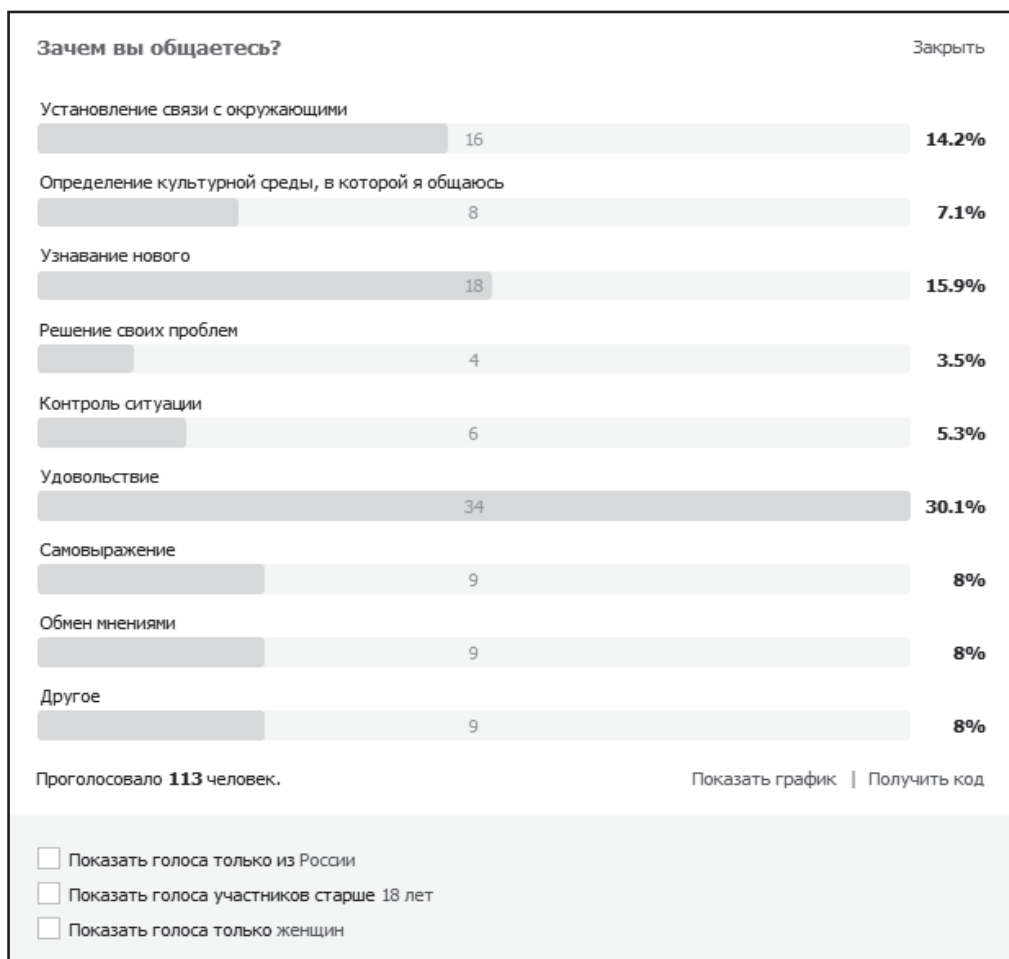

Рис. 1. Опрос о целях и мотивах общения

несмотря на свой откровенно малый возраст, уже подверглись серьезным трансформациям. Эти трансформации связаны с изменениями в предпочтениях, а значит, в сознании и психике.

Так, если буквально несколько лет назад страница среднестатистического пользователя представляла собой реально существующую площадку для общения с людьми, то сегодня это скорее автономный микроблог, единственная цель которого сводится к «самоокупаемости» в виде «лайков» и «репостов» (что можно перевести как «мне это нравится и я этим поделюсь со всеми моими друзьями»). Именно эти величины постепенно становятся показателем успешной социализации человека, что в свою очередь и доставляет владельцу страницы удовольствие. Под удовольствием здесь мы подразумеваем позитивный «фидбэк» (обратную связь), осознание собственного признания своим окружением, своей причастности к определенному обществу, в рамках культуры которого и происходит коммуникация.

Мы полагаем, что все варианты ответа, предложенные в опросе, могут подразумевать удовольствие. Они занимают второстепенное место в процессе коммуникации человека, но это не умаляет их важности.

Особого внимания заслуживает вариант ответа «самовыражение», набравший минимальное количество голосов. На основании этого можно сделать вывод о том, что для самовыражения человек использует другие места, игнорируя социальные сети.

Есть определенные основания полагать, что во время подобных опросов респонденты могут осознанно и неосознанно врать и приукрашивать как реальность, так и образ себя, хотя им ничто не мешает ответить честно (это известный феномен опросов, описанный, например, П. Шампанем). Таким образом, наши респонденты пытаются быть «правильными», соответствовать ожиданиям лиц, проводящих опрос, или, что тоже возможно, они маскируют свои комплексы и переживания.

В защиту последнего тезиса можно привести давно отмеченную тенденцию совладать с комплексами и самоутверждаться через социальные сети — ждать положительного фидбека в виде тех же «лайков», «репостов», комментариев и прочих знаков одобрения в сторону пользователя социальной сети. В этом смысл самовыражения в коммуникации — в получении одобрения, обратной связи, реакции. Неслучайно площадки с непродуманным откликом пользуются меньшей популярностью (например, блоги и ЖЖ).

Опрос выявил и низкую заинтересованность в обмене мнениями среди пользователей интернета. Это говорит о низком интересе к мнению окружающих и важности собственного мнения, причем, все чаще люди преследуют цель просто высказаться, заявить что-то, не преследуя никакого результата и не ожидая ответа и не отвечая на комментарии, а лишь привлекая внимание к себе — здесь важен факт самопиара. Это еще одно доказательство того, что коммуникация становится все более «закрытой» — она по-прежнему важна, но чаще в ней заинтересована лишь одна сторона — сторона инициатора коммуникации.

Средних показателей достиг вариант ответа «установление связи с окружающими». Несмотря на то, что в сети люди желают получить как можно больше отдачи от окружения, улучшить показатель их удовлетворения своей социализацией существенно повышает фидбек от незнакомых им людей. Положительная активность от незнакомцев льстит, но в большинстве случаев кроме этой активности больше ничего не требуется. Так, пользователь соцсети, как правило, не заинтересован в определении культурной среды, в которой он общается, что наглядно продемонстрировано в нашем опросе. Скорее всего, она определена уже давно, а от новых контактов нужна лишь положительная реакция в виде очередной порции «нравится». Камерность такого общения лишней раз доказывает отрицательную динамику современной коммуникации — люди перестали общаться вживую, больше не пишут своих настоящих текстов, а копируют и пересылают чужие посты, люди, очевидно, перестали быть решительными и открытыми — так можно прокомментировать тенденцию не отвечать. Возможно, у них нет времени обдумать свой ответ так, как можно было бы его обдумать, просто долго не отвечая на сообщение.

Технический прогресс существенно упростил процесс коммуникации, дав человечеству новые виды контактного взаимодействия. Однако все эти новшества, возможно и революционные, в итоге, оказывают деструктивное влияние на старые, ставшие традиционными виды коммуникации. Обилие и разнообразие всевозможных чатов, мессенджеров и соцсетей, в которых общаются значимые люди, просто не позволяют участникам коммуникации успевать пользоваться всеми видами современного коммуницирования.

Что можно предпринять в такой ситуации обилия коммуникационных площадок? Рассмотрим основы коммуникации, чтобы наметить возможные пути решения. Коммуникация существует на разных уровнях. Если представить пирамиду, то в основании мы увидим интраперсональную коммуникацию — человек коммуницирует сам с собой (это область изучения психологии). Данная коммуникация может представлять собой внутренний диалог, внутренний конфликт, когнитивные установки, когнитивный

диссонанс. Помимо многочисленных внутриличностных разговоров обязательно присутствует постоянный вопрос об идентичности, — как меня воспринимают, как ко мне относятся, почему реагируют на мое поведение так, а не иначе. Как указывают все основные психологические направления, человек нуждается в обратной связи на себя, именно «взгляд» другого человека (иногда это инкорпорированный значимый. Другой, т. е. идеальный образ, существующий в психике самого человека) формирует поведение, влияет на самооценку. Безусловно, «значимый Другой» в разных лицах смотрит на нас с экранов телевидения и других медиа, показывая стандарты и нормы общежития. Далее в пирамиде — интерперсональная коммуникация — общение людей между собой; взаимодействие в группах — что является объектом изучения социальной психологии и социологии; институциональная коммуникация — общение на уровне общества — изучают политические науки.

СМИ помогают коммуникации на всех этих уровнях. Медийный дискурс присутствует на разных уровнях коммуникации общества и выполняет различные функции информирования, узнавания культур, интеграции, идентификации, развлечения, обучения [4, с. 17–49].

Медийное сообщение понимается по-разному разными людьми, понимание зависит от бэкграунда, знаний, предрасположенностей.

Активная аудитория может выбирать сообщение или блокировать сообщение.

Некоторые особенности потребления контента:

1. Люди выбирают присоединиться к той или иной аудитории. Аудитория значимых других, я хочу быть как они в каком-то аспекте.
2. Теория использования и удовлетворения. Денис Макквейл. Люди понимают, какое медиа лучше всего подходит для реализации определенных нужд и потребностей. Напряженное ожидание — фильм, сплоченность — футбольный матч Зенита в кафе или на стадионе, эстетика и духовность — балет и искусство, знания — лекция.
3. Теории потребностей по Мюррею. Можно символически удовлетворить ту или иную потребность с помощью СМИ.
4. Современный тренд — люди хотят выглядеть умнее, хотят поделиться с компанией чем-то любопытным, выглядеть интересным собеседником.

Исходя из фундаментальных положений теорий культурных исследований, теорий восприятия, семиотики, теории конструктивизма, мы конструируем реальность в процессе коммуникации с другими. Существует много культурных и субъективных реальностей, культурный релятивизм [5, с. 13–14].

Согласно идее теории культурных исследований (cultural study), существует доминирующая культурная реальность, гегемония, которая транслируется через популярную массовую культуру. Потребляя массовую культуру (которая контролируется элитами), мы поддерживаем доминирующие структуры общества. Мы принимаем правила поведения и реагирования. Доминирующая культура поддерживается конформностью общественного мнения. Методики дискурсивного анализа и критического дискурсивного анализа вскрывают действие гегемонии в любых текстах СМИ¹.

Теория конструктивизма говорит, что реальность каждый раз воспроизводится в коммуникации. Мы должны общаться с другими, чтобы конструировать мир, придавать ему значение.

Согласно семиотической традиции, все, что коммуницирует каким-то образом, воспринимается как текст, который можно прочитать и осмыслить, придать значение, соотнося с контекстом и другими текстами [2, с. 23–24].

¹ Эффективная коммуникация. Онлайн курс Анны Сосновской. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/playlist?list=PL9ek4vE3gGaTtCHONBYm2RRcmsl2xcZz7>. С. 20 (дата обращения: 20.05.2016).

Читатель взаимодействует с текстом. Есть полисемичные и моносемичные тексты, которые подразумевают возможность множественных значений или единственное значение. Семиотик Умберто Эко классифицирует тексты как открытые и закрытые. Закрытые — например, знак опасности и математические формулы. Открытые — дающие простор для ассоциаций и интерпретации. Это, например, искусство, поэзия. Итальянский ученый различает понимание и интерпретацию. Интерпретация — это творческий акт и конструирование нового.

Специалисты по коммуникации стремятся не к интерпретации, а именно к пониманию текста реципиентом, однако возможны варианты восприятия текста:

- предпочитаемая трактовка текста (когда между коммуникатором и реципиентом существует культурная близость, связь);
- частично совпадающая трактовка — возможно обсуждение;
- оппозиционное чтение — полное отрицание прочитанного.

По С. Холлу, медиатекст локализован между его производителями, определенным образом кодирующими сообщение с идеологическими и институциональными целями с помощью манипулятивного языка, и аудиторией, «восстанавливающей» (декодирующей) его смысл в ходе «оппозиционного чтения» (*oppositional readings*) в соответствии с собственным опытом, не обязательно согласующимся с тем, что был вложен в него отправителем. Умение публики читать «между строк» Холл обозначает термином «предпочтительное чтение» (*preferred reading*), или «переворачивание» (*spin*), оказывая тем самым сопротивление идеологическому воздействию.

Специалисты по коммуникации, составляя свои тексты, непрерывно думают об аудитории и возможных способах прочтения. Таким образом, в тексте присутствует «имплицитный читатель». Это тот подразумеваемый образ читателя, который транслирует текст. Читатель чувствителен к образу себя в тексте. Если читателя удовлетворяет сознательно и подсознательно образ себя в данном тексте, формируется доверие и некритичное восприятие — вместе с контентом такой читатель воспримет позитивно все навязываемые установки и действия.

Культура определяет нас по отношению к другим людям. Когда мы с кем-то разделяем свою культуру, мы укрепляем свою идентичность, чувствуем принадлежность и общность. Быть в группе — означает делиться интересным контентом с другими. Современный человек принадлежит ко многим виртуальным группам. Хэштеги (— знак-маркер каталога в интернете) показывают на нашу принадлежность к группам, дают информацию о наших повседневных практиках, стиле жизни и потребления, приоритетах, страхах и ограничениях.

Потребление — это глубокий, психически интенсивный процесс выбора, организации и регулярного обновления бытовых вещей, в котором неизбежно участвует каждый член общества. В этом новом смысле материальные вещи приобретают новые качества: «Чтобы стать объектом потребления, вещь должна сделаться знаком». Функция товара как знака состоит не столько в удовлетворении потребности, сколько в ее символизации и репрезентации: товар не столько удовлетворяет потребность, сколько обозначает статус владельца.

Причем потребление (согласно традиционному, в том числе марксистскому представлению о потребительной стоимости) часто оказывается не главным в предмете, поскольку ныне главным является его способность репрезентировать статус. Потребление, по Бодрийяру, «не материальная практика... оно не определяется ни пищей, которую человек ест, ни одеждой, которую носит, ни машиной, в которой ездит, ни речевым или визуальным содержанием образов или сообщений, но лишь тем, как все это организуется в знаковую субстанцию: это виртуальная целостность всех вещей и сообщений, составляющих отныне более или менее связный дискурс. Потребление... есть деятельность систематического манипулирования знаками» [1, с. 38–40]. Вирту-

альная целостность вещей и дискурс потребления оцениваются значимым Другим, становясь идентичностью человека.

Изучая хэштеги виртуальных сообществ, а также способы репрезентации себя и своей повседневной жизни в виде историй в соцсетях, можно многое сказать о психологии и социальных практиках представителя аудитории. Возможно, образ, транслируемый в социальных сетях, — это лишь желаемый образ себя, сконструированный лишь для взгляда значимого Другого. Как бы то ни было симулякры воздействуют не только на внешнюю аудиторию, но главное — на их производителя, дисциплинируют и мотивируют к определенному культурному потреблению. Все поклонники данного аккаунта волей-неволей присваивают потребление и стиль жизни, «записывая» свои впечатления в ментальные карты нормального или желаемого поведения.

Культуры динамичны, они меняются внезапно или постепенно. Изменения порождают неуверенность, беспокойство и тревожность. Нам надо общаться, коммуницировать, чтобы снизить тревожность, минимизировать дискомфорт от неуверенности, адаптироваться к изменениям, приспособиться.

Даже если вы член какой-то группы, нет гарантии, что вы там задержитесь, если не будете постоянно общаться, поддерживать свое соответствие группе.

Как соответствовать?

1. Пассивная стратегия — наблюдать за другими.
2. Активная стратегия — спрашивать других, советоваться.
3. Интерактивная — инициировать контакт с источником неуверенности.

Однако исследовать новую тему в группе небезопасно, можно быть изгнанным. Люди опасаются изоляции и демонстрируют конформность. Концепция «Спираль молчания» Э. Ноэль-Нойман объясняет данный паттерн: Молчаливое большинство следует крикливым и громким кучкам людей. Люди избегают высказываться, если улавливают, что большинство придерживается другого мнения.

С каждым новым медиа человек меняется, появляются новые способы общаться друг с другом. Это и новые способы осмысления мира, и новые способы конструирования образа себя в мире, своей идентичности. Человек тестирует мир собой, получая отклики среды, корректируя свои практики. Он постоянно занят написанием своей истории, своего дискурса. Осознание данного механизма постоянного поиска идентичности в соцсетях современными молодыми людьми позволит смелее проявлять себя и поддерживать других, что, безусловно, поможет оптимизировать процесс коммуникации и, возможно, сконструирует новую, после «постсоветской», идентичность россиян.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. М. : Рудомино, 1999.
2. Сосновская А. М. Семиотика и семантика рекламы и связей с общественностью: учеб. пособие. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2013.
3. Сосновская А. М. Журналист: личность и профессионал (психология идентичности). СПб. : Роза мира, 2005.
4. Филлипс Л., Йорегнсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод: пер. с англ. Харьков : Гуманитарный центр, 2004.
5. Hall S. Culture, the Media and the Ideological Effect /J. Carrant et al. (eds.). Mass Communication and Society. L. : Edward Arnold, 1977.

References

1. Baudrillard J. *The System of Objects* [Sistema veshchei]. M. : Rudomino, 1999. (rus)
2. Sosnovskaya A. M. *Semiotics and semantics of advertising and public relations* [Semiotika i

- semantika reklamy i svyazei s obshchestvennost'yu]: tutorial. SPb : NWIM of the RANEPА [IPTs SZIU RANKhiGS], 2013. (rus)
3. Sosnovskaya A. M. *Journalist: personality and professional (identity psychology)* [Zhurnalist: lichnost' i professional (psikhologiya identichnosti)]. SPb. : Rose of the world [Roza mira], 2005. (rus)
 4. Phillips L., Jorgensen M. *Discourse analysis. As theory and the method* [Diskurs-analiz. Teoriya i metod] / Translation from English. Kharkiv : Humanitarian Center [Gumanitarnyi Tsentri], 2004. (rus)
 5. Hall S. *Culture, the Media and the Ideological Effect* / J. Carrant et al. (eds.). Mass Communication and Society. L. : Edward Arnold, 1977.

Кузина Е. О., Колосова Н. В., Санина А. Г.

Реализация молодежных социальных программ в системе патриотического воспитания граждан Российской Федерации: опыт Санкт-Петербурга

Кузина Елена Олеговна

Комитет по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями
Правительства Санкт-Петербурга
Заместитель председателя
kuzina@kmpm.gov.spb.ru

Колосова Наталия Владимировна

Комитет по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями
Правительства Санкт-Петербурга
Ведущий специалист отдела социальных программ и взаимодействия с общественными объединениями
Магистр по направлению «Государственное и муниципальное управление»
(СЗИУ РАНХиГС, выпуск 2016 г.)
kolosova@kmpm.gov.spb.ru

Санина Анна Георгиевна

Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Доцент департамента государственного администрирования
Кандидат социологических наук, доцент
anna.g.sanina@gmail.com

РЕФЕРАТ

Статья посвящена анализу государственной политики в области патриотического воспитания. Особое внимание уделяется программно-целевому подходу и обоснованию необходимости включения практики патриотического воспитания в систему национально-государственного строительства и гражданского образования. Авторы статьи рассматривают теоретические основы патриотического воспитания и проводят ретроспективный анализ государственной политики в области патриотического воспитания в СССР и России. Анализ целевых ориентиров и системы показателей трех последних государственных программ патриотического воспитания граждан РФ позволяет сделать вывод, что все они имеют несоответствие целевых ориентиров и инструментов достижения цели. Ожидаемые результаты охватывают экономическую, политическую и социальную сферы, в то время как конкретные мероприятия сводятся, в большинстве случаев, к военно-патриотической работе со школьниками и молодежью. Это определяет значимость и ответственность региональной молодежной социальной политики в системе патриотического воспитания в Российской Федерации и приводит к необходимости постоянно совершенствовать нормативно-правовую базу, разрабатывать новые механизмы и повышать эффективность проводимых мероприятий. Программно-целевой подход рассматривается как основа формирования системы патриотического воспитания в Санкт-Петербурге. Авторы подчеркивают, что интеграция патриотического воспитания в программу по обеспечению общественного согласия является маркером комплексной трансформации в данной сфере. Речь идет уже не о патриотическом воспитании *per se*, как это было в советской и предыдущей российской традиции, но о более сложном формировании патриотизма в контексте национальной и гражданской идентичности. Это отражается в том числе в разнообразии мероприятий, направленных на развитие системы гражданско-го и патриотического воспитания граждан в Санкт-Петербурге, а также в высоких значениях показателей программы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

федеральная целевая программа, государственная программа, программно-целевое управление, государственная политика, молодежь, патриотизм, патриотическое воспитание, индикаторы эффективности, гражданское образование, национально-государственное строительство

The Implementation of Youth Social Programs for Patriotic Education Citizens of Russian Federation: Experience of Saint-Petersburg

Kuzina Elena Olegovna

Committee on Youth Policy and Interaction with NGOs Saint-Petersburg (Russian Federation)
Deputy Chairman
kuzina@kmpm.gov.spb.ru

Kolosova Natalia Vladimirovna

Committee on Youth Policy and Interaction with NGOs Saint-Petersburg (Russian Federation)
Leading specialist of social programs and cooperation with associations
Master of educational direction «Public Administration» (North-Western Institute of Management — branch of the Russian President Academy of National Economy and Public Administration, graduate at 2016)
kolosova@kmpm.gov.spb.r

Sanina Anna Georgievna

Saint-Petersburg School of Social Sciences and Humanities, National Research University Higher School of Economics (Russian Federation)
Associate professor of department of Public Administration
PhD in Sociology, Associate Professor
anna.g.sanina@gmail.com

ABSTRACT

The article analyzes the state policy in the field of patriotic education. Particular attention is paid to the program approach and the justification of the need to include the practice of patriotic education in nation-building and civic education. The authors consider theoretical bases of patriotic education and conducted a retrospective analysis of the state policy in the field of patriotic education in the USSR and Russia. The analysis of targets and scorecards of the last three state programs of patriotic education of citizens of the Russian Federation leads to the conclusion that they have a mismatch targets and tools to achieve the goal. Latitude expected results covering the economic, political and social spheres, while specific measures are reduced, in most cases, to the military-patriotic work with schoolchildren and young people. This determines the importance and responsibility of regional youth social policy in the system of patriotic education in the Russian Federation and leads to the necessity to continuously improve the regulatory framework, to develop new mechanisms and improve the effectiveness of interventions. Program approach is considered as a basis of formation of system of patriotic education in St. Petersburg. The authors emphasize that the integration of patriotic education in a program to provide the public consent is a marker of a comprehensive transformation in this area. It is no longer about patriotic education per se, as it was in the previous Soviet and Russian tradition, but a more complex formation of patriotism in the context of national and civic identity. This is reflected in including in a variety of activities aimed at the development of civil and patriotic education of citizens in St. Petersburg system, as well as high values of indicators of the program.

KEYWORDS

federal programs, government programs, public youth policy, patriotic education, patriotism, program indicators

Теоретические основы патриотического воспитания

Патриотические ценности выступают объединяющей силой для граждан страны. Они формируют единую нацию, определяют понимание людьми государства как своего Отечества, обеспечивают макросоциальную сплоченность, нивелируют этнические и социальные конфликты. Поэтому патриотическое воспитание граждан всегда было основополагающей задачей государства. В настоящий момент (2016 г.)

в Российской Федерации реализуется четвертая по счету государственная программа, посвященная патриотическому воспитанию. Все три президента новой России: Б. Н. Ельцин, В. В. Путин и Д. А. Медведев — регулярно в публичных выступлениях отмечали важность патриотического воспитания россиян, прежде всего молодежи. Однако на уровне не лозунгов, а конкретных действий и, тем более, результатов патриотическое воспитание сопряжено с рядом трудностей.

Патриотизм — одно из наиболее неоднозначных понятий современной науки и политической практики, имеющий сложную эмоциональную окраску, выражающуюся в проявлении высших чувств к Отечеству, которые в ряде случаев имеют негативный националистический характер. В мировой науке существует четкое разделение на конструктивный и слепой патриотизм, каждый из которых отличается подходом к структуризации отношений между индивидом и государством. Первый базируется на конструктивной критике и свободе выражения собственной точки зрения, даже если она противоречит официальной. Второй, негативный, вариант патриотизма тесно связан с национализмом, шовинизмом и авторитаризмом, и его поощрение отрицательно сказывается на государственной идентичности в целом. Конструктивный же патриотизм, в отличие от слепого, способен повлиять на становление и успешное функционирование гражданского общества. Таким образом, без взвешенного, целостного видения результатов патриотического воспитания система показателей, формируемая в рамках государственных программ, может привести к формированию негативных тенденций, прямо противоположных идее конструктивного патриотизма, культивируемой в современных демократических государствах.

В мировой практике сложились различные подходы к формированию политики патриотического воспитания. Как правило, данный процесс не рассматривается обособленно и включается в одну из двух систем — национально-государственного строительства или гражданского образования. И в той, и в другой системе патриотизм понимается как принадлежность к группе или государству и выражается в чувстве привязанности, любви, заботе, верности, гордости по отношению к ним [9].

А. фон Богданди и его коллеги определяют национально-государственное строительство как процесс формирования коллективной идентичности с целью легитимизации публичной власти на данной территории [8]. Этот процесс опирается на существующие традиции, институты и обычаи, переопределяя их в качестве национальных особенностей для того, чтобы поддержать государственные притязания на суверенитет. Успешный процесс национального строительства создает культурную проекцию нации, содержащую определенный набор предположений, ценностей и убеждений, которые могут функционировать в качестве легитимного основания государственного устройства. Именно они и рассматриваются в качестве основы патриотического воспитания. Национально-государственное строительство характеризуется мощным символическим элементом. Оно включает в себя создание национальных атрибутов, таких как флаги, гимны, национальные дни, национальные мифы и пр. [14, р. 228–263]. Их основная задача состоит в толковании национальной идеи, а также трансляции простого и понятного образа государства как единого целого [12, р. 85–96]. А. Алесина и Б. Рич характеризуют национально-государственное строительство как процесс, ведущий к образованию таких государств, в которых граждане обладают достаточно большим количеством общих интересов, целей и предпочтений и поэтому не хотят отделяться друг от друга [7]. С. Шулман рассматривает национальную идентичность как системообразующее явление, включающее в себя гражданскую (общность территории и гражданства, равенство прав, доверие к политическим институтам, приверженность к существующей идеологии и желание быть частью нации), культурную (общность языка, религии и традиций)

и этническую (общность происхождения и расы) идентичности [13, р. 559]. Таким образом, целью национально-государственного строительства является объединение людей в государство так, чтобы оно оставалось политически стабильным и жизнеспособным в долгосрочной перспективе.

Второй подход к патриотическому воспитанию предполагает акцент на гражданственности и гражданском образовании. Дискуссионность проблематики гражданского была впервые обозначена Т.Х. Маршаллом в середине XX в., предложившим понимание гражданства как статуса, «дарованного всем, кто является полноправным членом сообщества», и обеспечивающего доступ к гражданским, политическим и социальным правам [11]. Гражданство требует прямого чувства членства в сообществе, основанного на лояльности свободных людей, наделенных правами и защищенных общим законом. Эти процессы не носят хаотический характер и предполагают гражданское образование. Маршалл подчеркивает, что гражданство — это не образ жизни, вырастающий из внутреннего мира человека; это то, что приходит к нему извне. Наиболее универсальное определение понятия «гражданство» дают Й. Йанмаат и Н. Пиаттоева. Под гражданством они понимают членство в политическом и национальном сообществе и идентификацию с ним, участие в жизнедеятельности государства, требующее определенных знаний и навыков [10, р. 529]. Достоинством данного определения является то, что оно не отрывает гражданство от гражданского образования и формирования патриотизма как принадлежности государству.

Безусловно, национально-государственное строительство и гражданское образование как концептуальные модели формирования гражданина представляют собой идеальные типы, теоретические конструкции. В реальности в различных государствах присутствуют смешанные комбинации того и другого, расставляются конкретные акценты, основанные на историческом опыте страны и приоритетах ее будущего развития. Однако российская система патриотического воспитания не относится ни к одной из этих систем, формируя политику патриотического воспитания *per se*, отдавая дань советскому прошлому государственного программирования в данной сфере. Причиной этого является историческая традиция патриотического воспитания в нашей стране.

Ретроспективный анализ государственной политики в области патриотического воспитания в СССР и России

В 1990-е годы российское общество пережило кардинальную трансформацию в условиях кризиса, начиная с изменений государственного устройства и заканчивая ценностной переориентацией населения. Именно в этот нестабильный период начала формироваться система патриотического воспитания новой России, которая унаследовала традиции советского патриотизма [3]. Для того чтобы понять основы современной российской системы патриотического воспитания, рассмотрим основные исторические события в данной сфере.

После Октябрьской революции 1917 г. пришедшие к власти большевики ввели политическую идеологию, целью которой было построение бесклассового коммунистического общества. Принятая политическая идеология была направлена на сохранение политического режима, выступавшего в роли средства для достижения всемирной пролетарской революции. Однако, как отмечает А.В. Абрамов, лишь с середины 1930-х годов в коммунистической идеологии обозначился переход от пролетарского интернационализма к советскому патриотизму [1]. До 1930-х годов идея патриотизма отвергалась как в политических, так и в научных кругах.

Понимание патриотизма кардинально изменилось с приходом к власти И.В. Сталина. В период его правления патриотизм начали воспринимать как ключевую объ-

единяющую силу советского народа. И. А. Пушкарева указывает, что в 1930–1940-х гг. советский патриотизм «рассматривался как сознательная, целеустремленная и действенная любовь к социалистической Родине, основанная на глубоком понимании превосходства советского строя над всяким другим, не советским строем» [4]. Период вплоть до конца 1950-х годов в истории СССР можно охарактеризовать как период создания и насаждения «образа врага», против которого советскому народу следовало бороться [6], в связи с чем система патриотического воспитания стала включать развитие военных навыков для охраны Отечества. Так военно-патриотическое воспитание стало квинтэссенцией советской системы патриотического воспитания. Оно было призвано пропагандировать боевые и трудовые традиции, прививать уважение и любовь к Вооруженным Силам, развивать чувство гражданского и военного долга, способствовать овладению военными навыками и знаниями, готовить молодое поколение к военной службе.

После победы СССР в Великой Отечественной войне патриотизм поддерживал советский политический режим и использовался в качестве силы, объединяющей многонациональное государство. И. А. Ешев доказывает, что именно в это время «окончательно сложилась система патриотического воспитания, которая включала в себя школу, детские и молодежные организации, военные и спортивные общества, средства массовой информации» [3, с. 86]. Характерным изменением стал переход советского патриотизма из духовной сферы в политическую, идеологическую. Идеологическая концепция советского патриотизма включала в себя непрременную любовь к социализму, советской власти, коммунистической партии, готовность к защите страны. Значение понятия «советский патриотизм» несколько изменялось с течением времени, однако по сути оставалось стабильным воплощением концепции лояльного советского гражданина.

С распадом Советского Союза прекратил свое существование и советский патриотизм, что поставило перед новыми властями задачу формирования патриотизма российского. С конца 1990-х годов в Российской Федерации активно возобновляются мероприятия патриотической направленности, а патриотическое воспитание становится значимым направлением государственной внутренней политики [2, с. 260]. Об этом свидетельствует принятая в 2003 г. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации, реализация с 2001 г. пятилетних программ по патриотическому воспитанию граждан, имеющих государственный статус, и формирующаяся нормативно-правовая база.

Первая государственная программа патриотического воспитания «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» была утверждена 16 февраля 2001 г. с целью развития «системы патриотического воспитания граждан Российской Федерации, способной на основе формирования патриотических чувств и сознания обеспечить решение задач по консолидации общества, поддержанию общественной и экономической стабильности, упрочению единства и дружбы народов Российской Федерации»¹. По аналогии с советской линией построения системы патриотического воспитания в Программе на 2001–2005 гг. акцент был сделан на военный компонент. В ней фигурируют понятия «укрепление обороноспособности страны», «служение Отечеству», «воинский долг», «военно-патриотическая работа», «военная служба». Как отмечает С. В. Голунов, приоритетным направлением Программы стала «подготовка молодежи к защите страны, однако наряду с этим упор также был сделан на формирование личности гражданина, борьбу с уходом от духовных ценностей и неуважительным отношением к государству и социальным ин-

¹ Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы (2001). Постановление Правительства РФ от 16.02.2001 г. № 122 // Российская газета от 12.03.2001 г. № 49.

ститутам, на пропаганду исторического наследия и культурных ценностей» [2, с. 260–267]. Система оценочных показателей в данной программе несовершенна. Желаемые результаты описаны в общих словах и лишь по нескольким направлениям: социально-идеологическому, социально-экономическому и в области обороноспособности. Конечными результатами заявлены социально-экономический, духовный и культурный подъем, укрепление государства и его обороноспособности, достижение социальной и экономической стабильности.

Продолжением Программы на 2001–2005 гг. стала государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы». В качестве основной цели в данной программе указано «совершенствование системы патриотического воспитания, обеспечивающей развитие России как свободного, демократического государства, формирование у граждан Российской Федерации высокого патриотического сознания, верности Отечеству, готовности к выполнению конституционных обязанностей»¹. В Программе на 2006–2010 гг. акцент сместился в сторону гражданского воспитания. В частности, она «опирается на принципы функционирования демократического государства и гражданского общества, доступна для участия в ней всех органов государственной власти, общественных организаций (объединений), научных и творческих союзов и организаций на основе их собственных инициатив»². Нововведением стало создание советов по патриотическому воспитанию в федеральных органах исполнительной власти и региональных межведомственных координационных советов при органах исполнительной власти субъектов РФ. Для исполнения функций рабочего органа указанных советов были созданы центры патриотического воспитания.

В отличие от Программы на 2001–2005 гг., в госпрограмме на 2006–2010 гг. определен перечень обобщенных оценочных показателей (индикаторов) реализации государственной программы. Критерии представлены нравственно-духовными (повышение толерантности, снижение степени идеологического противостояния в обществе; упрочение единства и дружбы народов Российской Федерации; обеспечение заинтересованности граждан в развитии национальной экономики, снижении социальной напряженности в обществе и т. д.) и количественными параметрами (количество выполненных научно-исследовательских работ по проблемам патриотического воспитания, а также степень их внедрения в теорию и практику патриотического воспитания; количество подготовленных организаторов и специалистов в области патриотического воспитания; количество действующих патриотических объединений, клубов, центров, в том числе детских и молодежных; количество военно-спортивных профильных лагерей и т. д.). В качестве конечного результата реализации второй программы заявлена «положительная динамика роста патриотизма и интернационализма в стране, обеспечение на ее основе благоприятных условий для духовного и культурного подъема в обществе, укрепление экономической стабильности государства, повышение международного авторитета России»³. Несмотря на то, что сам факт введения оценочных показателей можно расценивать как шаг вперед в формировании системы патриотического воспитания в России, нельзя не отметить их не совсем системный характер: многие показатели повторяются, большинство из них ориентированы только на детей и школьников. Также в Программе используются понятия, требующие подробного разъяснения («национализм», «интернационализм», «идентичность», «мировоззрение» и т. д.), а конеч-

¹ Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» (2005). Постановление Правительства РФ от 11.07.2005 г. № 422 (ред. 13.11.2006 г.) // Собрание законодательства РФ от 18.07.2005 г. № 29. Ст. 3064.

² Там же.

³ Там же.

ные результаты обозначены слишком широко и размыто, что создает трудности для их достижения. По советской традиции в результативности патриотического воспитания отражается все, включая экономическую стабильность и международный авторитет. При этом инструменты, предложенные для достижения этого результата, недостаточно конкретизированы.

Третья по счету государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» была утверждена постановлением Правительства РФ от 5 октября 2010 г. Ее целью является «дальнейшее развитие и совершенствование системы патриотического воспитания граждан»¹. Другими словами, уже на целевом уровне заявляется преемственность новой Программы; никаких содержательных изменений в формулировке цели не происходит. Подтверждением этому являются и институциональные характеристики Программы. Ее организационное сопровождение осуществляет Российский государственный военный историко-культурный центр при Правительстве РФ (Росвоенцентр), который был назначен исполнять эту функцию еще в период реализации Программы на 2006–2010 гг. Главными исполнителями Программы (состав которых практически не изменился с момента принятия госпрограммы на 2001–2005 гг.) определены также Министерство образования и науки РФ, Министерство культуры РФ, Министерство спорта, туризма и молодежной политики РФ и Министерство обороны РФ.

Соисполнителями Программы на 2011–2015 гг. указаны федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов РФ, которые разрабатывают свои ведомственные (региональные) программы (планы) патриотического воспитания и организуют их выполнение. По аналогии со второй программой, федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления совместно осуществляют руководство процессом патриотического воспитания в пределах своих полномочий. Координация системы осуществляется при помощи совещательных органов: советов по патриотическому воспитанию в федеральных органах исполнительной власти, региональных межведомственных координационных советов (в органах исполнительной власти субъектов РФ) и штатных центров патриотического воспитания на уровне местного самоуправления.

Третья программа патриотического воспитания устанавливает перечень обобщенных оценочных показателей реализации государственной программы (доля граждан, участвующих в мероприятиях по патриотическому воспитанию, по отношению к общему количеству граждан; доля граждан, положительно оценивающих результаты проведения мероприятий по патриотическому воспитанию; количество подготовленных организаторов и специалистов патриотического воспитания и т. д.). Перечень критериев эффективности, предложенный в третьей Программе, в отличие от индикаторов, представленных во второй, является более конкретным. Однако само наполнение индикаторов намного упростилось. Исключение качественной («нравственно-духовной») составляющей, с одной стороны, привело к повышению возможности оценки результативности Программы, но, с другой стороны, делает сложным достижение конечного результата реализации Программы, которым является «положительная динамика роста патриотизма в стране, возрастание социальной и трудовой активности граждан, особенно молодежи, их вклада в развитие основных сфер жизни и деятельности общества и государства, преодоление экстремистских проявлений отдельных групп граждан и других негативных явлений, возрождение духовности, социально-экономическая и политическая стабильность и укрепление национальной

¹ Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» (2010). Постановление Правительства РФ от 05.10.2010 г. № 795 (ред. 07.10.2013 г.) // Собрание законодательства РФ от 11.10.2010 г. № 41 (ч. 2). Ст. 5250.

безопасности»¹. Как отмечает Голунов, в прописанных в Программе на 2011–2015 гг. предполагаемых результатах виден значительный охранительный акцент [2, с. 262], который выражается в запланированных конечных результатах: высокой национальной безопасности, поддержании стабильности в социальной, экономической и этнической сферах.

Рассмотрев целевые ориентиры и системы показателей трех государственных программ патриотического воспитания граждан РФ, можно сделать вывод, что каждая из госпрограмм в первую очередь нацелена на совершенствование и развитие системы патриотического воспитания, заложенной еще в советское время. Ее ключевыми особенностями являются высокая роль военной подготовки, а также подчеркнутая роль определенного рода эмоций (любовь к Отечеству/Родине/государству/народу...) в формировании концепции патриотизма. Недостатками программ является то, что все они имеют не полное соответствие целевых ориентиров и инструментов достижения цели. Ожидаемые результаты охватывает экономическую, политическую и социальную сферы, в то время как конкретные мероприятия сводятся, в большинстве случаев, к военно-патриотической работе со школьниками и молодежью. Это определяет значимость и ответственность молодежной социальной политики в системе патриотического воспитания в Российской Федерации и приводит к необходимости постоянно совершенствовать нормативно-правовую базу, разрабатывать новые механизмы и повышать эффективность проводимых мероприятий.

Программно-целевой подход как основа формирования системы патриотического воспитания в Санкт-Петербурге

Эффективная система программно-целевого управления позволяет грамотно планировать и успешно реализовывать различные методы патриотического воспитания, учитывая динамику внешней и внутренней государственной политики. Это дает возможность не только повышать результаты государственного управления, но и позволяет достигать конкурентные преимущества в социально-культурном пространстве. Современная практика показывает, что использование программно-целевого метода для выполнения целей и задач государственной молодежной политики в России является весьма распространенным как на федеральном, так и на региональном уровне. Город федерального значения Санкт-Петербург — один из субъектов Российской Федерации, в котором ведется комплексная планомерная работа по патриотическому воспитанию молодежи, результаты которой заметны и требуют всесторонней оценки.

Молодежная политика в Санкт-Петербурге в 2015 г. строилась как система формирования приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развития ее потенциала в интересах общества, государства и города, в рамках государственной программы «Создание условий для обеспечения общественного согласия в Санкт-Петербурге» на 2015–2020 гг., утвержденной постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 4 июня 2014 г. № 452. На данный момент эта программа является уникальной в том, что она впервые была реализована в Санкт-Петербурге. Нельзя сказать, что по результатам одного года можно оценить экономическую и социальную эффективность тех мероприятий, которые были проведены в рамках этой программы. Тем не менее можно отметить следующие аспекты.

¹ Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы» (2010). Постановление Правительства РФ от 05.10.2010 г. № 795 (ред. 07.10.2013 г.) // Собрание законодательства РФ от 11.10.2010 г. № 41 (ч. 2). Ст. 5250.

Во-первых, интеграция патриотического воспитания в программу по обеспечению общественного согласия является маркером комплексных изменений в данной сфере. Речь идет уже не о патриотическом воспитании per se, как это было в советской и предыдущей российской традиции, но о более сложном формировании патриотизма в контексте национальной и гражданской идентичности. «Патриотическое воспитание граждан в Санкт-Петербурге» — лишь одна из подпрограмм данной программы, и ее реализация осуществляется в связке с такими подпрограммами, как «Повышение уровня социализации и самореализации молодежи Санкт-Петербурга в современном обществе», «Укрепление гражданского единства и гармонизация межнациональных отношений в Санкт-Петербурге», «Информационная деятельность исполнительных органов власти и взаимодействие со СМИ». Согласно задачам программы, формирование у граждан, проживающих в Санкт-Петербурге, патриотического сознания, чувства гражданского долга и любви к Родине, находится во взаимосвязи и взаимозависимости с созданием условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи Санкт-Петербурга в современном обществе; формированием уважительного отношения к различным этносам, культурам и религиям; созданием механизмов и условий для повышения доступности для граждан социально значимой информации. Эта связка очень важна, ведь, как было показано в теоретической части статьи, только комплексный подход может обеспечить формирование конструктивного патриотизма.

Во-вторых, обращает на себя внимание разнообразие мероприятий, направленных на развитие системы гражданского и патриотического воспитания граждан в Санкт-Петербурге. Они включили в себя:

- мероприятия по гражданскому и патриотическому воспитанию граждан в Санкт-Петербурге, включая проведение мероприятий, связанных с увековечением памяти погибших при защите Отечества;
- организацию молодежного образовательного гражданского форума «Всмысле», который позиционируется как уникальная широкомасштабная площадка для интеграции молодых людей, интересующихся политикой, экономикой, инновациями, общественными кампаниями и гражданскими инициативами (в 2015 г. форум собрал 1500 представителей активной и талантливой молодежи Санкт-Петербурга: студентов, молодых специалистов, лидеров молодежных организаций от 18 до 30 лет);
- организацию мероприятий с привлечением казачьих сообществ, общин, организаций: конференций, слетов, семинаров, в том числе выездных, и других форм обмена опытом;
- организацию и проведение патриотического молодежного форума;
- предоставление субсидий региональному отделению Общероссийской общественно-государственной организации «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России» Санкт-Петербурга на проведение Центром военно-патриотического воспитания и подготовки граждан (молодежи) к военной службе в Санкт-Петербурге мероприятий по военно-патриотическому воспитанию молодежи;
- организацию мероприятий, направленных на развитие системы духовно-нравственного воспитания граждан, укрепление и пропаганду семейных ценностей, в том числе фестиваля молодых семей;
- организацию мероприятий по традиционному для российской культуры духовно-нравственному воспитанию граждан, укреплению и пропаганде семейных ценностей;
- организацию деятельности Координационного совета по вопросам воспитания гражданственности и патриотизма у подрастающего поколения Санкт-Петербурга, созданного распоряжением Губернатора Санкт-Петербурга от 21.01.2000 № 59-р;
- организацию деятельности коллегиальных совещательных органов администра-

ций районов города, координирующих работу по вопросам воспитания гражданственности и патриотизма у подрастающего поколения Санкт-Петербурга;

- организацию посещения мест боевой славы ветеранами Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и воспитанниками государственных учреждений Санкт-Петербурга;
- организацию проведения уроков мужества в государственных образовательных учреждениях Санкт-Петербурга, в том числе с использованием потенциала ветеранских организаций, в целях воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма. Встречи учащейся молодежи с курсантами военных училищ, проведение дней открытых дверей в воинских частях и военных учебных заведениях;
- организацию и проведение мероприятий по гражданскому и патриотическому воспитанию граждан Санкт-Петербурга в рамках текущей деятельности исполнительных органов государственной власти (Комитета по образованию, Комитета по науке и высшей школе, Комитета по социальной политике, администраций районов города) и подведомственными учреждениями (было проведено более 10 тыс. мероприятий с охватом более 2 млн человек).

В-третьих, несмотря на то, что патриотическое воспитание в рамках государственной программы «Создание условий для обеспечения общественного согласия в Санкт-Петербурге» на 2015–2020 гг. осуществляется всего год, можно говорить о достигнутых значительных успехах. В частности, обращает на себя внимание значение ряда целевых показателей (табл. 1).

Особо подчеркнем значение показателя «Доля граждан призывного возраста, готовых защищать Отечество»: его значение составляет 69,2%, что на 17,5% превышает общероссийский показатель [15]. Данный показатель важен, поскольку показывает, что патриотическое воспитание, включенное в контекст гражданского образования и национально-государственного строительства, является более эффективным инструментом формирования ответственного гражданина, чем патриотическое воспитание *per se*. Эксперты отмечают, что интерес к проявлениям патриотизма у молодежи обусловлен заинтересованностью государства в использовании гражданского потенциала, «реализация которого предполагает наличие реальных массовых механизмов включения в общественно-политическую жизнь страны» [5].

Подводя итоги, можно сказать, что программно-целевой подход вносит позитивный вклад в развитие и изучение основных аспектов формирования системы патриотического воспитания молодежи в городе Санкт-Петербурге, а также позволяет повысить эффективность разрабатываемых, а затем реализуемых целевых молодежных социальных программ как на федеральном, так и на региональном уровнях. Повышение эффективности реализации молодежных социальных программ с учетом специфики патриотического воспитания осуществляется посредством использования комплекса механизмов: усовершенствования системы взаимодействия исполнительных органов государственной власти с общественными организациями, повышения уровня квалификации специалистов, внесения изменения в индикаторы эффективности (в частности, возможна корректировка показателя «доля молодежи, охваченная мероприятиями по гражданскому образованию, патриотическому воспитанию», так как в соответствии с целями подпрограммы мероприятиями по патриотическому воспитанию должны быть охвачены все возрастные группы жителей Санкт-Петербурга) и создания программ по рейтингу молодежной политики. Молодежная аудитория Санкт-Петербурга заинтересована в политической коммуникации и в ней подавляющее большинство — патриоты. Из этого следует, что, при условии благоприятной внутренней политики и грамотной работы по реализации программ по патриотическому воспитанию, молодежная аудитория может стать надежной опорой для государства и активно участвовать в развитии страны и города.

**Достижение некоторых целевых показателей государственной программы
«Создание условий для обеспечения общественного согласия в Санкт-Петербурге»
на 2015–2020 гг. в 2016 г.**

Наименование целевого показателя государственной программы Санкт-Петербурга (индикатора подпрограммы, отдельного мероприятия)	Значение целевого показателя (индикатора), %		Степень достижения планируемого значения, 41%
	Планируемое, %	Фактически достигнутое, %	
Доля молодежи Санкт-Петербурга, принимающей участие в мероприятиях в сфере молодежной политики, в общей численности молодежи Санкт-Петербурга	21,54	34,61	160,68
Доля граждан, проживающих в Санкт-Петербурге, испытывающих гордость за современную Россию	28,41	60,60	213,31
Доля молодежи, охваченная мероприятиями по гражданскому образованию, патриотическому воспитанию	13,30	19,91	149,70
Доля граждан призывного возраста, готовых защищать Отечество	64,07	69,20	108,01

Литература

1. *Абрамов А. В.* Патриотическая идеология в России: этапы эволюции. Молодежная политика, воспитательная и патриотическая работа: практика XXI века // Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. М. : РГУТиС, 2014.
2. *Голунов С. В.* Патриотическое воспитание в России: за и против // Вопросы образования. 2012. № 3. С. 258–273.
3. *Ешев М. А.* Патриотизм в советской и постсоветской России // Власть. 2014. № 5. С. 85–89.
4. *Пушкарева И. А.* Идея патриотизма в истории советской и русской педагогики // Методические ориентиры. Пилотный выпуск. 2011. С. 11–15.
5. *Снопина С. М.* Аналитический отчет по результатам социологического исследования на тему: «Осуществление социологического исследования по распространенности в обществе настроений гражданственности и патриотизма, включая анализ восприятия населением понятий «патриотизм» и «гражданственность». Утверждено 10.12.14 Горлинским И. А.; Руководитель НИР, директор РЦ ЦСИИ С. М. Снопина. СПб. : ФГБОУ ВПО СПбГУ, 2014.
6. *Целовальникова А. С.* Характеристика основных реформ по патриотическому воспитанию в советский период (1917–1992 гг.) // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия «Педагогика и Психология». 2012. № 5. С. 106–110.
7. *Alesina A., Reich B.* Nation Building // Working Paper 18839. NBER working paper series. National Bureau of Economic Research, 2013.
8. *Bogdandy A.* State-Building, Nation-Building, and Constitutional Politics in Post-Conflict Situations: Conceptual Clarifications and an Appraisal of Different Approaches // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2005, Vol. 9.
9. *Davidov E.* Measurement Equivalence of Nationalism and Constructive Patriotism in the ISSP: 34 Countries in a Comparative Perspective Political Analysis // Political Analysis. 2009, Vol. 17 (1).
10. *Janmaat J. G., Piattoeva N.* Citizenship Education in Ukraine and Russia: Reconciling Nation-Building and Active Citizenship // Comparative Education. 2007, Vol. 43 (4).
11. *Marshall T. H.* Class, Citizenship and Social Development. Chicago : University of Chicago Press, 1973.

12. Panov P. Nation-building in post-Soviet Russia: What kind of nationalism is produced by the Kremlin? *Disciplinary and Regional Trends in Russian and Eurasian Studies: Retrospective Glances and New Steps* // Journal of Eurasian Studies, 2010. Vol. 1. N 2.
13. Shulman S. Challenging the Civil / Ethnic and West: East Dichotomies in the Study of Nationalism // *Comparative Political Studies*. 2002. Vol. 35. N 5.
14. Smith A. *State-Making and Nation-Building* // States in History. 1986.
15. *World Value Survey*. URL:<http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 18.03.2016).

References

1. Abramov A.V. *Patriotic ideology in Russia: evolution stages. Youth policy, educational and patriotic work: practice of the 21st century* [Patrioticheskaya ideologiya v Rossii: etapy evolyutsii. Molodezhnaya politika, vospitatel'naya i patrioticheskaya rabota: praktika XXI veka]. Materials of the Russian scientific and practical conference. M. : RSUTS [RGUTiS]. 2014. (rus)
2. Golunov S.V. *Patriotic education in Russia: pro and con* [Patrioticheskoe vospitanie v Rossii: za i protiv] // Questions of education [Voprosy obrazovaniya]. 2012. N 3. P. 258–273. (rus)
3. Eshhev M.A. *Patriotism in the Soviet and Post-Soviet Russia* [Patriotizm v sovetskoj i postsovetskoj Rossii] // Power [Vlast']. 2014. N 5. P. 85–89. (rus)
4. Pushkareva I.A. *Idea of patriotism in the history of the Soviet and Russian pedagogics* [Ideya patriotizma v istorii sovetskoj i russkoj pedagogiki] // Methodical reference points [Metodicheskie orientiry]. Pilot release. 2011. P. 11–15. (rus)
5. Snopova S.M. *The analytical report on results of sociological research on a subject: «Implementation of sociological research on prevalence in the society of moods of civic consciousness and patriotism, including the analysis of perception the population of the concepts "patriotism" and "civic consciousness"»* [Analiticheskii otchet po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya na temu: «Osushchestvlenie sotsiologicheskogo issledovaniya po rasprostranennosti v obshchestve nastroyenii grazhdanstvennost i patriotizma, vlyuchaya analiz vospriyatiya naseleniem ponyatii «patriotizm» i «grazhdanstvennost'»]. It is approved as 10.12.14 by Gorlinsky I.A.; Head of Research, director of Resource Center «Center for Sociological and Internet Research». SPb. : S.M. Snopova, St.Petersburg State University, 2014. (rus)
6. Tselovalnikova A.S. *The characteristic of the main reforms on patriotic education during the Soviet period (1917–1992)* [Kharakteristika osnovnykh reform po patrioticheskomu vospitaniyu v sovetskoj period (1917–1992 gg.)] // Scientific notes of Transbaikal State University. Series: Pedagogics and Psychology [Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pedagogika i Psikhologiya»]. 2012. N 5. P. 106–110. (rus)
7. Alesina A., Reich B. *Nation Building* // Working Paper 18839. NBER working paper series. National Bureau of Economic Research, 2013.
8. Bogdandy A. *State-Building, Nation-Building, and Constitutional Politics in Post-Conflict Situations: Conceptual Clarifications and an Appraisal of Different Approaches* // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2005, Vol. 9.
9. Davidov E. *Measurement Equivalence of Nationalism and Constructive Patriotism in the ISSP: 34 Countries in a Comparative Perspective Political Analysis* // Political Analysis. 2009, Vol. 17 (1).
10. Janmaat J.G., Piattoeva N. *Citizenship Education in Ukraine and Russia: Reconciling Nation-Building and Active Citizenship* // Comparative Education. 2007, Vol. 43 (4).
11. Marshall T.H. *Class, Citizenship and Social Development*. Chicago : University of Chicago Press, 1973.
12. Panov P. Nation-building in post-Soviet Russia: What kind of nationalism is produced by the Kremlin? *Disciplinary and Regional Trends in Russian and Eurasian Studies: Retrospective Glances and New Steps* // Journal of Eurasian Studies, 2010. Vol. 1. N 2.
13. Shulman S. *Challenging the Civil / Ethnic and West: East Dichotomies in the Study of Nationalism* // *Comparative Political Studies*. 2002. Vol. 35. N 5.
14. Smith A. *State-Making and Nation-Building* // States in History. 1986.
15. *World Value Survey*. URL:<http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 18.03.2016).

Карьерное проектирование в журналистике

Ким Максим Николаевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры филологии и журналистики
Доктор филологических наук
kim@szags.ru

Пак Екатерина Максимовна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры филологии и журналистики
Кандидат филологических наук
EMPak@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Авторы рассматривают профессиональную карьеру журналиста в тесной взаимосвязи с творческой самореализацией личности — с развитием ее коммуникативных, интеллектуальных и литературных способностей, на базе которых выстраиваются профессиональная судьба и карьера.

Актуальность исследования. Сегодня современная медиакультура оказывает серьезное масштабное и знаковое влияние на способы и формы подачи новостей в СМИ. Под влиянием технологических факторов сформировалась новая система функционирования СМИ, позволившая современному поколению журналистов выйти на принципиально новый уровень своего профессионального развития. Именно поэтому в поле исследовательского внимания оказались вопросы, связанные с журналистом новых технологий и методов его работы.

Актуальность проблемы, а также практическая значимость определили цель и задачи научного исследования, его внутреннюю логику и структуру.

Предмет исследования — профессиональные, коммуникативные, интеллектуальные и творческие навыки, знания и умения, оказывающие влияние на квалификационный рост молодого журналиста.

Целью научного исследования является выявление основных требований, предъявляемых к выпускнику журфака, мультимедийными СМИ.

Осуществление этой цели предполагало решение следующих задач:

1. Выявить профессиональные, коммуникативные, интеллектуальные и творческие навыки, знания и умения, оказывающие влияние на квалификационный рост молодого журналиста.
2. Раскрыть специфику работы современного журналиста с точки зрения жанровой специализации.

Методологической основой научного исследования выступают принципы структурного, системного и комплексного анализа. В процессе работы авторы использовали формально-логические, содержательно-логические методы и общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) методы.

Практическая значимость работы заключается в том, что рассмотренные в исследовании требования, предъявляемые к выпускнику журфака мультимедийными СМИ, позволят повысить качество подготовки специалистов, обучающихся по специальности «журналистика».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

карьера, творческая самореализация, способности, мастерство

Kim M. N., Pak E. M.

Career Design in Journalism

Kim Maksim Nikolaevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Philology and Journalism
Doctor of Science (Philology)
kim@szags.ru

Рак Екатерина Максимовна

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Associate Professor of the Chair of Philology and Journalism

PhD in Philology

EMPak@yandex.ru

ABSTRACT

Authors consider professional career of the journalist in close interrelation with creative self-realization of the personality — with development its communicative, mental and literary abilities based on which the professional destiny and career is built.

Relevance of research. Today the modern media culture exerts serious large-scale and sign impact on ways and forms of giving of news in mass media. Under the influence of technology factors, the new system of functioning of mass media, which has allowed modern generation of journalists to come to essentially new level of the professional development, was created. For this reason in the field of research attention, there were questions, coherent with the journalist of new technologies and methods of his work.

Relevance of a problem and the practical importance have defined the purpose and problems of scientific research, its internal logic and structure.

Object of research — the professional, communicative, intellectual and creative skills, knowledge and abilities exerting impact on the qualification growth of the young journalist.

The purpose of scientific research is detection of the main requirements imposed to the graduate of journalism faculty, multimedia mass media.

Implementation of this purpose assumed the solution of the following tasks:

1. To reveal the professional, communicative, intellectual and creative skills, knowledge and abilities exerting influence the qualification growth of the young journalist.
2. To disclose specifics of work of the modern journalist from the point of view of genre specialization.

The principles of the structural, system and complex analysis act as a methodological basis of scientific research. In the course of work authors used formal and logical, substantial and logical methods and general scientific (the analysis, synthesis, induction, deduction) methods.

The practical importance of work is that the requirements considered in research imposed to the graduate of journalism faculty, multimedia mass media would allow raising quality of training of the experts who are trained in «journalism».

KEYWORDS

career, creative self-realization, ability, mastery

Современная журналистика представляет развитую медиаиндустрию, включающую различные медиахолдинги, медиапредприятия, редакции СМИ, информационные агентства, сетевые СМИ, интернет-порталы и многое другое. С появлением новых технологий и специализаций для журналиста открывается все больше возможностей при планировании своей профессиональной карьеры. В традиционных изданиях карьерный рост журналиста определялся несколькими позициями: корреспондент, заведующий отдела, заместитель редактора, главный редактор. В современных мультимедийных СМИ этот должностной ряд расширился, крайне востребованными специалистами являются веб-редакторы, веб-дизайнеры, веб-операторы и пр. Поэтому столь актуальными стали в профессиональной среде проблемы, связанные с журналистом новых технологий и методов его работы.

В новых условиях немаловажно умение личности формировать себя в качестве специалиста с учетом потребностей рынка. Проектирование карьерного и профессионального роста, приобретение специализированных знаний и умений и совершенствование профессионального мастерства становится одной из главных целей журналиста.

Чтобы разобраться в особенностях карьерного проектирования в области журналистики, рассмотрим само понятие «карьера».

Как известно, данный термин происходит от итальянского *carriera* — жизненный путь. В современной трактовке данное понятие связывают с трудовой или производственной деятельностью человека. Поэтому столь важен анализ тех навыков и умений, благодаря которым человек продвигается по служебной или профессиональной лестнице. В этом смысле карьера — это не статическое, а динамическое явление, предполагающее постоянное движение человека вперед. Данное продвижение может быть связано и с адаптацией к новым условиям деятельности (к примеру, многие медийные топ-менеджеры, не сумевшие приспособиться к технологическим новациям, должны были уступить свои командные пункты более перспективным журналистам), и с приобретением новых знаний и мн. др.

Понятие «карьера» принято рассматривать в широком и узком значении. В широком смысле данный термин определяется как определенная последовательность этапов развития человека в определенной профессиональной сфере. Это может быть и смена профессиональных ролей и статусов, и приобретение более весомых властных полномочий, и творческие достижения, и более престижная и, следовательно, высокооплачиваемая работа. В узком смысле карьера — «это продвижение по службе и индивидуальные изменения позиции и поведения»¹.

Если под карьерой понимать целенаправленный должностной и профессиональный рост, то в данном случае особое значение для журналиста имеют задачи, связанные с приобретением новых навыков и умений, повышением своей квалификации, наконец, постепенной наработкой опыта руководящей работы.

Журналистика как творческая и профессиональная сфера деятельности требует от претендентов на такой род занятий определенных задатков и склонностей. Поэтому здесь карьерный рост специалиста обеспечивается не только административными, но творческими перспективами.

Карьера начинающего журналиста начинается с рынка труда. Недавнему выпускнику журфака, чтобы привлечь внимание работодателя, нужно суметь показать все свои знания и профессиональные умения, приобретенные за годы обучения. Особенно важен блок личностных компетенций, на развитие которых нацелено журналистское образование.

Среди них выделим следующие:

- культура мышления, способность к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения, умение логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь;
- понимание сущности журналистской профессии как социальной, информационной, творческой, ее базовых характеристик, социальных ролей журналиста, качеств личности, необходимых для ответственного выполнения профессиональных функций;
- знание особенностей массовой информации, задач и методов, технологии и техники процесса создания журналистских публикаций, понимание их содержательной и структурно-композиционной специфики;
- знание основных требований, предъявляемых к информации СМИ (точность, достоверность, наличие ссылок на источники, разграничение фактов и мнений, плюрализм в представлении точек зрения) и другие².

Безусловным преимуществом выпускника вуза становится найденное им место работы во время прохождения производственной или преддипломной практики, где соискателю удалось с лучшей стороны зарекомендовать себя перед работодателем. В этом случае ему гарантируется место в редакции. В иных ситуациях

¹ Понятие карьеры, ее содержание и типы // INFO MANAGEMENT [Электронный ресурс]. URL: http://infomanagement.ru/lekciya/ponyatie_karery_yee_soderzhanie (дата обращения: 10.02.2016).

² Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 42.03.02. Журналистика. М., 2014.

начинающим журналистам приходится проходить жесткий конкурентный отбор, так как рынок журналистского труда перенасыщен. Чтобы молодого журналиста взяли на работу, ему нужно доказать свою незаменимость. Как не без иронии пишут профессионалы, соискатель «должен уметь редактировать чужие тексты и делать конфетку из абсолютно безнадежных опусов, изобретать интересные темы на полном безрыбье, сочинять заголовки убойной силы, работать в режиме нон-стопа и выполнять те безнадежные поручения, которые начальство не знает на кого повесить»¹. Каждый ли готов на такие испытания? Если да, то, обращаясь к претендентам на вакантное место в редакции СМИ, «акулы пера» советуют: «Здесь правило простое — нужно идти в то издание, которое лично вам интересно читать. Дело в том, что любое издание — это свой взгляд на мир, своеобразный фильтр, при помощи которого одни явления удостоиваются внимания, а другие отсеиваются как ненужные. И максимальная эффективность работы журналиста достигается там, где фильтры редакции и журналиста совпадают»².

Попав в редакцию, новичок должен пройти еще испытательный срок. За время которого молодому журналисту необходимо ознакомиться с основными принципами и методами редакционной деятельности. Как показывает практика, пути вхождения в редакцию у журналистов складываются по-разному. Одни полагаются только на собственные силы, другие — на советы старших товарищей, третьи — пробуют свои силы методом проб и ошибок. Второй вариант для начинающих журналистов наиболее предпочтителен, так как позволяет быстрее адаптироваться в редакционном коллективе. Вот какими мыслями поделился начинающий корреспондент одного экономического еженедельника:

«С самого начала я попал в очень сильный отдел. Там работали настоящие профессионалы. Они в общем-то и предопределили мою творческую судьбу. Особенно благодарен заведующей отдела экономической теории. С ее помощью вошел в курс редакционной жизни, приобрел связи с ведущими специалистами. Да и сейчас Маргарита Ивановна — человек широчайшей эрудиции — часто советует при разработке каких-то сложных тем. В процессе совместной работы она старалась передать мне свои знания, опыт и навыки»³.

Роль наставника в профессиональном становлении молодых журналистов чрезвычайно важна. Однако такая традиция во многих редакциях утрачена. Поэтому в своем профессиональном и карьерном росте молодым журналистам часто приходится рассчитывать только на собственные силы. Известно, что журналиста ценят за уникальные, только ему присущие особенности. По мнению В.А. Аграновского, «в основе любой творческой профессии, в том числе и нашей, лежит природный дар, отсутствие которого восполнимо разве что самоотверженным трудом и безмерной любовью к делу»⁴.

Карьера журналиста во многом зависит от целенаправленного развития профессиональных способностей.

«Способности, — утверждают психологи, — это такие психологические особенности человека, от которых зависит успешность приобретения знаний, умений, навыков, но которые сами к наличию этих знаний, навыков и умений не сводятся» [6, с. 439]. Благодаря наличию определенных способностей, человек может приобрести нужные ему знания, умения и навыки. При этом считается, что «способности обнаруживаются только в такой деятельности, которая не может осуществляться

¹ Большая карьера маленького журналиста / <http://edu.rin.ru/html/945.html> (дата обращения: 10.02.2016).

² Колесниченко А. Работа журналиста — методы и приемы // URL: <http://www.journalism-center.ru/index.php/ru/biblioteka/86-teksty-v-razdel-biblioteka/262> (дата обращения: 10.02.2016).

³ Из личного архива автора. Январь, 2016.

⁴ Аграновский В. А. Ради единого слова // URL: <http://ria.ru/society/20140327/1001251235.html>. (дата обращения: 10.02.2016).

без наличия этих способностей» [Там же, с. 440]. Для успешного карьерного продвижения в журналистике человек должен обладать коммуникативными, интеллектуальными и литературными способностями.

Коммуникативные способности

Журналист изначально должен владеть навыками общения, поскольку является важнейшим инструментом в налаживании контактов с различными людьми, и постоянно совершенствовать свои способности. Ему приходится играть различные коммуникативные роли: сегодня он может выступить в качестве дворника, завтра — нищего, просящего милостыню, уличного музыканта и т. д. Подобного рода перевоплощения возможны только в том случае, если журналист хорошо изучил поведение и язык своих социальных типажей, характерные особенности образа их жизни, их жизненные стратегии и многое другое. Все эти знания способствуют развитию коммуникативных способностей журналиста. При этом, отрабатывая ту или иную коммуникативную роль, журналист одновременно развивает свои навыки и умения общения с теми или иными категориями людей.

Интеллектуальные способности

К интеллектуальным способностям относят тип мышления, быстроту мыслительных процессов, систематичность, продуктивность умственной деятельности и т. д. Под понятием «интеллект» теоретики подразумевают «общую познавательную способность, определяющую готовность человека к усвоению, сохранению, развитию и использованию знаний и опыта, а также к разумному поведению в проблемных ситуациях» [2, с. 189]. Под журналистским интеллектом понимается «социально детерминированная совокупность способностей к творческому оперированию формами познавательной деятельности в процессе освоения действительности с целью успешного решения задач, возникающих в ходе осуществления профессиональной деятельности» [там же, с. 190].

Журналистская профессия ориентирована на познание быстро изменяющейся социальной реальности. Поэтому журналист должен уметь мгновенно определять суть события, оценивать значимость тех или иных фактов, подвергать анализу динамично развивающуюся на его глазах ситуацию, принимать адекватные решения и, наконец, с максимальной оперативностью собирать и обрабатывать информацию. Поскольку скорость мыслительных процессов здесь чрезвычайно высока, журналист должен обладать очень развитым интеллектом, представляющим собой сложное «структурное образование, в составе которого выделяются внимание, память, воображение, восприятие, мышление» [там же].

Интеллектуальная активность журналиста в процессе познавательной деятельности ориентирована на поиск новых фактов, социальных взаимосвязей, явлений и различных сторон действительности, которые становятся предметом журналистского отображения, но и осмысления. Здесь мышление выступает как в качестве познавательной, так и интеллектуальной.

Особенности мыслительного процесса журналиста всегда находят отражение в созданных им произведениях.

Литературные способности

Что обычно подразумевали под литературными способностями? Во-первых, владение литературными навыками письма, во-вторых, знание жанровых форм, в-третьих, умение создавать законченные журналистские произведения. И наконец, языковое

мастерство автора. В газетной практике советского периода особенно ценились легкость пера, отточенность и изысканность стиля, образность и лексическое богатство материала и т. п. Работа над материалом в большей степени воспринималась как творческий процесс. Сегодня, как отмечают исследователи, «...на процесс работы, на литературную работу (причем она уже редко называется творчеством) в качестве мотива профессиональной деятельности указало только 4,3% опрошенных, в том числе 12% выпускников 1950-х гг., воспитанных еще в старой традиции, когда журналистика считалась в значительной степени литературным творчеством. Зато выпускники последних лет сказали, что их привлекает работа с информацией. Отчетливо проявляются тенденции переосмысления сути журналистского труда: от типа творчества к информационной деятельности. Еще 12% сказали, что их привлекает в профессии творческое отношение к жизни, сам процесс ее пересоздания и преобразования» [7, с. 79].

Подобного рода переосмысление журналистского труда обусловлено, на наш взгляд, рядом объективных и субъективных причин. К объективным отнесем: коммерциализацию всего процесса выпуска издания (публиковать материалы на пол-полосы или на целую полосу стало экономически невыгодно, так как на значительную часть газетных площадей стала претендовать реклама); ориентацию большинства изданий на удовлетворение не эстетических, а информационных потребностей читателей, в свою очередь, привело к изменению критериев в оценке качества журналистских произведений (больше стали цениться фактологически насыщенные материалы, чем произведения с языковыми изысками автора). Возможно, именно по этим причинам с газетных полос практически исчезли очерки, в которых документальная основа произведения гармонично переплеталась с художественной. Ведь недаром именно очеркистов традиционно называли писателями в газете. И именно их работа в большей степени соотносилась с литературным трудом.

Подобного рода трансформации естественно сказались и на творческих установках журналистов, т. е. на субъективных факторах журналистского труда. Изучая мотивацию деятельности современных журналистов, исследователи отмечают, «... что талант, литературные способности назывались очень редко, тогда как в прежних исследованиях были на первых местах. Это связано с трансформацией профессии как вида литературного творчества в информационную работу („рипортинг“ на западный манер) и с тем, что изменился сам стиль публикаций, когда литературная форма стала менее значима, чем прежде. А это... тревожащий симптом, потому что журналистика при любых обстоятельствах — искусство работы со словом» [7, с. 214]. Если обратить внимание на язык и стиль газетных публикаций большинства российских изданий, то нельзя не заметить, что по своему языковому уровню они значительно уступают прессе советского периода. И это не удивительно: во многих изданиях давно упразднены должности корректоров, большинство журналистских материалов идет на полосу «с колес», сами авторы в основном полагаются на компьютерные редакторские программы. Этим обусловлены не только лексические и грамматические ошибки, но и небрежность и неряшливость стиля, что снижает уровень восприятия подобного рода материалов.

Развитые коммуникативные, интеллектуальные и литературные способности, безусловно, важны для профессионального роста молодого журналиста. Но они, на наш взгляд, являются лишь базовыми. На их основе специалист в сфере массмедиа может выстраивать свою карьеру. Каждый редакционный коллектив предъявляет собственные квалификационные требования, которые фиксируются в редакционных уставах. В них, как правило, прописываются функциональные обязанности каждого сотрудника СМИ. Заметим, что ступени квалификационной лестницы связаны в журналистике не с разрядами, а с дифференцирующими навыками и умениями, знаниями, наконец, профессиональным опытом и мастерством журналиста.

Квалификационная лестница в журналистике часто соотносится с жанровой специализацией сотрудников СМИ. Исходя из данного параметра различают хроникеров, репортеров, корреспондентов, специальных корреспондентов, обозревателей, колумнистов, публицистов.

Журналист-хроникер находится на самой нижней ступени квалификационной лестницы. От него требуется быстро и оперативно распознавать актуальные факты действительности и наполнять информацией новостную полосу. К профессиональным навыкам здесь можно отнести: умение журналиста пользоваться различными источниками информации, добывать актуальные факты, успешно работать в жанрах хроникальной заметки и расширенной информации. Таким образом, от хроникера в первую очередь требуется скорость обработки и передачи информации.

На более высокой ступени квалификационной лестницы находится репортер. В отличие от хроникеров, репортеры нацелены не на фиксацию свершившегося факта, а на угадывание новых тенденций в социальной реальности, на постоянный поиск новых источников информации, на показ всего нового и интересного, что происходит в жизни социума. Поэтому они просто обязаны быть на острие событий, чтобы суметь первыми донести актуальную информацию до своей аудитории.

Большое значение для репортеров имеет способность быстро переключать внимание с одного объекта на другой. Как отмечают психологи, «переключение внимания проявляется в преднамеренном переходе субъекта от одной деятельности к другой, от одного объекта к другому, от одного действия к другому. Переключение может быть обусловлено либо программой сознательного поведения, требованиями деятельности (при переходе от одного объекта, одного действия к другому внутри определенной деятельности), либо необходимостью включения в новую деятельность в соответствии с изменяющимися условиями...» [7, с. 242]. Способность быстрого переключения внимания от одного объекта к другому — важная составляющая работы журналиста. Как известно, не каждый человек по своим психологическим характеристикам способен переходить от выполнения одной работы к другой. Данные процессы во многом связаны с «особенностями подвижности нервных процессов» [там же].

Хотя, как утверждают психологи, повышение показателей переключения внимания возможно путем определенных упражнений. По признанию ведущих журналистов, многие из них в начале своей деятельности не могли брать интервью и одновременно следить за ходом развития события, а по возвращении в редакцию сразу сесть за компьютер, чтобы оперативно подготовить материал в номер. То есть речь идет о том, насколько важны способности не только к быстрой смене деятельности, но и к максимальной синхронности творческих операций. Подобное переключение внимания от одного вида деятельности к другой во многом определяется ее значимостью для личности. Сбор и фиксация информации, ее осмысление, подготовка материала в печать — все эти операции протекают, как правило, в экстремальных условиях, поэтому без навыков быстрого переключения внимания от одной деятельности к другой вряд ли репортер сможет достичь максимальной оперативности.

Более серьезные квалификационные требования предъявляются к журналистам-аналитикам, к которым можно отнести обозревателей, рецензентов, критиков, колумнистов, ведущих тематических рубрик. Смысл их деятельности заключается в осмыслении и интерпретации фактов.

Журналист-аналитик должен обладать умением правильного и доказательного рассуждения. От него требуются знания логических законов, владение различными способами убеждения, умелого использования различных видов аргументов (эмпирических и теоретических), навыков ведения споров и т. д. Все эти вопросы хорошо освещены в литературе по логике. Как справедливо отмечает А. А. Ивин,

«...понимание принципов мыслительной деятельности — одно из самых ценных наших знаний. Оно делает ум максимально точным и ювелирно тонким в своем анализе, беспощадным к фальши и нелогичности, неизменно последовательным в своих выводах» [4]. Но вряд ли учебники по логике помогут журналисту, если он не будет работать сам над совершенствованием своих мыслительных и логических навыков. Подобного рода умения приобретаются и оттачиваются в повседневной практике рассуждения.

К «привилегированной» группе журналистов относятся специальные корреспонденты, которые работают в основном по заданиям главного редактора. Это наиболее опытные и знающие журналисты, владеющие различными жанрами журналистики, зачастую обладающие специализированными знаниями в конкретной области.

Верхнюю ступень квалификационной лестницы занимают публицисты. В. И. Даль пишет: «Публицист — писатель, более газетный, журнальный, по современным, общим вопросам, по народному праву»¹. В другом словаре публицистика толкуется в трех смыслах как «литература по общественно-политическим вопросам; жанр, стиль, характерные особенности такой литературы; писательская деятельность по общественно-политическим вопросам»².

Данное определение в различных вариантах встречается во многих словарях и учебных пособиях.

Итак, исходя из подобных трактовок, следует, что публицист — газетный или журнальный писатель, который занимается общественно-политическими вопросами. Иными словами, основные положения сводятся к тому, что публицистика относится к особому типу литературной деятельности, суть которой заключается не в сборе, обработке и распространении массовой информации, а в осмыслении и анализе актуальных общественных явлений. Поэтому в качестве публициста может выступить не только журналист, но и писатель, политик, политолог, социолог, общественный деятель и др.

Журналист прибегает к публицистическим формам тогда, когда ему приходится затрагивать серьезные общественно-политические проблемы, которые требуют определенного осмысления и чувственно-образного постижения и отражения действительности. Любое публицистическое произведение рассчитано на убеждение, а значит, основной его целью является формирование общественного мнения. В основе публицистического произведения — авторское мнение, авторская позиция, образ, «облученный» мыслью. Природа публицистического произведения — синтез научных и образных начал.

Журналисту достаточно ознакомиться с документами, чтобы написать статью или отчет. Публицисту такие источники информации скажут многое, но не все. В публицистике (и это, на наш взгляд, одно из коренных ее достоинств) проявляется повышенный интерес к субъективным факторам современной истории. В предмете, который исследует публицист, объективные, закономерные процессы неотделимы от личности (героя или автора), от индивидуального своеобразия, являющегося формой выражения объективных, закономерных связей [1, с. 25]. Публицистика призывает к разуму и чувству гражданина, какое бы профессиональное, служебное, социальное положение он ни занимал. Когда публицист обращается к современной истории, он всегда стремится найти в ней предметную грань, повернутую в сторону общего, гражданского интереса [там же]. Публицистика в силу своего родства с наукой и искусством использует синтетические методы анализа, как, например, научное обобщение и художественная типизация. Поэтому для того чтобы заниматься

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1955. С. 535.

² См.: Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 3. М., 1939. С. 1063.

данным видом творчества, от журналиста требуется высочайшая степень квалификации и уровень знаний.

Среди факторов, активно влияющих на карьерный рост журналиста, одно из первых мест отводится знаниям, которые представляют собой живую, наиболее подвижную, постоянно находящуюся в процессе обновления и реализации часть творческого потенциала личности.

«Знание, — отмечает В. А. Лекторский, — это такое специфическое образование, которому присуще свойство истинности, т. е. соответствия объективно реальному положению дел» [5, с. 57].

Условно можно выделить три основные подгруппы знаний:

- 1) эмпирические, основанные на чувственном и мыслительном опыте;
- 2) теоретические, являющиеся результатом изучения и познания общих тенденций журналистской деятельности;
- 3) профессиональные, приобретаемые по мере постижения «секретов» профессии, осмысления опыта своих коллег и предшественников.

Казалось бы, хроникеру и репортеру вполне достаточно обладать эмпирическими знаниями: успешность их работы определяется умением взаимодействовать с различными источниками информации, общаться с ньюсмейкерами, брать интервью.

В то же время журналист должен также владеть *знаниями* в той области, в которой он работает. Авторы известной книги «Журналистское расследование: История метода и современная практика» подчеркивают: «Журналисту, избравшему для себя стезю криминального репортера, недостаточно быть мобильным и иметь навыки литературной и журналистской деятельности. Пишущему на криминальные темы требуется умение разбираться и ориентироваться не только в текущей криминальной, но и в политической и экономической жизни города и страны; кроме того, он должен владеть основами юридической грамотности и не путать, например, грабёж с разбоем, а кражу с мошенничеством, отличать задержанного от арестованного, а обвиняемого от подсудимого и, наконец, знать, какая именно информация требуется и где ее можно найти за кратчайший отрезок времени» [3, с. 202].

Но этих приобретенных знаний явно будет недостаточно, если журналист захочет перейти на другой квалификационный уровень, допустим, от новостной журналистики к аналитической, где без определенных теоретических знаний не обойтись. С одной стороны, он должен хорошо разбираться в жанровых особенностях аналитической журналистики, с другой — иметь достаточный уровень компетентности в той области, в которой работает. Большое значение здесь будут иметь профессиональные знания и умения. А именно: приемы и способы работы, принятые в той или иной редакции; особенности взаимодействия с аудиторией; методы работы коллег по редакции и мн. др.

Журналист-аналитик, по мнению действующих практиков, должен обладать целым комплексом профессиональных качеств и умений. К наиболее важным из них можно отнести компетентность, эрудированность, владение методологическим инструментарием при сборе и анализе первичной информации, обладание индивидуальным стилем письма.

Специфика публицистического метода познания действительности проявляется в синтезе научных и художественных начал. Этим двуединством объясняется и выработка художественно-публицистических жанровых форм, для которых характерен союз мысли и образа. Все эти качества в совокупности и составляют понятие «профессиональное мастерство» публициста.

Таким образом, карьерное проектирование в журналистике во многом связано с самореализацией личности в профессии. Карьера журналиста зависит не только от уровня профессиональной подготовки человека в какой-либо сфере, но и от

развитости его коммуникативных, интеллектуальных и литературных способностей. Продвижение журналиста по квалификационной лестнице зависит от его жанровой специализации. Наивысшей ступенью профессионального мастерства является публицистика, которая требует от журналиста не только соответствующей подготовки, но и ярко выраженного таланта.

Литература

1. Горохов В. М. Закономерности публицистического творчества. М., 1975.
2. Дзялошинский И. М. Российский журналист в посттоталитарную эпоху. М., 1996.
3. Журналистское расследование: История метода и современная практика / под ред. А. Д. Константинова. СПб. : 2001.
4. Ивин А. А. Логика для журналистов. М. : 2002.
5. Лекторский В. А. Субъект. Объект. Познание. М., 1980.
6. Петровский А. В. Способности // Общая психология / под ред. А. В. Петровского. М., 1986.
7. Свитич Л. Г., Ширяева А. А. Журналистское образование. М., 1997.

References

1. Gorokhov V. M. *Regularities of publicist creativity* [Zakonomernosti publitsisticheskogo tvorchestva]. M. : 1975. (rus)
2. Dzyaloshinsky I. M. *The Russian journalist during a post-totalitarian era* [Rossiiskii zhurnalist v posttotalitarnuyu epokhu]. M. : 1996. (rus)
3. *Journalistic investigation: History of a method and modern practice* [Zhurnalistskoe rassledovanie: Istoriya metoda i sovremennaya praktika]: under the editorship of A. D. Konstatinov. SPb. : 2001. (rus)
4. Ivin A. A. *Logic for journalists* [Logika dlya zhurnalistov]. M. : 2002. (rus)
5. Lectorskiy V. A. *Subject. Object. Knowledge* [Sub"ekt. Ob"ekt. Poznanie]. M. : 1980. (rus)
6. Petrovsky A. V. *Abilities* [Sposobnosti] // General psychology [Obshchaya psikhologiya]: under the editorship of A. V. Petrovsky. M. : 1986. (rus)
7. Svitich L. G., Shiryayeva A. A. *Journalistic education* [Zhurnalistskoe obrazovanie]. M. : 1997. (rus)

Булъ О.А., Киселева Ю.Е., Мещеряков Г.В.

Повышение качества жизни в историческом центре Санкт-Петербурга (на примере Василеостровского района)

Булъ Ольга Александровна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Магистрант (направление «Государственное и муниципальное управление»)

Киселева Юлия Евгеньевна

Глава администрации Василеостровского района Санкт-Петербурга
Действительный государственный советник Санкт-Петербурга 2 класса
tuvu@gov.spb.ru

Мещеряков Георгий Викторович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры государственной политики и государственного управления
Кандидат экономических наук
Действительный государственный советник Санкт-Петербурга 2 класса
mesheryakov-gv@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье представлена характеристика термина «качество жизни» и выделены показатели для ее оценки. Приведены существующие законодательные акты, определяющие повышение качества жизни населения в качестве одного из приоритетов государства. Рассмотрены целевые направления Стратегии-2030 экономического и социального развития Санкт-Петербурга и, в частности, улучшение состояния городской среды как одного из важнейших факторов, определяющих благополучие города. Показана актуальность проблемы на примере Василеостровского района, и определены меры для улучшения качества городской среды, позволяющие в итоге опосредованно добиться повышения качества жизни населения района.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

качество жизни, показатели качества жизни, стратегия развития, городская среда

Bul' O.A., Kiseleva Yu.E., Meshcheryakov G.V.

Improving the Quality of Life in the Historical Center of Saint-Petersburg (in the Case of Vasileostrovsky District)

Bul' Olga Alexandrovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Master's student («State and Municipal Management»)

Kiseleva Yulia Evgenevna

Head of Administration of Vasileostrovsky district of St. Petersburg
Second Class Actual State Councilor of Saint Petersburg
tuvu@gov.spb.ru

Meshcheryakov Georgy Viktorovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of State Policy and Public Administration
PhD in Economics
Second Class Actual State Councilor of Saint Petersburg
mesheryakov-gv@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

The article gives a description of the term «quality of life» and its indicators. The article presents the existing legislation concerning people's quality of life as one of the priorities of the state. The article considers target areas of Strategy-2030 of economic and social development of St. Petersburg, and in particular the improvement of the urban environment as one of the most important factors determining the well-being of the city. Urgency of the problem is shown on example of the Vasileostrovsky district, and the article identify measures to improve the quality of the urban environment, allowing to achieve a result, indirectly improve the quality of life of the district's population.

KEYWORDS

quality of life, life quality indicators, development strategy, urban environment

В современном обществе проблема качества жизни является одной из важнейших и наиболее актуальных. Как следствие, становится востребованным поиск новых возможностей повышения качества жизни, учитывающих особенности развития общества. Что именно подразумевается, когда мы говорим о качестве жизни? До настоящего времени ученые, исследовавшие данный вопрос, не пришли к единому определению понятия «качество жизни» и его показателей. Однако, проанализировав различные точки зрения, можно заключить, что качество жизни является динамичной категорией, и ее содержание изменяется во времени в зависимости от развития общества [2]. Несмотря на множество подходов к изучению понятия «качество жизни», во многих концепциях прослеживаются общие признаки, характеризующие данную категорию.

Прежде всего, понятие «качество жизни» носит субъективно-объективный характер. Субъективная сторона отражает степень удовлетворенности потребностей человека. И так как потребности у каждого человека индивидуальны, то и оценить свою удовлетворенность жизнью, ее условиями, степенью реализации своих различных интересов и потребностей может только сам человек, выражая свою личную субъективную оценку. Объективная сторона качества жизни показывает уровень развития общества и государства в целом. Критериями оценки, в данном случае, служат научные нормативы потребностей и интересов людей. И уже соотношение с этими нормативами позволяет объективно судить о степени удовлетворения этих потребностей и интересов [4]. Другими общими чертами в определениях качества жизни являются многогранность, интегральность понятия «качество жизни» [5]. В нем охватываются все сферы общества, и оно включает в себя ряд других социально-экономических категорий. Понятие качества жизни объединяет в себе как образ жизни, так и уровень жизни.

Таким образом, качество жизни может рассматриваться как комплексная характеристика условий жизнедеятельности населения, которая выражается в объективных показателях и субъективных оценках удовлетворения материальных, социальных и культурных потребностей, связанных с восприятием людьми своего положения в зависимости от культурных особенностей, системы ценностей и социальных стандартов, существующих в обществе [1].

Повышение качества жизни необходимо рассматривать как первейший государственный приоритет. Стремление общества к повышению качества жизни предполагает высокую степень удовлетворения основных потребностей населения. Выделяют прямое и косвенное управленческое воздействие на повышение качества жизни населения. Прямое управленческое воздействие — это воздействие на сами показатели качества жизни (рост реальных доходов, снижение заболеваемости и т. п.). Косвенное управленческое воздействие — это воздействие на условия, обеспечивающие повышение качества жизни. То есть речь идет здесь только о возможности опосредованного улучшения качества жизни, так как создание определенных условий не гарантирует последующего улучшения качества жизни [6].

Повышение качества жизни является одним из стратегических национальных приоритетов, что закреплено в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683: «Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан являются развитие человеческого потенциала, удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей граждан, снижение уровня социального и имущественного неравенства населения прежде всего за счет роста его доходов».

В данном документе угрозами качеству жизни российских граждан названы неблагоприятная динамика развития экономики, отставание в технологическом развитии, введение ограничительных экономических мер против Российской Федерации, нецелевое расходование бюджетных ассигнований, усиление дифференциации населения по уровню доходов, снижение качества потребительских товаров и оказываемых населению услуг.

В то же время декларируется, что повышение качества жизни граждан гарантируется за счет обеспечения продовольственной безопасности, большей доступности комфортного жилья, высококачественных и безопасных товаров и услуг, современного образования и здравоохранения, спортивных сооружений, создания высокоэффективных рабочих мест, а также благоприятных условий для повышения социальной мобильности, качества труда, его достойной оплаты, поддержки социально значимой трудовой занятости, обеспечения доступности объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктур для инвалидов и других маломобильных групп населения, достойного пенсионного обеспечения¹.

В Указах Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. намечены главные направления развития страны на ближайшие годы, в частности, по вопросам долгосрочной государственной экономической и социальной политики, реализации внешнеполитического курса, демографической политики. Общая цель реализации Указов — обеспечить более высокий уровень качества жизни граждан Российской Федерации, прежде всего за счет кардинального повышения эффективности государственного управления и качества работы государственного сектора. Особое внимание уделено развитию образования и здравоохранения, решению проблем ЖКХ, т. е. именно тем секторам, состояние которых больше всего беспокоит наших граждан, которые в наибольшей степени влияют на показатели качества жизни.

Современные исследователи выделяют следующие критерии качества жизни населения: здоровье, качество образования, демографические характеристики, уровень личной безопасности, экономическое развитие территории, степень развития социальной инфраструктуры, культуры, состояние городской среды, включая экологические условия, самореализация, свобода, качество трудовой деятельности и отдыха. В совокупности эти критерии образуют структуру качества жизни. Для оценки качества жизни населения не существует универсальной методики, что объясняется отсутствием единого определения данной категории, а также сложностью учета всех сторон качества жизни. Структура и состав системы показателей должны соответствовать структуре понятия «качество жизни».

Одним из измерителей качества жизни в мире является агрегированный показатель «Индекс развития человеческого потенциала» (ИРЧП), разработанный группой экспертов Программы развития ООН. ИРЧП состоит из трех компонентов: ВНД на душу населения (по паритету покупательной способности в долларах), уровень образования (среднее количество лет, потраченных на обучение), ожидаемая про-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683.

должительность жизни при рождении — она зависит от уровня безопасности в стране и развития здравоохранения [3].

Помимо этого можно выделить и множество отдельных частных показателей: численность постоянного населения, темпы его роста, ВРП на душу населения, среднедушевые денежные доходы населения, доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, уровень безработицы, оборот розничной торговли на душу населения, показатель выбросов в атмосферу, отношение населения к различным социально-экономическим и политическим процессам [1].

Стабильное улучшение качества жизни жителей Санкт-Петербурга определено в качестве генеральной цели Стратегии 2030 экономического и социального развития Санкт-Петербурга. Непосредственно развивают генеральную цель четыре стратегических направления: развитие человеческого капитала, повышение качества городской среды, обеспечение устойчивого экономического роста и обеспечение эффективности управления, развитие гражданского общества. Для оценки деятельности по целевым направлениям в Стратегии предусмотрены следующие численные показатели, принятые за ориентир к 2030 г.: индекс развития человеческого потенциала — 0,930; доля жителей, положительно оценивающих качество среды проживания — не менее 90%; объем ВРП — 14 000 млрд руб., на душу населения — 2385 тыс. руб., ежегодный темп роста ВРП — не менее 7%; доля населения, положительно оценивающего деятельность органов исполнительной власти — не менее 60% от числа опрошенных¹.

Конкретный план действий по повышению качества жизни должен разрабатываться и реализовываться в зависимости от исходного положения общества. Так как в рамках одной статьи вся проблематика не может быть освещена, рассмотрим подробнее только одно из направлений повышения качества жизни — повышение качества городской среды. Состояние городской среды — один из важнейших факторов, определяющих благополучие города, его привлекательность.

Приоритетными для комплексного развития в нашем городе признаны территории исторического центра Санкт-Петербурга, охватывающие центральные районы, поэтому проанализируем текущую ситуацию и основные характеристики Василеостровского района с точки зрения качества городской среды. Общая площадь территории района в настоящий момент составляет 2,15 тыс. га. На западе района реализуется крупный инвестиционный проект по намыву территории. За время реализации проекта уже образовано более 200 га новой территории. После завершения работ общая площадь новой территории составит 445 га. В новом районе будет проживать около 35 тыс. и найдут работу около 60 тыс. человек.

По данным Петростата на территории Василеостровского района проживает свыше 211 тыс. человек (из них пенсионеров — 55 тыс., инвалидов — 28 тыс. человек). Планируется плавный рост численности населения до 225,9 тыс. чел. к 2021 г. Таким образом, плотность населения превышает 10 тыс. человек на 1 км², по этому показателю Василеостровский район — на одном из первых мест в России.

Общая площадь зеленых насаждений составляет 118 га, из которых: 51 га приходится на кладбища; остальная часть зеленых насаждений — это небольшие сады, парки и скверы. Обеспеченность зелеными насаждениями жителей Василеостровского района по разным оценкам составляет от 3,1 до 6,1 м² на каждого жителя. По данному показателю район находится в конце списка городских районов, и среди жителей существует серьезный запрос на увеличение площади парковых зон общего пользования. Таким образом, можно сделать вывод о существующей необходимости в организации общедоступной зеленой зоны отдыха, в том числе и на вновь создаваемых территориях.

¹ О Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 г.: постановление Правительства Санкт-Петербурга № 355 от 13.05.2014.

Одной из задач рассматриваемого нами направления Стратегии-2030 является эффективное управление территориями зеленых насаждений Санкт-Петербурга, сохранение средообразующих, защитных, оздоровительных и иных полезных функций указанных территорий, а также повышение их потенциала¹. Ввиду того, что Василеостровский район как один из центральных и густонаселенных районов является территорией плотной застройки, рассмотрим возможности создания новой зеленой зоны.

В конце 2016 г. планируется открытие центрального участка Западного скоростного диаметра (ЗСД), который свяжет Василеостровский район с Приморским и Адмиралтейским. После завершения строительства ЗСД вдоль Финского залива по перспективному плану образуется участок между продолжением Морской набережной в сторону Шкиперского протока и построенным центральным участком ЗСД. Данный участок площадью 17 га расположен в зоне рекреационного назначения и на данный момент лишь частично используется жителями западной части района. На наш взгляд, целесообразной мерой является строительство на данной территории общедоступной, современной рекреационной среды, создающей буферную зеленую зону между новыми высокоскоростными магистралями и зонами жилой застройки. Парк сможет стать той необходимой зеленой зоной отдыха для жителей района, которая повысит привлекательность района в качестве жилой и туристической зоны. Его создание будет являться и мерой экологического характера.

Обширная территория позволяет предусмотреть в парке сцену и открытое пространство с целью использования площадки для проведения культурно-массовых и спортивных мероприятий районного и городского уровня. В парковой зоне могут разместиться веломаршруты, павильоны общественного питания, сувенирной продукции, прокат спортивного инвентаря, парковка. Проведение массовых мероприятий и парковая зона привлекут не только жителей района, но и всех горожан, а наличие автостоянки должно являться обязательным условием создания зоны.

Василеостровский район как часть исторического центра города аккумулирует в себе многообразные функции — культурную, управленческую, торговую, развлекательную, образовательную, туристскую, что приводит к его значительной транспортной перегруженности. Кроме того, как уже было сказано ранее, Василеостровский район — это район с высокой плотностью населения, в связи с чем весьма актуальной является проблема нехватки парковочных мест. В целях реализации задачи Стратегии-2030 по обеспечению организационно-технических мероприятий по созданию и развитию парковочного пространства Санкт-Петербурга предлагается реконструировать существующие автостоянки, а также создать на месте гаражных построек двухуровневые парковки². Таким образом, можно будет, как минимум, удвоить количество парковочных мест.

Следующими рассматриваемыми нами задачами Стратегии-2030 по повышению качества жизни и качества городской среды являются повышение эффективности управления в области обращения с отходами производства и потребления, а также совершенствование системы санитарной очистки территории Санкт-Петербурга³. Вариантом решения данных проблем является массовая установка новых контейнерных площадок, проекта, находящегося на стадии внедрения в одном из муниципальных образований Василеостровского района — Гавань. Это инновационная система сбора и подземного хранения твердых бытовых отходов (ТБО), разработанная для массового использования в общественных местах.

¹ О Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 г.: постановление Правительства Санкт-Петербурга № 355 от 13.05.2014.

² О Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 г.: постановление Правительства Санкт-Петербурга № 355 от 13.05.2014.

³ Там же.

Отходы собираются и накапливаются в стандартных мусорных контейнерах, установленных на подъемной платформе, опущенной в герметичное подземное пространство. Находящиеся на поверхности урны служат мусороприемниками и отправляют отходы непосредственно в подземный контейнер. Приводя в действие подъемный механизм, управляющая компания поднимает контейнеры на поверхность для их очистки и опорожнения, после чего опускает их обратно под землю. Все элементы системы изготовлены в антивандальном исполнении. На поверхности отсутствуют какие-либо провода и рабочие механизмы системы, видны только урны — мусороприемники. Благодаря применению новой системы сбора и подземного хранения твердых бытовых отходов снаружи всегда будет только чистота, а мусор, неприятный запах, антисанитария перестанут беспокоить горожан.

Реализация предложений, изложенных в настоящей статье, на наш взгляд, позволит повысить качество городской среды, количество жителей, положительно оценивающих качество среды проживания, а значит в целом позволит приблизиться к целевым показателям Стратегии-2030 в области улучшения городской среды.

Литература

1. *Благовестова Т. Е., Налетова Н. Ю.* Качество жизни населения региона: методика оценки // Псковский региональный журнал. 2014. № 20. С. 56–66.
2. *Киселева А. М.* Качество жизни молодежи в крупном городе: социологическое измерение // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 2. С. 145–150.
3. *Лимарева Ю. А., Остапченко Л. А.* Анализ экономических показателей, определяющих уровень и качество жизни // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. 2014. № 35. С. 1–6.
4. *Лубяный И. Д.* Эволюция подходов к анализу категории «качество жизни» // Отраслевая экономика. 2015. № 2 (74) УЭКС [Электронный ресурс]. URL: <http://uecs.ru/marketing/item/3382--l-r>
5. *Махмудова М. М., Королева А. М.* Качество жизни населения: сущность, методики оценки и современное состояние в Уральском федеральном округе // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 24 (353). С. 21–26.
6. *Нестеренко Л. А.* Процессы повышения качества жизни: региональный аспект // Молодой ученый. 2011. № 12. Т. 1. С. 161–166.

References

1. *Blagovestova T.E., Nalyotova N.Yu.* *Quality of life of the population of the region: assessment technique* [Kachestvo zhizni naseleniya regiona: metodika otsenki] // Pskov regionological journal [Pskovskii regionologicheskii zhurnal]. 2014. N 20. P. 56–66. (rus)
2. *Kiseleva A.M.* *Quality of life of youth in the large city: sociological measurement* [Kachestvo zhizni molodezhi v krupnom gorode: sotsiologicheskoe izmerenie] // Messenger of Omsk University. Economics series [Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika»]. 2015. N 2. P. 145–150. (rus)
3. *Limareva Yu.A., Ostapchenko L.A.* *The analysis of the economic indicators determining the level and quality of life* [Analiz ekonomicheskikh pokazatelei, opredelyayushchikh uroven' i kachestvo zhizni] // Economy and modern management: theory and practice [Ekonomika i sovremenniy menedzhment: teoriya i praktika]. 2014. N 35. P. 1–6. (rus)
4. *Lubyaniy I. D.* *Evolution of approaches to the analysis of the category «quality of life»* [Evolyutsiya podkhodov k analizu kategorii «kachestvo zhizni»] // Branch economy [Otraslevaya ekonomika]. 2015. N 2 (74). [Electronic resource]. URL: <http://uecs.ru/marketing/item/3382--l-r> (rus)
5. *Makhmudova M.M., Koroleva A.M.* *Quality of life of the population: essence, techniques of an assessment and a current state in Ural federal district* [Kachestvo zhizni naseleniya: sushchnost', metodiki otsenki i sovremennoe sostoyanie v Ural'skom federal'nom okruge] // Messenger of the Chelyabinsk State University [Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2014. N 24 (353). P. 21–26. (rus)
6. *Nesterenko L.A.* *Processes of improvement of quality of life: regional aspect* [Protssesy povysheniya kachestva zhizni: regional'nyi aspekt] // Young scientist [Molodoi uchenyi]. 2011. N 12. V. 1. P. 161–166. (rus)

Крылов П. А., Чирковская Д. А.

Проблемы формирования и хранения архивов электронных документов в Российской Федерации

Крылов Павел Алексеевич

Заместитель председателя Архивного комитета Санкт-Петербурга
p.krylov@ak.gov.spb.ru

Чирковская Дарья Александровна

Специалист 1-й категории отдела формирования, государственного учета и научно-справочного аппарата Архивного комитета Правительства Санкт-Петербурга
Магистр по направлению «Государственное и муниципальное управление» (СЗИУ РАНХиГС, выпуск 2016 г.)
d.chirkovskaya@ak.gov.spb.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены вопросы формирования и хранения архивов электронных документов на современном этапе развития информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) в Российской Федерации. Автором обозначены проблемы нормативного регулирования и методического обеспечения архивного хранения электронных документов. Практическая значимость обозначенной проблемы сводится к решению вопросов, связанных с уточнением терминологии, обеспечением физической сохранности и целостности электронных документов, а также с проведением экспертизы ценности документов при комплектовании архивов электронными документами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

информация, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), государственное управление, электронный документ, электронный документооборот, архив электронных документов

Krylov P. A., Chirkovskaya D. A.

Interacting of the Organizational Work with Citizen Appeals in Government Bodies of St. Petersburg

Krylov Pavel Alekseevich

Deputy Chairman of the Archive Committee of Saint-Petersburg (Russian Federation)
p.krylov@ak.gov.spb.ru

Chirkovskaia Daria Aleksandrovna

Category I specialist of Department of formation, public accounting and scientific reference system of the Saint-Petersburg Government of the Archive Committee (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Master of educational direction «Public Administration» (North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, graduate at 2016)
d.chirkovskaya@ak.gov.spb.ru

ABSTRACT

The article deals with the issues of forming and storing archives of electronic documents at the present stage of development of information and communication technologies (hereinafter — ICT) in the Russian Federation. The author designated problem of regulatory and methodological support of archival storage of electronic documents. The practical significance of the designated problem reduces to solving the issues related to the clarification of the terminology, ensuring the physical security and integrity of electronic documents, as well as examination of value of documents for acquisition of archives of electronic documents.

KEYWORDS

information, information and communication technologies (ICT), public administration, electronic document (electronic records), electronic document management, archive of electronic document

В информационном обществе электронный документ становится важнейшей формой информационного обмена между гражданами, организациями и органами власти. Для улучшения эффективности государственного управления и взаимодействия гражданского общества и бизнеса с органами власти, а также повышения качества и оперативности предоставления государственных услуг необходимо совершенствовать механизмы внутриведомственного, межведомственного и межрегионального информационного обмена. Интегрирование государственных информационных систем и ресурсов в единую структуру, увеличение объемов и качества публичных услуг, предоставляемых организациям и гражданам в электронном виде, отвечает современным запросам гражданского общества.

Для решения этих задач необходимо совершенствовать нормативно-правовое и организационно-методическое обеспечение указанных процессов, основанное на единых для всех участников информационного обмена принципах и правилах.

В свою очередь это требует доктринального обоснования содержания правовых норм, регулирующих отношения в сфере электронного документооборота, а также разработки практических решений проблем в этой области.

На сегодняшний день в Санкт-Петербурге достигнуты значительные результаты в создании современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, т. е. внедрении ИКТ. Санкт-Петербург, как субъект Российской Федерации, одним из первых приступил к созданию Единой системы электронного делопроизводства и документооборота для органов власти (далее — ЕСЭДД). Работа началась в 1999 г. Было осуществлено внедрение I, II, III и IV очередей ЕСЭДД. В результате на данный момент в ЕСЭДД включены все территориальные и отраслевые исполнительные органы государственной власти Санкт-Петербурга. Система построена с использованием технологий информационных продуктов партнера Microsoft — компании «Кодекс» и на основе глубокой интеграции с продуктами Microsoft Office, что позволило снизить стоимость проекта и в кратчайшие сроки обеспечить внедрение системы в промышленную эксплуатацию. Этот продукт внедрен и используется в 6 Федеральных органах власти РФ, в органах власти 10 субъектов РФ, в 23 органах местного самоуправления и 15 крупных промышленных, научных и др. российских предприятиях и организациях различных регионов РФ¹. На сегодняшний день Санкт-Петербург остается передовым субъектом РФ в развитии и внедрении ИКТ.

Развитие системы электронного документооборота и делопроизводства исполнительных органов государственной власти (далее — ИОГВ) Санкт-Петербурга проходило в соответствии с общими тенденциями: первоначально — в направлении технического и коммуникативного развития, и только в последнее время — в направлении решения вопросов, непосредственно связанных собственно с документооборотом, т.е. движением документов в органах власти с момента их создания или получения до завершения, исполнения или отправки, поступления на государственное (вечное) хранение в архив. Поэтому особенно остро встают проблемы архивного хранения электронных документов.

¹Официальный сайт Управления автоматизированных систем, структурного подразделения ОАО «Центр компьютерных разработок», которое в свою очередь входит в состав Информационно-правового консорциума «Кодекс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.kodeksdoc.ru/index.php?option=com_our_users&Itemid=52 (дата обращения: 25.12.2015).

Условно можно выделить два направления.

Первое — связано с разработкой и совершенствованием существующей нормативной базы для работы с юридически значимыми электронными документами, а также использование юридически значимой электронной подписи (ЭП).

Второе направление — это решение проблем архивного хранения и использования электронных документов.

Именно эти вопросы вызывают горячие споры и, к сожалению, на сегодняшний день они не решены.

Подробное рассмотрение вопросов, связанных с нормативным регулированием и методическим обеспечением архивного хранения электронных документов, уточнением терминологии, обеспечением физической сохранности и целостности электронных документов, а также с проведением экспертизы ценности документов при комплектовании архивов электронными документами, по мнению авторов, является актуальным.

Архив электронных документов представляет собой не просто некий материальный носитель и информационную систему, позволяющую быстро выполнять поиск нужной информации, но и набор технологий и процессов, обеспечивающих весь цикл операций с документами от создания, экспертизы ценности до их использования, через учет, описание, обеспечение сохранности и развитие научно-справочного аппарата. И хотя электронные документы появились несколько десятилетий назад, *технические и организационные вопросы их долговременного хранения до сих пор не решены*. Это связано как с ускоренными темпами развития ИКТ в области информатизации, так и с усложнением самих информационных систем. Кроме этого, возникают проблемы, связанные с информационной безопасностью, защитой самой информации от несанкционированного доступа, а также вопросы авторского права, права владения и интеллектуальной собственности.

Отметим, что под электронными документами в архивном деле понимаются не только электронные формы текстовых документов, но и фото-, фоно-, видеодокументы, выполненные в цифровых форматах, а также научно-техническая документация, созданная при помощи современных систем автоматизированного проектирования.

Таким образом, вопросы нормативного регулирования и методического обеспечения архивного хранения электронных документов являются одними из основных, требующих более детальной проработки и совершенствования. В настоящее время основными документами, хоть как-то регулирующими этот вопрос, являются:

1. Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук, утвержденные приказом Минкультуры РФ от 18.01.2007 № 19 (далее — Правила).
2. Рекомендации по комплектованию, учету и организации хранения электронных архивных документов в государственных и муниципальных архивах (далее — Рекомендации), разработанные Всероссийским научно-исследовательским институтом документоведения и архивного дела (далее — ВНИИДАД) в 2013 г.

Практическое применение Правил и Рекомендаций постоянно требует изменений и дополнений.

Существует еще ряд документов об электронном документообороте в федеральных органах исполнительной власти, а также нормативных правовых актов некоторых субъектов РФ, которые определяют, что такое электронные документы и порядок их использования в оперативном обороте, но не затрагивают вопросов долговременного хранения.

Все эти документы регулируют *оборот электронных текстовых документов*. Вопросы приема и хранения фото-, видео-, аудиодокументов и конструкторской документации практически не урегулированы.

С точки зрения электронного документооборота в ИОГВ, мнение авторов статьи совпадает с позицией Архивного комитета Санкт-Петербурга и Рекомендациями ВНИИДАД в отношении текстовых документов.

В Рекомендациях ВНИИДАД на текущий момент наиболее полно описывает подходы к архивному хранению электронных документов.

Вопросы терминологии электронных документов

Одна из первых проблем, связанных с организацией архивного хранения электронных документов, терминологическая: что, собственно, такое «электронный документ»?

Согласно ст. 434 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30. 11. 1994 № 51-ФЗ (ред. от 31. 01. 2016) «электронным документом, передаваемым по каналам связи, признается информация, подготовленная, отправленная, полученная или хранимая с помощью электронных, магнитных, оптических либо аналогичных средств, включая обмен информацией в электронной форме и электронную почту»¹.

В словаре «Управление документами. Термины и определения», изданном ВНИИДАД в 2013 г., «электронный документ» определен как документ, информация которого представлена в электронной форме [2].

Далее, ГОСТ Р 7.0.8–2013 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» называет «электронный документ» следующим образом: документ, информация которого представлена в цифровой форме; документ на электронном носителе (син.); документ на машинном носителе, машиночитаемый документ (устар. син.)»².

Статья 2 Федерального закона РФ «Об информации, информатизации и защите информации» трактует понятие «электронный документ» как «документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах»³.

То есть электронный документ рассматривается как информация, воспроизводимая с использованием ЭВМ. На самом деле, в «Правилах» электронный документ уже рассматривается как совокупность зафиксированной информации и носителя.

Рекомендации не раскрывают понятие электронного документа, однако предлагают считать единицей хранения электронных документов контейнер электронного документа, который содержит данные, описывающие контекст, содержание, структуру электронного документа, а также процессы управления им на протяжении его жизненного цикла (метаданные) и собственно сам электронный документ. На взгляд авторов, это очень важный аспект рекомендаций, так как он дает возмож-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016). Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

² ГОСТ Р 7.0.8-2013 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. — Утвержден приказом Росстандарта от 17.10.2013 № 1185, введен в действие с 1 марта 2014 г. — М.: Стандартинформ, 2014.

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2015): Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 31.12.2014). Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.

ность разорвать связь информации и носителя и позволит переносить информацию на иные носители, организовать учет только информации.

На примере представленных определений «электронного документа» становится ясно, что требуется ввести единую терминологию.

Вопрос сохранности электронных документов

В вопросе сохранности электронных документов существует необходимость решения следующих задач:

- 1) обеспечение физической сохранности и целостности файлов с электронными документами через обеспечение аутентичности (подлинности) электронных документов;
- 2) обеспечение условий для считывания и воспроизведения информации в долгосрочной перспективе.

Если вопрос физической сохранности технически решается путем создания резервных хранилищ на различных носителях, то решение задачи аутентичности не так однозначно.

При обмене электронными документами по сетям надежным средством является применение электронной цифровой подписи (далее — ЭЦП). Однако задачи обеспечения сохранности электронных документов на долговременные сроки хранения (более 5 лет) в настоящий момент не решены. ЭЦП — реквизит электронного документа хотя и надежный, но крайне недолговечный. Смена программной среды, устаревание со временем алгоритмов криптозащиты сделают процедуру верификации ЭЦП невозможной или бесполезной.

Необходимость переформатирования электронных документов при долговременном хранении приводит к тому, что, по существу, появляется другой документ с измененными реквизитами и контрольными характеристиками: датой последнего сохранения, объемом, контрольной суммой, ЭЦП и т. п. Получается, что подлинник электронного документа будет невозможно прочитать и использовать, а его аутентичная копия не будет иметь юридической силы.

Отмеченная проблема — обеспечение аутентичности электронных документов в долгосрочной перспективе — на сегодняшний день, пожалуй, самая острая и сложная. Четких рекомендаций, как ее решить, пока нет. Можно «пореккомендовать» лишь одно: в условиях серьезной ответственности сторон не стоит на этапе делопроизводства создавать, а затем хранить исключительно в электронном виде документы, предполагающие длительный срок хранения. Желательно одновременно создавать и хранить этот официальный документ также на бумажном носителе.

В таких условиях можно предложить способ удостоверения подлинности электронных документов при передаче их на внешних носителях при помощи документа на бумажной основе:

ГОСТ 6.10.4–84. Придание юридической силы документам на машинном носителе и машинограмме, создаваемым средствами вычислительной техники. Основные положения. М., 1985.

ГОСТ РД 50-524-84. Методические указания. Порядок хранения документов на машинных носителях. М., 1985.

ГОСТ 28388-89. Системы обработки информации. Документы на магнитных носителях данных. Порядок выполнения и обращения. М., 1989.

Подобный документ (удостоверяющий лист, сопроводительное письмо, акт приема-передачи документов или т. п.) должен включать идентификационные характеристики файлов и электронного носителя и быть заверенным подписями должностных лиц и печатью организации.

Задача обеспечения считывания и воспроизведения информации также не такая простая, как может показаться. С одной стороны на государственное хранение может быть передан информационный продукт организации — источника комплектования государственных архивов со всем ее содержимым. Правила дают на это прямое указание: «Электронные документы принимаются на хранение в сопровождении программных средств, позволяющих их воспроизвести, и с необходимым комплектом сопроводительной документации». В этом случае решается вопрос считывания и воспроизведения. Но при долгосрочном хранении в будущем из-за технического прогресса в области информатизации и многообразия программного обеспечения это условие сложно выполнимо.

Поэтому, по мнению авторов, хранение электронных контейнеров наиболее перспективно, но необходимо стандартизовать форматы хранения документов (для текстовых документов ВНИИДАД предлагает использовать PDF) и набор метаданных, выгружаемых из информационной системы организации при передаче документа на хранение¹. В Рекомендациях метаданные — это реквизиты электронной регистрационной карточки документа. Это слишком широкое описание. Поэтому авторы предлагают для стандартизации форматов хранения документов и набора метаданных, выгружаемых из информационной системы организации при передаче документа на хранение, принять за основу перечень обязательных сведений о документах, используемых в целях учета, поиска документов в системах электронного документооборота федеральных органов исполнительной власти, утвержденный постановлением Правительства РФ от 15. 06. 2009 № 477 «Об утверждении Правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти», дополнив его полем «Заголовок к тексту», используемый в инструкциях по делопроизводству. Заголовок к тексту включает в себя краткое содержание документа. Данное поле должно быть обязательным в информационных системах организаций и обязанность его заполнения необходимо возложить на исполнителя документа. Наличие заголовка упростит процедуру описания документа при сдаче на хранение, а также процедуру формирования научно-справочного аппарата. По мнению авторов, для унификации и возможной интеграции различных информационных систем необходим национальный стандарт описания документов.

Вопрос комплектования архива электронными документами

Определенные нормативные требования по экспертизе ценности электронных документов и комплектованию ими архивов в РФ существуют уже несколько лет.

В Основных правилах работы архивов организаций (2002, п. 9.4) устанавливается срок временного хранения «документов на машинных носителях в течение 5 лет»².

Перечень типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков хранения (Приказ Минкультуры России от 25. 08. 2010 № 558) устанавливает одинаковые сроки хранения на бумажных и электронных носителях.

В «Основных правилах работы архивов организаций» (2002) значительное место отведено отбору электронных документов на архивное хранение и их передаче в архив организации (п. 2.1.4, 2.3.5).

¹ Рекомендации по комплектованию, учету и организации хранения электронных архивных документов в государственных и муниципальных архивах. М. : ВНИИДАД, 2013.

² Основные Правила работы архивов организаций (одобренны решением Коллегии Росархива от 06.02.2002).

Указанной *нормативно-правовой базы недостаточно для проведения качественной экспертизы ценности электронных документов* в организациях. Отсутствует механизм выявления ценной электронной документации на этапе делопроизводства и другого их оперативного использования. Поэтому немногие организации вносят электронные документы в свои номенклатуры.

Таким образом, главные проблемы экспертизы ценности электронных документов состоят в том, чтобы выявить эти документы в организациях (и их подразделениях), определить, какие из них подлежат временному и постоянному хранению, и заинтересовать их держателей (или владельцев) в передаче документов в архив. Практическое решение этой проблемы для государственных архивов осложнено отсутствием на федеральном уровне каких-либо нормативов, обязывающих включение электронных документов в номенклатуру дел организаций.

Анализируя вышеизложенное, авторы считают, что:

- Санкт-Петербург, как субъект Российской Федерации, находится на передовых позициях в развитии и внедрении ИКТ и электронного документооборота в ИОГВ.
- Вопросы нормативного регулирования и методического обеспечения архивного хранения электронных документов являются одними из основных, требующих более детальной проработки и совершенствования.
- Проблема обеспечения аутентичности электронных документов в долговременной перспективе на сегодняшний день — самая острая и сложная и четких рекомендаций по решению не имеет.
- Технические и организационные вопросы долговременного хранения электронных документов на данный момент не решены.
- Существующей нормативно-правовой базы недостаточно для проведения качественной экспертизы ценности электронных документов.

Существует еще один очень важный вопрос: кто будет обеспечивать сохранность электронных документов в долгосрочной перспективе? Скорее всего, в скором будущем мы встанем перед необходимостью создания для электронных документов специализированных архивов, в которых в вопросах хранения на первое место выйдут IT-специалисты. Ясно, что потребуются кадры, обладающие навыками двух специальностей: IT-специалистов и архивистов.

Литература

1. *Талапина Э.В.* Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект). М. : ИД «Юриспруденция», 2015. 192 с.
2. *Управление документами. Термины и определения : словарь / [М.В. Ларин и др.].* Федер. арх. агентство, Федер. бюджетное учреждение «Всерос. науч.-исслед. ин-т документоведения и арх. дела». М. : ВНИИДАД, 2013. 116 с.

References

1. *Talapina E.V.* State management in the information society (legal aspect) [Gosudarstvennoe upravlenie v informatsionnom obshchestve (pravovoi aspekt)]. M. : Publishing House "Jurisprudence" [ID «Yurisprudentsiya»], 2015. 192 p. (rus)
2. Document Management. Terms and definitions: dictionary [Upravlenie dokumentami. Terminy i opredeleniya : slovar'] / [M. Larin et al.]. Feder. Arch. agency, Feder. budgetary institution «All-Russian Scientific Research Institute of Documentation and Archival Matter» [Feder. arkh. agentstvo, Feder. byudzhethnoe uchrezhdenie "Vseros. nauch.-issled. in-t dokumentovedeniya i arkh. dela"]. M. : VNIIDAD, 2013. 116 p. (rus)

Петербургская модель этико-правового образования детей и молодежи: некоторые подходы к процессу формирования правовой культуры личности

Демидов Алексей Александрович

Центр экономики непрерывного образования Института прикладных экономических исследований РАНХиГС (Москва)
Научный сотрудник
Межрегиональная общественная организация в поддержку построения информационного общества «Информация для всех» (Москва)
Председатель Правления
aademidov@yandex.ru

Третьяков Андрей Леонидович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Центр информационно-поддержки научных исследований Информационно-библиотечного управления
Ведущий специалист
Санкт-Петербургский государственный институт культуры, библиотечно-информационный факультет
Магистрант
andltretyakov@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрена одна из актуальных проблем современного общества — этико-правовое и гражданско-патриотическое образование и воспитание детей и молодежи. Выявлены нормативные и правовые документы за последние годы, посвященные данной проблеме. На примере петербургской модели этико-правового образования детей и молодежи описан процесс формирования правовой культуры подрастающего поколения. Описаны мероприятия, в ходе которых транслируется петербургская модель. Описаны некоторые пути развития этико-правового образования и воспитания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

петербургская модель этико-правового образования детей и молодежи, правовая культура, этико-правовая вертикаль, информационное общество, гражданское общество

Demidov A. A., Tretyakov A. L.

Saint-Petersburg Model of Ethic and Legal Education of Children and Youth: Some Approaches to Process of Formation of Legal Culture of the Personality

Demidov Alexey Aleksandrovich

Center of Economy of Continuing Education of the Institute of Applied Economic Researches of the RANEPA (Moscow, Russian Federation)
Research Associate
Interregional public organization in support of creation of information society «Information for All» (Moscow, Russian Federation)
Chairman of the Board
aademidov@yandex.ru

Tretyakov Andrey Leonidovich

North-West Institute of Management— branch the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Center of information support of scientific researches of Information and Library Department
Leading expert
Saint-Petersburg State Institute of Culture, Graduate Student
andltretyakov@gmail.com

ABSTRACT

In this article the authors considered one of the most urgent problems of modern society — the ethical-legal and civil-patriotic education and upbringing of children and youth. Identified regulatory and legal documents in recent years devoted to this issue. For example, the St. Petersburg model of ethical and legal education of children and young people described the formation of the legal culture of the younger generation. The measures, in which the model is, translated Petersburg. We describe some of the ways of development of ethical and legal education.

KEYWORDS

Petersburg model of ethical and legal education of children and youth, legal culture, ethical and legal hierarchy, the information society, civil society.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики до 2025 года» определена стратегия страны в области формирования национальной молодежной политики, приоритетами которой обозначены задачи по формированию информационного поля, благоприятного для развития молодежи, интенсификации механизмов обратной связи между государственными структурами, общественными объединениями и молодежью, а также повышению эффективности использования информационной инфраструктуры в интересах патриотического, гражданского и правового воспитания молодежи¹.

Выступая на заседании Государственного совета по культуре, президент страны также обозначил проблему: «Сегодня многие деятели культуры обеспокоены снижением в современной системе образования... гуманитарной составляющей. Школа, дошкольные учреждения, университеты не просто передают набор знаний и компетенций — они должны воспитывать личность, учить критически самостоятельно мыслить, четко проводить грань между добром и злом. Убежден, важнейшая задача образования — формировать внутреннюю культуру и вкус человека, его ценностные ориентиры и мировоззрение»².

Указанные послы пересекаются с концептуальными подходами о необходимости внедрения средств неформального и неформального образования, изложенными в Государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг.³, а также с содействием деятельности по производству и распространению социальной рекламы в рамках законодательства о благотворительности, как и с положением Концепции 2020 в части создания публичных центров доступа к правовой и иной социально значимой информации на базе библиотек⁴ (публичных центров правовой информации или ПЦПИ), а также развития медиаобразования и дистанционного образования.

В редакции Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации модель ПЦПИ названа центрами общественного доступа (ЦОД), что вводит

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf>, свободный (дата обращения: 12.01.2016).

² Заседание Совета по культуре и искусству от 25 сентября 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/16530> (дата обращения: 12.01.2016).

³ Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--80abucjiihbv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/3409>, свободный (дата обращения: 12.01.2016).

⁴ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html>, свободный (дата обращения: 12.01.2016).

реализаторов документов в заблуждение, так как более часто и привычно для специалистов сферы ИКТ аббревиатура ЦОД имеет расшифровку центр обработки данных. В то же время наименование одной сущности двумя понятиями — ПЦПИ и ЦОД неминуемо вызовет проблемы в статистической и иной сферах.

В целях реализации указанных политических заявлений и нормативных и правовых актов становится актуальным создание инфраструктурных элементов — центров, берущих на себя хотя бы часть или отдельные направления информационного сопровождения деятельности всех участников образовательного, воспитательного, информационно-коммуникативного и культурного процесса — детей и молодежи, родителей, учителей и школьных библиотекарей, представителей сферы культуры и коммуникации, IT-сферы, актива и волонтеров профильных молодежных, образовательных и иных социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО).

Подобным центром может выступать Центр гражданской, этико-правовой и иной социально значимой информации памяти профессора Н. И. Элиасберг. Одним из больших изданий, выпущенных Центром — это персональный биобиблиографический указатель выдающегося советского российского педагога Наталии Ильиничны Элиасберг (1933–2014), который отражает результаты ее научной и педагогической деятельности, опубликованные в период с 1967 по 2013 гг. Указатель содержит библиографические описания около 300 документов на русском языке. Он будет полезен теоретикам и практикам школьного образования в части развития гражданско-правовой, этической компоненты школьника, а также лицам, научный интерес которых представляет история, методика педагогики, социокультурное проектирование [11].

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что социальное партнерство и сотрудничество Центра в рамках Программы с другими организациями в условиях коммерциализации и обеспечения устойчивости идей на сегодняшний день — это выход из различных ситуаций с наименьшими потерями. Предполагается, что предлагаемый социальный проект локализуется на первом этапе в формате социального предприятия, а в последующем оформится в виде культурно-образовательного социального кластера с развитой сетевой структурой социального проектирования и предпринимательства и привлечением потенциала иных партнерских организаций, в том числе в формате государственно-частного партнерства [9; 10].

Наряду с этим стоит отметить, что в основу механизма реализации правовой культуры ложится Петербургская модель этико-правового (гражданско-правового) образования, отличительными чертами которой являются:

- целостность и системность этико-правового образования, которое охватывает все этапы школьного образования с 1-го по 11-й класс, обеспечивает преемственность между этапами и органическую связь между учебным процессом и внеурочной деятельностью школьников;
- ярко выраженная воспитательная направленность — нацеленность на формирование у учащихся нравственной, правовой и политической культуры личности, патриотизма и гражданственности;
- вычленение вопросов этики и права в содержании гражданского образования в качестве системообразующих, интегрирующих компоненты из других отраслей знаний (коммуникативистика, культура, политика, экономика и финансы);
- создание в учебном процессе «этико-правовой вертикали» в виде специальных учебных курсов с 1-го по 11-й класс, с развертываемыми параллельно векторами в дошкольном воспитании и дополнительном образовании взрослых вплоть до старшего возраста;
- уникальные психолого-педагогические технологии, обеспечивающие в процессе преподавания единство словесных и деятельностных методов, единство логики

и чувств, способствующих развитию в коллективах обучаемых коммуникативной культуры, толерантности, самоорганизации и творчества;

- открытость данной системы гражданского образования окружающей социальной среде и ее профилактическая направленность, а также возможность использования в целях ресоциализации детей и молодежи, попавших в трудную жизненную ситуацию, в том числе, вступивших в конфликт с законом;
- в рамках общей системы образования в этико-правовом образовании школьников выделено четыре этапа по годам обучения: 1-й этап — начальная школа; 2-й этап — основная школа с 5-го до 7-го класса; 3-й этап — 8-й–9-й классы; 4-й этап — полная средняя школа — 10-й–11-й классы [14].

При реализации модели также предполагается адаптировать разработку модели с учетом специфики, например, кадетского и казачьего образования, образования детей и молодежи, попавших в трудную жизненную ситуацию, в том числе, вступивших в конфликт с законом, а также с ограниченными возможностями по здоровью.

Необходимо отметить и другое обстоятельство: на каждой из указанных ступеней ядро коллектива педагогов составляют те, кто постоянно работает со школьниками этой возрастной группы. Поэтому создание системы правового просвещения требует учета особенностей не только учащихся соответствующих классов, но и разных групп учителей, постоянно работающих лишь на одной из ступеней школьного образования и обладающих в связи с этим ранее сложившимся педагогическим почерком, а также иных участников образовательного процесса.

Этико-правовую вертикаль составляют обществоведческие учебные курсы этико-правового содержания:

- 1-й этап — этико-правовой курс «Я и мой мир» — 1 ч в неделю в 1-х–4-х классах;
- 2-й этап — этико-правовой курс «Обществознание. Социальная практика» — 1 ч в неделю в 5, 6, 7-ых классах;
- 3-й этап — курс обществознания «Права человека в свободной стране» — по 1 ч в неделю в 8-х и 9-х классах;
- 4-й этап — курс обществознания и отдельный курс «Право» — 2 ч в неделю в 10-х–11-х классах [12; 13].

Отличительной чертой этико-правовой вертикали являются единство и преемственность в отборе содержания и методов преподавания, широкое применение интерактивных, медиаобразовательных и дистанционных технологий.

Права и свободы человека и гражданина, порядок их реализации и защиты как важная составная часть комплекса правовых гуманистических идей определили отбор содержания правового просвещения обучаемых, его идейное наполнение. При этом вычленение проблемы прав и свобод человека и гражданина, порядка их реализации и защиты в качестве системообразующего стержня правовых знаний, умений и навыков определило четкую практическую направленность предлагаемой системы правового образования, тесную связь изучения права с жизнью, с личным жизненным опытом школьников [1; 2; 3].

Естественно, что воспитание гражданина и формирование гражданской и правовой компетенции включает комплекс организационных форм (рис. 1).

Именно создание этико-правовой вертикали заложило основы построенной системы гражданского и правового просвещения.

Показатели эффективности реализации Петербургской модели гражданского и правового просвещения:

- В первую очередь, это позитивные личностные изменения, происходящие у педагогов и учащихся, всех участников образовательного процесса — в том числе и в первую очередь — членов семьи. Это толерантность, готовность к диалогу, чувство собственного достоинства, самоуважение и уважение к другим людям.

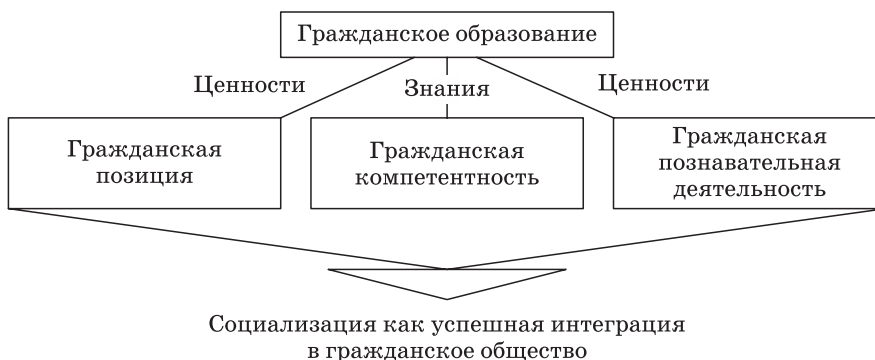

Рис 1. Модель гражданского образования, разработанная профессором Н. И. Элиасберг

- Многолетние наблюдения позволяют сделать вывод, что целенаправленная системная работа по гражданскому образованию в соответствии с Петербургской моделью способствует решению задачи профилактики правонарушений несовершеннолетних и воспитанию гражданских свойств личности.
- Сегодня в школах, где уже сложилась система гражданского образования, включающая не только уроки, но и внеклассную и внешкольную работу, функционирует ученическое самоуправление, учащиеся принимают активное участие в олимпиадах по общественным дисциплинам и в проектах гражданской направленности (например, в рамках российской акции «Я — гражданин России», конкурса социальной рекламы «Новое поколение», конкурса социальных проектов «Ты нужен людям!», Международного конкурса научно-творческих работ «Правовая культура — основа гармоничного развития личности и общества»).
- Анализ отсроченных результатов показал, что выпускники школ, где реализовывалась Петербургская модель, характеризуются социально-гражданской компетентностью, интересом к общественным наукам, хорошо ориентируются в жизни общества, осознанно выбирают в качестве будущих профессий политологию, психологию, юриспруденцию, социологию, активно участвуют в жизни высших учебных заведений и в избирательных кампаниях.

Петербургская модель этико-правового образования и воспитания гражданина России прошла апробацию в Санкт-Петербурге в 2012 г. в школе № 2 Василеостровского района, на базе которой прошло открытие центра доступа к правовой, деловой, экологической, духовно-нравственной и иной социально значимой информации и школьного центра медиаобразования. Основными тематическими направлениями работы Центра являются — этико-правовое воспитание и образование, гражданское и патриотическое воспитание детей и молодежи, краеведение, расширение информационной грамотности среди всех участников образовательного процесса, внедрение элементов медиаобразования в учебный процесс и воспитательную работу, воспитание толерантности [4; 5; 6].

Петербургская модель этико-правового и гражданского образования детей и молодежи рассматривается сегодня МОО «Информация для всех» и ее партнерами как логическое развитие Программы создания общероссийской сети центров публичного доступа к правовой и иной социально значимой информации (Программа ПЦПИ) в части формирования правовой и информационной культуры, гражданственности российской молодежи и стала основным направлением реализации соглашения о сотрудничестве между Гуманитарным педагогическим Центром «Гражданин XXI века» и МОО «Информация для всех».

Начавшееся в рамках реализации Указа Президента Российской Федерации от 6 июля 1995 г. № 673 «О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации»¹ в части развития системы правового воспитания, в том числе укрепления системы юридического образования и юридической науки, продолженное в 1998 г. на организованной Российским фондом правовых реформ на базе юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета международной конференции «Участие библиотек в правовом воспитании населения и юридическом образовании», это сотрудничество прошло через открытие в 2002 г. первого в России специализированного детского ПЦПИ на базе главной детской библиотеки Санкт-Петербурга, затем на базе Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, а в 2006 г. — центра на базе Нахимовского училища, что актуально с точки зрения развития и поддержки кадетского движения и школ.

Сегодня многие субъекты Российской Федерации начинают координировать работу центров доступа к правовой информации, функционирующих на базе публичных библиотек — детских, юношеских и универсальных, а также в 22 учреждениях образования — школах, колледжах и вузах. Однако попытка системного решения задачи подготовки будущих граждан с активной жизненной позицией, сформированной правовой и информационной культурой к жизни в условиях информационного общества и общества знаний, предпринимается впервые. Задачи программ «Этико-правовое образование детей и молодежи в обществе знаний» и ПЦПИ во многом совпадают с задачами местных, региональных, национальных, зарубежных и международных программ и проектов в области информационно-правовой грамотности и культуры, правосознания россиян, безопасности детей в киберпространстве, сохранения и развития духовно-нравственных свойств личности, в первую очередь — молодых. В то же время указанные программы, безусловно, являются самостоятельным направлением деятельности, в результате реализации которых создается универсальная модель этико-правового и гражданского образования детей и молодежи, как для всей России, так и для каждого муниципального образования, и учреждения образования — от дошкольного до послевузовского и дополнительного. Программа развития публичных центров правовой и иной социально значимой информации нашла свое логическое продолжение в принятой в ноябре 2008 года так называемой «Концепции 2020». Фактически Программа ПЦПИ в России так же, как и в Республике Беларусь, является одним из универсальных механизмов реализации второго направления развития общества знаний — всеобщего доступа к информации, являющейся общественным достоянием [7; 8].

Таким образом, на сегодняшний день представляется актуальным и перспективным развитие темы правовой культуры, новый вектор которой заложен описанными выше мероприятиями и конференциями.

На наш взгляд, Петербургская модель гражданского и этико-правового образования и воспитания детей и молодежи может стать базовым элементом для формирования и развития правовой культуры в условиях информационного общества, достаточно эффективным контентным основанием для реализации как минимум большей части пунктов ст. 18 Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р была утверждена Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на пери-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 06.07.1995 г. № 673 «О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/8041> (дата обращения: 11.01.2016).

од до 2025 г.¹ Приоритетной задачей страны в сфере воспитания детей Стратегия называет развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины. Правовые механизмы реализации Стратегии включают среди прочих развитие инструментов медиации для разрешения потенциальных конфликтов в детской среде и в рамках образовательного процесса, а также при осуществлении деятельности других организаций, работающих с детьми.

Все указанные выше нормативные и правовые документы и политические заявления предполагают создание эффективных механизмов для их реализации.

Предполагается, что внедрение потенциала Петербургской модели этико-правового образования и воспитания, организованной в том числе в формате электронной библиотеки с использованием сетевых возможностей Программы ПЦПИ, Программы «Гимназический союз России» и других возможностей партнерских организаций, позволит решить рассматриваемые задачи на качественно и количественно новом уровне.

Литература

1. *Васильев Ф. П.* Современное правовое воспитание как необходимый фактор в образовательной политике России // *Административное право и процесс.* 2013. № 4. С. 45–49.
2. *Демидов А. А.* VIII Всероссийская конференция «Петербургская модель этико-правового образования детей и молодежи — воспитание гражданина России»: результаты и перспективы // *Публичная политика-2014.* СПб., 2015. С. 10–19.
3. *Демидов А. А.* Система доступа граждан России к правовой информации: итоги и перспективы // *Библиотека.* 2004. № 7. С. 6–10.
4. *Демидов А. А.* Создание систем открытого доступа населения к правовой информации: опыт России и Беларуси // *Проблемы правовой информатизации.* Минск, 2003. С. 1–11, 25–31.
5. *Демидов А. А.* Учитель. Ученый. Человек // *Школьная библиотека* : 2014. № 8. С. 55–59.
6. *Демидов А. А.* Формирование правовой и информационной культуры личности — важный фактор построения гражданского общества // *Инновационные образовательные технологии.* 2006. № 3 (7). С. 40–47.
7. *Демидов А. А.* Формирование межведомственной и межсекторной модели развития гражданского, патриотического и этико-правового образования и воспитания молодежи в формате социального проекта «Центр гражданской, этико-правовой и иной социально значимой информации памяти профессора Н. И. Элиасберг» // *Матер. IX междунар. форума От науки к бизнесу «Трансфер технологий — новое измерение».* СПб., 2015. С. 136–139.
8. *Новое поколение: учимся вместе:* сб. науч.-метод. матер. / под ред. О. В. Рубцовой. Копейск : Копейский рабочий, 2009.
9. *Старовойтова О. Р.* Информационные возможности центров этико-правовой и иной социально значимой информации, организованных на базе информационно-методических центров районов // *Педагогические исследования — вклад в инновационное развитие России.* СПб., 2015. С. 268–272.
10. *Старовойтова О. Р.* Информационное и методическое обеспечение образовательного процесса на базе Центра гражданской, правовой и иной социально значимой информации памяти профессора Н. И. Элиасберг // *Непрерывное педагогическое образование в современном мире: от исследовательского поиска к продуктивным решениям: образовательный процесс в вузе в условиях внедрения образовательных и профессиональных стандартов.* СПб., 2015. С. 270–276.
11. *Старовойтова О. Р.* Человек. Учитель. Ученый: биобиблиогр. указ. публикаций профессора Н. И. Элиасберг (1933–2014) / сост.: А. Н. Король, О. Р. Старовойтова, А. Л. Третьяков; науч. ред. О. Р. Старовойтова. СПб., 2015. (Ученые-педагоги).

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHIBitwN4gB.pdf> (дата обращения: 12.01.2016).

12. Третьяков А. Л. Правовое просвещение на базе районного центра информации // Академия профессионального образования. 2015. № 10. С. 48–54.
13. Третьяков А. Л. Создание биобиблиографического указателя работ профессора Н. И. Элиасберг // Публичная политика — 2014. СПб., 2015. С. 35–39.
14. Элиасберг Н. И. Петербургская модель гражданского-правового образования в вопросах и ответах. СПб. : Изд-во СПбАППО, 2009.

References

1. Vasilyev F. P. *Modern legal education as an essential factor in the educational policy of Russia* [Sovremennoe pravovoe vospitanie kak neobkhodimyy faktor v obrazovatel'noi politike Rossii] // Administrative law and process [Administrativnoe pravo i protsess]. 2013. N 4. P. 45–49. (rus)
2. Demidov A. A. VIII All-Russian Conference «St. Petersburg model of ethical and legal education of children and youth — education of the citizen of Russia»: Results and Prospects [VIII Vserossiiskaya konferentsiya «Peterburgskaya model' etiko-pravovogo obrazovaniya detei i molodezhi — vospitanie grazhdanina Rossii»: rezul'taty i perspektivy] // Public Policy-2014 [Pulichnaya politika-2014]. SPb. : 2015. P. 10–19. (rus)
3. Demidov A. A. *Russian citizens access to legal information system: Results and Prospects* [Sistema dostupa grazhdan Rossii k pravovoi informatsii: itogi i perspektivy] // Library [Biblioteka]. 2004. N 7. P. 6–10. (rus)
4. Demidov A. A. *Creating public access systems of the population to the legal information: the experience of Russia and Belarus* [Sozdanie sistem otkrytogo dostupa naseleniya k pravovoi informatsii: opyt Rossii i Belarusi] // Problems of legal informatization [Problemy pravovoi informatizatsii]. Minsk : 2003. P. 1–11, 25–31. (rus)
5. Demidov A. A. *Teacher. Scientist. Man* [Uchitel'. Uchenyi. Chelovek] // School Library [Shkol'naya biblioteka]. 2014. N 8. P. 55–59. (rus)
6. Demidov A. A. *Formation of legal and personal information culture — an important factor in building a civil society* [Formirovanie pravovoi i informatsionnoi kul'tury lichnosti — vazhnyi faktor postroeniya grazhdanskogo obshchestva] // Innovative educational technology [Innovatsionnye obrazovatel'nye tekhnologii]. 2006. N 3(7). P. 40–47. (rus)
7. Demidov A. A. *Formation of inter-departmental and cross-sectoral model of civic, patriotic, ethical, and legal education and training of young people in the form of a social project «Center for civic, ethical, legal and other socially significant information memory of Professor N. I. Eliasberg»* [Formirovanie mezhdvomedstvennoi i mezhspektornoj modeli razvitiya grazhdanskogo, patrioticheskogo i etiko-pravovogo obrazovaniya i vospitaniya molodezhi v formate sotsial'nogo proekta «Tsentr grazhdanskoi, etiko-pravovoi i inoi sotsial'no znachimoi informatsii pamyati professora N. I. Eliasberg»] // Mater. IX Intern. Forum from Science to Business «Transfer technology — a new dimension» [Mater. IX mezhdunar. foruma Ot nauki k biznesu «Transfer tekhnologii — novoe izmerenie»]. SPb. : 2015. P. 136–139. (rus)
8. *New Generation: Learning Together* [Novoe pokolenie: uchimsya vmeste]: Sat. scientific method. mater. / Ed. O. V. Rubtsova. Kopeysk : Kopeisk worker [Kopeiskii rabochii], 2009. (rus)
9. Starovoitova O. R. *Information opportunities centers ethical-legal and other socially important information, organized on the basis of information and resource centers areas* [Informatsionnye vozmozhnosti tsentrov etiko-pravovoi i inoi sotsial'no znachimoi informatsii, organizovannykh na baze informatsionno-metodicheskikh tsentrov raionov] // Pedagogical studies — contribution to the innovative development of Russia [Pedagogicheskie issledovaniya — vklad v innovatsionnoe razvitie Rossii]. SPb. : 2015. P. 268–272. (rus)
10. Starovoitova O. R. *Information and methodical support of the educational process on the basis of the Centre of civil, legal and other socially significant information memory of Professor N. I. Eliasberg* [Informatsionnoe i metodicheskoe obespechenie obrazovatel'nogo protsessa na baze Tsentra grazhdanskoi, pravovoi i inoi sotsial'no-znachimoi informatsii pamyati professora N. I. Eliasberg] // Continuous pedagogical education the modern world: from research to find productive solutions: the educational process in high school in the conditions of the implementation of educational and professional standards [Neprieryvnoe pedagogicheskoe obrazovanie v sovremennom mire: ot issledovatel'skogo poiska k produktivnym resheniyam: obrazovatel'nyi protsess v vuze v usloviyakh vnedreniya obrazovatel'nykh i professional'nykh standartov]. SPb. : 2015. P. 270–276. (rus)
11. Starovoitova O. R. *Man. Teacher. Scientist: biobibliogr. decree. publications of Professor N. I. Eliasberg (1933–2014)* [Chelovek. Uchitel'. Uchenyi: biobibliogr. ukaz. publikatsii professora N. I. Eliasberg

- (1933–2014)] / Ed.: A. N. Korol, O. R. Starovoitova, A. L. Tretyakov; scientific Ed.: O. R. Starovoitova. SPb. : 2015. (Scientists-teachers). (rus)
12. Tretyakov A. L. *Legal education on the basis of the regional center of information* [Pravovoe prosveshchenie na baze raionnogo tsentra informatsii] // Vocational Education Academy [Akademiya professional'nogo obrazovaniya]. 2015. N 10. P. 48–54. (rus)
 13. Tretyakov A. L. *Creating a bibliography of the works of Professor N. I. Eliasberg* [Sozdanie bibliograficheskogo ukazatelya rabot professora N. I. Eliasberg] // Public Policy-2014 [Publichnaya politika-2014]. SPb. : 2015. P. 35–39. (rus)
 14. Eliasberg N. I. *Petersburg model of civil-law education in questions and answers* [Peterburgskaya model' grazhdansko-pravovogo obrazovaniya v voprosakh i otvetakh]. SPb. : Izd-vo SPbAPPO, 2009. (rus)

Дюметц Ж.

Университеты как самообучающиеся организации в кросс-культурном контексте

Дюметц Жером

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Москва)
Кафедра предпринимательства и логистики
Старший преподаватель
jerome.dumetz@clamart.net

РЕФЕРАТ

Цель статьи: установить связь между концепциями самообучающихся организаций, культуры организации и вузами в кросс-культурном контексте.

Методы: изучив работы, посвященные самообучающимся организациям, автор выявляет сущность понятия «культура организации», а также анализирует проблемы, связанные с кросс-культурным подходом к таким организациям.

Результаты: в ходе работы выявлено, что для самообучающихся организаций характерно успешное внедрение изменений. Поскольку любой вуз обладает уникальной спецификой, возникает необходимость проведения кросс-культурного анализа в каждом конкретном случае.

Выводы/рекомендации: вопрос о том, являются ли университеты самообучающимися организациями, остается открытым. Тем не менее очевидно, что вузам, ставящим целью превратиться в полноценные самообучающиеся организации, необходимо при трансформации учитывать культурный фактор.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

самообучающиеся организации, культура организации, кросс-культурный менеджмент, культурные измерения

Dumetz J.

Universities as Learning Organizations in a Cross-cultural Perspective

Dumetz Jerome

Russian Economic University named by G.V. Plekhanov (Moscow)
Chair of Entrepreneurship and Logistics Assistant Professor
jerome.dumetz@clamart.net

ABSTRACT

Objective: The paper attempts to link the concepts of Learning Organizations and Organizations culture with Universities within a cross-cultural perspective.

Methods: After a review of literature of Learning Organizations, the author provides insight of Organizational culture definitions and attempts to analyses the challenges of cross-cultural studies for those organizations.

Results: The review showed that learning organizations have been successful in implanting change. Because each University has a unique profile an ad-hoc cross-cultural analysis is needed.

Conclusions/Recommendations: The debate whether Universities are learning organizations is still open. Yet, in order to become accomplished learning organizations, they should take into account their cross-cultural challenges

KEYWORDS

learning organizations, Organizational culture, cross-cultural management, cultural dimensions

Деятельность университетов как организаций связана, в первую очередь, с учебой, что включает обучение, научные руководство и исследования. Тем не менее возникает вопрос: является ли это достаточным основанием, чтобы считать университеты самообучающимися организациями с теоретической точки зрения?

Среди множества характеристик, анализируемых при создании таких организаций, как основополагающую концепцию неизменно выделяют культуру организации. Тем не менее существующие на настоящий момент теоретические работы, на наш взгляд, не учитывают внешний элемент, обеспечивающий успешность при их внедрении: культурные характеристики среды самообучающихся организаций, или, еще точнее, культурную принадлежность вовлеченных в ее деятельность людей.

Таким образом, целью данной работы является рассмотрение концепций самообучающихся организаций и организационной культуры как таковых, а также с точки зрения применения к ним кросс-культурных измерений для улучшения деятельности таких организаций.

Определение самообучающихся организаций

Организация — это система, настроенная на создание, приобретение и передачу знаний, а также на модифицирование поведения людей, отражающее новые знания и понимание. Самообучающаяся организация — это организация, способствующая обучению всех ее членов и занимающаяся непрерывным самосовершенствованием [1].

Самообучающиеся организации характеризуются тотальным вовлечением работников в процесс совместно проводимых, осуществляемых благодаря коллективным усилиям, изменений, направленных на достижение общих ценностей и принципов [2].

Кроме того, ряд источников сходятся в том, что суть самообучающейся организации состоит в ее способности к самосовершенствованию путем сбора и обмена информацией как внутри нее, так и с другими организациями.

Питер Сейндж, один из признанных авторов концепции, определил самообучающуюся организацию как «организацию, в которой люди непрерывно расширяют собственные возможности по созданию действительно желаемых ими результатов, в которой вынашиваются новые, широкомасштабные модели мышления, в которой коллектив свободен в реализации своих стремлений и в которой осуществляется непрерывное обучение комплексному видению» [3].

Д. Гарвин в своем определении самообучающейся организации также особо выделяет инновацию и сотрудничество, отмечая, что такую организацию отличает «умение создавать, получать и передавать знание, а также модифицировать собственное поведение в соответствии с новыми знаниями и представлениями» [4].

Таким образом, основными характеристиками самообучающейся организации являются следующие:

- Наличие культуры самообучения: климат организации всячески способствует обучению, приветствуются инновации. Культура самообучения подразумевает ориентированность на будущее и на внешнее сотрудничество.
- Свободный обмен и приток информации: наличие соответствующих систем, гарантирующих проведение необходимых экспертиз в масштабах индивидуальной сети организации и обеспечивающих развитие в ней знаний и опыта за счет внешних источников.
- Приверженность политике обучения и личного развития: поддержка со стороны высшего руководства, стимулирование работников всех уровней к обучению.
- Осознание ценности людей: стимулируются креативность, предложение новых идей и развитие воображения, путем содействия развитию индивидуальности, что рассматривается как преимущество.
- Климат открытости и доверия: стимулирование разработки индивидуальных идей, решительности в их отстаивании вплоть до оспаривания каких-либо действий руководства.

- Обучение на основе опыта: учиться на ошибках зачастую более эффективно, чем учиться на основе успешного опыта. Для таких организаций характерно терпимое отношение к неудачам, проведение соответствующего обучения.

Другие исследователи, как, например, Ходжкинсон и Стюарт [5], сознательно избегают выделять какие-либо конкретные процессы, придерживаясь мнения о том, что культуры самообучающихся организаций должны культивироваться органично.

Университеты как самообучающиеся организации

В вопросе о том, могут ли университеты стать самообучающимися организациями, существуют серьезные разногласия. Развитие концепции самообучающейся организации и соответствующих ей моделей, очевидно, было вызвано усилиями по реформированию бизнеса. С течением времени ряд ученых задались вопросом, может ли данная концепция быть применена к образовательным учреждениям. П. Сендж [6] начинает исследование с постановки вопроса о том, почему индивидуумы живут в среднем дольше, чем предприятия. Он предполагает, что бизнес умирает, поскольку зачастую опирается на старую модель организации, для которой характерна реактивность, а решения спускаются сверху. С точки зрения Сенджа, в таком случае необходим системный подход, при котором происходит сдвиг в сторону разделения ответственности и проактивности. Организации следует концентрироваться на инновациях, а не только на решении текущих проблем, что подразумевает переход к креативной, с высокой степенью сотрудничества, модели организации. Самообучающаяся организация представляет собой именно такую модель.

Являются ли вузы структурами, аналогичными предприятиям? Ряд авторов придерживается мнения, что университеты не соответствуют критериям самообучающихся организаций, поскольку эти институты служат совершенно разным целям [4]. Другие отмечают, что это не означает, что они не могут служить одним и тем же целям [7]. В то время как бизнес мотивируется получением прибыли и должен непрерывно адаптироваться к потребностям и вкусам клиентов, мотивировка вуза состоит в выработке набора базовых принципов, которые должны оставаться неизменными, если университет стремится к достижению социальной значимости. Ключевым здесь является вопрос о том, какой «продукт» производит образовательный институт. Является ли студент «продуктом» или потребителем? Поскольку университеты производят нечто неосознаваемое, некую индивидуальную трансформацию, возникает вопрос о возможности их оценки таким же образом, как оценивается прибыль в бизнесе [8].

В значительной части работ, посвященных самообучающимся организациям, предполагается, что университеты призваны способствовать студенческим достижениям. Решение этого вопроса приобретает все большую актуальность, поскольку применение бизнес-моделей к учреждениям высшего образования становится ключевой чертой политики национальных реформ в сфере образования практически повсеместно. При условии сохранения такой тенденции вузы могут оказаться под нарастающим давлением, обязывающим их применять бизнес-модели.

Еще одной из часто упоминаемых черт, характеризующих попытки трансформировать университеты в бизнес подобные структуры, является использование кризисной риторики. Авторы, пропагандирующие применение бизнес-моделей в сфере образования, неизменно говорят о необходимости выживания в условиях растущей конкуренции и стремительных изменений. Таким образом, с точки зрения этих исследователей, чтобы выжить, вузы должны адаптироваться таким же образом, каким адаптируется бизнес [8].

Несмотря на вышесказанное, Бирнбаум считает, что усилия по проведению реформ неопценимы, поскольку способствуют рассмотрению университетами разно-

образных перспектив деятельности; что реформирование возможно и полезно. При этом, чтобы усилия по проведению реформ принесли плоды, бизнес-модели необходимо адаптировать к целям и культуре вузов [9].

Многие авторы отмечают иронию ситуации, при которой учреждения, нацеленные на обучение, иногда с большим трудом сами становятся самообучающимися. Дело в том, что многие из характеристик, данных Гарвином, включая скептицизм, научный метод исследования, количественный анализ данных, являются центральными в проводимых высшей школой научных изысканиях [4]. В связи с этим возникает вопрос, какие характеристики вузов делают трансформации особенно трудновыполнимыми. Среди таковых особенно часто выделяются срок пребывания в должности членов профессорско-преподавательского состава (постоянная занятость), наличие подразделений (факультетов, кафедр), слабое руководство, конкуренция, а также узкая специализация. Поскольку самообучающиеся организации зависят от внутри- и межуровневой коммуникации, вышеупомянутые черты часто воспринимаются как препятствия сотрудничеству, которые необходимо преодолевать с целью адаптироваться к стремительным изменениям.

Определение культуры организации (корпоративной культуры)

Корпоративная культура представляет собой сложный феномен. Важность ее несомненна. Она является средством, при помощи которого представители культуры — работники организации, осознают значение собственной трудовой деятельности, придавая, таким образом, смысл всему своему опыту в фирме [10].

Культура организации стала важнейшей темой для изучения в 1980-х годах. С этого времени ее применяют для разрешения всех проблем руководства с целью повышения интенсивности труда. Одновременно это положительно сказывается на выработке таких ценностей организации, как ее стратегия, цели и философия. Эти свойственные группе ценности выделил Э. Шейн и ряд других авторов, применив этнологические термины к деловой среде [11, 12].

Поскольку составляющие наиболее глубоких уровней культуры — это основные представления, подсознательное, убеждения, чувства, мысли и ощущения, то именно их труднее всего изменить в организации. Менеджерам, следовательно, необходимо их осознавать и отслеживать, чтобы они соответствовали стратегии организации.

Первые попытки применить культуру к организации были сделаны сравнительно недавно, в англоязычной литературе в 1960-х годах [13]. Сам термин «корпоративная культура» был взят из заглавия книги Дила и Кеннеди, вышедшей в 1982 г. [14]. В данной работе мы используем оба термина, считая их эквивалентными друг другу.

Различие в определениях корпоративной культуры отражает позицию каждого автора с точки зрения того, как он рассматривает описываемое им явление. Основное различие состоит в том, что ряд авторов относятся к культуре как к метафоре, при том что другие исследователи считают ее объективной реальностью. Подход, рассматривающий культуру как метафору, в последнее время привлекает все больше внимания. Морган в «Имиджах организации» и в более поздних работах [15], а также Смирнич [16] воспринимают культуру не как осязаемую, объективную реальность, которую можно измерить, а скорее как интеллектуальный инструмент, который позволяет понять организацию с точки зрения принятой в ней специфической терминологии, норм, убеждений, ценностей, символов, артефактов. С такой точки зрения каждая часть организации рассматривается как часть ее же культуры.

Специалисты, очевидно, разошлись во мнении по данному вопросу. Часть считают, что культура — это нечто, чем организация «является», что это неотъемлемая

часть фирмы, постоянная и стабильная, с трудом подвергающаяся изменению. Другие убеждены в том, что культура — это то, чем организация «обладает», что это адаптируемое явление, развивающееся и изменяющееся в согласии с внутренней и внешней средой фирмы [16].

Гоффи и Джонс [17] также предполагают, что именно культура обеспечивает целостность организации, выступая в ней в качестве связующей силы. По их мнению, члены организации являются носителями культуры, что позволяет успешной фирме продолжать деятельность.

Камерер и Вепсалайнен придерживаются мнения, что корпоративная культура — есть средство, объединяющее работников. Об этом свидетельствует данное ими определение: культура организации — это «набор широко трактуемых, подразумеваемых правил, указывающих работникам, что делать при каждом из множества возможных обстоятельств» [18].

Э. Шейн определяет корпоративную культуру, как «базовые шаблоны (модели) разделяемых членами организации убеждений, поступков и допущений, которые они приобретают со временем» [19].

Коллективные убеждения представляют собой осознанный набор интегрированных ценностей и ожиданий, формирующий то, что индивидуумы считают верным или неверным, уместным или неуместным и т. п. в окружающей их среде. Убеждения, выраженные в устной или письменной форме, как правило, являются заявлениями о том, что люди намереваются сделать, или думают, что это стоит сделать. Поступки — это видимые публичные действия, составляющие повседневное поведение работников фирмы.

Как отмечалось выше, культура находится в «активе» любой организации, в особенности, самообучающейся. Если культура — актив, тогда к корпоративной культуре можно отнести множество функций. В частности, можно сказать, что корпоративная культура способна оказывать воздействие на ряд организационных функций, непосредственно влияющих на членов группы. Такими функциями могут являться урегулирование конфликтов, координация и контроль, сокращение неопределенности, мотивация и создание конкурентных преимуществ.

Большинство специалистов подчеркивают важность роли, которую культура играет, способствуя сплоченности членов организации. При том что, как правило, влияние культуры оценивается как позитивное, далеко не все корпоративные культуры оказываются функциональными. Наличие неэффективных и обанкротившихся компаний свидетельствует о дисфункциональности в таких случаях корпоративной культуры.

Культура играет ключевую роль в обеспечении долгосрочной эффективности организации. Категоризация культуры в рамках принятых в компании процедур обеспечивает выработку средства, позволяющего идентифицировать типы факторов и вариаций в масштабах культуры.

Воздействие культуры на самообучающиеся организации

Множество трудов посвящено теме самообучающихся организаций и вузов, но практически нигде не учитывается влияние на них кросс-культурного фактора. Тем не менее некоторые элементы могут рассматриваться как родственные культурным измерениям.

При том что рамки концепции могут быть различными в зависимости от того, какая организация рассматривается, все они включают как внутриорганизационное взаимодействие, так и взаимодействие данной компании с другими. Внутриорганизационное взаимодействие охватывает установление как формальных, так и неформальных структур, способствующих формированию культуры сотрудничества.

Например, Кезар [9] находит, что «университеты с высокой степенью сотрудничества» демонстрируют тенденцию к созданию как формальных структур, таких как междисциплинарные центры, и неформальных стратегий, таких как мероприятия по обмену опытом. Помимо этого, в дискуссиях, касающихся межорганизационного сотрудничества, подчеркивается необходимость установления между учреждениями отношений формального и неформального партнерства. В частности, Паттерсон [20] выделяет 10 моделей интеграции, способствующих сотрудничеству вузов, а Борзони и Хантер [21] описывают модель партнерства своего университета и лежащую в ее основе философию.

В литературе, посвященной проблематике самообучающихся организаций, часто особое внимание уделяется такой модели сотрудничества, в которой внутренние и внешние границы организации размыты. Например, Борзони и Хантер [21] подчеркивают включение студентов в качестве равноправных партнеров, участвующих в процессе принятия решений, в модель партнерства своего университета. Такая размытость даже является частью национальной политики, стимулирующей все большее взаимопроникновение учреждений друг в друга.

Однако, несмотря на то, относятся эти элементы к делу или нет, очевидно, что при любых ссылках на культуру речь идет о свойственной конкретной организации концепции культуры, или о культуре организации. Никто из авторов не уделяет внимания влиянию кросс-культурных измерений на процесс превращения вуза в самообучающуюся организацию. Возможно, причина в том, что большая часть работ касается организаций, находящихся в стране проживания автора. В таком случае кросс-культурный аспект проблемы не прослеживается явно.

Для того чтобы приступить к внедрению изменений в соответствии с рекомендациями, предлагаемыми в рамках концепции самообучающихся организаций, необходимо рассмотреть культурный профиль всех задействованных участников.

При этом необходимо принять во внимание следующие ключевые элементы кросс-культурного менеджмента:

- Внедрение концепций, способствующих интенсификации коммуникации между всеми членами вуза, без использования Иерархического измерения Хофштете [22]. Большинство университетов представляют собой старые учреждения, проповедующие консерватизм как одну из ценностей, и, соответственно, характерное для иерархических структур распределение ролей является одним из препятствий в достижении вышеобозначенной цели, которое мало кто из исследователей принял во внимание. Вероятнее всего, значительно легче будет внедрить процессы, характерные для самообучающейся организации, в вузах, находящихся в странах, отличающихся равноправием, таких как США или Швеция, чем в культурах иерархических, таких как Япония или Россия.
- Отношение к сотрудничеству также может оказаться решающим для вузов, стремящихся стать самообучающимися организациями. В то время как представители одной культуры (Нидерланды) ощущают сильную потребность в сотрудничестве, представители другой (Китай) склонны к стимулированию конкуренции как важнейшей ценности [23]. Поэтому, в тех случаях, когда какой-либо университет планирует ввести в обиход культуру стимулирования изменений и обмена опытом, культурные измерения могут оказаться той переменной, которая позволит осуществить проект, или, наоборот, приведет к отказу от него.
- Статус также подвержен сильному влиянию культуры. Во Франции и России — культурах, для которых характерен приписанный статус, в организациях предпочтение оказывается сотрудникам с большей выслугой лет. Имеет значение также социальное положение. В культурах, нацеленных на достижение статуса (США, Норвегия), продвижение по служебной лестнице зависит от достижений и успеха работника [24]. Очевидно, что при введении принципов самообучаю-

щейся организации, базирующихся на идее о достигнутом статусе, в вузе, сама суть которого зиждется на статусе приписанном, вероятность управленческого конфликта очень высока.

Заключение

Термин «самообучающаяся организация» применяется к компании, способствующей обучению своих членов и непрерывно занимающейся самотрансформацией. При всем богатстве подходов к проблеме большинство из них сходится в том, что культура организации играет здесь ключевую роль.

Кроме того, корпоративная культура представляет собой набор коллективных поступков и представлений, которым члены коллектива учатся и которые представляют собой их способ восприятия и даже мышления и ощущения.

До сих пор между специалистами ведется интенсивная дискуссия о том, можно ли считать вузы самообучающимися организациями. Если считать, что продуктом университета является образование студентов, то тогда можно провести параллель между вузами и бизнесом, целью которого является получение прибыли. В таком случае к университетам можно применить принципы самообучающихся организаций, направленные на повышение интенсивности труда.

Тем не менее, как видно из ряда приведенных примеров, специалисты, занимающиеся проблематикой самообучающихся организаций, не учитывают при этом кросс-культурный аспект вопроса. На наш взгляд, игнорирование его при проведении в вузах реформ, характерных для самообучающихся организаций, чревато множеством рисков.

Таким образом, мы рекомендуем провести систематическое исследование, анализирующее те кросс-культурные измерения, которые с наибольшей вероятностью повлияют на развитие университетов как самообучающихся организаций.

Литература/References

1. Pedlar M., Burgoyne J., Boydell T. *The learning company*. Maidenhead : McGraw-Hill, 1991.
2. Watkins K. E., Marsick V. J. *Towards a theory of informal and incidental learning in organizations*. *International journal of lifelong education*, 11 (4). 1994. P. 287–300.
3. Senge P. M. *The leader's new work: Building learning organizations*. *Sloan Management Review*, 32 (1), 7. 1990.
4. Garvin D. A. *Building a learning organization*. *Harvard Business Review*, 71 (4). 1993. P. 78–91.
5. Hodgkinson P. F. M., Stewart J. *Towards universities as learning organisations*. *The Learning Organization*, 5 (5). 1998.
6. Senge P. M. *The academy as learning community: Contradiction in terms or realizable future?* / A. F. Lucas (Ed.). *Leading Academic Change: Essential Roles for Department Chairs*: 1st ed. San Francisco : Jossey-Bass, 2000. P. 275–300.
7. Dill D. D. *Academic accountability and university adaptation: The architecture of an academic learning organization*. *Higher education*, 38 (2). 1999. P. 127–154.
8. Birnbaum R. *Management fads in higher education: Where they come from, what they do, why they fail*. San Francisco : Jossey-Bass, 2001.
9. Kezar A. J. *Redesigning for collaboration in learning initiatives: An examination of four highly collaborative campuses*. *The Journal of Higher Education*, 77 (5). 2006. P. 804–838.
10. Trice H. M., Beyer J. M. *The cultures of work organizations*. Prentice-Hall, Inc. 1993.
11. Schein E. H. *Culture: The missing concept in organization studies*. *Administrative science quarterly*. 1996. P. 229–240.
12. Dumetz J., Saginova O., Woolliams P. and others. *Cross-cultural management textbook: Lessons from the world leading experts in cross-cultural management*. CreateSpace Publ., 2012.
13. Hofstede G. *Cultures and organisations-software of the mind: intercultural cooperation and its importance for survival*. McGraw-Hill, 1991.

14. Deal T.E., Kennedy A.A. *Corporate cultures: The rites and rituals of organizational life*. Mass : Addison-Wesley, 1982.
15. Morgan G., Gregory F., Roach C. *Images of organization*. 1997.
16. Smircich L. *Concepts of culture and organizational analysis*. Administrative science quarterly. 1983. P. 339–358.
17. Goffee R., Jones G. *The character of a corporation: How your company's culture can make or break your business*. HarperBusiness, 1998.
18. Camerer C., Vepsalainen A. *The economic efficiency of corporate culture*. Strategic Management Journal (1986–1998), 9 (5). 1988.
19. Schein E. H. *Organizational culture and leadership*. Vol. 2. John Wiley & Sons, 2010.
20. Patterson G. *The learning university*. The Learning Organization. 6 (1), 9. 1999.
21. Borzsony P., Hunter K. *Becoming a learning organization through partnership*. The Learning Organization. 3 (1), 22. 1996.
22. Dumetz J., Vishnyakova A. M., Sosnovskaya A. M. *The European Influence on Cross-Cultural Models*. A Historical Survey. October 24, 2014; «Человеческий капитал и профессиональное образование» № 2 (10). 2014; Humanistic Management Network, Research Paper Series N 10/15. Available at SSRN. [Электронный ресурс]. URL: <http://ssrn.com/abstract=2514211> (дата обращения: 26.04.2016).
23. House R.J., Hanges P.J., Javidan M. and others. *Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies*. Sage. 2004.
24. Aycan Z., Kanungo R.N., Mendonca M. *Organizations and Management in Cross-cultural Context*. Sage. 2014.

Гуркина Н. К., Исаев А. П.

Культурное наследие России в патриотическом воспитании накануне и в годы Великой Отечественной войны

Гуркина Нина Константиновна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры истории и политологии
Доктор исторических наук, профессор
nina-gurkina@yandex.ru

Исаев Алексей Петрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой истории и политологии
Доктор исторических наук, профессор
fef@szags.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается опыт использования в культурно-идеологической работе партии и государства исторического знания и культурного наследия как инструмента патриотического воспитания и «духовной мобилизации» народа накануне и в годы Великой Отечественной войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

культурное наследие, историческое знание, государственно-партийная политика, патриотическое воспитание, Великая Отечественная война

Gurkina N. K., Isaev A. P.

Cultural Heritage of Russia in the Patriotic Education on the Eve and During the Great Patriotic War

Gurkina Nina Konstantinovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of History and Political Science
Doctor of Science (History), Professor
nina-gurkina@yandex.ru

Isaev Aleksey Petrovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of History and Political Science
Doctor of Science (History), Professor
fef@szags.ru

ABSTRACT

The article considers experience of use in the cultural and ideological work of the party and the state of historical knowledge and cultural heritage as a tool of the Patriotic education and «spiritual mobilization» of the nation on the eve and in the first years of the great Patriotic war.

KEYWORDS

cultural heritage, historical knowledge, state and party politics, Patriotic education, Great Patriotic war

В «Основах законодательства Российской Федерации о культуре» 1992 г. понятие «культурное наследие» толкуется как «материальные и духовные ценности, создан-

ные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию» [13, с. 5]. В разработанных в 2014 г. (Год культуры) «Основах государственной культурной политики» подчеркивается, что «культурное наследие должно трактоваться в максимально широком значении»: не только архитектурные, исторические, скульптурные и уникальные технические памятники, не только произведения искусства, книги, документы и т. п. — все, что входит в Музейный, Архивный и Национальный книжный фонд, но и языки, традиции, обычаи, фольклор. Неотъемлемой частью культурного наследия являются великая русская литература, музыка, театр, кинематограф. Культурное наследие «как средоточие всего духовного, нравственного, исторического, культурного опыта, накопленного российской цивилизацией», — отмечается в документе, — является «основой и источником развития, сохранения единства и самобытности страны» и «отражает понимание того, что иного источника и основы для дальнейшего развития быть не может» [29].

Убедительность данному постулату придает не только ссылка в «Основах» на утвердившиеся после Второй мировой войны международно-правовые подходы к ответственности человечества в отношении созданных им в прошлом культурных ценностей, но и исторический опыт использования культурного наследия в идеологической работе и культурной деятельности нашего государства в один из самых драматичных периодов отечественной истории. Историческое знание и культурное наследие стали важнейшими инструментами патриотического воспитания и «духовной мобилизации» народа в предвоенные и военные годы.

Историография культурной политики СССР и идеологической работы партии в этот период очень обширна, однако в большинстве работ внимание сосредоточено на отдельных аспектах заявленной темы [7, 17, 18, 19, 23, 27]. Не претендуя на полноту ее освещения, обрисует основные направления и формы использования культурного наследия в патриотическом воспитании советского народа накануне и в годы Великой Отечественной войны. Сегодня, в условиях обострения глобальной экономико-технологической и идейно-информационной конкуренции, когда «наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения» [32, с. 5], этот опыт становится очень актуальным. Важнейшей целью государственной культурной политики на современном этапе провозглашено использование культурного наследия для воспитания и образования [28].

В первые годы Советской власти впервые в истории страны были созданы законодательные основы сохранения культурного наследия, сформирована система охраны памятников и управления музейным делом. Прошедшая в 1919 г. Первая Всероссийская конференция по делам музеев выработала и утвердила основные принципы государственной музейной политики. Музей был признан лучшей формой сохранения культурных ценностей, являясь при этом центром культурно-просветительской работы [30, с. 153]. В 1919 г. было создано первое государственное издательство «Всемирная литература». Демократизация культурной жизни и обеспечение доступа трудящихся к образованию и сокровищам искусства провозглашались важными задачами государственно-партийной политики. Реальная политика государства в отношении культурного наследия страны отличалась при этом в первые послереволюционные десятилетия противоречивостью, что привело к утрате многих культурных ценностей.

Причиной подобного отношения были не только экономические проблемы в стране, но и идеологические установки, в основе которых находилась идея мировой революции. Выступая в 1918 г. перед учителями с лекцией «О преподавании истории в коммунистической школе», нарком просвещения А. В. Луначарский отмечал: «Преподавание истории в направлении создания народной гордости, националь-

ного чувства и т. д. должно быть отброшено; преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти хорошие образцы для подражания, должно быть отброшено» [12, с. 43]. Официальная идеология до конца 20-х годов опиралась на «тотальное осуждение» дореволюционной истории страны. Русская история, базирующаяся на дореволюционной историографии, была закрыта для изучения в общеобразовательной школе. Негативное отношение распространялось часто и на памятники духовной культуры. Нападкам подвергалась даже признанная во всем мире русская классическая литература XIX в. как «насквозь великодержавная».

Кардинальные изменения в культурной жизни и идеологической работе произошли в СССР в 30-е годы. Идею мировой революции окончательно сменила теория построения социализма в отдельно взятой стране. Важным фактором, вынудившим руководство страны искать дополнительные идеи для сплочения населения страны, стал приход к власти в Германии Гитлера. В выступлении И.В. Сталина перед работниками промышленности в феврале 1931 г. в привычном для народа значении прозвучали понятия «отечество» и «патриотизм» [6, с. 75]. Подготовка к войне требовала целенаправленного формирования общественного исторического сознания и воспитания «чувства постоянной мобилизационной готовности, чувства безграничной, активной любви к своей Родине» [10, с. 12]. «Культурно-исторический» поворот в стране осуществлялся по многим направлениям теоретической и практической деятельности с использованием всех средств науки, литературы и искусства.

Началась реабилитация русской истории и восстановление преемственности ее периодов. Постановлением ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. история была восстановлена в качестве самостоятельного предмета. В мае 1934 г. было принято совместное постановление СНК и ЦК ВКП(б) «О преподавании истории в школах СССР», в июне — решение ЦК партии о введении элементарного курса всеобщей истории и истории СССР в начальной и неполной средней школе. С сентября 1934 г. восстанавливались исторические факультеты в Ленинградском, Московском, а затем в Томском, Казанском, Ростовском и Саратовском университетах.

В 1934–1937 гг. прошел конкурс на составление лучшего учебника по истории СССР. Вопрос об учебнике истории в марте 1934 г. обсуждался на расширенном заседании Политбюро. В августе были опубликованы «Замечания» Сталина, Жданова и Кирова по поводу конспектов учебников «Истории СССР» и «Новой истории». Обсуждение учебников сопровождалось пропагандистской и разъяснительной работой в периодической печати. Среди 46 учебников, представленных на конкурс, лучшим был признан «Краткий курс истории СССР» для 3-го–4-го класса, подготовленный историками Московского государственного педагогического института во главе с А. В. Шестаковым.

В основе текста лежали две главные идеи — «возвеличивания старой государственности» и «неизбежности и благотворности победы социализма в России» [12, с. 44]. Тема патриотизма, любви к Родине, признание роли в ее истории русского народа, его великой культуры стала ключевой и повторялась в других учебниках. Новая историческая концепция стала основой патриотического воспитания и формирования исторического сознания советских школьников.

В самой школе также произошли значительные изменения. Основной формой занятий (как и в дореволюционной школе) стал урок, вводилось расписание, были созданы новые стабильные учебники и т. д. В годы войны были восстановлены пятибалльная система оценок, выпускные экзамены, золотые и серебряные медали и т. д. Сложилась устойчивая школьная система с преемственными ступенями и с опорой на достижения и традиции дореволюционной школы. Традиционные, проверенные временем методы обучения были восстановлены и в вузах. В 1934 г. были вновь введены ранее отмененные ученые степени и ученые звания.

Для преодоления последствий диктата в исторической науке школы Покровско-го были привлечены историки дореволюционной школы С. В. Бахрушин, Б. Д. Греков, Ю. В. Готье и др. Для учащихся высшей школы были переизданы работы В. О. Ключевского, С. М. Соловьева, С. Ф. Платонова. На страницах партийного журнала «Большевик» в 1938 г. было перепечатано предисловие Е. В. Тарле к «Истории XIX века» французских авторов Э. Лависса и А. Рамбо, в котором подчеркивалось «колоссальное влияние на судьбы человечества», на мировую культуру России XIX в. В этот период Россия дала миру не только «четыре титана» — Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, но и великих художников — Сурикова, Репина, Верещагина, Серова, музыкантов — Глинку, Мусоргского, Римского-Корсакова, Даргомыжского, Рахманинова и Чайковского, ученых — Лобачевского, Менделеева, Лебедева, В. Ковалевского [6, с. 143].

Русской культуре отводилось значительное место в патриотическом воспитании народа. В 1937 г. в стране широко чествовали А. С. Пушкина как национальную гордость и славу. Имя А. С. Пушкина в 1920–1930-е гг. было символом сплочения для эмигрантской России. День русской культуры и столетие со дня смерти Пушкина русская диаспора праздновала в 42 государствах и 231 городе мира [3, с. 275–277]. Делом чести для советской страны стало торжественно отметить эту дату на родной земле. В Москве в Историческом музее прошла грандиозная выставка, на которой было представлено более 5000 экспонатов из архивов, музеев, библиотек, среди которых были автографы поэта, редчайшие документы, работы выдающихся русских художников [25, с. 148]. К 1937 г. были воссозданы 7 комнат квартиры и часть парадной лестницы в музее А. С. Пушкина на Мойке. Детское (Царское) Село было переименовано в город Пушкин. В 1938 г. был создан Всесоюзный музей А. С. Пушкина в Ленинграде и т. д.

В 1939 г. праздновали 125-летие М. Ю. Лермонтова. Было торжественно отмечено 750-летие «Слова о полку Игореве». В 30-е годы были в очередной раз переизданы собрания сочинений и отдельные произведения Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, А. И. Куприна, И. А. Крылова, В. М. Гаршина, А. П. Чехова, А. М. Горького и других русских писателей

В 1933 г. было создано первое в мире издательство, специализирующееся на публикации литературы для детей. Огромными тиражами выходили в этом издательстве сборники сказок — русских народных, народов СССР и мира, русских и зарубежных писателей; русская и мировая классическая литература. Оценивая значение русской классики для формирования и воспитания советского народа, А. С. Панарин писал: «Юноши и девушки, освоившие грамотность в первом поколении, стали читать Пушкина, Толстого, Достоевского — уровень, на Западе относимый к элитарному... Нация совершила прорыв к родной классике, воспользовавшись всеми возможностями нового идеологического строя: его массовыми библиотеками, массовыми тиражами книг, массовыми формами культуры, клубами и центрами самодеятельности, где «дети из народа» с достойной удивления самоуверенностью примеряли на себя костюмы байронических героев и рефлектирующих «лишних людей». Если сравнить это с типичным чтивом американского массового «потребителя культуры», контраст будет потрясающим...» [31, с. 142–143].

Современные писатели в 30-е годы все чаще стали обращаться к жанру исторического романа. Наибольшую известность в предвоенные годы получили роман А. Толстого «Петр Первый», пьесы К. Симонова «Суворов» и «Ледовое побоище», романы — С. Бородина «Дмитрий Донской», В. Яна — «Чингиз-хан», «Цусима» А. Новикова-Прибоя, «Севастопольская страда» С. Сергеева-Ценского, «Порт-Артур» А. Степанова, «Смерть Вазир-Мухтара» Ю. Тынянова. «Исторический роман прежде всего должен быть учителем героики», — писал В. Г. Ян, т. к. «на этих книгах воспитывается народное самосознание» [9, с. 66].

В приобщении советских поколений к отечественной истории, народным традициям, национальным ценностям огромную роль играли музеи, памятники истории и культуры. На базе исторических, художественных, мемориальных музеев проводились мероприятия, посвященные историческим событиям, деяниям выдающихся людей. В сентябре 1937 г. состоялось открытие Бородинского исторического музея, приуроченное к 125-летию Отечественной войны 1812 г. Были приведены в порядок памятники на полях великих сражений: Куликово поле, Полтава, Бородино. В 1939 г. торжественно отметили 230-летие разгрома шведов под Полтавой. В 1938 г. в Эрмитаже открылась выставка «Великое прошлое русского народа в памятниках искусства и предметах вооружения» [6, с. 151].

В историю культурной жизни предвоенных лет вошла открытая в 1939 г. в Государственной Третьяковской галерее выставка, на которой впервые за годы советской власти были представлены около 400 работ художников XVIII–XIX вв., работавших в жанре исторической живописи. Полотна В. Васнецова, В. Верещагина, В. Перова, И. Репина, Г. Угрюмова и др. знакомили трудящихся «с великими событиями прошлого, с героизмом русского народа, проявленным им в борьбе за независимость и свободу родины» [6, с. 151–152].

В Государственном историческом музее экспозиция с 1934 г. была превращена из «социологической в конкретно-историческую». В 1936–1939 гг. были организованы выставки «Исторический портрет», «Фарфор», «Крестьянское резное и расписное дерево», «375 лет первой печатной книги в России», «К 125-летию Отечественной войны 1812 г.» [16, с. 361–370] и т. д.

Во второй половине 30-х годов сложилась сеть литературных музеев, которых перед войной насчитывалось около 100 [25, с. 148]. Открылись музей М. Ю. Лермонтова (будущий музей-заповедник «Тарханы»), музей-усадьба В. Г. Белинского в Пензенской области, Дом-музей Д. Н. Мамина-Сибиряка в Екатеринбурге, Литературный музей и домик А. П. Чехова в Таганроге, музей Л. Н. Толстого в Москве и др. Выросло также число художественных и краеведческих музеев. К 1941 г. в РСФСР насчитывалось 626 [33, с. 113], в СССР — 992 музея [24, с. 18].

В 1933–1934 гг. были приняты постановления ВЦИК и СНК, направленные на защиту культурного наследия: «Об охране исторических памятников», «Об охране архитектурных памятников», «Об упорядочении хранения музейных ценностей» и др. С 1933 г. решением Политбюро было окончательно прекращено изъятие музейных ценностей для вывоза за рубеж и продажи. В 1933 г. была создана Всесоюзная Академия художеств (с 1947 г. — Академия художеств СССР).

В репертуарной политике театров и концертных залов страны весь довоенный период значительное место уделялось произведениям великих русских композиторов, что связывали часто с музыкальными пристрастиями руководителей государства И. В. Сталина, А. А. Жданова, С. М. Кирова: «Сталин любит оперу... Он предпочитает дореволюционные оперы — Чайковского, Римского-Корсакова, Мусоргского и Бородина, а также известные оперы западных композиторов XIX века — „Кармен“, „Фауст“, „Аида“. Самая его любимая опера — это „Пиковая дама“ Чайковского» [7, с. 252].

Событием для страны стала премьера в апреле 1939 г. на сцене Большого театра оперы Михаила Глинки «Иван Сусанин» («Жизнь за царя»), где с огромной выразительностью и мощью звучали тема борьбы с захватчиками, тема прославления героев, погибших за Родину и победивших. Поставленная в Камерном театре в 1936 г. пьеса Д. Бедного «Богатыри» (опера-фарс), в которой высмеивались герои былинного эпоса и крещение Руси князем Владимиром, была снята с репертуара. В специальном постановлении Политбюро отмечалось, что в пьесе «огульно чернится» прошлое, в то время как крещение Руси было положительным этапом в истории русского народа, а богатыри являлись носителями его героических черт [6, с. 130].

В 1940 г. исполнилось 100 лет со дня рождения П. И. Чайковского. Юбилей был отмечен на государственном уровне «с непостижимым с позиции сегодняшнего дня, энтузиазмом и размахом. Не было в Советском Союзе города или поселка, где бы не состоялся концерт, не прошло бы торжественное заседание, посвященное великому русскому композитору» [1].

Огромную роль в патриотическом воспитании советского народа, и особенно молодого поколения, в предвоенные годы сыграл кинематограф. Уже к концу 20-х годов советские фильмы вытеснили с экрана зарубежные. Вышедший на экраны в 1934 г. «Чапаев» стал любимым фильмом миллионов, его смотрела вся страна. Образы героев революции и гражданской войны дополнили в 30-е годы образы новых героев — государственных деятелей прошлых веков, защитников страны. В 1937 г. вышел фильм режиссера В. М. Петрова «Петр I», где главный герой показан выдающимся реформатором и государственным деятелем, патриотом своей страны.

С триумфом прошла в стране премьера фильма «Александр Невский». Вышли на экраны фильмы «Минин и Пожарский», «Богдан Хмельницкий», «Суворов». Экранизировалась русская классика.

В годы Великой Отечественной войны культурному наследию России был нанесен огромный ущерб. Целью фашистов было не только уничтожить и разграбить памятники истории и культуры, но и сломить дух народа, вытравить и разрушить его историческую память. В приказе «О поведении войск на Востоке» говорилось: «Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянок воинских частей. Все остальное, являющееся символом бывшего господства большевиков, в том числе и здания, должно быть уничтожено. Никакие исторические и художественные ценности на Востоке не имеют значения» [24, с. 13]. В секретной директиве от 7 октября 1941 г. по поводу Ленинграда и Москвы указывалось, что до того как города будут взяты, «они должны быть превращены в развалины артиллерийским огнем и воздушными налетами, а население обращено в бегство» [24, с. 13]. Эти и другие директивы и приказы немецкого командования последовательно и неуклонно выполнялись.

За годы фашистской оккупации в СССР были уничтожены и разграблены 430 музеев, уничтожены тысячи библиотек, школ, зданий театров и клубов [13, с. 43]. Из 88 памятников древнего Новгорода без значительных повреждений осталось только два [24, с. 15]. Пострадали древние русские города Псков, Смоленск, дворцово-парковые ансамбли Петергофа, Пушкина, Гатчины, Павловска. На территории Российской Федерации было уничтожено и повреждено 2234 здания древних монастырей и церквей [18, с. 391].

Спасение культурных ценностей стало частью государственной политики по отношению к культурному наследию и продолжалось весь период войны. Всесоюзный Совет по эвакуации и Всесоюзный комитет по делам искусств в экстренном порядке вывозили собрания крупнейших музеев в города Урала и Сибири. Порядок эвакуации и размещения «людских контингентов и ценного имущества» определялся правительственным постановлением от 27 июня 1941 г. Одновременно с эвакуацией проводились консервация памятников и маскировочные работы [13, с. 43].

Руководством к действию стали приказы Наркомпроса «О мероприятиях по сохранению и учету музейных фондов в годы войны», «Об учете разрушений, нанесенных немецкими оккупантами музеям и памятникам революции, истории и культуры» и др. [7, с. 286]. Были созданы временная правительственная комиссия для обследования и фиксации разрушений во главе с И. Э. Грабарем, в 1942 г. — Чрезвычайная государственная комиссия по учету разрушений и ущерба, а также Комиссия по учету и охране памятников искусства. В 1943 г. постановлением правительства был организован Комитет по делам архитектуры, в структуре которого

начало свою деятельность Главное управление по охране и реставрации памятников [11, с. 18]. В 1943 г. ЦК ВКП(б) приняло Постановление о создании государственного книжного фонда объемом 4 млн экземпляров для восстановления библиотек на освобожденных территориях СССР и т. д.

Восстановительные работы на объектах культурного наследия развернулись уже в годы войны. В 1942 г. были открыты для посетителей музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», дома-музеи П. И. Чайковского в Клину, К. Э. Циолковского в Калуге, в 1944 г. восстановлен памятник «Тысячелетие России» и Бородинский военно-исторический музей. В 1944 г. исполкомом Ленгорсовета был подготовлен проект постановления «О воссоздании городов Пушкин и Петродворец». Реставрационные мастерские открылись в Новгороде, Пскове и Ленинграде. В 29 художественно-ремесленных училищах была организована подготовка специалистов-реставраторов [11, с. 18]. Работа по восстановлению разрушенных памятников широко освещалась в прессе, способствуя таким образом развитию понимания в народе значимости культурного наследия.

Государственно-партийная политика опоры на историческое знание и культурное наследие в идеологической и культурной работе получила продолжение и развитие в годы Великой Отечественной войны. В борьбу за духовную мобилизацию народа активно включились ученые-гуманитарии. В июле 1941 г. была издана книга «Героическое прошлое русского народа в художественной литературе», в которой освещались наиболее яркие страницы русской истории. Ученые показали, как в народных песнях, былинах, стихах, рассказах, повестях и романах сохранилась память о киевских богатырях, Александре Невском, Грюнвальдской и Полтавской битвах, походах Суворова, Отечественной войне 1812 г. и Крымской войне, сражениях России в XX в. [8].

Крупнейшие историки страны — Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, С. В. Бахрушин, М. В. Нечкина, Е. В. Тарле, А. М. Панкратова — писали книги и статьи, выступали с лекциями, изучая и популяризируя героическое прошлое страны и народа. Были изданы биобиблиографический словарь «Выдающиеся деятели нашей Родины», серия брошюр «Великие русские полководцы» и «Великие борцы за землю русскую». Серия книг ЖЗЛ с 1943 г. была преобразована в цикл брошюр «Великие люди русского народа» и «Великие русские люди». Они посвящались И. П. Павлову, И. Е. Репину, М. С. Щепкину, С. О. Макарову, К. Д. Ушинскому, П. И. Чайковскому, Л. Н. Толстому, М. Ф. Казакову, А. С. Попову, М. И. Глинке, Ф. Ф. Ушакову, П. С. Нахимову и многим другим деятелям государства, науки, культуры и военачальникам [6, с. 186–187].

«В военные годы каждый деятель культуры был призван, оставаясь на своем месте, продолжать свою работу на пользу общему делу», — вспоминал известный искусствовед М. В. Алпатов, работавший в этот период над темой «Русский вклад в мировое искусство» [2, с. 113]. В приказе Наркомпроса РСФСР от 13.09.1941 г. «О мероприятиях по улучшению работы музеев» указывалось, что музеи, наряду с библиотеками и домами культуры, являются центрами агитационно-массовой и культурно-просветительной работы. Работники музеев читали лекции на заводах, фабриках, школах, госпиталях, организовывали тематические выставки [22; 34]. Ученые АН СССР подготовили в годы войны коллективные труды «История русского искусства», «История русской культуры», монографии «Героические темы древнерусской литературы», «Героические страницы истории русской литературы», «Культура Киевской Руси» и др. [20, с. 153, 160].

В 1943 г. ученые-историки член-корреспондент АН СССР Панкратова, профессора Андреев, Базилевич, Воронин, Киселев обратились с письмом к главе государства по поводу гибели в стране памятников древней культуры «от равнодушия властей, от невежества населения». Одним из результатов обращения стал выпуск

книг и серийных брошюр с увлекательными рассказами о культурном наследии страны. После обращения к заместителю председателя Совнаркома СССР Молотову архитекторов с участием И. Э. Грабаря и А. В. Щусева о необходимости восстановления в архитектурных вузах специальных кафедр русской архитектуры было принято решение открыть кафедры истории русской архитектуры во Всероссийской академии художеств и Московском архитектурном институте [15].

В годы войны широко издавалась и переиздавалась русская классическая литература. Книги и брошюры, посвященные истории России, выдающимся людям страны, литературе и искусству выходили даже в осажденном Ленинграде. В 1941 г. было издано полное собрание стихотворений легендарного героя 1812 г. Дениса Давыдова. В 1942 г. в ленинградских издательствах вышли книги о Глинке, Чайковском, Чехове, Салтыкове-Щедрине, Плеханове. В 1943 г. были изданы сборники — «Русские поэты о Родине: Антология» и «Русские народные песни». В 1944 г. вышли «Архитектура Ленинграда», «Дворцовая площадь в Ленинграде» и «Захаров-зодчий» В. Пилявского, избранные произведения А. П. Чехова, «Военные рассказы» Л. Н. Толстого и др. [4, с. 28–30, 34, 39–41]. За две недели до снятия блокады исполкомом Ленинградского городского совета депутатов трудящихся было принято решение «О восстановлении прежних наименований некоторых улиц, проспектов, набережных и площадей города Ленинграда». На карту города вернулись Невский проспект, Дворцовая площадь, Марсово поле, Исаакиевская площадь, Таврическая улица и др.

В годы войны широкое распространение получил исторический жанр в литературе, живописи, музыке и кинематографе. Появились романы Н. С. Голубова «Багратион», Л. И. Раковского «Генералиссимус Суворов», В. Я. Шишкова «Емельян Пугачев», был переработан роман А. Н. Степанова «Порт-Артур». Были написаны исторические полотна: М. И. Авилым — «Поединок Пересвета с Челубеем», А. П. Бубновым — «Утро на Куликовом поле», П. Д. Кориным — триптих «Александр Невский». С. С. Прокофьев (автор музыки к фильму «Александр Невский») написал оперу «Война и мир». В кинотеатрах страны с успехом шли фильмы «Богдан Хмельницкий», «Кутузов», «Лермонтов», «Александр Пархоменко», «Котовский» и др. Экранизировалась классика: «Маскарад», «Дело Артамоновых», «Как закалялась сталь».

Прочное место в репертуаре театров занимала русская классика — пьесы А. П. Чехова, А. Н. Островского, Н. В. Гоголя, оперы и балеты русских композиторов. В воюющей стране открывались новые театры, концертные залы, библиотеки и кинотеатры. В октябре 1941 г. в Алма-Ате завершилось строительство Казахского театра оперы и балета, в феврале 1942 г. открылся оперный театр в Астрахани, в апреле 1942 г. состоялась премьера «Евгения Онегина» на киргизском языке в театре оперы и балета во Фрунзе. В мае 1945 г. премьерой оперы «Иван Сусанин» открылся Новосибирский театр оперы и балета и т. д. [14, с. 7].

На героических традициях русской армии воспитывались воины армии советской. Осенью 1941 г. были возрождены гвардейские звания. В июле 1942 г. учредили ордена в честь великих русских полководцев — Александра Невского, Суворова, Кутузова, позднее — ордена Богдана Хмельницкого, ордена и медали Ушакова и Нахимова. Советской армии были возвращены традиционная форма с погонами, офицерские звания. Для детей-сирот открылись Суворовские училища типа старых кадетских корпусов.

В годы войны произошла нормализация государственно-церковных отношений в СССР. Власти признали важную роль православной религии и церкви в прошлом и настоящем. Был избран патриарх, открывались для службы храмы, богословские учебные заведения. К концу войны в СССР действовали 10 547 церквей и 75 монастырей (до войны около 380 церквей и ни одного монастыря) [6, с. 241]. Русской православной церкви возвратили Киево-Печерскую лавру. Христианские ценности

становились значимой частью национальной культуры и идеологии. В правительственном постановлении 1947 г. «Об охране памятников архитектуры» произведения древнерусского зодчества провозглашались «историко-художественным наследием национальной культуры и достоянием республики» [13, с. 45].

По мнению известного историка А.И. Вдовина, «без решительного перехода правящей партии на национально-патриотические позиции защиты общенародных интересов победа в войне была бы недостижима» [5, с. 197]. «Мы победили потому, — писал Г.К. Жуков, — что у нас был храбрый, патриотический молодой солдат, политически обученный, душевно подготовленный сражаться за Родину» [21]. Возвращение в идеологическую работу и культурную деятельность партии и государства культурного наследия России — материального и духовного способствовали формированию в массовом сознании народа особой формы патриотизма. В нем сочетались гордость за достижения тысячелетней исторической России и чувство сопричастности к первой в мире социалистической стране. В предвоенный и военный период удалось воспитать в народе главную составляющую национального самосознания — «чувство исторической преемственности, острое переживание принадлежности не только и не столько к конкретному этапу... в жизни своего народа, но и ко всей многовековой истории Отечества и его будущему за пределами собственного жизненного пути» [26, с. 9].

Литература

1. Алексинская М. Чайковский и Победа. Послесловие к юбилею // Завтра. 2015, май. № 20.
2. Алпатов М. В. Воспоминания. М., 1994.
3. Березовая Л. Г., Берлякова Н. П. История русской культуры. Ч. 2. М., 2002.
4. Быстрова М. И., Великодворская О. В. «Был город-фронт...»: библиографический указатель. СПб. : 2005.
5. Вдовин А. И. История СССР от Ленина до Горбачева. М., 2011.
6. Вдовин А. И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013.
7. Галин С. А. Отечественная культура XX века. М., 2003.
8. Героическое прошлое русского народа. М., Л., 1941.
9. Гордина Е. Д. Историко-патриотическое воспитание в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 58–71.
10. Гордина Е. Д. История как инструмент патриотического воспитания в СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны // Преподавание истории в школе. 2010. № 3. С. 9–13.
11. Горшенин С. Г. Политика советского государства по отношению к культурно- историческому наследию в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы. Автореф. канд. ист. наук. М., 1992.
12. Гуркин А. Б., Гуркина Н. К. История в предвоенной советской школе // Информация — Коммуникация — Общество (ИКО–2016). СПб., 2016.
13. Гуркина Н. К., Исаев А. П. Охрана культурного наследия в России: история и современность. СПб. : 2011.
14. Жукова О. Битва культур // Культура. 2014. № 20/21, 20–26 июня.
15. Жукова О. Монументальная Победа // Культура. 2015. № 15, 24 апреля — 14 мая.
16. Закс А. Б. Из истории Государственного исторического музея (1917–1941) // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. 2. М., 1960.
17. Исаев А. П., Гуркина Н. К. Российская историография: проблемы сохранения культурного наследия // Управленческое консультирование. 2013. № 11. С. 83–91.
18. История русской культуры IX–XX веков: учеб. пособие. М., 2006.
19. Козлов Н. Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. СПб., 1995.
20. Кондакова Н. И. Ученые-гуманитарии России в годы Великой Отечественной войны. Документы. Материалы. Комментарии. М., 2004.
21. Куняев С. «Вставай, страна огромная...» Великая поэзия Великой войны // Наш современник. 2015, № 11. С. 231–243.

22. Лупало И. Г. Вклад музеев исторического профиля в мобилизацию духовных сил советского народа на разгром врага в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Музейное дело в СССР. М., 1985.
23. Максакова Л. В. Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М., 1977.
24. Максакова Л. В. Спасение культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны. М., 1990.
25. Музейное дело России. М., 2003.
26. Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. М., 2005.
27. Никонова О. Ю. Воспитание патриотов: Осовиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927–1941 гг.). М., 2010.
28. Основы государственной культурной политики // Культура. 2015. № 1, 8 января.
29. Основы государственной культурной политики (проект) // Культура. 2014. № 16, 16–22 мая.
30. Основы музееведения. М., 2010.
31. Панарин А. С. Народ без элиты. М., 2006.
32. Путин В. В. Выступление на Валдайском форуме // Наш современник. 2013. № 10. С. 4–9.
33. Равикович Д. А. Формирование государственной музейной сети (1917 — 1 половина 60-х гг.). М., 1988.
34. Фатигарова Н. В. Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // Музей и власть. М., 1991.

References

1. Aleksinskaya M. *Tchaikovsky and Victory. An epilog to anniversary* [Chaikovskii i Pobeda. Posleslovie k yubileyu] // Tomorrow [Zavtra]. 2015, May. N 20. (rus)
2. Alpatov M. V. *Memoirs* [Vospominaniya]. M., 1994. (rus)
3. Berezovaya L. G., Berlyakova N. P. *History of the Russian culture* [Istoriya russkoi kul'tury]. P. 2. M., 2002. (rus)
4. Bystrova M. I., Velikodvorskaya O. V. «*There was a city front...*» [«Byl gorod-front...»]: bibliographic index. SPb., 2005. (rus)
5. Vdovin A. I. *The history of the USSR from Lenin to Gorbachev* [Istoriya SSSR ot Lenina do Gorbacheva]. M., 2011. (rus)
6. Vdovin A. I. *Russians in the XX century. Tragedies and triumphs of the great people* [Russkie v XX veke. Tragedii i triumfy velikogo naroda]. M., 2013. (rus)
7. Galin S. A. *Domestic culture of the XX century* [Otechestvennaya kul'tura XX veka]. M., 2003. (rus)
8. *Heroic past of the Russian people* [Geroicheskoe proshloe russkogo naroda]. M., L., 1941. (rus)
9. Gordina E. D. *Historical and patriotic education in days of the Great Patriotic War* [Istoriko-patrioticheskoe vospitanie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny] // History Questions [Voprosy istorii]. 2011. N 12. P. 58–71. (rus)
10. Gordina E. D. *History as the instrument of patriotic education in the USSR on the eve of and at the beginning of the Great Patriotic War* [Istoriya kak instrument patrioticheskogo vospitaniya v SSSR nakanune i v nachale Velikoi Otechestvennoi voiny] // Teaching history at school [Prepodavanie istorii v shkole]. 2010. N 3. P. 9–13. (rus)
11. Gorshenin S. G. *Policy of the Soviet State in relation to cultural historical heritage in days of the Great Patriotic War and the first post-war years* [Politika sovetskogo gosudarstva po otnosheniyu k kul'turno-istoricheskomu naslediyu v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i pervye poslevoennyye gody]. Dissertation abstract. M., 1992. (rus)
12. Gurkin A. B., Gurkina N. K. *History in premilitary Soviet school* [Istoriya v predvoennoi sovetskoj shkole] // Information — Communication — Society (ICS-2016) [Informatsiya — Kommunikatsiya — Obshchestvo (IKO — 2016)]. SPb., 2016. (rus)
13. Gurkina N. K., Isaev A. P. *Protection of cultural heritage in Russia: history and present* [Okhrana kul'turnogo naslediya v Rossii: istoriya i sovremennost']. SPb., 2011. (rus)
14. Zhukova O. *Fight of cultures* [Bitva kul'tur] // Culture [Kul'tura]. 2014. N 20/21, 20–26 of June. (rus)
15. Zhukova O. *Monumental Victory* [Monumental'naya Pobeda] // Culture [Kul'tura]. 2015, N 15, 24 of April — 14 of May. (rus)

16. Zaks A. B. *From history of the State Historical Museum (1917–1941)* [Iz istorii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzey (1917–1941)] // Sketches of history of museum matter in the USSR. Is. 2 [Ocherki istorii muzeinogo dela v SSSR. Vyp. 2.]. M., 1960. (rus)
17. Isaev A. P., Gurkina N. K. *Russian Historiography of a Problem of Preservation of a Cultural Heritage* [Rossiiskaya istoriografiya: problemy sokhraneniya kul'turnogo naslediya] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. N 11. P. 83–91. (rus)
18. *History of the Russian culture of the 9–20th centuries* [Istoriya russkoi kul'tury IX–XX vekov]: tutorial. M., 2006. (rus)
19. Kozlov N. D. *Public consciousness in days of the Great Patriotic War. 1941–1945* [Obshchestvennoe soznanie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941–1945]. SPb., 1995. (rus)
20. Kondakova N. I. *Scientists-humanitarians of Russia in days of the Great Patriotic War. Documents. Materials. Comments* [Uchenye-gumanitarii Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Dokumenty. Materialy. Kommentarii]. M., 2004. (rus)
21. Kunyayev S. «*Arise, the country...*» *Great poetry of Great war* [«Vstavai, strana ogromnaya...» Velikaya poeziya Velikoi voiny] // Our contemporary [Nash sovremennik]. 2015. N 11. P. 231–243. (rus)
22. Lupalo I. G. *A contribution of the museums of a historical profile to mobilization of spiritual powers of the Soviet people on defeat of the enemy in the period of the Great Patriotic War of 1941–1945* [Vklad muzeev istoricheskogo profilya v mobilizatsiyu dukhovnykh sil sovetskogo naroda na razgrom vraga v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 godov] // Museum matter in the USSR [Muzeinoe delo v SSSR]. M., 1985. (rus)
23. Maksakova L. V. *Culture of the Soviet Russia in days of the Great Patriotic War* [Kul'tura Sovetskoi Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny]. M., 1977. (rus)
24. Maksakova L. V. *Rescue of cultural values in days of the Great Patriotic War* [Spasenie kul'turnykh tsennostei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny]. M., 1990. (rus)
25. *Museum business of Russia* [Muzeinoe delo Rossii]. M., 2003. (rus)
26. Narochitskaya N. A. *For what and with whom we were at war* [Za chto i s kem my voevali]. M. : 2005. (rus)
27. Nikonova O. Yu. *Education of patriots: Osoviakhim and military preparation of the population in the Ural province (1927–1941)* [Vospitanie patriotov: Osoviakhim i voennaya podgotovka naseleniya v ural'skoi provintsii (1927–1941 gg.)]. M., 2010. (rus)
28. *Fundamentals of the state cultural policy* [Osnovy gosudarstvennoi kul'turnoi politiki] // Culture [Kul'tura]. 2015. N 1, on January, 8. (rus)
29. *Fundamentals of the state cultural policy (project)* [Osnovy gosudarstvennoi kul'turnoi politiki (proekt)] // Culture [Kul'tura]. 2014. N 16, on May, 16–22. (rus)
30. *Fundamentals of museology* [Osnovy muzevedeniya]. M., 2010. (rus)
31. Panarin A. S. *The people without elite* [Narod bez elity]. M., 2006. (rus)
32. Putin V. V. *Speech at the Valdai forum* [Vystuplenie na Valdaiskom forum] // Our contemporary [Nash sovremennik]. 2013. N 10. P. 4–9. (rus)
33. Ravikovich D. A. *Formation of the state museum network (1917 — first half of the 60th)* [Formirovanie gosudarstvennoi muzeinoi seti (1917 — 1 polovina 60-kh gg.)]. M., 1988. (rus)
34. Fatigarova N. V. *Museum matter in RSFSR in days of the Great Patriotic War (aspects of a state policy)* [Muzeinoe delo v RSFSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (aspekty gosudarstvennoi politiki)] // Museum and the power [Muzei i vlast']. M., 1991. (rus)

Войны Средневековья*

Карнаух Владимир Кузьмич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры философии и культурологии
Доктор философских наук, профессор
karnauh_vk@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается роль войны в жизни средневекового общества. Особое внимание уделяется человеческому измерению войны. Автор отмечает характерные черты войны в средние века. В статье выделяются отличительные особенности войны на Западе и на Востоке, исследуются этические вопросы войны, рассматриваются факторы, обеспечившие становление рыцарства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

война, антропология войны, феодальное общество, рыцарство, этика войны, войны на Западе и на Востоке

Karnaukh V. K.

Wars of the Middle Ages

Karnaukh Vladimir Kuzmich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of Chair of Philosophy and Cultural Science
Doctor of Science (Philosophy), Professor
karnauh_vk@mail.ru

ABSTRACT

The article discusses the role of war in the life of medieval society. Particular attention is paid to the human dimension of war. The author notes the characteristics of war in the Middle Ages. The article highlighted the distinctive features of the war in the West and in the East, examines the ethical issues of the war, the factors are considered, ensure the emergence of chivalry.

KEYWORDS

war, anthropology of war, feudal society, knights, ethics of war, wars in the West and in the East

С падением Римской империи на территории Западной Европы возник ряд варварских королевств. Эти королевства принципиально были ориентированы на войну, в них большинство общепризнанных ценностей были воинскими, институты общества и армии были тесно взаимосвязаны.

В отличие от римской военной организации варварские монархии не имели регулярных армий. Понятие границы почти исчезло. Любой регион мог подвергнуться нападению. Поэтому каждая социальная группа должна была сама заботиться о своей собственной безопасности. Принцип всеобщего набора в армию не соблюдался [7, с. 34].

Характерной особенностью феодального общества была раздробленность. Каждое из множества больших и малых княжеств стало центром независимой военной

*Статья является продолжением работы: Карнаух В. К. Война в традиционном обществе // Управленческое консультирование. 2013. № 1. С. 124–131. В отличие от распространенного подхода к войне как продолжению политики иными средствами, в данной статье война рассматривается с культурологических позиций, в человеческом измерении.

системы, обладавшей правом объявлять войну. В результате преобладало большое количество мелких войн. Крупномасштабную войну не всегда могли провести даже богатые государства. Самым могущественным монархиям удавалось собрать крупные армии только на несколько недель в году.

В период Средневековья возникает новая форма военной организации, основанная на ленной системе или вассалитете. Каждый крупный вассал, получивший от короля право собственности на землю, в обмен на это был обязан предоставлять королю определенное количество всадников в полном вооружении и в доспехах на определенное число дней в году. Кроме того, он был обязан защищать выделенную ему землю [12, с. 116].

Обязательная служба включала три повинности: походную, строевую и воинскую службу. Причем воинская служба стала гораздо менее обременительной, ее продолжительность уменьшилась с 60 до 40 дней [7, с. 93]. Однако воинские повинности, связанные с вассальными отношениями, постепенно смягчались и стали в дальнейшем играть второстепенную роль. Это привело к тому, что власти стали получать воинскую поддержку за денежное вознаграждение.

Новая военная организация была связана с переходом от всеобщего пехотного ополчения к конному войску. Массовый призыв в армию полностью исчезает, армия становится небольшим, но высококвалифицированным войском.

В средние века утвердился принцип распределения суверенной власти по многим ступеням, каждая из которых имела определенную самостоятельность. Обратной стороной такого распределения власти стало то, что все, кто имел некую самостоятельную военную силу, непрерывно враждовали между собой. В результате Средневековье превратилось в эпоху непрерывных гражданских войн.

В пространственно-временном аспекте военная организация Средневековья отличалась тем, что лица военного сословия, проживая в собственных дворах, были рассеяны по всей государственной территории. «Сколько времени уходило, — сокрушался Г. Дельбрюк, — на то, чтобы собрать вместе и привести несколько тысяч вассалов! Раньше, чем эти войска приходили, неприятель давно уже успевал удалиться с добычей» [1, с. 52]. Действительно, после объявления призыва проходило несколько недель, прежде чем войско собиралось на сборном пункте. Такая военная организация была слишком громоздка и совершенно непригодна для выполнения текущих задач. Поэтому при дворце императора находился немногочисленный постоянный военный отряд, предназначенный для осуществления небольших самостоятельных военных операций.

В условиях средневековой Европы распространенным способом ведения боевых действий стали рейды, набеги на неприятельскую территорию. Целью набегов было приобретение добычи, причинение вреда неприятелю при минимальных затратах и рисках для самих участников боевых действий. При слабой королевской власти и наличии сильных независимых сеньоров создавалась питательная среда для малых по размаху междоусобных столкновений [2, с. 109].

Пожалуй, самой серьезной опасностью, угрожавшей империи франков, были викинги. Главным преимуществом отрядов викингов, насчитывающих несколько сотен человек, была высокая мобильность. Используя корабли, а также коней, захваченных у врага, они легко застигали противника врасплох, проявляя при этом жестокость, коварство и дерзость.

Пехота была не способна противостоять набегам викингов. Силой, которая одержала победу над ними и спасла Западную Европу, были одетые в доспехи всадники, представители рыцарского сословия [14, с. 40].

В средние века вместо пехоты на передний план выдвигается новый род войск. Если в армиях классической древности пехотинцы составляли основное ядро войска, то в период Средневековья пешие воины с холодным оружием почти полностью

исчезли, а те бои, что происходили, были чисто конные бои. В отличие от римских легионов в средние века исход сражения решался не сплоченностью, ловким маневрированием или дружным натиском хорошо обученных, дисциплинированных тактических единиц, а личной храбростью и мастерством отдельных воинов. Неслучайно основным типом средневекового боя стали поединки рыцарей при поддержке других войск.

Специфика военного дела Западной Европы в эпоху Средневековья состояла в качественном преобладании хорошо обученной тяжелой кавалерии. В течение пяти с лишним столетий тяжеловооруженная кавалерия господствовала на европейских полях сражений. Для кавалерии жизненно важно было сохранять боевой порядок. Успешная атака зависела от веса и мощи конницы, двигавшейся в сомкнутом строю.

В XIV в. тяжелая конница взяла на вооружение пластинчатые доспехи. Причем их стали надевать и на лошадей. Однако растущий вес и неповоротливость пластинчатых доспехов лишали одетого в латы всадника быстроты и ловкости движений. В результате конные воины стали чем-то вроде снарядов, способных только наносить тяжелые удары прямо перед собой [12, с. 208].

В средние века воины считали себя привилегированным сословием. В отличие от римских легионеров такое войско не довольствовалось самым необходимым, а сопровождавший его обоз занимал гораздо большее пространство, чем сами боевые отряды.

Одной из слабых сторон такого войска оставалась дисциплина. В основе дисциплины, как известно, лежит право командиров налагать взыскания, ограничивать своеволие, что создает привычку к подчинению. Традиции такой дисциплины у рыцарей как раз и не было. Как справедливо подчеркивал Дельбрюк, «естественным наклонностям рыцарства, у которого все зиждется на личности, на личной чести, личной славе, личной отваге, созвучны не порядок и единообразие, но нарушение его...» [1, с. 172]. Даже клятва на верность сеньору не обязывала вассала к безусловному повиновению.

Условия децентрализованной феодальной системы давали возможность создавать только слабо дисциплинированную, временную немногочисленную армию. Причем большинство в ней составляли не рыцари, а оруженосцы и слуги [8, с. 156].

Войско набиралось время от времени, в основном весной. Феодальные войны велись с перерывами. Были даже периоды, когда призыв не разрешался [9, с. 240].

В период Средневековья используемое оружие было не стандартизовано. Такие виды дальнобойного оружия, как праща, катапульта и арбалет имели ограниченное применение. Основными видами оружия были мечи, пики, топоры, секиры и тараны. Все они приводились в действие мускульной силой и были рассчитаны на ближний бой [16, с. 68].

В период Средневековья не было ни военных школ, ни академий для подготовки кадров. Военное дело изучалось на войне, на поле боя. Такое обучение начиналось очень рано, еще в юношеском возрасте. При этом военный опыт накапливался постепенно и возрастал с годами.

Представления о военном искусстве в этот период существенно различались на Западе и Востоке. Военное образование молодых аристократов на Западе заканчивалось, когда они овладевали умением твердо сидеть на своих боевых конях и ловко владеть копьем и щитом. Однако они неизменно терялись при столкновении с противником, тактика которого им была неизвестна. В отличие от них восточные военачальники, умевшие не хуже обращаться с оружием, к практическим знаниям добавляли теоретические и применяли тактические приемы в каждом случае, лучше всего подходившие против конкретного противника.

Поскольку на Западе отступление считалось позором, рыцари вступали в сражение, когда бы им ни предложили его. Неудивительно, что на Востоке старались

тянуть время до тех пор, пока не обеспечивали себе все возможные преимущества. Через несколько недель войны другой стороны, восприимчивые к усталости, начинали разъезжаться по домам.

На Западе нередко проявляли беззаботность относительно боевого охранения и разведки, что позволяло напасть врасплох на их лагерь. На Востоке предпочитали измотать войска противника мелкими стычками и затяжными боевыми операциями, чем пытаться уничтожить его одним ударом.

В средние века на Западе утвердилась определенная система ценностей. Одной из главных ценностей считалось мужество, проявленное в бою. Право командовать часто ставили в зависимость от личной доблести воина. В сражении требовалось, с одной стороны, совершать высокие подвиги и доблестные деяния, а с другой — избегать позора из-за лени и трусости. Однако понятия жертвенности, абсолютной самоотверженности были чужды средневековой ментальности [3, с. 273].

В период Средневековья общепризнанными стали четыре типа войны, диктовавшие соответствующие нормы поведения [11, с. 150]. Одним из них была «война до смерти» или война на истребление. В ней попавшего в плен врага ожидали либо рабство, либо смерть. В такой войне не проводилось различий между воинами и мирным населением. К данному типу войн относились религиозные войны, ведущиеся против мусульман или язычников. Среди христиан они велись относительно редко. Только в исключительных обстоятельствах рыцари соглашались воевать на таких условиях.

Другим типом войны была открытая или публичная война. В ней принцы враждовали между собой, а рыцари занимались разорением земель соседей. Если они захватывали противника в плен, они могли рассчитывать на соответствующий выкуп.

Еще одним типом была скрытая война. В такой войне допускались убийство и ранения, однако поджог, пленение или мародерство считались неприемлемыми. Временным перерывом в военных действиях считалось перемирие.

Наконец, собственный свод правил выработала осадная война. Причем, если походы и осады совершались довольно часто, то тщательно спланированные сражения на определенных участках были сравнительно редким явлением [11, с. 155]. В таких сражениях полководец мог лишь частично контролировать свои войска во время боя. Более того, он не был до конца уверен в преданности своих войск. Поэтому чтобы снизить вероятность измены, пускались в ход, с одной стороны, лесть, уговоры, обещания земель и щедрой добычи, а с другой — разного рода меры принуждения, наказания и угрозы.

Чтобы подавить моральный дух противника, воспрепятствовать эффективному набору войска, а также сократить численность его боеспособной живой силы в период Средневековья практиковались как массовые убийства, так и причинение увечий противнику [11, с. 246].

В период Средневековья армии как таковые не брали пленных. Считалось, что жизнь и имущество пленного принадлежат тому, кто его захватил. Поскольку пленные считались частной собственностью, общение с ними зависело от выкупа, который за них могли заплатить [8, с. 112]. Кроме того, согласно «рыцарским кодексам» с заключенными благородного происхождения нельзя было плохо обращаться без особых на то причин [8, с. 113].

В отличие от них простых воинов предавали смерти без особых последствий. Особенно в уязвимом положении оказывались лучники и арбалетчики. Учитывая их меткость при стрельбе, им мстили за погибших товарищей с особой жестокостью [11, с. 244].

На протяжении раннего Средневековья происходит, с одной стороны, упадок старой системы, при которой вооруженный народ был боевой единицей, а с другой — постепенное развитие новых форм боя, которое завершается в XI в., когда

феодалный рыцарь утвердил свое превосходство над всеми видами противостоявших ему войск [14, с. 35, 36].

С рыцарством связывают кодекс чести и культуру воинского сословия, для которого война стала основной наследственной профессией [5, с. 424].

Отношения сеньора и давшего ему клятву вассала носили чисто личный характер. Такая клятва не налагала никаких обязанностей по отношению к наследникам и к семье сеньора и, как только последние вступали во владение, требовался новый обоюдный договор. Естественно, такое положение не могло удовлетворить монархов. Поэтому при Карле Великом вводится верноподданническая присяга, которая приносилась не только монарху, но и всей династии. В результате присяга утратила чисто личный характер, а время ее действия больше не ограничивалось продолжительностью жизни сюзерена.

Следует отметить три отличительных фактора, оказавших влияние на процесс становления рыцарства и вносящих в него свой набор ценностей [2, с. 144]. Первым фактором была воинская этика, которая ориентировала на храбрость в сражении, на физическую силу и сноровку, мастерство наездника, умелое применение копья и меча. Вторым фактором были бои и турниры. Считалось, что в них рыцарю недостойно использовать какие-либо сомнительные средства для достижения победы. Третьим фактором были верность товарищам и сеньору. Верность, прежде всего в сражении, оставалась главной мужской доблестью. В то же время неверность или измена господину считались величайшим бесчестьем [2, с. 144–146].

Подъем рыцарства был связан с важными изменениями в военной технике. К этим изменениям следует отнести применение стремени, изобретение высокого седла и овладение новой техникой удержания копья. Все эти новшества обеспечили военное превосходство конного войска.

Причем главное нововведение в технике боя состояло в такой кавалеристской атаке, при которой всадники наносили удар копьями, направленными строго горизонтально. «Отныне рука не разит, а лишь направляет копье в сторону противника, которого нужно сразить» [17, с. 113].

Способ действия кавалерии совершенно изменили стремяна. Если раньше всадник был в первую очередь подвижным лучником и метателем легких копий, то теперь он стал конным тараном, а стремяна удерживали его в седле в момент удара копья [4, с. 116].

Первоначально группа рыцарей как профессиональных бойцов была открыта для доступа. Однако со временем рыцарство становится все более закрытым слоем общества. Появились сложные ритуалы, которые затрудняли вход в рыцарское сословие. Так постепенно рыцарство из группы профессиональных воинов превращалось в замкнутое сословие, смешиваясь со знатью. С XII в. и до конца Средневековья рыцарство представляло собой сословие, которое стало особым видом закрытой корпорации [19, р. 68].

Боевое снаряжение рыцаря помимо лошади состояло из меча, копья, лат, шлема, щита и шпор [6, с. 4]. Меч рыцаря выделял своего обладателя, символизируя его превосходство. Главным деянием рыцаря, придающим смысл его жизни, становятся войны и турниры, дающие возможность подготовиться к ней. Война для рыцаря превращается в игру, в которой он рискует не только жизнью, но и честью, ценившейся дороже жизни [3, с. 22].

Отправляясь воевать, рыцари руководствовались не только желанием исполнить долг вассала, но и своими собственными целями. Среди них важное место занимало стремление к личной славе.

Воины рыцарского звания, сражаясь, рисковали жизнью в бою. Однако этот риск был меньше, чем у других участников сражения. С одной стороны, доспехи обеспечивали надежную защиту от вражеского оружия, а с другой — рыцарская этика,

которой, как правило, руководствовались и противники, тоже нередко служила ему добрую службу [2, с. 134]. И все же доспехи не обеспечивали полной защиты и угроза смерти существовала всегда.

Рыцари Средневековья не знали дисциплины, обязательного воинского построения. Конечно, в феодальных государствах соблюдался порядок и субординация, известно было и повиновение, но ничего подобного воинской дисциплине в римских армиях здесь не было [19, р. 69].

Этос рыцаря включал две не согласующиеся друг с другом иерархии ценностей. С одной стороны, рыцарскому этосу были присущи неустанное стремление к славе и превосходству, первенствующее значение смелости, необходимой для защиты своей чести, обязательная щедрость, солидарность элиты как таковой [15, с. 82–85]. С другой стороны, для него были характерны полное неуважение к чужой жизни, месть за любую реальную или мнимую обиду, предпочтение соображений собственного престижа общему интересу [15, с. 85, 95].

Под влиянием церкви, стремившейся смягчить рост насилия, рыцари стали обретать новые нравственные идеалы. Считалось, что настоящий рыцарь должен был защищать церковь, сражаться только в справедливых войнах, охранять слабых от насилия и произвола [6, с. 7].

Заметный издали рыцарь подавал пример рядовым воинам, воодушевлял их и вел за собой в бой. Чтобы соответствовать своему высокому статусу, рыцарь должен был отличаться исключительной храбростью. Рыцарский идеал наделялся благочестием и добродетелью. Ему были присущи аскетизм и мужественное самопожертвование. Стремление к рыцарской славе и чести было неразрывно связано с почитанием героев. Тем не менее, как отмечал Хейзинга, высокомерие, насилие и корысть не были чужды и этому олицетворению благородства [18, с. 75–76, 82].

В проводимых поединках рыцари все чаще стремились не убивать своего противника, а взять его в плен. Такое отношение объясняется не только жадностью добычи, стремлением брать в плен тех, с кого можно было получить выкуп. Новое отношение усиливалось по мере развития в рыцарстве сословного духа, заставлявшего видеть в противнике брата по ордену, товарища по оружию, которого требовалось оберегать и щадить [1, с. 183].

Важным событием в истории Европы в XI–XIII вв. стали крестовые походы. Они включали военные действия христиан в Палестине, направленные на то, чтобы отобрать у мусульман Святую землю и гробницу Христа в Иерусалиме [10, с. 147]. По оценке Кантамина «первый крестовый поход был самым великим событием этой эпохи» [7, с. 71]. Участникам крестовых походов противостояли турки-сельджуки, главным достоинством которых была высокая мобильность. Турецкие всадники имели более легкое вооружение, чем рыцари Запада. Они были способны причинять беспокойство своим противникам, обходить с флангов, окружать, заставить их врасплох. Изобразив бегство, турки нарушали боевые порядки противника, осыпая врага залпами стрел и, используя его ослабление или смтение, бросались врукопашную.

И хотя окончательные результаты крестовых походов были незначительны, они по своему психологическому накалу стали вершиной экспансионизма средневекового христианского мира [10, с. 66].

Благодаря крестовым походам возникли военно-религиозные ордены, состоявшие из добровольцев, которые становились их постоянными членами. Члены орденов подчинялись не только воинской, но и монашеской дисциплине. Их отличали послушание и дисциплина в сражении, умеренность и аскетизм в повседневной жизни, пребывание в общине, отказ от жен и детей. Широкую известность получили ордены тамплиеров и госпитальеров. Для монахов этих орденов разрешалось не только с помощью молитв, но и с помощью оружия насаждать христианство, сражаться с неверными и язычниками [9, с. 97].

К концу XI в. в западном христианском мире начинает утверждаться концепция священной войны. Священной войной объявлялись военные действия, которые носили наступательный характер. При этом крестовые походы рассматривались как правомерные и даже представлялись образцом справедливой войны. Считалось, что эта война ведется не по одной воле людей, а по прямому волеизъявлению Бога.

Средневековые войны были сосредоточены главным образом на осадах замков и городов. Именно они становились основными целями военных кампаний. И это не случайно. Города и замки выступали символами власти и могущества. Они отличались высокой плотностью населения, концентрацией богатства, экономическое производство и центрального управления. Неудивительно, что пути движения армий в походе, как правило, диктовались расположением замков.

У замков имелись мощные укрепления на небольшой протяженности. Их каменные стены достаточно надежно защищали от огня и камнеметных машин. Замки располагались в труднодоступных местах, чаще всего в горах [13, с. 6].

Поскольку замки отличались исключительной прочностью своих фортификаций, это давало возможность пассивно обороняться очень долго. Даже малочисленный гарнизон мог удерживать укрепление, пока не кончалось продовольствие. Поэтому замки больше осаждали, нежели брали штурмом [14, с. 88–90].

Замки служили первоочередным убежищем для населения. Однако они были не только оборонительными сооружениями, но и выполняли наступательную роль. В пограничных областях замки служили плацдармами для предстоящих зарубежных походов.

Первичная функция замка заключалась в подчинении определенной прилегающей территории, распространении на нее власти лорда. Осуществление этой функции зависело в первую очередь от силы ее гарнизона и, прежде всего, кавалерии.

В обмен на защиту от чужеземцев рыцари замка требовали, чтобы жители окрестных деревень кормили и содержали их. Неудивительно, что рыцарство сравнивали с настоящей оккупационной армией, которая жестко и дико обирала народ, терроризировала его [3, с. 17].

В период раннего Средневековья количество замков было еще незначительно, и осады городов преобладали над осадами замков. Основными методами завоевания городов были внезапность, связанная с небрежностью охраны, хитрость или подкуп. Длительных осад старались всеми силами избегать [13, с. 64, 65].

Осадное искусство в Европе испытало значительное римское, византийское и арабское влияние. В то же время оно отличалось рядом особенностей.

Осадные мероприятия, например создание насыпей к стенам, требовали большого количества рабочей силы и были невыполнимы в условиях Средневековья, когда преобладали малочисленные армии.

Кроме того, поскольку набор в армию основывался на принципе феодальной зависимости, то по истечении 40 дней вассалы могли покинуть своего сюзерена, а содержание наемников было дорогим.

Осада замков и городов проводилась разными способами. Потенциально самым быстрым способом был штурм или приступ. Несмотря на то, что атакующие, как правило, несли большие потери при штурме, он давал возможность преодолеть такие тяготы длительной осады, как голод, дезертирство и риск столкновения с неприятельским войском.

Чтобы разрушить укрепления противника, применялись такие осадные орудия, как мангонель, требушет, баллисты. Однако главной машиной для штурма была осадная башня, которую на колесах или на катках подкатывали к самым стенам замка или города.

К числу эффективных средств осады относились подкопы, однако они таили в себе большую опасность и риск.

Наиболее длительной по времени и тяжелой по своим последствиям была блокада. Ее участники вынуждены были терпеть голод, лишения, болезни, переживать гибель товарищей и долгую разлуку с близкими и родными.

Когда войны стали продолжительными и происходили вдали от государственных границ, феодалам уже нельзя было полагаться только на войско своих вассалов. Не случайно, во второй половине XII в. большинство европейских монархов начинают широко использовать наемников. Хотя наемники уступали в боевом духе феодальной войску, они были более дисциплинированы.

Наемники отличались алчностью и жестокостью. Тем не менее пока им платили, сохранялась уверенность в том, что они останутся в строю [14, с. 85–86].

В XIV в. пехота вновь начинает обретать свою военную значимость. Облеченным в доспехи рыцарям приходилось признавать превосходство в военном искусстве английских лучников, а также швейцарских копейщиков и алебардистов. Первые имели возможность отразить атаку путем скорой и точной стрельбы, а вторые добивались победы над численно превосходящим противником неудержимым, мощным ударом сомкнутой колонны, ошетилившейся частоколом копий и алебард [14, с. 95].

Характерными качествами швейцарской пехоты были стойкость, надежность и быстрота передвижения. Швейцарцев отличали, с одной стороны, глубочайший патриотизм, непоколебимая отвага и готовность к самопожертвованию, а с другой — безжалостная жестокость в обращении с противником.

У швейцарцев стало правилом начинать бой первыми и никогда не позволять противнику атаковать себя. Однако, как только в шеренге швейцарцев образовывалась брешь, им приходилось бросать длинные пики, и они оказывались в весьма невыгодном положении перед лицом противника.

Применение большого лука стало ключом к успехам английских армий. Большой лук соперничал с арбалетом, превосходя его в скорострельности. Неудивительно, что он стал основным стрелковым оружием пехоты этого времени [12, с. 211]. Как показало сражение при Креси, лучники при должной поддержке спешившихся тяжеловооруженных всадников способны отразить самые решительные атаки конницы.

Таким образом, швейцарские копейщики, алебардисты и английские лучники сыграли главную роль в ниспровержении английской конницы.

На протяжении Средневековья изменялся характер войны. Если в начальный период сражения напоминали игру, не особенно отличающуюся от охоты, то к концу Средневековья война обретает все более ожесточенный характер, что проявилось в Столетней и гражданской войнах. Война стала вездесущей, она внушала страх и сеяла смерть, подстерегая каждого [3, с. 243]. Большие отряды мародеров убивали и жгли с дикой жестокостью. В войны вовлекаются все более широкие слои населения; возникают целые группы людей, живущих за счет войны.

В обществе утвердилось определенное отношение к войне. Для высших слоев общества война выступала способом обогащения и повышения социального статуса. Низшие его слои рассматривали войну не как инструмент в руках короля, а как порождение пороков и жадности баронов. Война считалась бедствием, аналогичным чуме, которое навлекалось на народ распущенной знатью [8, с. 113].

Литература

1. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 3. Средневековье. Изд. 2-е, стер. СПб. : Наука, 2008.
2. Джонс Р. История рыцарства. М. : Эксмо, 2014.
3. Дюби Ж. Европа в Средние века. Смоленск : Полиграмма, 1994.
4. Кенингсбергер Г. Г. Средневековая Европа, 400–1500 годы. М. : Изд-во «Весь мир», 2001.
5. Кин М. Рыцарство. М. : Научный мир, 2000.

6. К्लешан П. Рыцарство. СПб. : Евразия, 2004.
7. Контамин Ф. Война в Средние века. СПб. : Ювента, 2001.
8. Кревельд М. ван. Трансформация войны. М. : Альпина Бизнес Букс, 2005.
9. Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб. : «Александрия», 2007.
10. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М. : Прогресс. Прогресс-Академия, 1992.
11. Макглинн Ш. Узаконенная жестокость: правда о средневековой войне. Смоленск : Русич, 2011.
12. Никерсон Х. Война в эпоху Римской империи и в Средние века. М. : ЗАО Центрполиграф, 2008.
13. Носов К. Осадная техника Античности и Средневековья. СПб. : ООО «Изд-во „Полигон“», 2003.
14. Оман Ч. Военное искусство в Средние века. М. : ЗАО Центрполиграф, 2011.
15. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: исследование по истории морали. М. : Прогресс, 1987.
16. Тоффлер Э. Война и антивоина: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М. : АСТ, 2005.
17. Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в средние века. М. : Молодая гвардия, 2006.
18. Хейзинга И. Осень Средневековья. Соч. в 3 т. Т. 1. М. : Изд. группа «Прогресс», «Культура», 1995.
19. Koch H. W. *Medieval warfare*. L. : Bison, 1978.

References

1. Delbrück G. *The History of military art in the framework of political history* [Istoriya voennogo iskusstva v ramkakh politicheskoi istorii]. Vol. 3. Middle Ages. Ed. 2nd. SPb. : Science [Nauka], 2008. (rus)
2. Jones R. *The history of chivalry* [Istoriya rytsarstva]. M. : Eksmo, 2014. (rus)
3. DUBY J. *Europe in the middle Ages* [Evropa v Srednie veka]. Smolensk : Polygrams [Poligramma] 1994. (rus)
4. Königsberger G. G. *Medieval Europe, 400–1500 years* [Srednevekovaya Evropa, 400–1500 gody]. M. : Whole world [Ves' mir], 2001. (rus)
5. Kean M. *Knighthood* [Rytsarstvo]. M. : Scientific World [Nauchnyi mir], 2000. (rus)
6. Kleshan P. *Knighthood* [Rytsarstvo]. SPb. : Eurasia, 2004. (rus)
7. Contamines F. *War in the Middle Ages* [Voina v Srednie veka]. SPb. : Yuventa, 2001. (rus)
8. Van Creveld M. *Transformation of War* [Transformatsiya voiny]. M. : Alpina Business Books 2005.
9. Le Goff J. *Birth of Europe* [Rozhdenie Evropy]. SPb. : Alexandria, 2007. (rus)
10. Le Goff J. *Civilization of the medieval West* [Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada]. M. : Progress. Progress Academy 1992. (rus)
11. McGlynn Sh. *Legalized brutality: the truth about medieval war* [Uzakonennaya zhestokost': pravda o srednevekovoi voine]. Smolensk : Rusich, 2011. (rus)
12. Nickerson H. *War in the era of the Roman Empire and the Middle Ages* [Voina v epokhu Rimskoi imperii i v Srednie veka]. M. : Tsentrpoligraf, 2008. (rus)
13. Nosov K. *Siege Equipment of Antiquity and the Middle Ages* [Osadnaya tekhnika Antichnosti i Srednevekov'ya]. SPb. : LLC «Publishing house “Polygon”», 2003. (rus)
14. Oman Ch. *The Art of War in the Middle Ages* [Voennoe iskusstvo v Srednie veka]. Trans. from English. M. : Tsentrpoligraf, 2011. (rus)
15. Ossowski M. *Knight and the bourgeois: a study on the history of morality* [Rytsar' i burzhua: Issledovanie po istorii morali]. M. : Progress, 1987. (rus)
16. Toffler E. *War and Anti-War: What is war and how to deal with it. How to survive in the dawn of the XXI century* [Voina i antivoina: Chto takoe voina i kak s nei borot'sya. Kak vyzhit' na rassvete XXI veka]. M. : AST, 2005. (rus)
17. Flory G. *The daily life of the knights in the Middle Ages* [Povsednevnyaya zhizn' rytsarei v srednie veka]. M. : Young Guard [Molodaya gvardiya], 2006. (rus)
18. Huizinga J. *Autumn of the Middle Ages* [Osen' srednevekov'ya]. In 3 vol. V. 1. M. : Publ. group «Progress», «Culture», 1995. (rus)
19. Koch H.W. *Medieval warfare*. L. : Bison, 1978.

Лыткина Л. В.

История протожурналистики древних цивилизаций

Часть 1. Типы коммуникаций в древнегреческих полисах

Лыткина Лариса Владимировна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Профессор кафедры филологии и журналистики
 Доктор филологических наук, доцент
 lvytkina@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье исследуются основные пространства коммуникации древнегреческих демократических полисов (агора, святилище, театр, гимнасий), устанавливается роль софистов и сикофантов в формировании дожурналистских явлений Древней Эллады, анализируются тексты объявлений в левкомах, а также произведения Лисия и Демосфена.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

коммуникация, полис, протожурналистика, левкома, софисты, медиатекст

Lytkina L. V.

The History of the Protojournalism of Ancient Civilizations. Part 1. The Types of Communications in the Ancient Greek Polities

Lytkina Larisa Vladimirovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Professor of the Chair of Philology and Journalism
 Doctor of philological Sciences, associate Professor
 lvytkina@yandex.ru

ABSTRACT

The article examines the main space of communication of the ancient Greek democratic polities (agora, sanctuary, theatre, gymnasium), ascertains the role of the sophists and of sycophants in the formation of prejournalism phenomenons of Ancient Greece, examines the texts of advertisements in leukomas, as well as works of Lysias and Demosthenes.

KEYWORDS

communication, policy, protojournalism, leucoma, the sophists, the media text

Рассказ о дожурналистских опытах массовой коммуникации в античной Греции охватывает период с IX по I вв. до н. э. Французская исследовательница К. Куле, автор монографии «СМИ в Древней Греции» (2004) измеряет «масштаб коммуникации полисным аршином» [7, с. 9]. Она представляет полисы Эллады как небольшие независимые друг от друга общины, зародившиеся в IX–VIII вв. до н. э., жители которых были связаны общим прошлым, культурой и планами на будущее [7, с. 44].

Российский ученый И. Суриков определяет «полис как городскую общину, в которой человек считался гражданином и пользовался всей полнотой гражданских и политических прав, поскольку обладал земельным наделом» [9, с. 6]. Исследователь поясняет, что слова «Греция», «греки» ввели в употребление древние римляне. Сами же греки и ныне называют свою страну Элладой [9, с. 13].

Пространство коммуникации в полисе заполнялось агорой («агор» в переводе с греческого «говорить» — Л. Л.), святилищем, театром и гимнасием. Анализ роли

и значения каждого из названных пространств поможет нам выявить элементы протожурналистики.

М. Гаспаров в книге «Занимательная Греция» (2008) рассказывает о царе Кодре, спасшем Афины, когда доряне осадили город [5, с. 14–15]. Старейшины постановили, что после Кодра никто в Афинах не должен носить имя «царь». Главы государства будут избираться, называть их будут правителями (архонтами). Первые архонты выбирались пожизненно, затем — на десять лет и, наконец, на один год. Архонт имел помощников (архонт-жрец, архонт-воевода и шесть архонтов-судий), которые и составляли коллегию девяти архонтов. После года правления они становились членами совета старейшин, заседавшего на холме бога Ареса — Ареопаге [5, с. 15].

Но высшей властью в демократических полисах оставалось народное собрание. Граждане сходились на агоре, общественной и торговой площади. Здесь происходило обсуждение различных социальных проблем, велись политические споры [7, с. 52]. Тем самым закладывалась традиция обмена информацией, дискуссии, иными словами, формирования и выражения общественного мнения, а также намечались основы будущей политической журналистики.

На агоре имел право выступить каждый, его бы обязательно выслушали. В Афинах народное собрание (эκκλeσιa) проводилось один раз в полторы недели. Выступавшие должны были подняться на трибуну — «белый каменный куб в рост человека», к нему с двух сторон вели каменные лесенки» [5, с. 207].

В демократических полисах, в Афинах, например, раз в год проводился «суд черепков». Каждый гражданин обязан был на глиняном черепке (по-гречески «черепок с острыми краями» — острагон, отсюда современное — «остракизм» — Л. Л.) начертать, нацарапать имя того политика, чье влияние, по его мнению, было слишком велико и реально могло угрожать власти народа [5, с. 173]. Из этого факта можно вывести предположение, что граждане Эллады были в основной своей массе грамотными.

Греческая письменность восходит к XVI–XIV вв. до н. э. В крито-микенскую (возникшую на острове Крит — Л. Л.), или минойскую (по имени легендарного царя Миноса, правителя острова) цивилизацию (III–II тыс. до н. э.) возникает искусство письма.

Честь открытия минойской цивилизации принадлежит английскому археологу сэру Артуру Эвансу, прибывшему на Крит в 1898 г. Он установил, что первоначально критяне фиксировали информацию с помощью иероглифов. Были найдены тексты на глиняных табличках, или печатях. На них сохранились условные «линейные знаки», «рисунчатые» письмена. Они получили название «линейное письмо А». Прочсть тексты до сих пор не удалось. По сообщению А. Кондратова, найденные таблички, во-первых, очень кратки, содержат всего несколько знаков; во-вторых, мало самих текстов; в-третьих, невелик набор критских знаков, их менее 150, в-четвертых, неизвестно на каком языке они написаны [6, с. 65]. С помощью знаков «линейного А» писали коренные жители острова, минойцы.

В середине II тыс. до н. э. на Крите появились эллины (ахейские греки). Они заимствовали у критян письмо, но создали свой его вариант, передающий греческую речь. Артуром Эвансом были обнаружены его образцы на глиняных печатях, надписи на сосудах. Эти письмена получили название «линейного Б». Их расшифровал в 1952 г. Майкл Вентрис. Письмо состояло из 28 фонетических знаков, каждый из которых обозначал слог. Отсюда возникло и другое наименование письменности — силлабарий (от греческого syllaba — слог).

По мнению К. Куле, эта греческая письменность возникла не для литературного или религиозного общения, а из сугубо экономических нужд, с целью учета запасов дворцовых кладовых. Ею владели не более сотни человек, видимо, дворцовые управленцы.

Силлабарий ахейских греков оказался забытым в «темные века» (XI–IX вв. до н. э.). Этот период называют также гомеровским, ибо тогда были созданы исторические поэмы-эпопеи «Илиада» и «Одиссея». Он стал временем политического, социального, культурного упадка. Эллада потеряла государственность, пресеклась цивилизация. Греция стала бесписьменным обществом [9, с. 39].

В IX в. до н. э. эллины вновь обрели письменность. В эти времена были восстановлены торговые связи с цивилизациями Ближнего Востока, где грамотность имела давнюю традицию и никогда не прерывалась. Жители Эллады заимствовали и усовершенствовали алфавит финикийцев. По мнению исследователей, финикийское письмо сформировалось примерно в 1000 г. до н. э. на Синайском полуострове, располагавшемся между Египтом и Палестиной [6, с. 160].

Греки творчески подошли к алфавиту финикийского (одного из семитских) языка. Они несколько изменили названия букв («алеф» — «альфа», «бет» — «бета», «гимель» — «гамма» и др.), но в целом сохранили алфавитный порядок; к согласным финикийским знакам добавили пять гласных. Формирование алфавита шло несколько веков. Лишь к середине IV в. до н. э. начинает повсеместно использоваться «классический» алфавит греков, насчитывающий 24 знака.

Итак, в V–IV вв. до н. э. в крупнейших греческих полисах граждане были грамотными [9, с. 49; 6, с. 88–92]. Умение справляться с письменным текстом позволяло эллинам знакомиться с надписями, начертанными на стенах храмов, на отдельных стелах, каменных плитах, глиняных черепках. Подобных надписей найдено множество, но они, как правило, кратки. В основном это документы — законы, священные уложения, договоры, иными словами, информация для длительного хранения. Главным ее назначением было представить нормативную (например, законы Драконта, Солона), программную (о военных сборах), фактологическую информацию.

Древние греки должны были знакомиться и с сиюминутными новостями. Подобные временные надписи наносились на выбеленные деревянные таблички или доски. «Левк» по-гречески — белый. Поэтому, видимо, эти доски получили название левкома (во множественном числе — левкомата). Они вывешивались в местах наиболее популярных у жителей полисов, например, на агоре.

Древний эллин был человеком государственным. Большую часть времени он проводил вне стен своего дома, принимая непосредственное участие в работе экклесии, на агоре, в празднествах, шествиях, состязаниях, симпозиях. Поэтому знание о событиях дня сегодняшнего или недавнего прошлого было для древнего грека важным. К. Куле предполагает, что левкома могла выполнять роль местных газет [7, с. 88–92]. Очевидно, что подобное издание содержало лишь информацию в узком смысле слова, новость, но не имело комментария, было лишено валлюативных начал.

М. Гаспаров в книге «Занимательная Греция» публикует тексты объявлений эллинов. Приведем один из них: «Аристокен, сын Хрисиппа из Алабанды, объявляет: бежал раб, именем Гермон, откликается также на имя Нил, родом сириец, лет ему 18, роста среднего, без бороды, на подбородке впадинка, около левой ноздри родимое пятно, под левым углом губ рубец, на кисти правой руки татуировка варварскими буквами. Унес с собою денег столько-то и жемчужин 10 штук, а также лекиф с банным благовонием и скребницы. Одет был в плащ для конной езды. Кто укажет, где он скрывается, получит столько-то; кто приведет его, получит вдвое; кто сманил его, получит втрое. Вместе с ним бежал Бион, раб Калликрата, роста малого, широкоплечий, ноги крепкие, одет был в невольнический плащ; унес с собою женскую шкатулку в такую-то цену. Кто укажет или приведет его, получит столько же. Заявления делать помощникам градоначальников» [5, с. 252].

Этот текст уже можно анализировать. Допустимо отнести его к одной из модификаций заметки, к анонсу, который близок объявлению. Оно, во-первых, извещает

о событии (побег двух рабов), тем самым вводя фактологическую информацию. Во-вторых, в анализируемом тексте помещается программная информация (указаны приметы сбежавших, что поможет в их поисках). В-третьих, дана нормативная информация («кто укажет или приведет его, получит...» и т. д.). Объявление вызвано утилитарными потребностями (отыскать беглецов и похитителей чужого имущества). Поэтому в объявлении достаточно подробно изложены детали (описана внешность Гермона и Биона; указаны суммы вознаграждений).

Для письма древние греки использовали папирус, доставлявшийся из Египта. Папирус изготавливали из стеблей растения. Стебли разрезали на тонкие полосы, накладывали их друг на друга и склеивали. Папирусная книга имела форму свитка. Но во II в. до н. э. в связи с дороговизной папируса был изобретен второй важный материал для письма — пергамент (особым образом обработанная телячья кожа). Тогда же появилась и современная форма книги — кодекс [9, с. 11].

Агора, которая была местом всеобщего участия граждан в управлении полисом и способствовала выработке высокого уровня самосознания, исполняла роль своеобразной судебной инстанции. Здесь решались споры. Выслушивались обвинения, звучали речи в защиту тех или иных проектов или персон. В V в. до н. э. в Афинах на агоре «кишмя кишели» (К. Куле) сикофанты — профессиональные доносчики, клеветники, шантажисты. Они могли явиться к любому известному в обществе человеку с угрозами о привлечении его к суду. Это был целый класс профессиональных обвинителей. Ими закладывались основы «серой» и «черной» пропаганды [10, с. 194–195].

Сикофанты, отмечает К. Куле, в некоторой степени исполняли роль нашей желтой прессы. Но сами они свои действия трактовали как реализацию функции общественного контролера. «О себе они говорили: „Мы — сторожевые псы закона“» [5, с. 331].

Аристофан в комедии «Плутос» (388 г. до н. э.) вывел образ доносчика. В «Эпизодии пятой» герой по имени Честный обращается к сикофанту: «Так чем живешь ты, ничего не делаешь?»

Доносчик отвечает так:

«О всех делах — и частных, и общественных
Забочусь я.
Не должен ли заботиться
По мере сил я о своем отечестве?
Помогать законам установленным
И преграждать пути их нарушителям» [2, с. 453].

В действительности законодательную власть в Афинском полисе осуществляли все граждане. Но они — по разным причинам — не всегда могли принимать участие в работе экклесии. И тогда заметно возрастала роль сикофантов и демагогов. Первые — распространители ложных слухов и шантажисты могли нанести урон репутации или разрушить карьеру политического деятеля; вторые — «вожди народа» — были ловкими ораторами, способными манипулировать общественным мнением [9, с. 99].

Итак, агора в Древней Греции была одной из зон коммуникации, где зарождались отдельные элементы протожурналистики как политической, так и внепартийной.

Чисто афинским изобретением был античный театр. Он возник в этом демократическом полисе около 534 г. до н. э. и представлял собой скорее празднество, фестиваль, религиозное театрализованное действо (хотя жанры драматургии уже закладывались).

Празднества в Древней Греции считались одновременно религиозным и государственным актом. Эллина полагали, что участие в них — это их право, но и долг.

Жители полисов на празднествах были участниками представлений, а не зрителями [5, с. 233]. Подобные самостоятельные выступления ежегодно готовились определенными людьми.

Афиняне и жители других полисов ставили «спектакли» по случаю Леней, или Зимних Дионисий, Анфестерий также в честь бога Диониса; Панафиней в честь Афины и Элевсиний в честь Деметры, богини земли. Участники празднеств проходили торжественной процессией по всему городу (например, изображая прибытие Диониса, бога умирающих и возрождающихся сил природы), совершали жертвоприношения и обряды, организовывали музыкальные и спортивные состязания.

Устроители празднеств извещали об этом жителей, проводя своеобразную генеральную репетицию. Она, по мнению К. Куле, соответствовала нынешним театральным афишам или рекламным роликам кинофильмов. Сегодня это явление мы могли бы оценить как элемент устной протожурналистики.

Существовали в Древней Греции и общегреческие праздники. Их было четыре. В 776 г. до н. э. в области Элида, в Пелопонесе, в Южной Греции в городке Олимпия в зеленой дубовой роще, посвященной Зевсу, устроили первые Олимпийские состязания. Раз в 4 года в пору летнего солнцестояния по всей Греции объявлялось священное перемирие и проводились Олимпийские игры. Позднее появились Пифийские игры в Дельфах, где, кроме спортивных, были и музыкальные состязания. Близ Коринфа проводились Истмийские игры, а в Арголиде — Немейские игры.

По окончании всех праздничных церемоний организаторы с архонтом во главе собирали зрителей для публичного обсуждения и подведения итогов представлений. Тем самым формировались элементы протопиара, а также, хотя и в устной форме, начинал заявлять о себе жанр аналитической журналистики — отчет, вероятно, с частичным комментированием.

Местом коммуникации в греческих полисах было и святилище. Созданное для прославления богов и героев, оно включало храм со статуей божества, алтарь для жертвоприношений и сокровищницу. Общение на святилище происходило как между людьми, так и между богами и людьми.

Следует выделить важный для нашего повествования аспект коммуникации — обращение к оракулу. В Древней Греции оракул — это не человек, а особое место на святилище, где давались предсказания от имени божества.

Первый греческий храм, построенный в честь бога Аполлона, сошедшего с небес к людям, был построен в Дельфах. «Раз в месяц на треножник в глубине храма садилась прорицательница — пифия. Ей задавали вопросы, она отвечала на них несвязными криками, а жрецы перекладывали ее слова благозвучными стихами и передавали спрашивающим» [5, с. 46]. Таким образом, обряд имел строго регламентированный и тщательно поддерживаемый ритуал [7, с. 56–63]. Но при обращении к оракулу официальных лиц (полис, еkkлeсия, видный политический деятель) практиковалась письменная форма, что можно соотнести с современным жанром запроса. Ответ давался также письменно, но всегда имел метафорическую форму.

Еще одним пространством коммуникации древнегреческого полиса был гимнасий. Он возник как место ежедневных занятий спортом, но постепенно превратился в интеллектуальный центр, где происходило настоящее обучение наукам. К. Куле, принимая и подтверждая рядом примеров определение греческого полиса как «цивилизации болтовни» (исследовательница уточняет: «мужской болтовни»), обращает внимание на тот факт, что в первой трети V в. до н. э. возникла новая техника коммуникации — риторика [7, с. 80].

По утверждению Цицерона, она зародилась на Сицилии около 465 г. до н. э. Но очень скоро распространилась практически по всей Греции. Ее ярчайшими пред-

ставителями были софисты. Они так определяли себя: «Я не мудрец — обладатель мудрости; не философ — любитель мудрости; я — софист, специалист по мудрости» [5, с. 254]. До нас дошли имена выдающихся из них: Протагор, Гиппий, Горгий, Продик. Это были странствующие учителя мудрости. Они переезжали из полиса в полис, произносили речи, привлекая толпы слушателей, в доступной форме излагали собранные человечеством знания. Богатые семейства платили им за уроки большие деньги.

Но, как отмечает И. Суриков, афиняне старшего поколения, традиционного склада ума относились к этим учителям скептически и не без опаски, называя их пренебрежительно «софисты», т. е. «мудрствующие» [9, с. 135]. Вместе с тем, нельзя не признать, что софисты были образованными людьми, «энциклопедистами» и «просветителями». Самый старший и самый известный из софистов — Протагор — выдвинул тезис о том, что «человек есть мера всем вещам — существованию существующих и несуществованию несуществующих». Своими делами и выступлениями софисты доказывали его. Они обучали людей «искусству жить обществом». Люди, по убеждению мудрствующих, должны помнить о «стыде и правде», иными словами, поддерживать социальные связи, базирующиеся на этике [7, с. 80–88].

Античное общество, особенно общество демократических полисов, где в управлении государственных дел принимал участие практически каждый гражданин (всякий, начиная с 30 лет, мог стать судебным заседателем, членом Совета, или буле), осознавало огромную роль устного слова. Софисты способствовали началу расцвета ораторского искусства. Они советовали при подготовке речи заботиться о пяти вещах: что сказать, в каком порядке, как сказать, как запомнить, как проинести [5, с. 331].

В V в. до н. э. Аристотель в «Риторике» предложил структуру публичной речи: «Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается» [1, с. 15]. А современный исследователь теории журналистики Е. Ахмадулин отметил, что «самый универсальный ум Древней Греции» стал создателем модели публицистики. Его элементы речи можно истолковать в терминах массовой коммуникации: оратор — журналист, речь — информация, слушатель — аудитория [3, с. 94].

Периодом высшего расцвета ораторского искусства в Древней Греции стал IV в. до н. э. К тому времени сложились «два основных вида красноречия: политическое (речи в народном собрании, Совете и т. п.) и судебное. В афинских судах и истец, и ответчик должны были сами говорить в свою защиту. Нанимать адвоката не разрешалось. Но далеко не все жители полиса имели хорошие ораторские способности; многие граждане заказывали себе речи у специальных писателей, поднаторевших в риторике и праве — логографов. Составленная логографом речь затем заучивалась наизусть и произносилась в суде» [8, с. 143]. Выдающимися логографами, по мнению исследователей, были Лисий (445–380 гг. до н. э.), Исократ (436–388 гг. до н. э.), Демосфен (384–322 гг. до н. э.). Можно заключить, что истоки современного института спичрайтерства начали складываться в Древней Греции.

Примером «судебной речи» может служить произведение Лисия «Оправдательная речь по делу об убийстве Эратосфена» [4, с. 16–22]. Речь написана софистом и логографом для Евфилета, выступавшего в суде в защиту свою за убийство Эратосфена. Речь произнесенная остается ораторским искусством, искусством красноречия, риторики. Но записанная, она может быть проанализирована как медийный текст, приобретая признаки определенного жанра.

Тема произведения — нравы афинского общества IV в. до н. э. Предмет исследования — семейная жизнь Евфилета, оправдание убийства Эратосфена. Проблематика текста сосредоточена вокруг следующих вопросов: реальна ли сила закона

в афинском обществе? Живет ли полис в согласии с законами, утвержденными Ареопагом? Каковы мерила нравственности афинян?

Идея анализируемого произведения, его главная законченная мысль может быть определена так: кара за прелюбодеяние, за соблазнение жены гражданина полиса — смерть. Муж — гражданин полиса, совершивший эту кару, наказавший за бесечие — есть законопослушный гражданин, а не преступник.

Перед нами произведение синтетического жанра. Оно содержит элементы аналитического отчета (происходящие события изложены последовательно, они дополняются знакомством с содержанием законов, показаниями свидетелей — участников действия). Но в тексте обнаруживаются и маркеры аналитической корреспонденции (сообщение, рассказ об одном событии и его истолкование; первоисточником сообщения является Евфилет, он произносит речь, он автор сюжета; он корреспондирует и он же интерпретирует событие). В пользу корреспонденции говорит и то, что в центре внимания оказывается один факт — наказание Евфилом Эратосфена.

Перед нами не статья, поскольку текст лишен доказательных рассуждений. Встречаются лишь отдельные аналитические вкрапления, связанные с истолкованием законов («закон велит, чтобы всякий, кто совершил насилие над свободным — взрослым или ребенком, уплатил вдвое больше, чем за насилие над рабом, а ведь сюда относится и насилие над женщиной, в то время как ее соблазнение карается смертью. Вот, судьи, насколько снисходительнее законодатель к насильникам, нежели к соблазителям») [4, с. 20].

В целом же преобладает повествование об одном событии: рассказ Евфила, который тормозится в нескольких случаях оценочными и прогностическими суждениями («Вы же сами знаете, судьи: нарушители закона ни за что не признают, что их противники говорят правду, и лживые измышления такого рода им нужны для того, чтобы настроить слушателей против тех, кто действовал законно» [4, с. 19]; «Вы слышите, судьи, что сам Ареопаг, который исстари вершил суд по делам об убийстве, которому и в наши дни предоставлено это право, постановил в совершенно ясных и определенных выражениях, что неповинен в убийстве тот, кто покарает смертью прелюбодея, если застигнет его вместе с женой» [4, с. 20]; «Я думаю, что для того государства и устанавливаются законы, чтобы к ним обращаться в спорных случаях и выяснить, как следует поступить» [4, с. 20]; «Надеюсь, вы согласитесь со мной, иначе прелюбодеям вы обеспечите такую безнаказанность, что даже воры начнут себя выдавать за распутников, зная, что их не тронут, если они скажут, что проникли в чужой дом для встречи с любовницей: все будут знать, что с законами о распутстве можно не считаться, а бояться нужно только вашего приговора, потому что он все решает в этом государстве») [4, с. 20].

Таким образом, текст судебной речи, подготовленный Лисием для Евфила, обладает свойствами публицистического произведения: строгая документальность, актуальность темы, отсутствие сюжета как «комбинации лиц и событий» (Белинский), построение сюжета по логике мысли повествователя, наличие авторских отступлений и дидактических комментариев, тесное соседство двух типов художественной речи: повествования и рассуждения.

Примером использования технологий анализа публицистического текста может послужить и оценка произведений Демосфена. Демосфен — автор «филиппик», цикла выступлений против Македонского царя Филиппа. «Первая речь против Филиппа» была написана в 351 г. до н. э. [4, с. 76–86]. Тема произведения — жизнь Афин в IV в. до Р. Х. Предметом исследования становится подготовка военных действий против Филиппа. Проблематика произведения нравственная, связанная с ответственностью каждого гражданина Афин за жизнь своего города-полиса. Автор произведения заставляет читателей задуматься над следующими вопросами: как можно победить врага? Каковы должны быть тактические и стратегические за-

дачи защитников полиса? Какими должны быть чувства граждан, желающих победить противника? Что может принести победу? Какие силы, явления или события могут способствовать победе над внешним врагом?

Идея текста выражена эксплицитно: «...если вы захотите положиться всецело на самих себя и перестанете каждый в отдельности думать о том, чтобы не делать ничего самому, рассчитывая, что другие за вас это сделают, тогда вы и свое собственное получите, если богу будет угодно, и потерянное по легкомыслию вернете обратно, и ему (врагу — Л. Л.) отомстите» [4, с. 77]. Повествователь ведет речь о партиципаторной демократии, при которой каждый считает себя ответственным за дела государства, а не только за свои собственные. Это заключение может быть дополнено еще одним прямым высказыванием повествователя: «... все должны проникнуться желанием и готовностью исполнять свой долг» [4, с. 78].

По литературно-родовым свойствам перед нами текст, созданный по принципам публицистической типизации. В нем преобладает строго документальное начало. Так, упомянуты названия ряда местностей, имеющих особое значение для афинян, в разное время защищавших свой полис: Пидна, Потидей, Мефона, Амфиполь, Пилы, Херсонес, Эвбея, Галиарт, Коринф, Лемнос, Фасос, Скиаф, Имброс. Упоминает повествователь и имена удачливых и смелых полководцев, воинов, отстаивавших независимость Афин: Полистарт, Ификрат, Хабрий и др. Представлены реалии жизни горожан, их нравы, их поведение в грозное для страны время: «Или вы хотите, прохаживаясь взад и вперед, осведомляться друг у друга: „А что, не умер ли Филипп?“» [4, с. 78]; «...позорно обманывать самих себя и, откладывая все, что представляет неприятность, запаздывать во всех делах; позорно также, если не умеете даже понять, что тому, кто хочет правильно вести войну, необходимо не следовать за событиями. А надо самому предупреждать их» [4, с. 83]; «А вы, граждане афинские, имея в своем распоряжении из всех людей наибольшие силы — триеры, голплитов, всадников, денежные доходы, из всего этого до сегодняшнего дня никогда еще ничем не пользовались надлежащим образом» [4, с. 84]. Фактографическая информация содержится в перечне подготовительных к походу против Филиппа мероприятий, условий деятельности.

Произведение имеет фабулу, но строится по принципу логики мысли повествователя. От него исходит валюативная информация. Так, прямо высказаны оценки Филиппа: «...до какой дерзости дошел этот человек» [4, с. 77]; «угрожает и произносит, как говорят, кичливые речи; при том он не таков, чтобы, раз завладев чем-нибудь, довольствоваться этим, но то и дело захватывает что-нибудь новое и кругом отовсюду расставляет против нас сети» [4, с. 78]; «он дошел до такой наглости» [4, с. 83]; «он опьянен величиною своих успехов» [4, с. 85] и «этот человек — наш враг» [4, с. 86].

Повествователю же принадлежит и нормативная информация, т. е. требования, которые он адресует афинянам, ибо, только следуя им, возможно, по его убеждению, упорядочить жизнь полиса: «вам нужно, граждане афинские, составить у себя некоторое войско для того, чтобы оно постоянно вело военные действия и причиняло вред ему» [4, с. 79]; «Разве не для того нужны были, граждане афинские, таксиархи из вашей среды, гиппарх из вашей среды, начальствующие лица ваши собственные, чтобы войско действительно было нашим гражданским» [4, с. 81]; «Тогда только, когда вы, граждане афинские, одних и тех же людей сделаете и воинами, и свидетелями действий военачальника, и по возвращению на родину — судьями при проверке отчетов и когда, следовательно, вы будете не по рассказам только слышать о состоянии ваших собственных дел, но и видеть их лично» [4, с. 85].

В тексте присутствует и программная информация. С ее помощью представлена определенная последовательность действий жителей города для победы над

врагом: «...надо снарядить пятьдесят триер, в случае надобности самим сесть на них и отправиться в плавание», «до половины состава всадников я предлагаю снарядить конноперевозочные триеры и грузовые суда в достаточном количестве» [4, с. 79]; «взять две тысячи пеших воинов», «остальной состав я предлагаю взять наемников. Еще к ним надо присоединить двести всадников, в их числе, по меньшей мере, пятьдесят из афинян» [4, с. 80]; «предлагаю снабдить это войско продовольствием» [4, с. 79].

На публицистический способ типизации указывает и актуальность темы произведения, которая не потеряла значимости по сей день (см. идею), а также прямая, непосредственно исходящая от повествователя основная мысль текста и близость взглядов повествователя суждениям биографического автора.

По проблемно-тематическим свойствам перед нами проблемный текст, посвященный исследованию внутренних противоречий существования афинского государства (пассивность граждан полиса перед действиями врага, неспособность осознать то, что их сила — в единении, сплочении, ответственности каждого гражданина за жизнь государства).

По архитектурным свойствам текст может быть определен как статья с элементами комментария. В произведении рассматривается, анализируется актуальное общественно значимое явление. По жанровой модификации — это практико-аналитическая статья. В ней конкретный вопрос (необходимость борьбы с Филиппом) рассмотрен всесторонне; определены прикладные задачи, которые должно решить афинское общество. Но текст содержит и сомнения повествователя в правильности его предложений, формулировки тактики и стратегии действий жителей полиса: «Если бы сейчас нам представлялось говорить, граждане афинские, о каком-нибудь новом деле, я выждал бы, пока не изложит своего мнения большинство обычно выступающих ораторов; тогда в случае своего согласия с каким-нибудь из сделанных ими предложений, я не стал бы вовсе брать слова и только в противном случае сам *попробовал бы высказать свой взгляд*» [4, с. 76]; «Что же касается того, какого рода нужны приготовления, которые, *по моему расчету*, могли бы избавить вас от подобных трудностей...» [4, с. 78]; «Это, *по моему мнению*, должно быть у вас наготове...» [4, с. 79]; «Однако хоть, может быть, эти соображения вы признаете и правильными» [4, с. 81].

В анализируемом произведении нет охвата проблемы в мировом масштабе, даже в масштабе страны. Перед нами локальный взгляд на одну из болевых точек жизни афинского общества. Текст начинается представлением проблемной ситуации, конфликта, а затем дается истолкование, объяснение того, как из него следует выбирать, выясняются причины случившегося (Почему Афины оказались под угрозой падения от войск македонян?)

Элементы комментария в тексте просматриваются в непосредственно исходящем от повествователя отношении к актуальным событиям и проблемам, формулировке связанных с ними задач, оценках и прогнозах. На комментарий указывает и тот факт, что в тексте рассматривается явление, событие уже известное аудитории; о возможном нападении македонян жители Афин знали и раньше, но не все вопросы подготовки к войне, защите полиса были решены («...сейчас приходится рассматривать все тот же вопрос, по которому уже много раз и прежде высказывались ораторы») [4, с. 76].

Итак, древние риторы, авторы, по определению Аристотеля, совещательных, судебных и торжественных речей способствовали формированию публицистики как содержательной и формальной основы будущих журналистских жанров.

В гомеровский период (XI–IX вв. до н. э.) формируется система греческой мифологии. Пантеон Эллады образуют 12 олимпийских богов, среди которых и Гермес. К. Куле, представляя его богом дорог и границ, посланников богов, проводником

душ умерших в Аид, считает его самым настоящим богом коммуникации. В разделе Приложение к монографии «СМИ в Древней Греции» она пишет: «Гермес — сын Зевса и Майи. Зачатый ночью, когда остальные боги спали, он родился в пещере и тут же продемонстрировал сообразительность и хитрость: непосредственно в день рождения он вылез из колыбели и отправился в Пиэрию, похищать коров своего брата Аполлона. По дороге он встретил черепаху, убил ее и, очистив панцирь, натянул на него семь струн: так родилась лира. Следуя намеченной цели, он добрался до Пиэрии, нашел Аполлоново стадо, зарезал и принес в жертву двух коров, а пятьдесят угнал и спрятал в пещере. Из предосторожности он завел их туда задом наперед, так, чтобы их следы вели на поле, где они обычно паслись. Свою вину отрицал и перед Аполлоном, и перед собранием богов. Зевс, которого происхождение позабавило, велел братьям помириться. Что до Аполлона, очарованного лирой, он думал только о том, как бы ее получить, и взамен даровал Гермесу блаженство и славу.

Украсть священных животных, даже если по мифу они остаются в пещере, — значит позволить им распространиться среди людей, перестать быть собственностью одних только богов. Таким образом, Гермес — бог пастухов и одновременно культурный герой. Гимн демонстрирует двуличность Гермеса, имеющего отношение к темноте, ночи, хитрости и обману. Он бог воров, и всякая случайная находка есть гермейон, дар Гермеса, дар божий.

Его речи перед Аполлоном, а потом перед собранием богов подобны сети, которую он искусно плетет вокруг слушателей, и потому Гермес — бог ораторского искусства, покровитель красноречия.

Изобретательность его проявляется не только в словах: этим можно объяснить многие его функции, например, то, что он — бог атлетов, а его статуи устанавливают в гимнасиях. Ведь атлет должен проявить ловкость и находчивость, чтобы улучшить удобный момент и одержать победу. Юный Гермес изобрел множество приспособлений: воздушные сандалии, с помощью которых он заметал следы во время похищения коров Аполлона, лиру.

Изобретения эти вызвали всеобщее восхищение; благодаря им он обрел по-настоящему божественный статус, так что для греков Гермес — бог-волшебник. Он обменял созданную им лиру на блаженство и славу, и потому он — бог обмена. Он бог-посланный, бог купцов и путешественников. Его изображают в крылатых сандалиях и широкополой шляпе, головном уборе путешественника» [7, с. 212–213].

Итак, в Древней Греции IX–IV вв. до н. э. только начинает формироваться дожурналистская деятельность. Ее становление шло двумя путями: в устной форме (участие в работе экклесии, буле, судах, обсуждение итогов государственных и религиозных праздников) и первых письменных опытах в виде информации для длительного хранения и сообщений сиюминутных (левкома; возможно, анналы, или ежегодные хроники; объявления; деятельность логографов; школы софистов).

Продолжение в следующем номере.

Литература

1. Аристотель и античная литература. М. : Наука, 1978.
2. Аристофан. Комедии. В 2 т. М. : Искусство, 1983. Т. 2. С. 403–470.
3. Ахмадулин Е. В. Основы теории журналистики. М., Ростов-на-Дону : ИКЦ «МарТ», 2008.
4. Введение в мировую журналистику. От Античности до конца XVIII века: Хрестоматия / Сост. Г. В. Прутцков. М. : Аспект Пресс, 2007.
5. Гаспаров М. Л. Занимательная Греция. М. : Мир энцикл. Аванта: Астрель, 2008.
6. Кондратов А. В. Письмена мертвые и живые. СПб. : Авалон: Азбука-классика, 2007.
7. Куле К. СМИ в Древней Греции. Сочинения, речи, разыскания, путешествия. М. : Новое лит. обозрение, 2004.

8. Соколов В. С., Виноградова С. М. Периодическая печать Италии. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1998. 190 с.
9. Суриков И. Е. Древняя Греция: история и культура. М.: АСТ: Астрель, 2005. 190 с.
10. Яковлев И. П. Ключи к общению. Основы теории коммуникации. СПб.: Авалон: Азбука-классика, 2006. 240 с.

References

1. *Aristotle and antique literature* [Aristotel' i antichnaya literature]. M. : Science [Nauka], 1978. (rus)
2. Aristophanes. *Comedies* [Komedii]. In 2 v. M. : Art [Iskusstvo], 1983. V. 2. P. 403–470. (rus)
3. Akhmadullin E. V. *Bases of the theory of journalism* [Osnovy teorii zhurnalistiki]. M., Rostov on Don : ICC «March», 2008. (rus)
4. *Introduction to world journalism. From Antiquity until the end of the 18th century* [Vvedenie v mirovuyu zhurnalistiku. Ot Antichnosti do kontsa XVIII veka]: Anthology / Collector G. V. Pruttskov. M. : Aspect Press, 2007. (rus)
5. Gasparov M. L. *Entertaining Greece* [Zanimatel'naya Gretsija]. M. : World enciclopedy. Avanta: Astrel [Mir entsikl. Avanta: Astrel'], 2008. (rus)
6. Kondratov A. V. *Letters dead and live* [Pis'mena mertvye i zhivye]. SPb. : Avalon: Alphabet-classics [Avalon: Azbuka-klassika], 2007. (rus)
7. Kule K. *Mass media in Ancient Greece. Compositions, speeches, investigations, travel* [SMI v Drevnei Gretsii. Sochineniya, rechi, razyskaniya, puteshestviya]. M. : New Literature Review [Novoe lit. obozrenie], 2004. (rus)
8. Sokolov V. S., Vinogradova S. M. *Periodicals of Italy* [Periodicheskaya pechat' Italii]. SPb. : Publishing house of SPbSU [Izd-vo SPb. un-ta], 1998. (rus)
9. Surikov I. E. *Ancient Greece: history and culture* [Drevnyaya Gretsija: istoriya i kul'tura]. M. : AST: Astrel, 2005. (rus)
10. Yakovlev I. P. *Keys to communication. Bases of the theory of communication* [Klyuchi k obshcheniyu. Osnovy teorii kommunikatsii]. SPb. : Avalon: Alphabet-classics [Avalon: Azbuka-klassika], 2006. (rus)

Эстетика смерти и этика возмездия: русский политический терроризм начала XX века в современном контексте

Шишкина Лидия Ивановна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры филологии и журналистики
Кандидат филологических наук, доцент
lidia_shishkina@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются причины, корни и наиболее характерные черты феномена терроризма на материале русского политического экстремизма начала XX века. Особое внимание уделяется психологии террора и состоянию общественного сознания, принимающего или отвергающего практику терроризма. В результате выявляются типологические закономерности теории и практики терроризма начала XX и XXI веков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

терроризм, политический экстремизм, религиозность, общественное мнение, боевая организация, возмездие, жертвенность

Shishkina L. I.

Aesthetics of Death and Ethics of Retribution: Russian Political Terrorism of the Early XX Century in a Modern Context

Shishkina Lidia Ivanovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Philology and Journalism
PhD in Philology, Associate Professor
lidia_shishkina@mail.ru

ABSTRACT

This article discusses the causes, roots and most characteristic features of the phenomenon of terrorism in the Russian political extremism material of the early twentieth century. It focuses on the psychology of terror and social awareness, to accept or reject the practice of terrorism. The result revealed typological patterns of theory and practice of terrorism of the early 20-th and 21-th centuries.

KEYWORDS

terrorism, political extremism, religiosity, public opinion, a militant organization, revenge, sacrifice

На сломе XX–XXI вв. религиозный и политический экстремизм, нашедший свое крайнее выражение в терроризме, превратился в главную угрозу для человечества. В настоящее время терроризм приобрел глобальный характер, охватывая все новые геополитические пространства от Тихого океана до Атлантического. Поражает и сила ненависти, разгорающейся между противоборствующими сторонами. Все это ставит перед необходимостью осмыслить корни и причины происхождения терроризма, а также почву его бытования.

Сегодня мы присутствуем при осуществлении пророчества американского социолога и публициста С. Хантингтона, 20 лет назад предсказавшего главный конфликт нового тысячелетия как «столкновение цивилизаций» и определившего новую

ось противостояния, пришедшего на смену противоборству идеологических систем Запада и Востока, как цивилизационный конфликт Глобального Севера и Глобального Юга¹. В настоящее время уже не вызывает возражения, что современный терроризм во многом является порождением глобализации с ее процессами вестернизации, универсализации, секуляризации, поглощения этносов и унификации культур. Ответной реакцией на «культурный шок» глобализма стало стремление к национальной и религиозной идентичности и отстаиванию ценностей традиционных культур, что породило в «технологически поработаемых» обществах системные протестные настроения, реализуемые в самых радикальных формах. По сути, исламский терроризм представляет доведенный до крайнего выражения протест на насаждаемые Западом ценности. На практике он стал новым типом войны XXI века — войны, не имеющей четко выраженной линии столкновения, точечной, перенесенной на территорию противника.

Среди причин и условий происхождения и бытования терроризма можно выделить различные аспекты: социально-экономический, культурно-исторический, цивилизационный; одним из важнейших является социально-психологический, связанный с состоянием общественного сознания, поддерживающего или отрицающего данные действия. При этом явно вырисовываются типологические черты, свойственные феномену терроризма в разных странах и в разные эпохи. Их, безусловно, надо учитывать, разрабатывая стратегию противостояния современному вызову. В связи с этим актуализируется опыт политического экстремизма, который пришлось пережить России на рубеже прошлого столетия.

Политический терроризм в России связан, в первую очередь, с эпохой «Народной воли», закончившейся убийством Александра II 1 марта 1881 г. Но массового распространения он достиг в 1900-е годы в деятельности Боевой организации партии социалистов-революционеров. Провозгласив себя идейной наследницей «Народной воли», подхватившей из рук последней «тяжелый меч возмездия», эта партия видела свою задачу в том, чтобы путем физического уничтожения отдельных политических деятелей заставить правительство отказаться от власти.

Идея *ответа* на силу и жестокость власти встречной силой и еще большей жестокостью всегда была ключевой в террористическом движении. И в начале XX в. главным аргументом партийных теоретиков и публицистов в пользу террора было представление его в качестве ответа на действия правительства, который был направлен не против личности конкретного государственного деятеля, а против исполняемой ею социальной функции. «В качестве такового, — писал лидер эсеров В. Чернов в программном документе, — акт этот совершенно очищается от всякого личного элемента»².

Вторым аргументом служила идея неотвратимости возмездия. Все жертвы 1902–1903 гг. были выбраны как символы государственных репрессий и не вызвали сочувствия общественного мнения. Таковыми были громкие убийства министра внутренних дел В. К. Плеве, уфимского губернатора Н. М. Богдановича, московского генерал-губернатора вел. князя Сергея Александровича, а в годы революции — усмирителя московского вооруженного восстания генерала Мина, военного прокурора Павлова, начальника петербургской тюрьмы Гудима и целый ряд других. Все они были восприняты определенной («передовой») частью русского общества как закономерное наказание за совершенное преступление. Это дало возможность организатору БО эсеру Г. Гершуни утверждать, что «мишень для террора указывает общественное мнение», «террорист казнит свою жертву по приговору народно-

¹ Huntington Samuel P. The Clash of Civilizations and Remaking of World Order (1996).

² Чернов В. Еще о критиках террористической тактики // По вопросам программы и тактики: сб. статей из «Революционной России». Женева, 1903. С. 183.

го суда». В своей речи на II съезде эсеров (1907) он провозглашал, что путь террору открывается лишь тогда, когда общественная ненависть сосредоточивается на каком-либо правительственном лице, который становится символом насилия и деспотизма. «И когда раздается взрыв бомбы, из народной груди вырывается вздох облегчения. Тогда всем ясно: свершился суд народный» [1, с. 173].

Данное общественное настроение точно воспроизвел Л. Андреев — писатель, по праву, считавшийся выразителем умонастроений и мироощущений своего времени в рассказе «Губернатор», ставшем художественным откликом на убийство Богдановича членами эсеровской «боевки» Г. Гершуни и Е. Дулебовым. В первоначальной редакции, носившей характерное заглавие «Бог отмщения», он в психологических подробностях воспроизводит атмосферу, когда все: и губернатор, отдавший приказ о расстреле рабочей демонстрации, и весь город — ожидает неизбежного возмездия за совершенное преступление и с облегчением встречает весть об убийстве. Писатель объясняет это не социальной ненавистью, а неким вечным Законом Мщения, опираясь на этические конструкты А. Шопенгауэра, который, критикуя теорию Канта о наказании как возмездии ради возмездия, говорил о «вечном правосудии», стоящем вне мира явлений. «Если вникнуть в дух этой жажды возмездия, — рассуждал Шопенгауэр, — то она оказывается очень непохожей на обычную месть <...> целью может быть названа не столько месть, сколько кара, потому что в намерение входит здесь воздействие на будущее силой примера, и притом здесь отсутствует какой-либо своеобразный расчет ... для отомщающего индивида (ибо он при этом погибает)». Воплощение идеи «вечного правосудия» Шопенгауэр видел в отдельном мстителе, который «хочет примером неотвратимой мести устроить всякого будущего злодея». «Это редкая, знаменательная и возвышенная черта, в силу ее отдельные личности приносят себя в жертву, желая стать десницей вечного правосудия, подлинной сущности которого они не понимают» [12, с. 336].

Эти положения во многом совпадали с идеологией боевого крыла партии эсеров, у которых важнейшим аргументом в защиту террора служила идея неотвратимости возмездия, а идущий на террор предстал не только как мститель, но и грозное предупреждение «слугам закона». Любопытны отзывы европейских газет, собранные в эсеровском периодическом издании «Революционная Россия» после убийства вел. кн. Сергея Александровича. «Кровь вызывает кровь, — писала французская „Gil Blase“. — Не надо было быть пророком, чтобы предсказать, что в стране, где закон — игрушка в руках немногих лиц, люди, ответственные за расстрелы, обгрявшие снег кровью женщин, детей и бедных рабочих, пришедших мирно просить „батюшку-царя“, были осуждены умереть насильственной смертью». «Это покушение — новая форма протеста русского народа против режима. Он начал с просьб, продолжал угрозами и теперь совершает кровавые репрессии»¹, — заключала бельгийская «L'Independence Belge».

Уже на ранних стадиях бытования терроризма было очевидно, что он возможен лишь тогда, когда получает поддержку хотя бы части общества. Для теоретиков и практиков террора представлялось чрезвычайно важным позиционирование себя перед лицом общественного мнения — не только русского, но и европейского. Поэтому каждый их «акт» (как они называли очередное убийство) был открыто декларативен, рассчитан на широкий общественный резонанс. Объявив свою деятельность гласным судом над врагами народа, а непосредственных исполнителей — орудием, свершающим общественный приговор, они много внимания уделяли тому, что в настоящее время получило наименование пиар-деятельности, активно способствуя созданию мифологизированного и романтизированного образа террориста. В революционных изданиях формировался своего рода иконостаз

¹ Революционная Россия. 1905. № 25. 1 июня. С. 2

мучеников и святых: печатались пространные некрологи и воспоминания, в которых предстал образ героя, «избранного», отдавшего жизнь за всеобщее благо. Эффект воздействия на массовое сознание был огромен. В атмосфере общественной экзальтации и революционного невроза «забывалась» страшная сторона террора, кровь и куски человеческого мяса, остававшиеся после «актов» подвижников, вооруженных бомбами и браунингами. Известный писатель М. Осоргин, в начале века близкий к крайнему крылу партии социалистов-революционеров — эсерам-максималистам, вспоминая об одном из ярких представителей этого движения — Владимире Мазурине, повешенном в 1906 г., одно имя которого при жизни навредило ужас, приводил слова охранявшего его жандарма: «людей убивал, а сам будто ребенок, либо святой». «Этот рассказ <...> понятен всякому, кто знал Володю, обаятельного голубоглазого юношу, полного любви к человечеству, ради которого он подымал руку на человека. Его портреты, во множестве изданные максималистами, вывешивались, как иконы»¹, — комментировал писатель.

Персонажи представляли как воплощение лучших человеческих качеств, средоточие физической и духовной красоты. Возвышенный и поэтический образ вставал из воспоминаний о Лидии Стуре, участнице Летучего боевого отряда Северной области, казненной за покушение на министра юстиции И. Щегловитова в феврале 1908 г. «Стройная девушка, полная дивной, одухотворенной красоты» [9, с. 520–521], — делился впечатлениями знаменитый узник Шлиссельбурга Н. Морозов. «Прелестная, изящная Лидия Стуре заходила ко мне. В шубке и меховой шапочке, еще осыпанной снегом, высокая, стройная, с тонким, правильным личиком, она была восхитительна» [11, с. 244], — писала в своих воспоминаниях легендарная В. Н. Фигнер; а П. С. Ивановская-Волошенко создала яркий обаятельный образ: «Нежная, хрупкая, совершенное дитя, смотревшая мечтательно своими большими синими глазами, обрамленными длинными ресницами, вся худенькая, еще не сложившаяся, с узкими острыми плечами, вытянутой шейкой и длинными-предлинными двумя косами...» [6, с. 159]. С тем же восторгом современники писали и о руководителе боевого отряда Северной области В. Лебединцеве после его казни, восхищаясь аристократизмом, красотой, талантом ученого, которым он пожертвовал ради торжества общей справедливости, единодушно утверждая: «Это был один из тех редких высоко нравственных людей, одно присутствие которого как бы возвышает окружающих»². Фигуры С. Балмашева, Е. Созонова, И. Каляева, которые стали знаменем террора, обратили внимание на удивительный психологический тип — убийцы и жертвы в одном лице.

Что же так привлекало в деятельности террористов? В первую очередь, романтика бескорыстного подвига и жертвы, близкая русскому сознанию в целом, увлекавшая сотни и тысячи молодых людей, становящихся «пушечным мясом» революции. Именно она настойчиво акцентировалась революционной печатью и стала определяющей для психологической мотивации большинства членов Боевой организации и нравственным оправданием террора. Об этом свидетельствуют, в частности, воспоминания Б. Савинкова, одного из самых ярких руководителей Боевой организации эсеров, организатора многих громких покушений. «К террору <он> пришел своим, особенным путем и видел в нем не только наилучшую форму политической борьбы, но и моральную, решительную жертву» [10, с. 36], — характеризовал Савинков Ивана Каляева, убийцу вел. кн. Сергея Александровича; «Террор для нее, как и для Каляева, окрашивался прежде всего жертвой, которую приносит террорист» [10, с. 40], — писал он о Доре Бриллиант.

¹ Осоргин М. Венок памяти малых // На чужой стороне. Берлин-Прага, 1926. № 6. С. 118.

² Осоргин М. Неизвестный, по прозвищу Вернер // На чужой стороне. Берлин-Прага, 1924. № 4. С. 203.

Эффектный ореол мученичества, жертвенности, личной святости, которым последовательно и упорно окружали свою деятельность члены эсеровских боевков, способствовал мифологизации образа террориста и оправданию насилия в общественном сознании. Так, например, общественный и религиозный деятель В. Свенцицкий в своем докладе «Террор и бессмертие» утверждал, что грех убийства будет оправдан, потому что «и Каляев, и Балмашев, и Спиридонова, и десятки других, им подобных, убивая должностных лиц, — сами идут на верную смерть. <...> Это мученики — и грех им простится, за эту великую святую любовь, которая толкала их на преступление»¹.

Настроение русского общества хорошо выразил М. Осоргин, Указывая на необходимость различать террор власти и героизм Давидов, «идущих с пращой против вооруженного до зубов Голиафа почти всегда на верную смерть», писатель оправдывал революционное насилие жертвенным мученичеством тех, кто его совершал: «И когда история или людская память призовут на свой суд тех больших и малых „жонглеров бомбами и жизнями“, пусть судьи учтут не только мотив деятельности подсудимых, не только их позицию Давидов в борьбе с Голиафами, — но и всю сумму уже перенесенных ими возмездий, и от руки торжествующего победителя, и от страшнейшего палача: потрясенной души человека, который убил человека»².

Категория жертвенности определила и другую важную составляющую терроризма — его связь с религией. Соединение террора и религии, что так ярко характеризует сегодняшней экстремизм, было одной из важнейших черт терроризма начала прошлого столетия. Как справедливо отмечает М. Колеров, «при всей внешней атеистичности партии, многие эсеры, в том числе и террористы, были не лишены религиозного чувства» [7, с. 139]. Они сознательно вводили свою деятельность в христианский контекст, обращаясь не к церковности, но к сути христианства, делая евангельские заповеди основой своего жертвенного подвижничества. Девизом терроризма было изречение из Евангелия от Иоанна: «Нет больше той любви, как если бы за други свои положить душу свою» (Ин. 15:13). В начале XX в. были явлены удивительные личности, фантастическим образом соединившие религиозное сознание и революционное насилие. Характерна, например, фигура Марии Беневакской. «Верующая христианка, не расстававшаяся с Евангелием, она каким-то неведомым и сложным путем пришла к утверждению насилия и к необходимости личного участия в терроре» [10, с. 196], — характеризовал ее Савинков. На его вопрос о мотивах, приведших ее в террор, она ответила цитатой из Евангелия: «Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю, а иже погубит душу свою Мене ради, сей спасет ю» (Лк. 9:12). «Маруся была верующей христианкой и пошла в террор, как в средние века верующие шли на костер» [5, с. 280], — подтверждал в своих воспоминаниях видный деятель эсеровской партии В. Зензинов. Подобной личностью был и Иван Каляев, который перед покушением на московского генерал-губернатора молился перед иконой Иверской Божией Матери, держа в одной руке бомбу, а другой совершая крестное знамение.

В начале XX в. не только в сознании самих участников революционного движения их действия приобретали христианский смысл, но и в среде русской интеллигенции сложилась концепция религиозности русского террора. Большую роль во внедрении в русское общественное сознание этой идеи сыграл сборник статей З. Гиппиус, Д. Мережковского и Д. Filosofova «Le Tzar et la Revolution», вышедший в 1907 г. в Париже и книга Д. Мережковского «Не мир, но меч» (1908), во многом повторившая его основные положения. Мережковский видел в русской революции сверхис-

¹ Свенцицкий В. Террор и насилие // Вопросы религии. Вып. 2. М., 1908. С. 26.

² Осоргин М. Венок памяти малых // На чужой стороне. Берлин-Прага, 1926. № 6. С. 118.

торическое явление, своего рода новый Апокалипсис, который должен завершиться осуществлением «Третьего завета» и приходом нового Царства. Подобная трактовка исходила из понимания теократической сути самодержавия. Д. Философов в статье «Царь-Папа» подробно разъяснял эту концепцию. Он отождествлял власть Папы, т. е. церкви, на Западе и власть царя на Востоке. По его мнению, этим определялись крайности в противостоянии власти и общества. Если на Западе политика правительства зависела от общественного мнения, противники сражались посредством посланий и речей, то в России, лишенной такой возможности, слово берут браунинги и бомбы как единственный способ воздействия на власть. Поскольку самодержавие — своего рода религия, то и борьбе с ним также придавался религиозный смысл. Мережковские принимали пролитие крови «во имя» и говорили о святости революционной жертвы. «Русская революция не только политика, но и религия», — провозглашал Мережковский. «Всего менее сознают это революционеры. В сознании своем они — безбожники. <...> Ежели смотреть не на то, что русские революционеры говорят, а на то, что они делают, нельзя не увидеть, что эти безбожники иногда святые. Со времени первых мучеников христианских не было людей, которые бы так умирали; по слову Тертуллиана, „они летят на смерть, как пчелы на мед“» [8, с. 206].

З. Гиппиус уподобляла террористов первым христианам в катакомбах. «Их жизнь — это жизнь аскетов, отказавшихся от всего ради идеи. <...> Они подчиняются суровому принципу послушания; им сладки жертва и борьба. Гонимые, но все более непокорные, не подобны ли они в своем подполье христианским аскетам первых веков? <...> Основное психологическое побуждение большинства из них, и особенно женщин, таково: „Я хочу страдать, я хочу пострадать за правду“ — девиз чисто христианский, даже слишком христианский» [3, с. 117]. В такой трактовке террористический акт превращался в терновый венок, путь террориста — в Голгофу, а его смерть на эшафоте — в искупление.

Собственное религиозное понимание русской революции Мережковские пытались внедрить в сознание представителей революционного движения, прежде всего, Б. Савинкова. Под влиянием их идей создавался роман Савинкова «Конь бледный». Во многом автобиографический, отразивший конкретные реалии подготовки покушения на вел. князя Сергея Александровича, он пронизан темами, мотивами, явными и скрытыми цитатами из Апокалипсиса. Его главный герой — террорист Ваня, тип «идеального революционера», прообразом которого стал И. Каляев, идет на террористический акт как на крестную муку.

Для многих приверженцев террора одним из самых трагических был вопрос о насильственном убийстве. Нравственная дилемма: желание принести благо народу и необходимость пролития крови «во имя» — разрывала сознание наиболее глубоко мыслящих его участников. Единственным морально-философским оправданием, с их точки зрения, могла быть ситуация, когда акт убийства одновременно был и актом самопожертвования. Один из современников так характеризовал Каляева: «Террор-убийство стало для него возможным только потому, что оно было и жертвой, и самозакланием. И я не знаю, было бы для него возможно террористическое покушение, если бы оно не влекло за собой казни»¹.

Обязательность жертвы определяло поведение «героев террора», не стремившихся избежать гибели, а напротив, жаждущих ее. Причем это была не только готовность погибнуть на месте теракта, подобная той, которую описывал, например, глава петербургского охранного отделения А. Герасимов, говоря об аресте В. Лебединцева: «Он был по всему телу опоясан динамитными шнурами. Террористы предполагали бросить бомбу в карету министра. Если бы это не удалось или бом-

¹ *Могиланский М.* В девяностые годы // Былое. 1924. № 24. С. 131.

ба бы не взорвалась, Лебединцев предполагал в виде живой бомбы броситься под карету министра и погибнуть вместе с ним» [2, с. 122], но сознательно встретить день и час своей казни. В. Зензинов говорил, что самое сложное в положении террориста не сам акт, а ожидание гибели в одиночестве, что требует гораздо большего мужества и героизма. «Умереть в героическом порыве вместе с другими — дело вовсе не такое трудное, <...> гораздо труднее умереть в одиночку, сохранить до последнего мгновения самообладание» [5, с. 274].

Эстетизация смерти — важная составляющая психологии террора. Смерть на эшафоте рассматривалась террористами как обязательная завершающая часть ритуала и наивысшая точка их судьбы. «Я часто думаю о последнем моменте, — размышлял И. Каляев. — Можно умереть на месте — ярко вспыхнуть и сгореть без остатка... Да, это завидное счастье. Но есть счастье еще выше — умереть на эшафоте... Смерть в момент акта как будто оставляет что-то незаконченным. Между делом и эшафотом еще целая вечность — может быть, самое великое для человека... Только тут узнаешь, почувствуешь всю силу, всю красоту идеи. Весь развернешься, расцветешь и умрешь в полном цвете» [5, с. 273]. Именно эта психологическая установка объясняет, почему Каляев отказался от предложения вдовы убитого им московского генерал-губернатора великой княгини Елизаветы Федоровны написать прошение о помиловании. Это было не сумасбродное решение психически неуравновешенного человека, как это часто трактуется, но вполне осознанное и последовательное принятие смерти на эшафоте как к ритуалу.

Современники, хорошо знавшие Лидию Стуре, отмечали особую сосредоточенность на идее жертвенной гибели, которая представлялась как величайшее счастье. По словам очевидцев, она шла на смерть как на праздник. Другая известная террористка Анна Распутина-Шулятикова, возражая своим обвинителям, утверждавшим, что в террор идут потенциальные самоубийцы, в ком убит инстинкт жизни, вследствие чего они не дорожат ни жизнью других людей, ни своей собственной, сказала перед казнью: «Это не так! В нас убит инстинкт смерти, подобно тому, как убит он у храброго офицера, идущего в бой» [4, с. 497].

Подобное самосознание, в котором политическое убийство окрашивалось в тона христианского подвига, а смерть ассоциировалась с терновым венцом, определяло героическое поведение террористов, с готовностью шедших на гибель, встречавших смерть с улыбкой на устах, вызывало уважение даже их политических противников. Начальник петербургского охранного отделения А. В. Герасимов вспоминал высказывание прокурора, по долгу службы присутствовавшего при казни членов Летучего боевого отряда Северной области: «Как эти люди умирали! Ни вздоха, ни сожаления, никаких просьб, никаких признаков слабости. С улыбкой на устах они шли на казнь», и вынужден был признать: «Героизм этой молодежи... привлекал к ней симпатии в обществе» (2, с. 122–123).

Современный международный терроризм существует в условиях аудиовизуальной культуры информационного общества и «рекламирует» себя с помощью нового языка и современных мультимедийных и сетевых технологий. Свидетелями их «актов» становятся не случайные прохожие. Видеоролики с жестокими казнями стали привычным публичным жестом и актуальным сетевым контентом, в котором умело срежиссированный видеоряд является оружием, воздействующим на массовое сознание. Лица погибших террористов и их остающихся в безопасности главнокомандующих смотрят на нас не с плохо отпечатанных портретов, выходящих малым тиражом партийных изданий, а с огромных экранов телевизоров и компьютеров. Посредством интернета они разговаривают со всем миром; пользуются самыми продвинутыми PR-технологиями. Тем не менее типологические особенности бытования терроризма, поведение и мотивированность его участников, его декларативное позиционирование вполне схожи с аналогом, существовавшим столетие назад.

Поэтому не лишне забывать, что затухание террористического пожара в России было определено не только жесткой правительственной политикой, проводимой П.А. Столыпиным и не только профессиональной работой карательных органов, но, в первую очередь, изменением общественного мнения, последовавшим за громким разоблачением провокаторской деятельности Евно Азефа, который одновременно был членом ЦК партии эсеров, организатором громких покушений и платным агентом охраны. Рухнул миф о бескорыстной жертвенности революционного подвижничества, была развенчана этика мученического героизма. Это стало причиной душеного кризиса многих рядовых участников, отвратило большую часть молодежи, пополнявшей его ряды, и в конечном итоге привело к идейному краху терроризма и постепенному его угасанию. История русского террора заставляет задуматься о способах борьбы с терроризмом сегодня.

Литература

1. Будницкий О. Терроризм в российском освободительном движении. М., 2000.
2. Герасимов А.В. На лезвие с террористами. М., 1991.
3. Гиппиус З. Революция и насилие // З. Гиппиус, Д. Мережковский, Д. Философов. *Le Tzar et la Revolution*. [Paris, 1907]. М., 1999.
4. Записные книжки полковника Г.А. Иванишина / Публ. А. Марголиса, Н. Герасимова, Н. Тихоновой // *Минувшее: историч. альманах*. М., СПб., 1994. Т. 17.
5. Зензинов В. *Пережитое*. Нью-Йорк, 1953.
6. Ивановская-Волошенко П. В боевой организации. М., 1929.
7. Колеров М.А., Морозов К.Н. Религиозное сознание и революция. Мережковские и Савинков в 1911 г. // *Вопросы философии*. 1994. № 10. С. 138–142.
8. Мережковский Д. *Не мир, но меч*. М., 2000.
9. Морозов Н. *Повести моей жизни: в 2 т.* Т. 2. М., 1965.
10. Савинков Б. *Воспоминания террориста*. Харьков, 1926.
11. Фигнер В. *Запечатленный труд*. Полное собр. соч.: в 3 т. М., 1932. Т. 3.
12. Шопенгауэр А. *Собрание соч.: в 5 т.* Т. 1. М., 1992.

References

1. Budnitskiy O. *Terrorism in the Russian liberation movement* [Терроризм в россиiskom osvoboditel'nom dvizhenii]. М., 2000. (rus)
2. Gerasimov A.V. *On an edge with terrorists* [Na lezvie s terroristami]. М., 1991. (rus)
3. Gippius Z. *Revolution and violence* [Revolyutsiya i nasilie] // Gippius Z., Merezhkovsky D., Filosofov D. *Le Tzar et la Revolution*. [Paris : 1907]. М., 1999. (rus)
4. *Notebooks of the colonel G. A. Ivanishin* [Zapisnye knizhki polkovnika G. A. Ivanishina] / Publ. A. Margolis, N. Gerasimov, N. Tikhonova // *Past: Historical almanac* [Minuvshee: Istorich. al'manakh]. М., SPb. : 1994. V. 17. (rus)
5. Zenzinov V. *Endured* [Perezhitoe]. New York, 1953. (rus)
6. Ivanovskaya-Voloshenko P. *In the fighting organization* [V boevoi organizatsii]. М., 1929. (rus)
7. Kolerov M.A, Morozov K. N. *Religious consciousness and revolution. Merezhkovsky and Savinkov in 1911* [Religioznoe soznanie i revolyutsiya. Merezhkovskie i Savinkov v 1911 g.] // *Questions of Philosophy* [Voprosy filosofii]. 1994. N 10. P. 138–142. (rus)
8. Merezhkovsky D. *Not the world, but sword* [Ne mir, no mech]. [SPb., 1909]. М., 2000. (rus)
9. Morozov N. *Stories of my life* [Povesti moei zhizni]: in 2 volumes. V. 2. М., 1965. (rus)
10. Savinkov B. *Memoirs of the terrorist* [Vospominaniya terrorista]. Kharkiv : 1926. (rus)
11. Figner V. *The imprinted work* [Zapechatlennyy trud]. Full collection of works: in 3 v. V. 3. М., 1932. (rus)
12. Schopenhauer A. *Collection of works* [Sobranie sochinenii]: in 5 v. V. 1. М., 1992. (rus)

Конкурентная политика: административно-территориальный аспект

Поленов Артем Владимирович

Управление Федеральной антимонопольной службы по Санкт-Петербургу
Главный специалист-эксперт отдела контроля органов власти
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант кафедры макроэкономического регулирования
carpediem21@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье проведен анализ механизма реализации конкурентной политики на обособленных территориях, таких как субъект РФ, муниципальное образование. Исследованы региональные и муниципальные особенности проведения политики в области развития и защиты конкуренции. Сформулированы задачи по обеспечению конкурентных отношений на территориях муниципальных образований.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

конкуренция, конкурентная политика, субъект РФ, муниципальное образование

Polenov A. V.

Competition Policy: Administrative-Territorial Aspect

Polenov Artem Vladimirovich

Office of the Federal Antimonopoly Service in Saint-Petersburg (Russian Federation)
Chief specialist expert of department of control of authorities
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate student of the Chair of Macroeconomic Regulation
carpediem21@mail.ru

ABSTRACT

In this article the analysis of validity and expediency of improvement of the mechanism of realization of a competition policy on more isolated territorial units, such as is offered: territorial subject of the Russian Federation, municipal territorial unit. Regional and municipal features of carrying out policy in the field of development and protection of the competition are investigated. Tasks of providing the competitive relations in territories of municipal territorial unit.

KEYWORDS

competition, competition policy, territorial subject of the Russian Federation, municipal territorial unit

Эффективное развитие рыночных отношений в современных условиях зависит от качественного и обоснованного государственного регулирования, проконкурентной логики и действий органов публичной власти и, что не менее важно, от продуктивной реализации государством комплексных мер по защите конкуренции и развитию конкурентной среды на федеральном, региональном и местном уровне.

В последнее время, судя по выступлениям Президента РФ¹, Председателя Правительства РФ², руководства ФАС России³, все большее внимание уделяется вы-

¹<http://kremlin.ru/events/president/news/50352> (дата обращения: 20.01.2016 г.).

²Медведев распорядился утвердить стандарт развития конкуренции в регионах <http://www.rosbalt.ru/business/2015/09/09/1438316.html> (дата обращения: 20.01.2016 г.).

³Новости ФАС России http://fas.gov.ru/fas-news/fas-news_37157.html (дата обращения: 20.01.2016 г.).

равнению условий конкуренции на региональном и муниципальном уровне. Так, во исполнение п. 2 раздела III плана мероприятий («дорожной карты») «Развитие конкуренции и совершенствование антимонопольной политики», распоряжением Правительства РФ от 5 сентября 2015 г. № 1738-р был утвержден стандарт развития конкуренции в субъектах Российской Федерации, положивший начало реализации системных мер по развитию конкуренции и становлению благоприятной конкурентной среды на территориях всех субъектов РФ¹. Целями и задачами стандарта является «повышение уровня доверия населения и бизнеса к власти, установление диалога, разработка и реализация совместных решений, в том числе с целью дальнейшего отказа от присутствия власти в тех или иных формах и переход на здоровые рыночные отношения»². Основной блок стандарта направлен на деятельность региональных органов власти, что связано с исполнением определенных функций, способных оказывать значительное проконкурентное или антиконкурентное влияние на экономику субъекта РФ.

Очевидным является то, что действующая государственная конкурентная политика сегодня наиболее регламентирована на федеральном, общегосударственном уровне. Однако не всегда возможно подходить с единой меркой и универсальным инструментарием к решению проблем развития конкуренции на разных, отличающихся территориях. Так, например защита и развитие конкуренции в г. Санкт-Петербурге с учетом всех его «локальных» особенностей будет отличаться от мер, реализуемых в Ленинградской области. В этой связи возникает необходимость разработки дополнительных механизмов и инструментов, которые могли бы способствовать обеспечению конкуренции на автономных, с точки зрения управления, территориях.

Одним из существенных и естественных факторов развития любой экономики является здоровая, рыночная конкуренция со всеми ее полезными функциями для общества. В Российской Федерации, в силу статьи 8 Конституции РФ³, «гарантируется единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, поддержка конкуренции и свобода экономической деятельности». Указанные принципы, а точнее их взаимосвязь, провозглашают защиту конкуренции залогом соблюдения экономических основ конституционного строя России и возводят ее, тем самым, в один из принципов осуществления экономической деятельности. Вся тяжесть защиты и развития конкуренции напрямую ложится на государство в лице государственных органов власти, именно в их полномочия входит разработка общих, справедливых «правил игры», называемых государственной конкурентной политикой.

В современной экономической литературе исследование целей конкурентной политики, ее структуры и инструментов представлено достаточно широко, о чем говорит многообразие опубликованных работ. В числе основоположников конкурентной (антимонопольной) политики можно выделить следующих зарубежных авторов: Д. Арментано, Д. Шерман, Д. Рабинфельд и др. Вопросам анализа реализации государственной конкурентной политики посвящены труды отечественных авторов: Г. Л. Азова, Н. М. Розановой, А. Ю. Юданова, А. А. Яковлева и др. Значительное внимание к структуре, инструментам политики в области защиты и развития конкуренции уделено в работах Г. Л. Авилова, С. Б. Авдашевой, Н. И. Клейн, И. В. Князевой, Ц. А. Цыганова, А. Е. Шаститко и др.

¹ В 2014–2015 гг. данный стандарт внедрялся в шести пилотных регионах (Республика Татарстан, Хабаровский край, Волгоградская, Нижегородская и Ульяновская области, Санкт-Петербург).

² Стандарт развития конкуренции в субъектах Российской Федерации: мероприятия по развитию конкуренции на региональных рынках <http://ac.gov.ru/files/attachment/4506.pdf> (дата обращения: 20.01.2016 г.).

³ Конституция Российской Федерации // Российская газета, № 237, 25.12.1993.

Однако в работах указанных авторов внимания к реализации государственной конкурентной политики на более конкретных пространственных единицах уделяется достаточно мало, поэтому данное исследование, посвященное экспансии конкурентной политики в правовое, управленческое и экономическое поле субъектов РФ, муниципальных образований, является актуальным.

Под государственной конкурентной политикой нами предлагается понимать «комплекс последовательных мер, осуществляемых государством в целях создания условий для состязательности хозяйствующих субъектов, повышения эффективности и конкурентоспособности российской экономики, модернизации предприятий и создания условий для обеспечения экономически эффективным способом потребностей граждан в товарах и услугах» [3].

Известно, что реализация конкурентной политики на федеральном уровне обеспечивает демонополизацию российской экономики, создание благоприятной институциональной и организационной среды для эффективной защиты и развития конкуренции, предотвращения нарушений, ограничивающих, устраняющих конкуренцию. На сегодняшний день на уровне государства разработана система антимонопольного законодательства, функционирует антимонопольное ведомство — Федеральная антимонопольная служба и ее территориальные органы, приняты программные документы (дорожные карты, стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации), сформирована правовая практика по применению мер антимонопольного регулирования [4].

Сравнительно недавно ФАС России переданы полномочия в сфере тарифного регулирования и оборонного заказа, что позволяет теперь говорить об антимонопольном органе как макроэкономическом регуляторе. Меры отечественной конкурентной политики в преобладающем большинстве разрабатываются и реализуются на федеральном уровне, о чем и свидетельствуют вышеперечисленные институты. Что касается регионального уровня, то здесь разработан вышеупомянутый стандарт развития конкуренции в субъектах РФ; каждый год публикуется черная и белая книга антиконкурентных и проконкурентных практик органов власти; с 1 января 2015 г. деятельность глав субъектов РФ оценивается по новому критерию — содействие развитию конкуренции в субъектах Российской Федерации.

Необходимость разработки дополнительных мер конкурентной политики на региональном уровне можно объяснить наличием в каждом субъекте РФ особенностей территории, ресурсов, ряда сфер деятельности, где решение ключевых вопросов входит в компетенцию региональной власти. На территории каждого субъекта Российской Федерации свои полномочия и деятельность осуществляют законодательные (представительные) и исполнительные органы государственной власти (Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ), в введение которых входит разработка и принятие нормативных актов субъекта РФ и их непосредственное исполнение. Более того, именно в регионах, городах и селах, где люди находятся ближе всего к результатам проводимой государством конкурентной политики, особо ощущается ее эффективность и целесообразность.

Разработанных мер государственной конкурентной политики, по мнению автора, недостаточно, о чем может свидетельствовать количество выявленных нарушений антимонопольного законодательства, состояние конкурентной среды, конкурентоспособность отечественных продуктов и уровень социально-экономического развития субъектов РФ и муниципальных образований. В сложившейся ситуации, на наш взгляд, решение возникающих проблем следует искать в плоскости реализации комплексных мер защиты, развития и адвокатирувания конкуренции в муниципальных образованиях.

Огромная территория России, безусловно, является серьезным конкурентным преимуществом в глобальной экономике, но одновременно и недостатком. Он свя-

зан с проблемами равномерного и качественного развития территорий. Некоторые субъекты РФ имеют территорию большую, чем некоторые европейские государства, а население на такой территории сконцентрировано в нескольких муниципальных образованиях. Экономические трудности, большие расстояния от районного центра, а также холодные климатические условия формируют на территориях некоторых муниципальных образований инфраструктуру, способную полно удовлетворять потребности местного населения в необходимых товарах, работах и услугах.

Муниципальное образование представляет собой достаточно сложную социально-экономическую систему с внутренними и внешними связями, природными ресурсами, органами управления. Рассматривая муниципальное образование как систему, необходимо учитывать тот аспект, что любое муниципальное образование является системой нижнего порядка, является составной частью региона и государства, как систем более высокого порядка, отсюда и возникает целесообразность по созданию благоприятной конкурентной среды на территориях постоянного проживания населения посредством проведения качественной конкурентной политики, учитывающей все «локальные» особенности.

Управление такими образованиями имеет определенную специфику, связанную с тем, что в Российской Федерации наряду с органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ, также имеются органы местного самоуправления, не входящие в систему органов государственной власти. В задачи органов местного самоуправления входит ряд вопросов по прямому или косвенному регулированию экономических отношений на территории муниципального образования. В зависимости от соответствующих стимулов органов власти, характера их деятельности, такое регулирование может привести либо к развитию, либо к стагнации (а в некоторых случаях и регрессу) местной экономики. Органы местного самоуправления распоряжаются муниципальной собственностью, распределяют местный бюджет, создают на своей территории муниципальные предприятия и учреждения, реализуют властные полномочия по отношению к иным собственникам [2].

Особенность реализации конкурентной политики на местном уровне связана с необходимостью органов местного самоуправления самостоятельно осуществлять функции «жизнеобеспечения», делегированные центром. Основным субъектом, на которого может распространяться конкурентная политика, является муниципальное образование во всем его многообразии. А это многообразие подтверждается следующими показателями: на 1 января 2014 г. общее число муниципальных образований в Российской Федерации составило 22 777 единиц. Из них муниципальных районов 1815, городских округов 520, внутригородских территорий (города федерального значения) 257, городских и сельских поселений 1660 и 18 525, соответственно¹. В каждом из них есть предприятия и организации, потребители и предприниматели, способные своей деятельностью воздействовать на муниципальную экономику.

Экспансия государственной конкурентной политики на местный уровень, с целью создания благоприятной конкурентной среды, может повысить эффективность функционирования экономики муниципального образования, как непосредственно отразится и на экономике региона, и на экономике всего государства. Регулирование процессов защиты и развития конкуренции в отдельных территориальных единицах, с учетом разного развития конкуренции и территориальных особенностей, является достаточно действенным инструментом, способным изменить условия осуществления экономической деятельности, отсюда и возникает необходимость в территориальном, точном регулировании процессов защиты и развития конкуренции.

¹База данных показателей муниципальных образований <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 20.01.2016 г.).

Экономическая конкуренция имеет важное общественное, государственное и общечеловеческое значение. Создание и поддержка благоприятной конкурентной среды на всей территории государства позволит создать атмосферу, при которой потребитель сможет приобретать товары (работы, услуги) более высокого качества, по наиболее справедливой цене [1]. Ориентация государственной конкурентной политики на приоритеты социально-экономического развития территории региона требует совершенствования механизма реализации политики в области защиты и развития конкуренции на более обособленных, конкретных территориях.

В этом направлении основными задачами могут являться: создание научного совета по проблемам региональной (муниципальной) конкурентной политики при территориальном антимонопольном органе; адвокатирование защиты и развития конкуренции на территориях муниципальных образований путем организации семинаров, дней приема граждан и предпринимателей в местных администрациях, командировок должностных лиц антимонопольного органа на «места» — в целях непосредственного выявления проблемных вопросов и качественного консультирования; подготовка предложений по изменению и дополнению регионального законодательства, затрагивающего вопросы конкурентной политики; совместное проведение оперативного контроля и анализа состояния конкуренции и конкурентной среды на региональных (муниципальных) социально важных рынках; привлечение к реализации конкурентной политики на местном уровне органов муниципальных образований, разработка ими совместно с антимонопольным ведомством программ развития конкуренции.

Нами предлагается рекомендовать главам муниципальных образований создать условия по внедрению стандарта развития конкуренции на подконтрольных территориях (далее — МСРК), с учетом специфики муниципального образования, мнения делового сообщества и потребителей. МСРК должен представлять собой некую «проекцию» стандарта развития конкуренции в субъекте РФ, в виде документа локального пользования, учитывающего различные аспекты муниципального образования и поставленные субъектами РФ цели в сфере развития конкуренции. Разработка МСРК с привлечением заинтересованных сторон будет содействовать развитию конкуренции на местном уровне.

Необходимо увязать стратегию реализации федеральной и региональной конкурентной политики с муниципальным целеполаганием. Новый подход к развитию конкуренции и благоприятной конкурентной среды на территории муниципального образования, в первую очередь через заинтересованность в таком развитии глав муниципалитетов, повышает актуальность данной задачи. Отрадно заметить, что в некоторых регионах внедрение муниципального стандарта развития конкуренции из теоретической плоскости уже перешло в практическую¹.

Литература

1. *Князева И. В.* Антимонопольная политика в России : учеб. пособие. М. : Омега-Л, 2010.
2. *Кобилев А. Г., Кирнев А. Д., Рудой В. В.* Муниципальное управление и социальное планирование в муниципальном хозяйстве: учеб. пособие / 2-е изд., перераб. и доп. Ростов-на-Дону : Феникс, 2013.
3. *Петров Д. А.* Конкурентное право: теория и практика применения : учеб. для магистров / под общ. ред. В. Ф. Попондопуло. М. : Юрайт, 2013.
4. *Поленов А. В.* Современное антимонопольное регулирование в России // Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. «Государство и бизнес. Современные проблемы экономики». Санкт-Петербург, 22–24 апреля 2015. Т. 3, Ч. 2. С. 57–60.

¹ Внедрение муниципального стандарта развития конкуренции в Яранском районе Кировской области http://www.fas.gov.ru/fas-news/fas-news_37157.html (дата обращения: 20.01.2016 г.).

References

1. Knyazeva I. V. *The antimonopoly policy in Russia* [Antimonopol'naya politika v Rossii]: tutorial. M. : Omega-L, 2010. (rus)
2. Kobilev A. G., Kirnev A. D., Rudoy V. V. *Municipal management and social planning in municipal economy* [Munitsipal'noe upravlenie i sotsial'noe planirovanie v munitsipal'nom khozyaistve]: manual / 2nd edition. Rostov-on-Don : Phoenix, 2013. (rus)
3. Petrov D. A. *Competitive law: theory and practice of application: studies for masters* [Konkurentnoe pravo: teoriya i praktika primeneniya]: under a general edition of V. F. Popondopulo. M. : Yuright, 2013. (rus)
4. Polenov A. V. *Modern antimonopoly regulation in Russia* [Sovremennoe antimonopol'noe regulirovanie v Rossii] // Materials of VIIIth International scientific and practical conference State and Business. Modern Problems of Economy [materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Gosudarstvo i biznes. sovremennye problemy ekonomiki»]. St. Petersburg, on April 22–24, 2015. P. 57–60. (rus)

Механизмы формирования и реализации общественно-политического потенциала российской молодежи: проблемы и интегративные условия

Комарова Марина Сергеевна

Орловский филиал РАНХиГС
Аспирант кафедры политологии и государственной политики
komarova-marina87@mail.ru

РЕФЕРАТ

Сегодня молодое поколение находится в стадии своего становления и освоения новых социально-политических ролей. Трансформации социально-политических практик затрудняют определение молодыми гражданами своих социальной роли и политических позиций, что не может не сказаться на их политическом участии и поведении. Сегодня большинство экспертов приходят к мнению, что молодежь все меньше и меньше направляет свою активность в социально-политическую жизнь российского общества — в политику, в выборы, в местную активность.

При том что молодые люди сегодня в большинстве своем интересуются жизнью общества, они не являются ее активными участниками. Они скорее лишь наблюдатели, которые прекрасно понимают требования, предъявляемые к ним обществом, но не разделяют тех позиций и направлений, которые им сегодня предлагаются. В данной связи перед государством и институтами гражданского общества всегда будут стоять задачи по организации эффективной передачи опыта молодому поколению, оптимальному включению молодежи в социальные и политические процессы, созданию наиболее благоприятных условий для самореализации молодой личности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

молодежь, общественно-политический потенциал, политическая субъектность, политическое участие

Komarova M. S.

Mechanisms of Formation and Realization of Political Potential of the Russian Youth: Problems and Integrative Conditions

Komarova Marina Sergeyevna

Oryol branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Oryol, Russian Federation)
Graduate Student of the Chair of political science and public policy
komarova-marina87@mail.ru

ABSTRACT

Today the younger generation is in a stage of the formation and development of new socio-political roles. Transformations socio-political the practician complicates definition by young citizens of the of a social role and political positions that can't but affect their political participation and behavior. Today most of experts come to opinion that youth send the activity to socio-political life of the Russian society — in policy, in elections, in local activity less and less.

Thus that young people in the majority are interested today in life of society, they aren't its active participants. They more likely only observers who perfectly understand requirements imposed to them by society, but don't share those positions and the directions which are offered them today. In this connection the state and institutes of civil society will be always faced by tasks of the organization of effective transfer of experience to the younger generation, optimum inclusion of youth in social and political processes, creation of optimum conditions for self-realization of the young personality.

KEYWORDS

youth, political potential, political subjectivity, political participation

Молодые граждане выступают основным стратегическим ресурсом нации, главными проводниками прогресса в социально-экономической и научно-технической сферах, а также передовых идей и инноваций глобального мира. Их энергия, творческое воображение и мобильность имеют решающее значение для обеспечения постоянного развития общества.

Интеграция молодого поколения в политическую жизнь страны представляет собой особую форму консолидации ее групповых интересов, выражающихся в осознании собственной роли и места в обществе, а также своего статуса. При этом осознание молодыми гражданами собственной позиции происходит под воздействием сложной системы факторов, в том числе социально-экономических, политических, культурных и т. д.

Среди условий, влияющих на специфику политического участия молодых людей, в качестве объективных выступают: во-первых, непостоянное материальное положение (из-за отсутствия стабильного дохода у учащейся молодежи, низкая заработная плата на начальном этапе трудовой деятельности у работающей доли); во-вторых, неравный доступ к получению высшего образования (в силу платности); в-третьих, отсутствие надлежащего опыта политической деятельности. Субъективные факторы включают: снижение (вплоть до отсутствия) интереса к политике, недоверие к институтам власти, рост индивидуализма, возрастающий уровень потребительской культуры и т. д.

Наравне с перечисленными факторами важно взять во внимание собственное осознание молодыми людьми своей роли в построении гражданского общества, в процессе социально-политических преобразований страны, чувство, связанное с потенциальным и реальным влиянием на данный процесс. Вследствие чего «молодые люди становятся реальными участниками политических событий, что способствует приобретению молодыми людьми новых политических ролей» [6, с. 9].

Уровень практической и психологической вовлеченности граждан в жизнь социума оказывает существенное влияние на определенность и последовательность их идейно-политического выбора. Как отмечает Г.Г. Дилигенский, «чем меньше человек интересуется политикой, тем более аморфны, бессистемны, неустойчивы его политические взгляды. В то же время отчуждение от господствующих в обществе конвенциональных систем ценностей и форм политической жизни может означать психологическую готовность к активной альтернативной, вне- или антисистемной общественной деятельности» [2, с. 117].

Нельзя не отметить, что сегодня в российской политике имеет место утрата общенациональной идеи и трансформация духовных ценностей в атмосфере политической жизни. Вместе с тем снижение роли идеологии напрямую влияет на степень и виды политического участия граждан, в том числе и молодежи. Поэтому сегодня действуют объективные потребности в привлечении мощных идеологических механизмов. Концентрация усилий институтов государства и гражданского общества находит выражение в форме государственной молодежной политики.

В современном российском обществе сформировались две базовые модели гражданских идентичностей в молодежной среде в зависимости от условий жизни: «модель стабильности», отражающая процесс неопределенных идентификаций, и «модель риска», с доминирующей тенденцией деформации правового и патриотического сознания» [1, с. 112–113]. В рамках данных ценностных плоскостей формируется дальнейшая жизненная позиция молодых людей и типы их политической и общественной активности.

Как справедливо отметил П. А. Меркулов, «еще сохраняются ценности советского времени: «должное» по отношению к государству, «вождизм», «равенство», которые имеют свое проявление по причине низкой материальной обеспеченности большинства молодежи и политической нестабильности» [10, с. 437]. Кроме того, молодые люди считают, что «выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью» лучше, чем «жить как все» — об этом заявили 60% респондентов. При этом за последние годы усилилась ориентация молодого поколения на современные ценности индивидуализма, самостоятельности и конкурентоспособности [4]. Наряду с ними в молодежной среде закрепляются основные демократические ценности, такие как права и свободы граждан, но при этом уровень интереса к политике остается в целом не высоким.

Результаты социологического опроса показывают, что выраженный интерес к политике демонстрируют в среднем лишь 10% молодых граждан, около 15% следят за политическими событиями, для остальных молодых людей сфера политики остается неинтересной (табл. 1).

На вопрос «Участвуете ли вы в политической и общественной жизни страны?» всего 30,9% молодых респондентов дали утвердительный ответ. Из лиц, которые отрицали свое участие, 32% заявили: «мне это неинтересно», а 21,3% сослались на то, что «нет возможности и времени» [3, с. 37–38].

Это можно объяснить несколькими объективными фактами: во-первых, большинство молодых людей не знает основ государственного устройства, функциональных обязанностей официальных лиц, занимающих посты в органах государственного управления разных уровней; во-вторых, большая часть молодых граждан не способна самостоятельно анализировать внесение поправок и изменений в законодательные акты российского законодательства и нормы международного права, а также проводить мониторинг новых федеральных и региональных программ; в-третьих, молодые люди могут быть негативно настроены к интересам поколения «отцов» и абсолютно положительно — к нововведениям и инновациям, но вот осознание собственного политического выбора для них представляется весьма сложным.

Трансформации социально-политических практик затрудняет определение молодыми гражданами своих социальной роли и политических позиций, что не может не сказаться на их политическом участии и поведении. Высоким уровнем проявления политического поведения молодых граждан является их интеграция в сферу политических отношений и политическая деятельность. Напротив, проявление политической апатии и нигилизм говорят о полном отстранении от политического процесса, что вполне свойственно большинству молодых граждан.

Для того чтобы принять участие в разрешении множества политических проблем, стоящих на повестке дня, гражданам, особенно это касается молодежи, необходимы достаточный уровень политических и правовых знаний, политической и гражданской культуры. Культура политического участия молодого поколения предполагает формирование соответствующей системы мотиваций, социальных и политических ориентаций, ценностных установок. Тогда молодые люди будут иметь четкую и продуманную программу действий, а значит их политическое участие будет иметь конформное выражение. Здесь важное значение имеет осознание молодыми людьми принадлежности к той или иной социальной группе, разделяющей такие же ценности и идеалы. При слабой политической идентификации молодежи наиболее вероятно проявление протестных форм политической активности.

Сегодня большинству российских граждан не хватает таких важных элементов политической культуры, как гражданская ответственность, инициативность и самоорганизация. Но ведь данные устремления являются важным стимулом в политической активности молодого поколения. Кстати, этот стимул действует лишь тогда,

Распределение вариантов ответов на вопрос: «Интересуетесь ли вы политикой в настоящее время?»

Варианты ответов	Процент опрошенных
Очень интересуюсь	9,9
Слежу за всеми политическими событиями	15,3
Имею общее представление, но детали пропускаю	34,2
Мало слежу	27,7
Не интересуюсь совсем	12,6

когда стремления сопрягаются с реализацией каких-либо общественно значимых интересов как групповых, так и индивидуальных.

Как социально-демографическая группа молодежь не представляет определенной целостности, отличается внутренней социальной, экономической и политической дифференциацией. «Принадлежность к той или иной молодежной страте во многом детерминирует функциональную роль молодых людей в жизнедеятельности общества, что определяет их дальнейшее участие в общественно-политической жизни страны» [8, с. 72]. Несмотря на существенное различие форм проявления политической активности в молодежной среде, целесообразно выделить две основные категории молодых граждан по степени их вовлеченности в политический процесс:

1. Многочисленная группа молодых граждан, демонстрирующих пассивные формы политического участия, обусловленные разочарованием в активной деятельности и абсентеизмом. В большей степени «это объясняется психологической реакцией на гиперполитизацию в период предвыборных кампаний и игнорирование требований молодежи в период между выборами» [5, с. 236]. Протестные виды политической активности среди представителей данной группы практически неприемлемы.
2. Активные участники политического процесса, доля которых в молодежной когорте составляет, по различным данным, от 1% до 6% [7]. Зачастую данная группа характеризуется проявлением неконвенциональных действий, полагая, что они эффективны. При этом вовсе не обязательно, что протестные формы участия приемлемы лишь для антилиберально мыслящих граждан: в протестах могут участвовать и лица, разделяющие демократические ценности. Аполитичность и неконвенциональное поведение скорее являются следствием низкой лояльности и невысокого уровня доверия молодежи к действующим политическим институтам. Таким образом, в сторону радикализма могут смещаться молодые люди, разделяющие как «левые», так и «правые» взгляды.

Еще одна особенность, свойственная представителям этой категории, заключается в их намерении как можно активнее участвовать в политическом процессе: от регулярного голосования на выборах до членства в общественных политических организациях. Очевидно, что молодые граждане убеждены, что их влияние на течение политического процесса возможно лишь при больших усилиях, тем более, что «политическое воспитание современной российской молодежи протекало в период социально-экономического кризиса и политической нестабильности» [9, с. 304].

Обобщая вышесказанное, мы приходим к пониманию, что интегративными условиями для эффективной активизации политического потенциала молодых граждан могут стать:

- готовность молодого поколения заниматься политической и гражданской деятельностью, намерение реализовать свои гражданские права;

- способность политических акторов, институтов гражданского общества преобразовать рассеянные ожидания молодежи в конкретную государственную молодежную политику, где молодежь будет не только объектом, но и активным субъектом разработки целевых программ;
- стремление молодежи и институциональных структур связать особенности развития современного общества с предшествующим накопленным опытом в области формирования общенациональной идеологии.

В заключение отметим, что учитывая лабильность сознания и изменчивость политических ориентаций молодежной когорты, молодых граждан следует политически воспитывать. «Характер трансформационных практик во многом определяет процессы политического воспитания и социализации российской молодежи. Процессы развития политического сознания подрастающего поколения продолжают протекать под влиянием всей политической системы, включая институты и агентов политической социализации» [11, с. 108]. Поэтому система эффективной и целенаправленной реализации общественно-политического потенциала молодежи — это задача органов государственной власти. Институты государства призваны регулировать слабо контролируруемую энергию молодого поколения. Содержание и направленность указанного процесса во многом обуславливают дальнейшее участие молодежи в демократических преобразованиях российского государства, а также реализации собственной жизненной стратегии и достижения личного успеха.

Литература

1. Гришина Е. А. Российская молодежь: проблемы гражданской идентичности. М. : Изд-во Ин-та молодежи «Социум», 1999.
2. Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М., 2005.
3. Дорохова Ю. В., Игнатова Т. В., Проказина Н. В. Молодежь Орловской области в 2015 году. Научное издание. Информационно-социологический бюллетень / под общ. ред. П. А. Меркулова. Орел : Изд-во Орловского филиала РАНХиГС, 2015.
4. Исследование «О молодежи: возрастные границы, ценности, особенности» (2014) // LABS (лаборатория социологических проектов и коммуникаций) [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/TSennosti/11748> (дата обращения: 05.12.2015).
5. Карпенко О. М., Ламанов И. А. Молодежь в современном политическом процессе России: монография. М. : Изд-во СГУ, 2006.
6. Малик Е. Н. Особенности включения молодежи в политическую сферу общества современной России // Образование и общество. 2008. № 4. С. 8–10.
7. Манойло А. В. Противодействие распространению идеологии цветных революций в молодежной среде. [Электронный ресурс] // Мировая политика (электронный журнал). 2015. № 1. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_12667.html (дата обращения: 12.01.2016).
8. Малик Е. Н., Мельников А. В. Становление политической субъектности российской молодежи в условиях современности // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 2 (38). С. 70–75.
9. Меркулов П. А., Елисеев А. Л. Формирование молодежной политики в Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 3. С. 301–305.
10. Меркулов П. А. Исторический опыт разработки и реализации государственной молодежной политики в России (вторая половина XIX в. — начала XX в.): монография. Орел : Изд-во ОФ РАНХиГС. 2014.
11. Мельников А. В. Формирование общественно-политического потенциала российской молодежи в процессе политической социализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 5. С. 105–109.

References

1. Grishina E. A. *Russian youth: problems of civil identity* [Rossiiskaya molodezh': problemy grazhdanskoi identichnosti]. M. : Publishing House of the Institute of the youth «Society» [Izd-vo In-ta molodezhi «Sotsium»], 1999. (rus)

2. Diligensky G. G. *Socio-political psychology* [Sotsial'no-politicheskaya psikhologiya]. M., 2005. (rus)
3. Dorokhova Yu. V., Ignatova T. V., Prokazina N. V. *Youth of the Oryol region in 2015* [Molodezh' Orlovskoi oblasti v 2015 godu]. Scientific publication. The information and sociological bulletin / Under a general edition of P. A. Merkulov. Oryol : Publishing house of the Oryol branch of the RANEPa [Izdatel'stvo Orlovskogo filiala RANKhiGS], 2015. (rus)
4. *Research «About youth: age brackets, values, features» (2014)* [Issledovanie «O molodezhi: vozrastnye granitsy, tsennosti, osobennosti» (2014)] // LABS (laboratory of sociological projects and communications) [LABS (laboratoriya sotsiologicheskikh proektov i kommunikatsii)] [Electronic resource]. URL: <http://fom.ru/TSennosti/11748> (date of the address: 05.12.2015). (rus)
5. Karpenko O. M., Lamanov I. A. *Youth in modern political process of Russia* [Molodezh' v sovremennom politicheskom protsesse Rossii]: monograph. M. : Publishing house of SGU [Izd-vo SGU], 2006. (rus)
6. Malik E. N. *Features of inclusion of youth to the political sphere of society of modern Russia* [Osobennosti vklucheniya molodezhi v politicheskuyu sferu obshchestva sovremennoi Rossii] // Education and society [Obrazovanie i obshchestvo]. 2008. N 4. P. 8–10. (rus)
7. Manoylo A. V. *Counteraction to distribution of ideology of color revolutions among young people* [Protivodeistvie rasprostraneniya ideologii tsvetnykh revolyutsii v molodezhnoi srede] // World politics [Mirovaya politika] (the electronic magazine) [An electronic resource]. 2015. N 1. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_12667.html (date of the address: 12.01.2016). (rus)
8. Malik E. N., Melnikov A. V. *Formation of political subjectivity of the Russian youth in the conditions of the present* [Stanovlenie politicheskoi sub"ektnosti rossiiskoi molodezhi v usloviyakh sovremennosti] // Central Russian Journal of Social Sciences [Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk]. 2015. N 2 (38). P. 70–75. (rus)
9. Merkulov P. A., Eliseyev A. L. *Formation of youth policy in the Russian Federation* [Formirovanie molodezhnoi politiki v Rossiiskoi Federatsii] // Central Russian Journal of Social Sciences [Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk]. 2014. N 3. P. 301–305. (rus)
10. Merkulov P. A. *Historical experience of development and realization of the state youth policy in Russia: (the second half of the 19th century – the beginning of the 20th century)* [Istoricheskii opyt razrabotki i realizatsii gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Rossii: (vtoraya polovina XIX v. — nachala XX v.)]: monograph. Oryol : Publishing house of the Oryol branch of the RANEPa [Izdatel'stvo OF RANKhiGS]. 2014. (rus)
11. Melnikov A. V. *Formation of social and political potential of the Russian youth in the course of political socialization* [Formirovanie obshchestvenno-politicheskogo potentsiala rossiiskoi molodezhi v protsesse politicheskoi sotsializatsii] // Central Russian Journal of Social Sciences [Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk]. 2015. N 5. P. 105–109. (rus)

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем Вам разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в различных отраслях государственного управления, ученым и преподавателям.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

23.00.00. Политология;

07.00.00. Исторические науки и археология;

08.00.00. Экономические науки.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory” (<http://ulrichsweb.serialssolutions.com/login>). Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>)

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией

В соответствии с рекомендациями ВАК, редакцией устанавливаются требования к содержанию и оформлению публикуемых в нем статей.

Для публикации в журнале Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ «Управленческое консультирование» принимаются оригинальные научные материалы, соответствующие основной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления, экономики, общества и реформ.

Требования к направляемым в редакцию материалам

1. Автор представляет в редакцию:
 - ◆ распечатанный экземпляр статьи, подписанный автором, а также электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному; в конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником, материал не содержит сведений ограниченного распространения»
 - ◆ две рецензии — внешнюю и внутреннюю, заверенные печатью.
2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору направляется аргументированный отказ или рекомендации по доработке.

3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается.

Требования к оформлению материалов

1. Каждая статья должна быть сопровождается:
 - ◆ сведениями об авторах (на **русском и английском языках**), которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
 - ◆ **кратким рефератом на русском и английском языках**, раскрывающим основное содержание статьи (≈ 200–300 слов);
 - ◆ **ключевыми словами на русском и английском языках**.
2. Технические требования к материалу:
 - поля — 2,5 см везде;
 - ◆ номера страниц — в низу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
 - ◆ шрифт — Times New Roman;
 - ◆ аннотации, ключевые слова — 12 кегль, межстрочный интервал — 1;
 - ◆ основной текст — 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5;
 - ◆ ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы **в алфавитном порядке**), 12 кегль, межстрочный интервал — 1. **Ссылки на электронные ресурсы, правовые и законодательные акты, архивные материалы и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!**
3. Порядок расположения материалов:
 - ◆ инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе(-ах);
 - ◆ название статьи (на русском и английском языках). Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
 - ◆ краткий реферат на русском языке;
 - ◆ краткий реферат на английском языке (идентичный реферату на русском языке);
 - ◆ ключевые слова на русском языке;
 - ◆ ключевые слова на английском языке;
 - ◆ основной текст статьи.
4. Требования к оформлению:
 - ◆ абзацный отступ — 1,25 см (меню «Формат» → «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
 - ◆ расстановка переносов не применяется;
 - ◆ все примечания, в том числе сведения об авторе, оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста в низ полосы документа;
 - ◆ все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
 - ◆ выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным шрифтом, не допускаются);
 - ◆ нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;

- ◆ маркированный список пунктов оформляется только с помощью тире.
5. Оформление ссылок (**ВАЖНО!!!**):
- ◆ ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
 - ◆ краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка дается на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска, физическая характеристика (полный объем издания либо конкретные страницы). Области библиографического описания разделяются точкой;
 - ◆ для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер источника и диапазон страниц, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком «точка с запятой»;
 - ◆ список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.
- Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *.tiff или *.jpg.

Примеры оформления материалов

1. Сведения об авторе

Иванов Иван Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой

Доктор философских наук, профессор.

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки

В тексте:

«А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире : политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках

◆ *Монографии:*

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

◆ *Статьи в научных сборниках:*

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

◆ *Публикации в многотомных изданиях:*

Ирвинг В. Собр. соч. В 5 т. : пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

- ◆ *Статьи в научных журналах:*
 1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба: Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.
 2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.
- ◆ *Статьи в газетах:*

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.
- ◆ *Правовые акты:*

О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.
- ◆ *Архивные документы* (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.
- ◆ *Электронные ресурсы оформляются следующим образом:*
 1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: Сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2013).
 2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2012).

Ссылки на таблицы и рисунки приводятся внутри текста: (табл. 2, рис. 1). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

2016. № 5(89)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. В. АНТОНОВА

Сдано в набор 05.05.2016.
Подписано к печати 15.05.2016.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 19,03. Тираж 650 экз.
Заказ № 5/16.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Аннотации статей и перевод
на английский язык В. В. ПОЛЯХ

Корректор Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России» 82909, по каталогу
Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97